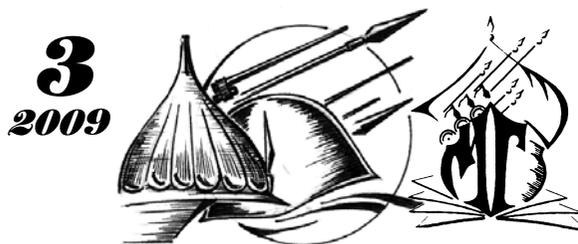

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

ПРОЗА

Валентин МАХОНИН. **Пасынки времени.** Роман 15
Владимир ПРОНСКИЙ. **Свобода прежде всего.** Повесть 184

ПОЭЗИЯ

Татьяна БАШКИРОВА. **Зажигая снега.** Стихи 83
Людмила ТУРОВСКАЯ. **Признание славянки.** Стихи 86
Галина ЦЕЛИЩЕВА. **Цветы Азии.** Стихи 91
Виктор СМИРНОВ. **Зимняя гроза.** Стихи 180
Андрей ШЕНДАКОВ. **Свет окраины.** Стихи 182

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий САМАРИН. **В тупике либерального фашизма** 3
Александр ПАНАРИН. **Новый расизм –
идеология XXI века** 94
Валерий ЧАРУШНИКОВ. **Москва – III Рим. Взгляд из
современности** 101
Геннадий ШИМАНОВ. **О советском социализме** 111
Михаил АНТОНОВ. **Россия XXI века: путь к мировому
лидерству.** Продолжение 137
Олег ПЛАТОНОВ. **Русское сопротивление грядущему
антихристу.** Продолжение 171

Дмитрий ТАБАЧНИК. У роковой черты: Украина после Цхинвала	210
Ольга ОШЕРОВА. Американские уроки	217
Илья ХАСЬКОВИЧ. Конец «новой экономики»	225

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Тамара ГОЛОВКИНА. Безумие расплзается	234
---	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Марат КАЛАНДАРОВ. Виза в пучину. Продолжение	239
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

Владимир ЮДИН. Петр Краснов – генерал и писатель	273
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского	285
---	-----

Анатолий САМАРИН,
кандидат философских наук

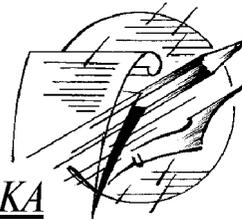
В ТУПИКЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ФАШИЗМА

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

А. Твардовский

Абсолютно паразитические группы и кланы, криминальным образом овладевшие собственностью в России, без тени смущения представляют себя ревнителями прогресса. Мы слышим именно от них, что «богатые нравственнее бедных хотя бы потому, что они могут позволить себе больше», что их «богатство — отметина Бога... Раз ты богат, значит, Бог к тебе благоволит, если, конечно, ты не украл, а заработал» (П.Авен). Зная, как «зарабатывали» олигархи, уже давно можно увидеть в их богатстве отметину совсем иного рода. Сам Авен «накопил» свой первый миллиард не слишком непосильными трудами, поработав очень недолго министром в ельцинском правительстве.

«Заставлять избранных делиться с обществом в пользу социального балласта — с этой точки зрения абсолютно неприемлемо, более того, граничит с открытым вызовом Высшему Промыслу», — рассуждают наши последователи протестантской этики. По их мнению, даже благодетелен мор «отработанного материала». О последнем вслух говорят редко, но действуют именно в этом ключе. Уже в начале реформ несколько самых радикальных реформаторов публично провозгласили тезис о пользе вымирания

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вчераших сограждан. Например, А. Чубайс, будучи еще руководителем Госкомимущества РФ, говорил о том, что вымирание пятнадцати-двадцати миллионов, «не вписавшихся в рынок», даже полезно. Соратники этого вдохновителя гибели миллионов позднее увеличили цифру «не вписавшихся» в несколько раз, надежно обеспечивая прогресс «кривой смертности».

В России к приведенной выше протестантско-мальтузианской аргументации «против лишних ртов» присоединяется русофобия, которая стала базисом профашистского «неолиберализма». Вымирание русских есть результат социальной практики либералов и полностью соответствует их «социально-расовой» русофобской доктрине.

В свете происходящего риски сегодняшнего дня для нашего Отечества намного возросли по сравнению с 1941 годом, ибо соотношение сил между Россией и ее глобальными конкурентами изменилось не в нашу пользу. Гибель СССР доказала, что для поражения противника, имеющего ядерное оружие, бывает достаточно сочетания военно-экономического прессинга, информационно-психологической войны и пятой колонны на командных высотах государства-противника. А события, развернувшиеся в дальнейшем на постсоветском пространстве, поистине превзошли самую мрачную фантазию. Разорение России, ее демодернизация, деиндустриализация и деградация экономики многократно превысили ущерб от гитлеровского вторжения. Мы перестали существовать как крупная промышленная держава, импортируем теперь не только разнообразную технику из прежде самых отсталых стран Востока, но даже кирпичи, гвозди, провода, произведенные из наших руд, и мебель с бумагой — из наших лесоматериалов. Жалкие остатки высокотехнологичных отраслей добиваются коррумпированной бюрократией в интересах наших стратегических конкурентов. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о развале оборонно-промышленного комплекса (а с ним и «Роскосмоса»), которые происходили на фоне безумной практики тотального «разоружения», после чего от национальной безопасности осталась лишь видимость. Наконец, после кончины основных секторов АПК наше Отечество утратило продовольственную безопасность, «подсев на иглу» массового импорта продовольствия.

Россия, разгромив свою экономику и оборону, полудобровольно стала сырьевым придатком развитых государств: об этом, как о своем достижении, говорил американский президент Б. Клинтон. Ни в какой другой стране ее элита, свершившая подобные подвиги против народа собственной страны, не смогла бы сохранять свой высокий статус столь продолжительное вре-

мя. Несколько утешает то обстоятельство, что все же не было в истории и случая, чтобы после разгрома собственной страны его виновники не оказались в конечном счете устранены со сцены.

Еще худшие беды обрушились на человеческий потенциал страны, случилась прямая физическая убыль нескольких поколений — фактическая гибель лишь в одной РФ за период «реформ» 18—28 миллионов наших граждан. Как показывают новейшие исследования, цифра потерь России от реформ — 12 миллионов человек, признанная властями, оказалось слишком заниженной. Счёта же нашим землякам, вынужденным преждевременно расстаться с жизнью на просторах СНГ, не ведет никто. А если к этому добавить духовно-нравственный и культурный провал, который выявляется, в частности, в рекордном росте преступности (2-е место в мире), в молодежных самоубийствах (1-е место в мире) и в распространении еще недавно забытых социальных заболеваний, а также новообретенной масштабной наркомании в юношеской среде, то возникает картина глубочайшей катастрофы. Ее суммарные масштабы уже соизмеримы с последствиями самой тяжелой войны в нашей истории, далеко превосходя их тяжкими нравственными потерями, степенью человеческой деградации, надломом духа.

Кроме того, усилиями убогих преобразователей наше общество загнано в стратегический тупик: оно живет два десятилетия, проедаая достояние предков, которое уже близко к исчерпанию. Вряд ли это вызвано ошибками или интеллектуальной немощью реформистов — огромные потери говорят о том, что наша страна стала основной мишенью глобальных стратегов. Нанесенный «реформами» ущерб не был и плодом исторической стихии. Ослабление державы определенно программируется и умело выстраивается зарубежными дирижерами в необходимую им линию, которая предполагает в финале летальный исход как для нашей государственности, так и для нас. Внутренние «лоббисты» опаснейшей глобалистской атаки на Россию лишь умело подыгрывают своим покровителям.

Будучи уже двадцать лет ареной политико-идеологической и социально-экономической экспансии внешних сил, страна не только утратила былую мощь и сплоченность, но в лице своих «элит» потеряла коллективный смысл собственного исторического бытия, лишилась способности к самостоятельному проектированию будущего. Из исторического субъекта Россия превратилась в объект «освоения», слабо прикрытого дележа нашего общенационального достояния. Но и это — не предел исторического падения. Похоже, что блок тех же сил, которые разрушили СССР, готовится к обрушению остатка российской го-

сударственности. Их намерения отчетливо выразил влиятельный американский политолог Ф. Эрмарт: «Честный российский либерал, отчаявшийся «вывести Россию из тьмы», не может не желать разгрома России Западом». Отсюда и возникают движения якобы «несогласных»: «Другая Россия», «Самооборона» и прочие компоненты «оранжевого проекта». Кроме того, речь идет о небывалом коррупционном давлении извне на высшую бюрократию, «взяткоемкость» которой и ранее была высока. Торговля Родиной за последние двадцать лет превратилась для нее в самый обычный и наиболее доходный вид бизнеса. Вот почему риск в отношении исчезновения остатков нашей державы в одночасье и без видимых внешних причин нарастает. И потребуются, вероятно, гигантские усилия соотечественников, чтобы парализовать антигосударственную активность «честных либералов» и остановить запущенный извне пагубный сценарий.

Особенность нынешнего времени состоит в том, что духовно-культурный разлом проходит теперь не по государственным границам, не по традиционным рубежам цивилизаций, а определяется внутренней структурой общества. В нашем обществе нарастает острый антагонизм между узким слоем компрадоров, которые растаскивают ранее созданное достояние страны вместе с ее природными ресурсами, и противостоящим этой группировке национальным капиталом, а также управленцами государственной экономики, учеными, частью административного аппарата. Заинтересованные в развитии реального производства, в индустриализации, в развитии высоких технологий, наконец в спасении ВПК — они пользуются немалой моральной поддержкой масс. По сути, это — конфликт между расхитителями нашего исторического наследия, проводниками иностранных интересов, с одной стороны, и организаторами, созидателями производства и культуры, защитниками Отечества — с другой. Подобное разделение отражает глобальное противостояние сил, которые стремятся к монопольному силовому контролю над всеми земными ресурсами в интересах ничтожного меньшинства, и солидарными сообществами с коллективистскими традициями.

Поляризация этих сил дает о себе знать в последние полтора десятилетия в ходе обостряющейся борьбы за перераспределение мировых ресурсов. Глобалистов не устраивает ни разнообразие цивилизаций и культур, ни численность их населения. Порывая с традициями гуманизма, они негласно вернулись к мальтузианству, проявляя готовность списать огромное большинство землян с корабля истории. На фоне их нынешних ус-

тановок — обеспечить жизнь лишь для «золотого миллиарда», очистив планету от прочего населения, истребительные программы нацизма, известные из прошлого, выглядят лишь *приготовительным классом*.

Особое место России в этой схватке и высокая степень геополитических рисков для нее связаны с тем, что масштабные природные ресурсы страны на фоне ее слабеющей государственной мощи уже привлекают многих. И у нас не остается другого выбора, кроме коллективной самозащиты (в том числе вместе с теми, кто будет солидарен с нами). На полную капитуляцию «авансом» (вплоть до окончательной сдачи государственного суверенитета) готова лишь незначительная по численности и крайне непопулярная своей антипатриотичностью компрадорская группировка. Кроме того, у нашей страны есть разработанные ранее духовные и социально-организационные инструменты, которые позволяют защитить свои национальные интересы, и вместе с тем предложить перспективу выхода из кризиса для других народов, подобно тому, как это делал СССР.

Но и человечество выживет на Земле лишь придя к солидарности, а не через угнетение и грабеж. Выживет не на пути ассимиляции народов и их разделения на две расы — кочевников-господ и привязанного к шахтам и дымным фабрикам пролетариата, а через интеграцию и сотрудничество цивилизаций и культур. И как раз в этом отношении у России есть драгоценный социальный и духовный опыт, неведомый многим. Так, бескорыстная помощь, оказанная Советским Союзом (а ранее — Россией) многим народам, была результатом не только идеологии или политической конъюнктуры, но, прежде всего — плодом стойких ценностных установок, которые были свойственны нашей цивилизации. Даже во времена империи не был уничтожен ни один из народов, к которым в России обращались как к равносильным. Такой подход — особенно в советский период — резко контрастировал с практикой западного колониализма и вынуждал его шаг за шагом к отступлению или смягчению своей жестокой социальной, зачастую расистской политики.

В преамбуле Устава ЮНЕСКО, принятого в 1945 г., сформулирована глубокая и напрасно позабытая идея, которая отражала дух победоносного сплочения сил в антигитлеровской коалиции: «Мир, основанный исключительно на политической и экономической организации правительств, не будет миром, который мог бы обеспечить единодушную, длительную и искреннюю поддержку людей мира... Мир должен, следовательно, основываться, если мы не хотим потерпеть неудачу, на ин-

теллектуальной и моральной солидарности человечества». Но проблема в том, что наиболее развитые страны Запада к такой солидарности оказались совсем не готовы. Еще менее они готовы к материальным жертвам в пользу человеческого единства.

Очевидно, что отрицание человеческой солидарности отражает планетарную тенденцию, которая связана с деятельностью глобалистов и эволюцией «либеральной демократии» в профашистском направлении. В России же потеря сплоченности, атомизация общества лишь сильнее бросаются в глаза на фоне нашего недавнего коллективистского прошлого, а также цивилизационного своеобразия страны с солидарностью как базовым принципом.

Упразднение универсальных этических ценностей заключает в себе подлинную основу либеральной идеи. Один из идеологов неолиберализма Ф.Хайек в своей книге «Дорога к рабству» особо выделил мысль: «Всеобщая этика есть тоталитаризм (рабство)». Там же он сформулировал и высшее «моральное кредо либерализма»: для нормальной работы рыночной экономики «люди должны изжить некоторые естественные инстинкты, прежде всего, инстинкт сострадания и солидарности». Сегодняшняя жизнь России складывается под знаком именно этого «расставания с человечностью» (отказа от естественной склонности к состраданию).

Согласен с этим положением и другой классик неолиберализма Р.Рорти, который в книге «Случайность, ирония и солидарность» признает, что солидарность противостоит задачам личностной самореализации, мешает личностному росту. Он считает, что наша «гуманность» в лучшем случае может быть сосредоточена внутри своей группы и не может распространяться не только на все человечество, но даже на противостоящую нам группу.

Ученые же иных направлений в России и за её пределами (О.Конт, П.Кропоткин, П.Сорокин, К.Кесслер, С.Франк, С.Левитский и др.) однозначно определили, что солидарность является глубинной человеческой потребностью, без удовлетворения которой немислимо полноценное существование людей. Солидарность необходима не только для сохранения общества, но и для раскрытия творческого потенциала каждой личности. С утратой этого качества возникает «патогенное», дегуманизованное состояние духа, ведущее к гибели как отдельной личности, так и общества. Способность к сочувствию глубоко гнездится в человеческой природе, еще в доисторические времена она стала предпосылкой для возникновения совместного «помогающего поведения». Даже у шимпанзе способность к заботе о ближнем является существенной чертой, свойственной виду. Протестантская же этика, отбросив или подавив инстинкт вза-

имопомощи», сделала громадный шаг назад к более ранним стадиям не только цивилизации, но и биологической эволюции, редуцируя культуру едва ли не к уровню рептилий.

Солидарность в западном капиталистическом обществе складывается только на основе разделения труда как компенсация односторонности, отчужденности существования трудящихся в мире, где господствует частная собственность. Солидарность есть форма совместного восстановления утраченной человеческой целостности. Только преодоление отчуждения труда, изживание эксплуатации может открыть дорогу для проявлений солидарности поверх любых статусных или классовых барьеров. На локальном уровне группы подвижников и героев могли проявлять чудеса прочного сплочения во имя своих идеалов едва ли не во все времена, что, однако, не было типичным для массового и даже элитарного поведения, исключая редкие периоды общенационального подъема или сопротивления. Правда, даже самое солидарное общество не исключает состязательности, хотя и держит ее под контролем. Аналогичным образом, во избежание цепных реакций конкурентной борьбы на социальном поле, которые могут выливаться в гражданские конфликты, острота этой борьбы частично сдерживается ее законодательной регламентацией, перераспределением общественного продукта по каналам «собеса» и т.д.

Но это происходит далеко не всегда и не везде. Так, современная практика показывает, что отношение элит к идее солидарности носит конъюнктурный характер. Пролагая себе дорогу к власти, многие из восходящих групп или классов стремятся опереться на общесоциальную или национальную солидарность, однако, заняв командные высоты, они часто порывают с ней, переходя на позиции группового или корпоративного эгоизма. Например, польский социализм был с энтузиазмом обрушен под флагом профорганизации даже именованной себя «Солидарность», которая родилась из протеста против увольнений рабочих в Гданьске. Однако, провозглашенные «Солидарностью» идеалы были тотчас после смены режима преданы забвению, а состоявшиеся вскоре увольнения рабочих на тех же самых гданьских судостроительных верфях были как никогда массовыми. Ни профсоюзы, ни рабочая аристократия, ни тем более элиты уже не выразили им никакой поддержки. Рабочий класс вместе со своим профсоюзом после развала социализма оказался лишним на празднике жизни новых польских буржуа.

Будущая более высокая степень сплоченности, которая бы совместила автономию индивидуальной и групповой жизни с единством социума, предполагает общественную организацию

на иных принципах, нежели сегодня. Ее весомые элементы ранее уже появлялись в отечественной истории в формах общности, соборности, коллективности. Искоренить их полностью можно только вместе с народом и созданной им тысячелетней цивилизацией (что не столь просто, как кажется жаждущим этого). И раньше или позже эти коллективистские архетипы оживут в нашей жизни в полной мере.

Необходимо учесть, что восстание компрадорской части советской номенклатуры против «Солидарности» на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века, которое использовало в демагогических целях «демократическую» риторику, в действительности протекало под полным контролем западных неолибералов, реализуя их цели. И оно отличалось, вопреки указанной риторике, воинствующим антидемократизмом. От плутократии, которая выдает себя за демократию, до тирании — прямая дорога.

На крайнюю степень своего отчуждения от сограждан указывают без смущения и сами «преобразователи». Так, один из ближайших подручных господ М.Ходорковского и А.Чубайса, советник правительства Гайдара, сотрудник Международного центра Вильсона в Вашингтоне, «главный идеолог» СПС Л.Гозман недавно заявил: «Либеральные реформы проклинаят 90% населения. Не важно. Зато мы в них верим». Оправдывая насилие над этими 90%, идеолог либерализма фактически расписывается в отказе от демократии и гуманизма одновременно.

Свидетельства такого отказа поступают и «с того берега», свидетельствуя о том, как «глобализаторы» конструировали машину нашего уничтожения и как пестовали активных мастеров «депопуляции». Так, по поводу социальных тенденций глобализованного общества высказался с редкой прямоотой один из его творцов Ж.Аттали, президент Европейского банка реконструкции: «В грядущем новом мировом порядке будут и побежденные, и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной».

Подобное же видение конкретизировал на примере России другой крупный западный общественный деятель Л.Ларуш — известный американский экономист и общественно-политический деятель (в прошлом — кандидат в президенты США): «...*После объединения Германии и падения СССР М.Тэтчер, Ф.Миттеран и Дж. Буш-старший фактически навязали миру идею новой Римской империи — всемирного англоязычного государ-*

ства, управляемого из лондонского и нью-йоркского Сити. Поскольку в мире больше не было реального противодействия глобализации, МВФ и Всемирный банк уже не стеснялись открыто проявлять свою фашистскую сущность. Они начали проводить в мире политику геноцида, хладнокровно истреблять население разных стран. Именно эта политика геноцида проводится сейчас и в России. Население уничтожается намеренно. Люди, строящие новую Римскую империю — очередную утопию, — разрушают экономику суверенных государств и убивают, «сокращают», население. Ключевые организации типа МВФ, задействованные в глобализационном процессе, контролируются правительствами Англии, США, Канады, Австралии. Они совершают массовые убийства.

Я не критикую их — я их обвиняю! Эти люди — преступники. Политика МВФ и Всемирного банка так же преступна, как политика нацистов, она ведет к гибели населения... Проблема России в том, что в последние годы правления Горбачева она превратилась в колонию, и ее политику теперь определяют иностранные державы. Очень многие ваши новоиспеченные либералы были самым тривиальным образом подкуплены американским правительством. В основном через такую структуру, как Международный республиканский институт. Это было своеобразное иностранное вторжение, формирование своей агентуры».

Почти о том же говорит лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц. Он оценивает всю историю современных российских реформ как непрерывную драму русского народа. По его словам, «опустошение, в смысле потерь внутреннего брутто-продукта, превзошло те потери, которые Россия имела во Второй мировой войне». Наконец, «к настоящему времени в России создана система капитализма для избранных, мафиозный капитализм, эрзац-капитализм. По уровню социального неравенства сегодняшняя Россия сравнима с самыми худшими в мире латиноамериканскими обществами, унаследовавшими полупеодальную систему. Россия получила самый худший из всех возможных миров».

Известный американский эксперт по нашей стране С. Коэн утверждал: «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения... Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе — буквальная демодернизация живущей в XX веке страны». И ныне страна стоит буквально в шаге от полного краха.

Пять нобелевских лауреатов по экономике — К. Эрроу, Л. Клейн, В. Леонтьев, Р. Солоу и Д. Тобин — направили Б. Ель-

цину вразумляющее послание, в котором пытались объяснить ему абсурдность и вредность его экономической политики, предостерегли его от тесных контактов с МВФ и Всемирным банком, но ни президент, ни правительство даже не удостоили ученических ответом.

В последние годы нет никакой речи об исцелении российской экономики, поскольку радикальных изменений курса не наблюдается. Напротив, констатируется, что вместо здравого переосмысления всего случившегося России обещана «еще более радикальная» приватизационная хирургия, хотя в последнем случае были бы предпочтительнее не скальпель, а консультации психиатра.

Крах солидарности вместе с последующей социально-экономической деградацией был обусловлен прорывом неолиберальной идеи на просторы Восточной Европы и СССР и внедрением ее «элитами» в качестве единственно верного учения в экономику, в социальную практику и даже в духовно-культурную жизнь. Она была продавлена политически извне при активном участии внутренних «агентов реформ», как удачно называют их сами западные покровители. Суть программы — в утверждении безжалостной конкуренции против любой взаимопомощи, в том числе — в прекращении государственной социальной поддержки, наконец, в «открытии дверей» для ТНК, устремившихся к отечественному рынку и особенно — к нашим ресурсам. Вопрос о неминуемых жертвах кроме самих пострадавших никого уже не волнует.

Очевидно, что в России существует жесткий выбор между солидаристским порядком, гарантирующим жизнеобеспечение народа, и системой, влекущей массовую гибель людей. Без преодоления стратегии, нацеленной лишь на частный интерес, без ограничения индивидуального, группового и корпоративного эгоизма путь к солидарности невозможен.

В этой связи весьма выразительный (и во многом оправданный) образ должного для нашего Отечества состояния представил А.Б. Зубов: «Гражданское общество всегда есть результат общественной солидарности, а не суммы голых частных эгоизмов и интересов. Солидарность же всегда предполагает жертву, в пределе — жертву собой для общего блага. Человек готов ограничить свои права на собственность, свои права на полную свободу, свои права на собственную жизнь для блага того сообщества, частью которого он себя считает. Без солидарности немислимо было бы ни защищать отечество, ни следовать демократическим процедурам, ни гарантировать права слабых и бедных. В человеческой совокупности, где каждый за себя и только за себя, исчезает и политическое общество, и государство, и

семья — воцаряется или анархия или тираническая деспотия. Но если мы думаем о возрождении русского общества, именно общества, а не империи, которой пришел конец, то мы должны ясно сознавать, что общество создается не сверху, а снизу, — оно складывается, ткется свободной солидарностью».

Акцент на самоорганизацию снизу представляется особенно перспективным в плане воссоздания солидарного общества. Восстановление социальных ценностей, санация элит от агентов глобализма, воссоздание государственного сектора в экономике и развертывание крупных общенациональных высокотехнологичных проектов, сопряженных с подъемом науки и образования, развитием реального производства, также отвечают задачам возрождения Родины. Ведь не столь давно идеолог «рах амерісана» Збигнев Бжезинский с предельной ясностью озвучил перспективу, согласно которой «в XXI веке Америка будет развиваться против России, за счет России и на обломках России». И пока дело не дошло окончательно до появления этих «обломков» — самое время остановить любой ценой неолиберальную коррозию социального и национально-государственного единства. В условиях сохранения и укрепления мощи международных конкурентов страны неолиберальная программа ослабления «своего» государства оказывается неизбежной дорогой к его фактической колонизации. Речь идет сегодня о том, быть или не быть российской цивилизации.

Наш еще имеющийся ныне шанс — только в созидательном сплочении, в его поступательном восстановлении в правах. «Любовью и единством — победим» — так выразил некогда нашу извечную, но сегодня особо насущную задачу Сергей Радонежский. Либо мы вернемся на этот путь, либо исчезнем как народ и государство в кратчайший исторический миг.

Итак, в наши дни нет более важной и вместе с тем более трудной задачи, чем гуманизация отечественной действительности, решить которую немислимо вне укрепления отношений солидарности. Надо вырваться из того исторического капкана, в который мы угодили. И, разумеется, сделать это можно только коллективными усилиями. Совместные действия станут возможными, если каждый участник этот процесс начнет с духовного самоопределения, простым щелчком выключателя избавится от «идолов телеэкрана», дискредитирующих все разумное, доброе, вечное, несущих растление, нравственную смерть и вирусы одичания.

Российская цивилизация обладает стойкой духовной солидаристской традицией, которая коренится в первую очередь в русском Православии и во вторую очередь — в советском социализме, также оставившем мощный исторический след не только национального, но и мирового значения. Искоренить этот след

не смогли даже самые радикальные «преобразователи». Ко всему прочему, для нас сегодня выбор солидарного типа развития — единственный путь уцелеть и укрепиться перед лицом надвигающейся мировой бури.

Опора на великие ценности и традиции, на подлинные завоевания отечественной культуры с ее духом «всечеловечного братства» укрепит наш здравый разум и не позволит принимать уничтожающий человечность культ золотого тельца, с которым носятся растлители, уже отравившие многие души. Первостепенная задача — не позволить ближнему погибнуть ни физически, ни морально, даже если его и вас списала из жизни вся мировая «элита». Выйдя из раковины обособленного существования и протянув руку помощи другому, мы спасаем в действительности не только его, но и самих себя. Даже известный, по сути антилиберальный принцип: «Живи сам и давай жить другим», — на сегодня уже недостаточен своей нейтральной безразличностью к этим «другим». Взаимопомощь в быту составляет лишь первый шаг в правильном направлении. Важно восстановить коммуникацию между людьми, которая всегда была нашей отличительной особенностью. Мы будем не одиноки в своих испытаниях и в своем сочувствии страждущим, если примем девиз: ищите и находите единомышленников! Для этого хороши все формы ассоциации, основанные на социальных, созидательных ценностях. Воссоздав разорванные связи и соединившись с единомышленниками в клубы, общины, мы окажемся непобедимы. Солидарность — это, поистине, тот могучий рычаг, с помощью которого возможно укрепить пошатнувшийся фундамент нашей жизни. Только с возвращением идеи общего блага, обретением коллективных целей и смыслов, возобновлением строительного духа, так свойственного прежде нашей цивилизации, открывается путь к ее грядущему подъему.

Пусть вдохновляет нас в смутные времена суровый оптимизм русской философии, ее «принцип надежды», который ясно звучит в кредо, сформулированном И.Ильиным: «Мукою четырнадцати поколений научились мы духовно отстаиваться и в беде, и в смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастье собирать силы; умудряться неудачно и творчески расти от поражения; жить в крайней скудости, незримо богатая духом; не иссякать в истощении, но возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить жизнь до расцвета».

ПАСЫНКИ ВРЕМЕНИ

РОМАН

ПРИБЕЖИЩЕ

Некогда, так давно, что уже не осталось тому очевидцев, монастырь на взгорке, у истока речушки в подмосковном тихом лесу призывным перезвоном колоколов оглашал всю округу, и в ответ из окрестных селений и даже из самой первопрестольной сходились и съезжались сюда богомольцы. Храм, бог весть, в какой век возведенный, стоял над последним покоем святого угодника, и просьбы к нему возвращались исцелением немощей и утешением в бедах.

Нагрянули годы, к вере ожесточенные, лихие молодцы братию разогнали, богомольцев угрозами и насмешками распугали, церковную утварь частью растащили, частью порушили, колокола сбросили и увезли, вход в храм завалили всяким хламом, а прочие строения вознамерились приспособить под хозяйственные нужды коммуны. В длинном низеньком здании, где вдоль узкого коридора прижимались одна к другой маленькие кельи, затеяли учредить коровник, а в ските, прижавшемся к земле в дальнем углу монастырского двора, — вовсе свинарник. Однако большого молока от коровок не дождалось, а хрюшки раз за разом приносили все более хилый приплод. Зачахла коммуна. На смену ей в бывшем

ПРОЗА

монастыре водворился колхоз. Не заладилось и у него: старые сады, братией разведенные, и нивы, ею возделанные, хоть какие-то урожаи давали, но в самом монастыре никакие дела не шли. Вслух не говорили, а про себя подумали и догадались, что отторгает он вот такие мирские хлопоты, на иные устремления ставились эти стены. Обезлюдело и замолкло святое место, еще раньше лишенное голоса. Правда, военное лихолетье дважды тут прогрохотало, ограду обрушило, скит раздавило, кельи покромсало и на храме оставило ссадины. Он-то выстоял, только росписи на стенах потрескались, помутнели, и под сводами ветер в ненастье протяжно посвистывал.

На заре нового века смягчились годы, — к вере смягчились, встрепенулась непогасшая память, и день за днем ожил былой монастырь. Новая братия, малая по числу, населила пока что всего-то две кое-как прибранные кельи: остальные совсем были обрушены, и не скоро стало бы сил их поднять. Но в храме сразу же занялись молитвы, песнопения поднялись в его своды. И пока что не в звоннице, а у паперти был укреплен на дубовых опорах одинокий колокол, подаренный другой, уцелевшей обителью. Голос у него был не пронзительно звонкий и не басистый, но широко расплывался, как бы теплой ладошкой касаясь груди, а у кого-то — и сердца.

И вскоре вереницами потекли сюда потомки давних тех богомольцев. Иные, чья вера отодвигала житейские хлопоты или кого грехи тяготили, оставались на день-другой помогать возрождению монастыря: в нем было всего-то четыре инок в главе с игуменом и экономом. Лишь на молитвы и быстрые трапезы прерывалась работа — разбирали и перетаскивали камни, поднимали леса у наружных и внутренних стен стойкого храма, выметали со двора прах безбожных годов. Особо рьяные богомольцы-помощники, отирая пот, шептали:

— Господи, благослови многотрудие это!

Случались и такие, что просились сюда в насельники.

В первую от начала возрождения осень население обители пополнил человек хорошего роста, но сутулившийся, постоянно угрюмый и молчаливый, избегавший расспросов о себе и неременных после них разговоров, не инок, а послушник еще, судя по неумело скроенному подряснику, сшитому, видимо, им самим.. Он со всеми выстаивал службы и в работе спешил подставить плечо и руки тому, кто слабее, но когда наступала минута отхода ко сну, отделялся и уходил в дальний угол двора, где горбились руины бывшего скита. Здесь он устроил себе жилье — прилепленную к устоявшему уголку каморку, высотой — в рост не распрямиться и площадью — не пошагать. Здесь он забывал-

ся на ночь или пытался забыться на сколоченном из горбыля топчане, отсюда уходил на молитвы и труды дотемна.

Однажды, уже в поздний осенний день остановил его и позвал к себе эконоом:

— Послушай-ка, Андрей, вот этот раб Божий упросил принять его трудником. Пусть поживет пока у тебя.

Рядом с экономом переминался с ноги на ногу вконец замызганный мужичонка.

Андрей послушно — на то и послушник — кивнул и повел рукой, приглашая мужичонку следовать за собой. По дороге оглядел его искоса — тощий, в отрепках и словно бы в любой миг готовый всплакнуть. В каморке бросил у стены на голые доски немного из своего тряпья — живи.

— Я — Аркадий Гаврилович, — несколько заискивающе представился мужичонка.

— Андрей Григорьевич, — нехотя отозвался послушник.

— Плаксин, — добавил мужичонка.

— Перевалов, — добавил послушник.

Далее между ними ничего более не было сказано. И еще не один день они соседствовали молча. Вместе шли на молитвы, для работы разъединялись, поздно вечером сходились и молчали. Оба, наверное, не стряхнули еще своих мирских тягостей, а снова беречь их — не освободиться от них никогда.

И все же однажды, в холодную и туманную осеннюю ночь настиг их великий завет — «Исповедуйтесь друг перед другом», и слово за словом, вспарывая свое бывшее и этим, может быть, избавляясь от горечи в нем, открылись они. И вот что представило за их скупыми признаниями.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВАЛОВА

1

На сорок втором году своей жизни Андрей Григорьевич Перевалов стал неудобен для окружающих. Его всем привычная общительность потускнела. Даже в обоюдополезном разговоре он вдруг начинал глядеть в сторону, а то и вовсе сквозь собеседника, и тому становилось неловко: что это он высматривает? Исчезла его обычно притягательная улыбка, он теперь всего лишь усмехался — не зло и не весело, а как бы повинно. Это насторожило бы, будь у него авторитет поувесистей, а так просто все реже подходили к нему поболтать. В конце концов, и Сашенька Петушков, всегда готовый порассуждать на пустячные темы, изрек, отступая:

— Люблю поговорить с человеком, чье самобытное мнение, сталкиваясь с твоим, исторгает истину!..

Вдобавок развилась у Первалова привычка, уже весьма раздражавшая тех, кому случалось оказаться рядом. Стоило ему чуть задуматься, как он тут же начинал довольно громко гудеть какую-нибудь расхожую мелодию, часто переходя и на шипящий свист. Дошло до того, что он так вот забылся как раз в ту минуту, когда сам Владислав Леопольдович излагал очередное свое наставление.

— В наше неимоверно сложное, я бы сказал, разноликое и разноплановое время, необходимо принимать во внимание все многообразие точек зрения. Вместе с тем следует выявлять наиболее значимые из них, отражающие амплитуду нашей эпохи, ибо демократия воспринимается подчас неприязненно к тем непреложным принципам, которые...

Вот в эту секунду Первалов и загудел нечто похожее на мотив из Паганини, прервав благоговейную тишину.

Владислав Леопольдович запнулся, тряхнул головой, дабы переключиться с возвышенных соображений на досадливую помеху, и его бережно уложенные пряди упали по краям просторного лба без морщин. Затем, выдержав надлежащую паузу, он своим выпуклым взглядом обвел собранных в кабинете и точно определил источник пренебрежительного гудения.

— Э-э, Андрей Григорьевич, что же это вы себе позволяете? Я стремлюсь внушить коллективу значимость предстоящих задач, а вы...

— Простите, задумался. Над вашими же словами...

— Странное восприятие. Я вынужден отложить совещание, так как деловая атмосфера нарушена. Все могут вернуться к своим делам, коих невпроворот. Кроме вас, Первалов.

Сотрудники вышли неторопливым гуськом, выражая как бы некоторое сожаление, хотя, откровенно сказать, тягучие наставления в этом кабинете были самыми натужными часами в их скучной работе. Владислав Леопольдович сгорбился над просторным письменным столом и руки опустил на кипы бумаг так огорченно, словно бы только что не осилил некий неподъемный груз. Он перед подчиненными всегда представлял утомленным, напоминая этим из раза в раз, что основная часть общей ноши лежит на его разуме и плечах. Но если вдруг раздавался вызов в верха, он секунд за пять сосредоточивался, плечи его распрямлялись, глаза впивались в некую даль, походка с каждым шагом становилась бодрее, и возвращался он как бы озаренный наказами, заряженный на небывало большие дела. Тем не менее эта неутомимая утомленность редко откликалась сочувствием подчиненных. Сослуживцы, равные Владиславу Леопольдовичу чином, за глаза называли его Судаком.

Прозвище имело причину. Супруга Владислава Леопольдовича была женщина бойкая, молодящаяся и кокетливая без стеснения. Она постоянно пребывала в интересе к очередному видному мужику. Поговаривали, что не без успеха, чему хорошо помогала ее работа при ведущих телережиссерах. Но случился конфуз. Некто, пресекая ее напор, сказал так:

— Может, ты и хорошая баба, но почему ты живешь с этим судаком?

Сказал во всеуслышание, и слова его разнеслись. Правда, неизвестно, достигли они адресата или оставался он в неведении даже и насчет всего прочего. Владислав Леопольдович стро-го оборонял свое самочувствие, не позволяя себе переживаний...

— Так что же, Андрей Григорьевич? Я не впервые отмечаю ваше слишком легкое, а точнее — явно пренебрежительное отношение не только к моим установкам, на которые я уполномочен сверху, но и вообще к нашему делу. И что это у вас за манера гудением прерывать руководство? Вы не находите, что в этом отчетливо проступает насмешка?

— Да Бог с вами, Владислав Леопольдович! Прошу прощения, извините, въелась в меня эта глупая привычка.

— Извинить может только добросовестное, более того — на отличном уровне выполнение поручений, которые я приношу вам оттуда — сверху. Я вам неоднократно и, по-моему, убедительно их разъяснил. И давно у вас эта дикая привычка гудеть, когда говорят руководство?

— Да не припомню, Владислав Леопольдович, въелась нечаянно как-то — и все.

— Настоятельно рекомендую вам немедленно избавиться от нее. Любые действия, знаете ли, имеют последствия.

Перевалов солгал: он точно помнил и день тот, и час, когда вместе с горьким раздумьем поселилось в нем это грудное гудение.

День-то начинался привычно. Светлана, как и вчера, и позавчера, и так далее, потершись щекой о гладко выбритую мужнину щеку, повела Олежика в детский садик, который сынишка уже перерастал. Оттуда недалеко ей до почты — прямо-таки извечного места ее очень скромной работы. На свою работу Перевалов давно уже не торопился.

У подъезда Ефимыч сидел на скамеечке. В любую рань он уж сидит и смотрит просящее, допоздна тут сидит, только поутру ждет от соседей подачки — ну хоть на склянку пивка, а вечером, пьяненький в меру выпрошенного за день, ловит минутку-другую побеседовать о несуряницах бытия. Еще лет семь назад был он зажиточен — очень прилично зарабатывал на каком-то мощ-

ном заводе, собирая какие-то невероятно сложные механизмы. В новые, лихие времена тот завод, потерявший нужду в себе, был закрыт, как сотни других в Москве и многие тысячи по стране. А Ефимыч, натуры не богатырской, в общей растерянности тоже себя потерял, спустил нажитое, включая квартиру и автомобиль, и теперь обретался в коридоре то ли у сестры своей, то ли у брата. В каждом доме есть такой вот Ефимыч. Иссякнут вереницы людей деловитых, и сползутся к нему такие же бедолаги, скинутся и подсчитают, кто за утро насколько разбогател, и самый неудачливый бежит за дешевой водярой, и ее разливают независимо от лепты всем поровну. Но чаще приходится ждать и ждать благодетеля. Бывает и особое везение — когда таковой сам подойдет, озираясь, сунет на опохмелку хорошую денежку, постоит, переминаясь, пока услужливый неудачник бегаёт за бутылкой, первым, быстренько, отвернувшись, одним глотком освоит свой вклад, прислушается к себе — достаточен ли эффект, и заспешит, чтобы не заметили его, приодетого на выход, в этой обносившейся компании. И остальные, посидев рядышком в пустых разговорах, разбредаются помаленьку в поисках, кому бы чем-нибудь услужить хоть за какое-нибудь вознаграждение. А Ефимыч остается словно бы на посту, потому как могут напозлти и запоздавшие бедолаги. Он у них в уважении: его подъезд у всех на пути. И если вечером он приветствует соседей без намека на жертвы, значит, день его не был зряшным.

Перевалов старался никого не обижать даже в малости, поэтому поздоровался с Ефимычем без рукопожатия, но дружелюбно — пусть жизнь его будет в радость ему. Правда, денежку не дал. Взгляд переместился на приметы весны.

У самого подъезда в два ряда стояли старенькие вишни, и поодаль по всему двору виднелись такие же поодиночке. Вчерашним утром они еще постукивали на ветру голыми ветками, а сейчас вспыхнули, загорелись белым и розовым цветом. И воздух наполнился пахучей свежестью, и небеса заголубели, и солнце, освободившись от облаков, ласково пригревало, и огромный двор принарядился, и до глупости смешной показалась дворовая ссора, в которую Перевалов не вступал, но был наслышан о ней.

Его дом протянулся на половину одной стороны квартала. Добротный был дом, о девяти этажах и девяти же подъездах, с кирпичными стенами, не пропускавшими ни морозов, ни зноя, с просторными лифтами, отдельными комнатами во всех квартирах и довольно высокими потолками. Такое жилье до нынешних жестких времен выдавали ретивым работникам, заслужив-

шим благоволение руководства. Такое жильё теперь мало кто купит... Улица, в недавнем прошлом Совхозная, теперь называлась Вишневой, и дом этот носил на ней номер 11-й. Следующий, угловой, был сразу 15-м, потому что 13-й номер градостроительным планом предназначался для спортивной школы, которую следовало возвести на пустыре в центре квартала. Не успелось: новые времена перечеркнули прежние планы. Пустырь, однако, привлек быстрое внимание расторопных дельцов: расположено оно было привлекательно — не в гулком и чадном центре и не на плебейской окраине, к тому же был огорожен от уличного шума и суеты почти что сплошными строениями. И вот стремительно, поражая темпами прежних жильцов, возвысилось над их домами здание невиданного комфорта — с облицовкой гранитом по цоколю, широченными окнами и просторными лоджиями, с мраморными ступеньками у подъездов и узорной оградой вокруг. Бессильная зависть старых жильцов преобразовалась в злость, когда новоявленному роскошному жилью присвоили номер 11-й, а на переваловском доме этот номер замазали противной желтой краской и поверх нее черной небрежно намалевали цифру «13». Должно быть, кому-то в управе хорошо лапу позолотили. Злость старых жильцов выросла в ярость: кому же охота жить под числом, приносящем несчастье? Возмущение вылилось в коллективную жалобу, и в управе вроде бы спохватились, пообещали восстановить справедливость.

Эта дворовая возня вызывала у Первалова лишь легкую снисходительную гримасу — и не только потому, что смешили пустяковые страсти. Новые времена, которые с хрустом и болью перевернули всю жизнь вокруг, его почти не задели. У него не было ступенек, чтобы подняться повыше — поближе к тем, кто командует и хватает, но не скатился и вниз, где копошатся отброшенные. Он устоял в серединке. Точней сказать — сбоку.

До службы можно было добраться за торопливые полчаса, если, конечно, с налету вонзиться в напрочь забитый пропотевший троллейбус и в метро бежать по эскалатору, покорившись заразной суетливости пеших москвичей в часы пик. Но в последние месяцы Первалов осиливал дорогу своими шагами. В размеренной ходьбе тускнели и отгонялись неудобные мысли, подступающие поутру. Все заботы представлялись ничемными. Позади не было ничего такого великого, чтоб опереться, и впереди вроде бы ничто не грозило. Конечно, срединная жизнь серовата, да у кого из доступных наблюдению она нынче расцвечена? Он — один из многих и многих — ну и что? Чуть ли не девизом давно уже стало это вот «ну и что?». Ради такого благодушия он и шагал, пренебрегая попутными колесами.

И в то дивное весеннее утро он издали только глянул на остановку, где беспокойно толпился народ, и пошел сквозь дворы, чтобы попозже выйти на бойкую улицу. Минувя бульвар, отвел глаза от старушенции, выгребавшей пустые бутылки из-под скамеек, а на юной дамочке, выгуливавшей собачонку, взгляд задержал. Бойкая улица еще больше замедлила шаги: тут было уже многолюдно, следовало чаще сторониться, чтобы ни с кем не столкнуться во встречном потоке — ведь благодушие столкновений не терпит.

Вот так вот шел он и шел по внешнему краешку тротуара и вдруг увидел, что с перекрестка рванулась всегда злая лавина машин, а улицу перебегают мальчонка. Перевалов набрал воздуха заорать: «Эй, беги скорее назад!», но не успел — какой-то парень кинулся к мальчонке, выхватил его из-под колес, выпрыгнул на тротуар, и тут они оба упали. Завизжали тормоза, машины ударились, раздирая багажники и капоты, шоферы повыскакивали из кабин, и моментально образовалась толпа.

Водитель передней машины, весь трясась, подбежал, ошупал мальчонку — «Ты целенький, да?». Рядом спаситель отряхивал от пыли свою одежду, и женщины наперебой расхваливали его: «Вот же какой молодец! Прямо из-под колес!» И водитель тянул к нему руку — «Спасибо, друг, выручил!». А мальчонка вдруг обнял этого парня за ноги — «Папочка, папочка!...» — и заревел во все горло от запоздалого страха.

— Ага, — сказал водитель, — так ты, значит, папочка? Сволочь ты тогда и подлец, не следишь за ребенком! — И совсем рассвирепел: — А вот набьем сейчас тебе харю и составим протокол, чтоб ты за всю аварию заплатил!

И женщины тотчас перенастроились:

— Какой же ты отец, если у тебя дите бегаёт под колеса! Небось залил бельмы с утра!

Парень поднял мальчонку на руки, прижал к себе — «Все в порядке, в порядке!...», попытался выбраться из толпы, но водитель и другие, сразу же подбежавшие, загородили ему дорогу — «Нет уж, постой, разберемся!».

Перевалов не стал наблюдать разборку, двинулся дальше. Обошлось без крови — и ладно, а очевидцев достаточно и без него. И вообще теперь люди стараются чужие бедствия обходить, своих хватает, — прямо-таки примета этих во многом несурзных времен... А забавно: будь парень-папочка посторонним, его героем признали бы, а так он — виновник всего происшествия. Вернуться — так не сразу и решишь, на чьей ты стороне...

Господи, Перевалов, ты же вдвое был ближе, ты должен был броситься наперерез ревушей моторами лавине, а ты застыл, онемев, даже не дернулся в тебе такой порыв.

Утро померкло. Это не тучка заслонила солнце, а из нутра на глаза выползла темень.

Он свернул в первую же подворотню, сел спиной к окнам на лавочку у дворового столика, закурил и глубоко втягивал в себя спасительный дым, пока огонек не обжег пальцы.

С десяток, наверное, лет назад — их уже надо считать — был он в дальней командировке и сделал умильную радиопередачу. Ее общепризнанный успех помог потом устроиться по приезде в Москву.. Радиофильм — был когда-то такой, теперь подзабытый жанр — назывался «Березы». Перевалов, пожалуй, лучшего ни до, ни после не сочинил. Ездил в Кустанай, видел молодую березку, подраставшую у старой кирпичной стены, у которой колчаковцы расстреляли повстанцев. В степном совхозе говорил с первоцелинником, посадившим перед своим домиком целую рощицу березок — потому как родное дерево и потому еще, что ничего нет красивее, когда на первый снег осыпается золотая листва. В городе Рудном ходил по березовой аллее, ведущей к памятнику Марите. Она приехала строить этот город издалека, оставив на попечение родственников малютку, и, наверное, думала о ней, когда однажды вечером шла устало с работы и увидела, что едва намеченную улицу перебегают две маленькие девчужки, а на них несется грохочущий самосвал. Она успела вытолкнуть их из-под колес, а сама не успела... Он разыскал тех девчужек, хотя с тех пор много времени миновало. Были это две Тани, они уже заканчивали школу, и одна хотела стать актрисой, а другая — учительницей младших классов или воспитательницей в садике, все равно, лишь бы возиться с детишками. И обе они сказали, расплакавшись, что жить надо им чисто, очень хорошо и полезно, как могла бы Марите...

Перевалов не примеривал на себя ее поступок, но сейчас по сходству ожила память о нем, и тягость легла на сердце. Знакомая тягость — так уже было на сорокалетие, когда ясными стали смутные прежде раздумья о том, что много чего намешано позади, а свершений что-то не вспомнить. Правда, есть утешение: все вокруг мелко живут — как приходится, как удаётся. Ну, нет в тебе бодрой злости размашисто жить — ну и что? Слабенькое утешение... Впрочем, нынешние сильные личности тоже никого не спасают, скорее даже и на дорогах и в делах давят нерасторопных.

Да, жизнь состоит из поступков и отказов от них — инстинктивных или продуманных поступков и таких же отказов. Беречь, чего же в твоей жизни больше, значит совсем уж себя потерять, заблудиться в своей маленькой роше.

Слегка утешившись этим, даже смирившись с собой, Перевалов двинулся дальше и не заметил поначалу, что в такт своим

шагам гудит нечто, напоминающее тему рока из Шестой симфонии Петра Ильича. С того-то часа и утвердилась в нем привычка, обременительная и для него, и для всех, кто оказывался рядом. Едва поднимутся неуютные думы, как тотчас вторит им непременно минорное гудение, и чем они неотвязнее, тем громче гудение.

— Да, всему есть не только причины, но и последствия, — повторил мудрый Владислав Леопольдович вслед Перевалову, смиренно покидавшему начальственный кабинет.

Намек прозрачный: снова и снова надо доказывать свою нужность, снова изобретать тонкие соображения, которые руководство понесет еще выше. Хладнокровно подумать — ничего зазорного в этом нет: в любом деле есть работяги и есть вершители. Только ведь самочувствие первых зависит от качества связей со вторыми: соратники они или батраки. Ныне все более заметна и все более разрастается пропасть между владельцами и поденщиками. Перевалов поближе ко вторым. Это было бы сносно, если бы служило какому-то крупному общепользному делу, а не всего лишь подкрепляло устойчивость вышестоящих, и если бы досадные мысли о себе усмирялись бы наивным ощущением «живешь — и ладно». Но был у него и другой способ утешиться.

Перевалов вернулся в свой кабинетик-каморку, опустился в жесткое кресло, уставился в пространство. Несмотря на строгие нотки в изречениях Судака, новые соображения, необходимые доступному начальству, а через него и заоблачному, не осеняли. Осерчав на пустоту в голове, он из дальнего ящика своего простенького стола достал коньячную фляжку и приложился к ней, вытянув длинный глоток. Нет, он пьяницей не был, не был даже и выпивохой, но для обороны от неприятностей держал спиртной запасец и дома, и здесь. Шершавый глоток согрел.

А не послать ли Судака и тех, кто над ним, по известному отчаянному адресу и не подыскать ли себе иное местечко? Не вернуться ли на полузабытую стезю, именуемую журналистикой? Уж совсем, что ли, погасла былая хватка? Вот хотя бы «Думы в зале суда» вполне могут сгодиться какой-нибудь газетенке или журнальчику. Только ведь вусмерть набегаешься, пока пристроишься прочно. На житуху без голодухи, может, и наработаешь, однако не больше. Вот Светлану надо потешить — что-то она все грустна и грустна. И Олежке осенью в школу впервые, тоже надобно снарядить, чтоб не хуже других. Ничего нет горше детских обид... Здесь, под Судаком, деньжонки хоть и на среднем, да на уровне. Нет, навряд ли набегит верный случай

где-то на стороне. Теперь повсюду нужны покровители, а они уже порасхватаны. Напраслиной обернутся поиски подходящего рабочего места. «Рабочие места!» — ай, как часто с окаменевших трибун разносится нарочитая тревога за всеобщее благоденствие, словесная и потому бесплодная забота о тех, кто внизу... Оставайся-ка ты при сегодняшнем. А чтобы совсем уж отвлечься от маеты, есть радушный уголок, где и привет, и милование, и неослабные ласки.

2

Виктория Александровна — домоседка. Ей незачем суетиться по городу. Композиторы сами приносят ей черновики сочинений — начисто переписать, и маститые исполнители часто просят ее сделать аранжировку. Бывший супруг, работник посольства где-то в Центральной Америке, присылает солидные алименты. Так что живет она с дочкой Анжелой в достатке, ничего ей не надо со стороны, кроме внимания и цветов. Впрочем, явись и без цветов — не обидится. Знакомство случилось еще в первую бытность в Москве, в конторе под управлением Судака, где Виктория Александровна судила музыкальные прихоти. Разговорились в буфете, вызвался проводить, напросился в дом, и близость совершилась легко и надолго. Да все в жизни случайно, и сам ты случаен. Виктория Александровна и на такие сентенции не сердилась, перед нею незачем выставляться иным, чем ты есть.

Квартира у нее — многим на зависть: в стандартном доме, но три комнаты на двоих, и в каждой свой шарм. Самая большая, конечно, гостиная — диван и кресла под старину, пушистый ковер на паркете, хрустальная люстра с цветными подвесками, чтобы свет в них играл, книжные шкафы во всю стену и картины, картины — не копии, а оригиналы. Но главное — белый рояль. Анжелочка, дочка, выросла за ним, уже и в консерваторию метит... Другая комната, чуть поменьше, — апартамент Виктории. Шкаф-купе под потолок и от угла до угла, темно-малиновые обои с золотистыми завитушками, светильник, имитирующий свечу. Всего лишь одна, но солидных размеров картина, почти в полстены — голенькие нимфы резвятся у ручья на лужайке. И еще — антикварный трельяж, уставленный всевозможной косметикой. Если зеркальные створки чуть развернуть, в них отразится кровать с резным изголовьем и такая просторная, что поместишься и поперек... В третьей комнате, совсем небольшой, обитала Анжела. Туда и в малолетстве ее, а теперь и подавно заглядывать нечего... В общем — знакомый уют для полного отдохновения.

Перевалов никогда не являлся сюда неожиданно, без предварительного уговора, не потому, что опасался столкнуться с соперником, а просто не хотел узнать больше, чем знал. Как ни близки они с Викторией Александровной, а все же их жизни разделены. Лучше являться, когда тебя ждут. За все годы редко бывало, чтобы она откладывала randevu.

Жена — это хлопоты, иногда и удручающие. Любовница — безмятежное и сладкое опустошение. Эта мыслишка затемняла слабенькие угрызения. К тому же Виктория Александровна приблизилась раньше Светланы, и уже то хорошо, что не возникло охоты их сравнивать. Это — разные сути, и соприкасаются они лишь в тебе...

Ехать было почти пол-Москвы. Плотная вечерняя толпа в метро понемногу редела, лица стали видны, а не одни только спины. Будь в Перевалове прежнее благодущие, он бы, поглядывая на попутчиков, гадал, от каких дел они едут и что их ожидает. Сегодня же все лица были скучны.

Из последней станции метро он, никого не обгоняя, поднялся к рослому белому зданию. Будь на пути не гладкий асфальт, а травянистая целина, от его шагов пролегла бы здесь колея. У двери, знакомой до морщинки на обивке под кожу, условно нажал звонок — «Э-то-я-а-а!». Дверь распахнулась. Виктория отступила, впуская.

Если бы не расписной халатик, небрежно запахнутый, можно было подумать, что она изготовилась на выход. На тумбочке ее трельяжа постоянно лежал альбом Ренуара, открытый на мерцающем портрете Жанны Самари — чудной женщины, пышноволосяй и большеглазой, радостной оттого, что на нее смотрят, а она готова приветить. Ясно, под кого Виктория подгоняла себя перед зеркалом. Правда, не так уж и много ей надо стараться, разве что ресницы слегка подгустить, морщинки у глаз затереть и губам придать призывный рисунок. А все остальное... Поздний бальзаковский возраст еще не положил на нее свои огорчительные приметы. Шея гладкая, без бороздок, грудь — будто в девичестве, полнота лишь чуть-чуть размыла четкость высокой фигуры. Все же в холе живет...

Как и всегда, она первым делом пригласила в кухню, сходную, если бы не плита и посуда, с гостиной, усадила на мягкую скамью-уголок за стол с яствами — любовника, полагала она, следует прежде всего хорошо покормить, — налила доверху пузатую рюмку и себе плеснула ради азарта. И только когда армяньяк разгорячил каждую жилочку, приступила к расспросам — не назойливо, не придиричиво, а просто для соблюдения распорядка свидания. Не сразу же...

— Ты не находишь, Андрей, что паузы между нашими встречами удлиняются? Ты не был у меня целый месяц. Ах да — двадцать дней! Всего-то... Но ты и в последний раз скучен был, и сейчас что-то хмур.

Она не упрекала. К ней и через полгода приди, она встретит радушно, будто разлучились всего на денек. Необычайно уютная женщина. Нечего приносить ей свои горести. Принимать их — удел жены.

— Да нет, Вика, ничего чрезвычайного. Пустые сожаления сорокалетнего юноши, у которого ничего нет великого ни позади, ни в перспективе.

— Всего-то? Вот Серафим Серафимович — такого композитора знаешь? — два года писал симфонию, а ее не хотят исполнять, так он чуть не покончил с собой, но запил горькую и успокоился. А огорчения — у кого их не бывает?

— Свои огорчения сильнее чужих.

— Да, и свои радости — тоже.

Драгоценная баба! Расспрашивать о ее житье-бытье не стоит даже из вежливости: ее благополучие неколебимо, а свою симфонию она не сочиняет.

— Анжелочке консерватория светит?

— Думаю, обойдется без протеза. Сама вся во вдохновении, от рояля не оттащить. Слышишь?

Из гостиной все более громко неслись бурные переливы. Знакомое что-то.

— Шопен?

— Да, конечно. Представляешь, хрупкая девушка исполняет «Революционный этюд». Должно произвести впечатление.

Анжела — очень понятливая девчушка. Она еще подростком привыкла к приходам Перевалова на вечерок и не более, а, повзрослев на других доступных примерах, воспринимала его с Викторией уединения как вполне извинительный каприз милой мамочки. Однажды заметила:

— А вы опять пришли без цветов.

Отшутился:

— А цветы, достойные Виктории Александровны, еще не расцвели.

И с тех пор без букетика не являлся. Сегодня, правда, не вспомнил о нем.

Переливы рояля замолкли, в кухню сунулась Анжела:

— Будете пить кофе — и мне чашечку сделайте: пальчики подустали.

Не красавица, но привлекательна. Тоненькая, а прелести очевидны. Глаза — как у матери, только темные дочерна, и волосы

им под масть. Должно быть, отец ее не из славян. Если дочь выдалась в отца, счастье, считается, суждено. Серьезных разговоров с ней прежде не было, так — реплики мимоходом.

— Анжелочка, можно ли дать тебе скромный совет? Не отменного знатока, а заурядного почитателя великой музыки. Можно? Пошли вместе к роялю. Играй. Вот, технически превосходно, каждая нотка ясно звучит. Однако, что же ты хочешь выразить? Почему этюд назван «Революционным»? В нем, что ли, одна только буря? Революция — не барабанная дробь, у нее бесчисленные оттенки — и бравада, и сомнения, и горячность. Вот, может, и у Шопена звучат в этом этюде два голоса. Один — призывный, решительный, второй — еще чуточку робкий, раздумчивый, ещё только крепнувший. А в финале они сливаются в едином порыве. А? Ты извини, но подумай, вдруг такая интерпретация интересна?

— А что, может, и верно... Попробую.

Теперь в кухню доносились переливы, разделенные на два звучания. Приятно, когда словам твоим внемлют...

— А не пора ли тебе, Андрей Перевалов, под душ?

Ну, это — всенепреренно...

Виктория и без долгих разлук умела быть новой, а сейчас будто впервые слились, до забвения и себя, и мира. Потом истома так одолела, что беспокойство прямо-таки взорвалось — уже очень поздно, очнись!...

Перевалов домой никогда не спешил, а если спускалось срочное поручение, возвращался и за полночь, теперь же нервность, поселившаяся в нем, отпустила на минуты единения с Викторией, сложившиеся в часы, и вот — опять зашевелилась, вспугнула истому. Прощание получилось небрежным, без благодарения и договоров на будущее. Впрочем, Виктория, утомившись, не поднялась проводить... Светлана, вообще-то, не сетует на его поздние возвращения, редко любопытствует, что за дела где-то держат так долго, однако сегодня что-то неловко на сердце. Это нервность, вьющаяся в думы о себе самом, тербит, подлая, неотвязная.

Подходя к своему дому, глянул вверх, на свои окна — светятся. Не так уж и поздно. Время измеряется не прыганьем стрелок по циферблату, а переменной событий. Вот Ефимыч сидит у подъезда, дремлет, привалившись к стене, но обеими руками крепко держит бутылку. Нарядная бутылка, очень дорогая. Похоже, повезло ему ныне щедрей, чем обычно... Лифт нынче какой-то ленивый — не взматается, а ползет. На площадке полнейшая тишина. Сквозь соседские двери не слышно телевизионного разноголосья. Как-никак — за полночь. Он отомкнул свою дверь, бодро пересек порог — и окаменел.

На полу в прихожей лежала Светлана — вбитая в угол вешалки-шкафа, скомканная. Глаза ее, приоткрытые, никуда не смотрят. Из-под головы вытекла черная струйка. Олежка приник к матери недвижимо. Ручонка вывернута в локте, лицо в немом крике застыло.

Перевалов медленно-медленно к ним подошел. Опустился на колени. Потянул к себе сына. Олежек простонал коротко: «Ы-ы-ы...». Дико глянул в упор, целой ручонкой уперся в грудь Перевалову, отталкивая, — «Ы-ы-ы...». Перевалов сунул руку под плечи Светланы, попытался приподнять её — она еще больше осела. На ладони отпечатался черный сгусток. И он закричал во всю грудь, всеми жилами:

— А-а-а!..

Крик отбросил слабо прикрытую дверь, ударился о соседские стены, пролетел по этажам. Защелкали замки, частые шаги зашуршали и застучали. Взвизгнул голос: «Ой, что это здесь?». Басисто откликнулось: «Большая беда!».

Сильные руки соседа какого-то сжали Перевалова, протащили по полу, подняли на ноги.

— Это ты так разыгрался? Ну-у, подлец!

Стиснув с боков, те же руки поволокли его в комнату, швырнули в кресло. Он порывался вернуться на помощь своим — его прижали:

— Замри, сволочь!

Кто-то орал по телефону:

— Скорую поскорее!

— И милицию! Да, милицию!

Перевалову не дали и приподняться. Не видел он, как унесли Светлану, закрыв серым полотнищем. Послышалось только:

— Да уже не один час мертва... И мальчонка, хоть и живой, но плох. Дай Бог, чтоб только шок, а не вовсе... Головку не держит...

Белый халат наклонился:

— Пену-то сотри с губ хоть рукавом.

Неощутимо без боли вошла в предплечье игла. И выросла, нависла фигура в синем мундире:

— Расскажите-ка, гражданин Перевалов, за что и как убили супругу и сына искалечили?

3

Первая ночь в камере милицейского подвала была мутной, как обморок. Где-то рядом раздавался храп со стонами и придыханиями, на дощатых нарах шевелились черные и серые узлы из рук, ног и лиц, но ни вслушаться, ни взглядеться он не мог:

гудело в голове, рябило в глазах. Это не страх раздавил, это горе сжало в тяжело пульсирующий комок, и оно никогда не отпустит — слишком велико и совсем непонятно. Он видел и знал, что такое смерть. В юности похоронил отца, позже — мать. Оба они были болезненны после голодного военного детства, и в кончине их не пряталась тайна. Не было ее и в гибели двух рабочих на рязанском заводе, раздавленных бетонной панелью. Если бы и тот мальчонка, перебежавший улицу перед сорвавшимися с перекрестка машинами, превратился бы под их колесами в кровавое месиво, это потрясло бы как очевидца, но не оставило бы колких вопросов. Сейчас вопросы кишели, но не складывались в слова, будто отшибло способность думать. Под утро он, похоже, побыл в забытии, потому что около полудня охотно пошел на допрос.

Допрашивал не вчерашний опер, с лету определивший, что убийца-то очевиден. В кабинетике с голыми стенами и зарешеченным окном, за простым столиком, перед стопкой чистой бумаги сидел человек в цивильном одеянии, довольно молодой, чтобы еще не утратить интереса и к стандартным делам, но и, похоже, уже достаточно поживший, чтобы разбираться в житейских вывертах.

— Скажите сразу же, Первалов, вы согласны помочь следствию?

— Да, конечно. Я сам хочу знать, что стряслось...

— Вы в прошлом юрист и должны понимать, что ваши ответы могут либо ускорить, либо затормозить расследование.

Первалов не удивился тому, что за несколько утренних часов о нем узнали и это. Он еще не мог размышлять планомерно и точно, иначе догадался бы, что быстрота дознания вызвана отнюдь не любопытством к его персоне и даже не самим происшествием. И тот опер, и этот следователь видели дела пострашнее, но их поражало напрочь оборванное сознание мальчонки. То ли психика у него была слишком хрупкая, то ли совершилось при нем нечто слишком ужасное.

— Так вот, Первалов, где же вы находились и чем занимались от шести вечера, когда ушли из своего учреждения, и до полуночи, когда оперативники установили известный вам факт?

— Я последнее время постоянно расстроен и просто бродил по городу.

Инстинктивно, не думая, он хотел отвести в сторону от своей беды Викторину Александровну — ведь все эти годы она и была в стороне от всего, чем он жил в дни обыденные...

— Кто-нибудь может удостоверить, что вы весь вечер были вне своего дома?

— Случайные прохожие случайно встреченного не замечают. Очень поздно, в первом часу, я вошел в квартиру, увидел, что стряслось с женой и сыном, а дальше... Дальше я плохо помню.

— Соседи слышали ваши крики. А что было совсем перед тем, что вы увидели?

— Я же говорю — вошел в квартиру..

— Послушайте, Перевалов, как от бывшего коллеги не буду от вас скрывать — есть три версии данного происшествия. Первая: ваша супруга поскользнулась и вот так трагически упала. Но это маловероятно: ничего скользкого на полу в прихожей квартиры нет, а семилетний мальчик вполне мог бы позвать на помощь. Но есть главное — у нее на груди внушительная гематома от сильного толчка или удара. Вторая версия: в квартиру проникли грабители — и как результат... Если какие-то вещи исчезли, узнать это можно только от вас, но эти ваши показания могут быть и придуманы. Мальчик ничего не говорит. Он вообще не понимает вопросов, морщится, хнычет..

— Где он сейчас?

— Он под хорошим наблюдением, ему обязательно помогут, если это возможно... И третья версия: в семье вашей произошел скандал, и вы произвели, не обязательно намеренно, действие, которое и привело к летальному результату. Допускаю, вы были в состоянии аффекта. Соседи утверждают, что кричали вы неподдельно. Но это может быть естественной реакцией человека, осознавшего содеянное. Итак, вам предлагается быть участником разбора данного происшествия.

— Я не знаю, что вам еще сообщить. У меня мысли не собираются...

— Очень жаль. Вы усиливаете третий вариант. Я не буду вытягивать у вас признание по словам и намекам. На мне висит еще восемь дел, более значительных, чем бытовуха, затрагивающих общественные интересы. Возвращайтесь в камеру и собирайте мысли.

На пути обратно в камеру, впереди конвоира, по узким лестницам и длинному гулкому коридору, повстречался другой конвоир, уже доставивший своего подопечного. Поравнявшись с Переваловым, он вдруг саданул его кулаком в живот. Перевалов скорчился, остановился, а ударивший полюбопытствовал:

— За что этого взяли?

— Жену, говорят, уколошил.

— Надо было посильней ему врезать!..

Тех, кто ночью рядом храпел и стонал, уже не было в камере — наверное, следователь нарочно предоставил Перевалову одиночество, чтобы чужие дела и подсказки на него не влияли. Боль в животе уже притихла: другая боль ее отодвинула.

Грязно-зелёные стены, и нары, провисшие от тяжести сотен тел, и пол, впитавший тысячи харканий, отталкивали взгляд. Смотреть можно было лишь на зарешеченное окошко под серой потолочной панелью — в нем шевелился отсвет наружной жизни. Иногда он немного тускнел, но тотчас опять становился ярким — должно быть, день был по-весеннему солнечным. В такт колыханию отсвета растуманивались думы.

Мелькнуло видение застывшего лица Светланы, голубые полоски приоткрытых глаз, морщинка между нахмуренных бровей — будто она тоже хотела ответа. Да, отыщется таковой, сойдутся приметы, о которых пока нету и слабой догадки... Это видение сменилось другим — сынишка без крика кричит, надорвавшись.

Следователь сказал, Олежка не понимает вопросов, только мордашку морщит и хнычет. Господи, хоть бы не осталась в нем эта надорванность, хоть бы хоть как-то срослась!.. Маленький, худенький, часто задумчивый от самых простых впечатлений — будто натянутая струнка трепещет от малейшего дуновения. Два года назад хоронили Светланину мать, его пришлось взять на кладбище, и он видел весь ритуал погребения. Когда по длинным аллеям возвращались к выходу мимо старых могил, пришлось взять его на руки — мальчонке тяжелы такие события, и он все вертелся, разглядывая кресты и обелиски, и вдруг сказал: — Папа, а я всех, кто здесь лежит, знаю.

Тогда слова эти пролетели, не тронув, — просто перегрузился мальчуган впечатлениями, а сейчас вот припомнилось — остро, придиричиво. Он плакал над сказками. Слезами укрощал размолвки в семье. А игрушкам и обновам радовался недолго, будто пережил их заранее. Но все это как-то проскальзывало мимо, только сейчас вот выросло и подступило. Если бы повнимательней вникать в сынишку, можно было бы заметить, что он часто как-то очень жалобно смотрит на мир, будто не ждет от него доброты. Но разве маленький человечек стоит такого слишком уж пристального внимания? Сожаление вечно запаздывает...

А он ведь случайный мальчонка. Его появление не предвлялось свадебным обрядом и любовным упоением до рассвета. То был обыкновенный скабрёзный факт.

Ради законного переселения в Москву Перевалову устроили фиктивный брак. Одинокая дамочка была в разводе, жила с болезненной матерью, благополучие подкосилось, почему и нуждалась она в деньжатах. Фиктивный брак издавна был наиболее доступным приемом оседания в столице, оборонявшейся от новых горожан всяческими запретами. Если, например, под-

дельные супруги расходились раньше трех лет, их союз признавался предосудительным сговором, и право постоянно жить в столице отбиралось. Но чем дурнее установления властей, тем всего лишь чуть больше надо терпения, чтобы их обойти.

Прямо из загса Андрей Перевалов и Светлана Чупахина, фамилии не поменявшая, отправились по своим, обособленным дорогам. Он устроился в контору, которая наблюдала и оценивала благонамеренность региональных СМИ. Быстро наработал вполне приличный авторитет, снял на окраине комнатуху и довольно легко утвердился и в интимной связи с сотрудницей-музыкантшей. И бумажная супружница, наверное, не скучала. Впрочем, навряд ли. Это участие в сговоре позволило называть ее пренебрежительно — дамочкой, а она придерживалась правил. От прежнего мужа, хоть и не тешил он радостями, не погуливала и сейчас посчитала себя связанной. Перевалов, похоже, понравился ей, иначе она, наверное, на фикцию не согласилась бы. Однако обговорила одно условие — он все же чужак. Основную сумму она взяла за штамп в паспорте и прописку, но кроме нее потребовала и ежемесячной оплаты, как с квартиранта. Она ведь не может пустить других жильцов: соседи сразу истину заподозрят, а нужда заставляет.

И Перевалов в условленный день добросовестно приносил эту дань и не задавал вопросов, которые могли бы повести к откровениям. Но однажды он заехал по пути к музыкантше, имея при себе коньяк и вино, и увидел на столе в комнате, где происходил расчет, пышный букет в огромной вазе, и воскликнул без какой-либо явной или тайной мысли:

— Это какой же замечательный мужчина преподнес такой замечательной женщине такие замечательные цветы?

Кстати, есть ли закон, по которому пустяки поворачивают жизнь?..

— Нет такого мужчины, — ответила она, похоже, без огорчения. — Это я сама себе подарила потому, как вчера у меня был круглый день рождения.

— Двадцать или двадцать пять?

— Спасибо за комплимент, но уже целых тридцать.

— Я не говорю комплиментов, — стараясь быть серьезным, сказал Перевалов. — В комплиментах всегда есть ложь, а я всегда говорю очевидную правду.

И пришлось выставить рядом с букетом коньяк и вино. Нечаянное застолье затянулось: она пила маленькими глотками, после каждого возвращая рюмку на стол, и ему неловко было хлестать питье торопливо. А визиты к музыкантше никогда не назначались на определенный час, всего лишь — «сегодня».

Льстивые речи заставили всмотреться в поддельную супругу дольше, чем при деловом суховатом знакомстве и коротких расчетах. У нее, оказывается, синие глаза во все лицо, они ее всю озаряют, в ее тоненькой фигурке видится изящество, и на нее обратилось предвкушение ласки, предназначенное для музыкантши. Уже и не вспомнить детали соединения. Вроде бы Светлана зачем-то прошла совсем близко и оказалась у него на коленях, а затем — на руках и в постели. Остался у нее до утра, не являться же к Виктории Александровне опустошенным. Расстались без обязательств — ну, случилось то, что случилось, ничего сверхобыденного. Кстати, «случай» и «случка» родственные слова?..

Потом встречались и между днями оплаты, и на пятый раз или шестой Светлана призналась вдруг, что беременна, однако на аборт не пойдет, потому что всегда хотела ребеночка, а с тем мужем, с которым разошлись, не получалось. Вот так вот.

Помаялся в неудобном настроении месяц-другой и с цветами явился заявить, что отныне поддельный брачный союз следует считать настоящим не только для сторонних людей, но и для самих себя.

Мальчонка родился раньше положенного срока. Его удержали в жизни кислородными процедурами. Он не орал, когда ему было плохо, а попискивал — будто не мог заявить: «Вот он, я!» И теперь — вытянут ли его из тьмы и, если вытянут, какие недуги останутся навсегда?

Так что же, грех прелюбодеяния — какой это по счету запрет среди десяти заповедей, провозглашенных Моисеем, седьмой, что ли? — так что же, грех этот не в самом похотливом акте, а в неизмеримо большей мере в том, что происходит после него, из него вытекающая? Нежелание вспоминать? Или память с ухмылкой? Гордыня связями, в которых мнятся победы? Огрубление отношения к женщине, когда ничто в ней не волнует, ни ум, ни обаяние, один лишь интимный примитив? Потребность в бесстыдных ухищрениях, без которых уже нет утехи? Нарочитый цинизм, который из пренебрежительного отношения к женщине переносится на все другие общения?.. Но все это — пустяки по сравнению с тем, каким явится нежеланное чадо. Сколько их, покалеченных уже при зачатии без любви, мимоходом, на одной только похоти, — колченогих, вяло или остервенело придурковатых, укоряющих жалкими жизнями. Совсем горько, невмоготу им, когда они сознают свою ущербность, но не понимают, за какие вины они вот такие, отпугивающие людей, как и мы не понимаем, почему через тьму поколений настаивает нас первородный грех.

Но что за вселенские размышления, когда на тебя наваливают самую жуткую вину? Впрочем, так ли уж ты неповинен? Где был ты, когда убивали Светлану, а из сынишки исторгался рассудок? Тешился в чужой, но привычной постели... И не так уж неправы тот опер и следователь, в тебе усматривая причину этого ужаса. И наказание неминуемо: своя вина будет выедать твою душу.

Вот ведь к чему привели размышления. Но хоть и то хорошо, что возникли они и выстраиваются. Пусть неоспорима твоя вина, но ведь кто-то убивал своими руками. Кто? Зачем? Как? Это может выяснить только следствие, а у него, видите ли, аж три версии. А чтобы осталась одна, надо без обиняков сказать, где же ты был, когда совершался тот ужас. Стыд несравнимо меньше его.

Сразу не дал ответа на этот закономерный вопрос потому, что подсознательно оберегал Викторину Александровну: ей ведь придется протокольно признаться, что много лет к ней наезжает любовник. Опер, чтобы потешиться, может пристать с расспросами и о других. Есть ли они — совсем уж не важно теперь. А твоя десятилетняя близость с нею все равно обнаружится: следствие пойдет по всему кругу твоих знакомств, начиная, конечно, со служебных, а в конторе обязательно найдутся все замечающие наблюдатели. Виктория Александровна огорчится, что ее по наводке любовника втянули в криминальную ситуацию, но это не хуже, чем усмешливые намеки коллег. Конечно, близость с ней оборвется, да и невозможны уже прежние отношения: повисло над ними предельно мрачное происшествие.

Следователь вторично вызвал в тот же день, вечером.

— Намерены ли вы, гражданин Перевалов, поведать, где находились и что делали вчера между семью вечера и полуночью?

Значит, настроен он на оправдание. Видно, у него есть опыт, позволяющий доверять интуиции.

— Вчера в это время я был в гостях. Подтвердить могут хозяйка и ее взрослая дочь. Адрес...

Доброжелательное внимание в глазах следователя сменилось явной неприязнью. Да, это мерзко — быть у любовницы, когда...

— Проверим. Возвращайся в камеру и подумай-ка о себе.

Лишь значительно позже стало известно, как подвигалось и на чем остановилось дознание. Поначалу следователь принялся за дело даже с азартом, подогреваемый солидарностью с коллегой, пусть и покинувшим юридическую стезю. Наказал операм опросить всех соседей — кто чего видел, знает, подозревает. Мнения о семье оказались благоприятными: скандалов в ней

не замечалось, не похоже, чтобы между супругами назревал разлад. Оба они приветливые, грубости или досады никогда от них не было. Она — «Это ж надо такое!.. Царствие ей небесное!..» — ни в одной просьбе не отказала. И он такой интеллигентный, здороваётся с искренней улыбкой, а кто так улыбается, стать злодеем не может. Но все нынче бывает — ох, все бывает!..

Кончина убиенной произошла между девятью и одиннадцатью. Завсегдатайши скамеечек у подъезда до десяти часов чужаков, входивших сюда, не отметили и Первалова точно не видели. А в десять часов все отправились восвояси. Тот лейтенант, что первым прибыл на происшествие и мгновенно решил, кто убийца, не придал значения глубоко пьяному мужичку, ничком спавшему на скамье у подъезда, а пьянчужка, величаемый Ефимычем, протрезвев, сообщил нечто настораживающее.

Он, когда бабули все расползлись, сидел в одиночестве, ещё надеясь, что кто-нибудь из запоздавших соседей расщедрится хотя бы на пиво, — посидел минут десять-пятнадцать, не больше, как вдруг подошел незнакомый человек и предложил составить компанию на бутылку. Денег дал и велел водки купить самой лучшей и не в ближайшем ларьке, где одна дешёвая бурда для обнищавших, а в «Ароматном мире», что за три квартала, но там есть товар для приличных людей. И посланец может не особенно торопиться, а то впопыхах уронит и разобьет самую лучшую водку, какая бывает.

Ефимыч бегать давно разохотился, но всего минут за десять одолел три квартала до винного супермаркета, снял с полки внушительную бутылку под названием «Юрий Долгорукий», удивил, расплачиваясь, кассиршу, довольный тем, что остается и на завтрашнюю похмелку, и тоже минут за десять досеменил до своего подъезда. Небывало щедрого незнакомца на месте не оказалось. Ефимыч поглядел вокруг, прокричал в темноту: — «Эй, поручение выполнено!» — ни фигуры, ни отклика. Подождал пару минуток и не вытерпел — решил употребить свою долю. Чудная водяра пошла так легко, так мягко, что не оторвался от горлышка, пока на четверть не опорожнил литровую бутылку. Незнакомец не возникал, а Ефимыч не припомнит уже, после какого по счету глотка здесь же, на скамье, ушел в сладостный сон. И примет благодетеля не припомнит — вроде бы и не было у него примет... А бутылочка — вот она, ее и опустевшую жаль выбрасывать: в ней на матовом стекле сделан прозрачный кружок и там сидит на коне основатель Москвы... А жильца из 24-й квартиры ни вчера вечером, ни сегодня — нет, не видел. А что, бабки правду болтают?... А незнакомец тот какой-то был совсем без примет...

Сослуживцы, выразив недоумение и любопытство, сообщили всего лишь, что Перевалов — думающий работник и человек неплохой, ну со странностями, так у кого ныне их нет?..

Во вторую арестантскую ночь объял его сон, из-за которого он готов был взмолиться, чтобы такое больше не подминало. Привиделись ему вереницы людей, согбленных под тяжестью нажитого ими груза. Они покорно тащились по черной пустыне, слабенько освещенной редкими и далекими звездами. Они влачили, уставившись в землю, груз не давал им распрямиться, поднять голову, глянуть в вышину, на звезды. Таинственная сила втокнула его в конец вереницы, и он также покорно и понуро поплелся за кем-то, кого вроде бы знал когда-то, а сейчас не угадывал, и ощутил на себе свою ношу, и не мог ее скинуть — она давила, но у нее не было плоти. А впереди расширялась совсем непроглядная бездна. И вереницы ссыпались в нее. Та же таинственная сила и его повела вслед за ними, и он, коротко пролетев, мягко упал на тех, кто свалился сюда только что, и почувствовал тяжесть тех, кто падал сюда за ним. Тяжесть становилась все тяжелее, невыносимее, чуть отпускала вздохнуть и снова наваливалась и давила. И он понимал, что это — навечно.

Очнулся он от толчков конвоира и спустя минуту выслушивал следователя почему-то спокойно — наверное, сон перенял тревогу.

— Итак, Перевалов, ваша знакомая и ее дочь ваше алиби подтвердили. Кроме того, есть и другие сведения, позволяющие освободить вас под подписку о невыезде, без залога.

Какой может быть отъезд, когда жена в морге, а сынишка у психиатров?..

— Если, Перевалов, вы заподозрите, кто мог вторгнуться в вашу квартиру, жду ваших соображений.

4

Переступил свой порог и остановился. Горько стало не только оттого, что увидел на полу сгусток запекшейся крови, а и оттого еще, что даже не колыхнулась надежда, будто пригрезилось все происшедшее. Такие надежды жизнь дарит слабым натурам, чтобы они хоть на минутку утешились. А ты, значит, натура неслабая.

Мокрой тряпкой, стараясь не смотреть, стер кровяной потека. В комнате, опустившись в кресло, в котором услышал дикое обвинение, оглядел небогатую мебель. Шкафы и выдвижные ящики закрыты — нет, не рылись в них чужаки. Из домаш-

него бара достал водку, оставшуюся от какого-то праздника, налил бокал. И отставил: водкой горе не вытравить, а надо идти на скорбные хлопоты.

В морге мужчина в темном, прямо-таки траурном халате сочувственно покивал:

— Тело можете забрать хоть сейчас — экспертиза окончена, но советую с санитаркой договориться, она за малую плату обмоет и вообще приготовит...

В детском отделении психиатрической клиники женщина в белом халате, ослепительном до озноба, уверила, глядя в сторону:

— Вам сейчас не следует с сыном общаться. У вас голос дрожит, и в интонации есть что-то пугающее. А ему пока противопоказана встряска. Он не кричит и не плачет, но и не реагирует... Можете издали посмотреть, не показываясь.

В большой палате копошились на половиках подопечные дети. Олежка, не трогая игрушек, ходил вдоль стены. Дойдет до угла, остановится, наклонится, будто хочет что-то найти, и идет до другого угла. А там — то же... Кинуться бы к нему, прижать — нет, белый халат на пути...

Похоже, в этот день в городе меньше обычного было покойников: представительница похоронного бюро прибыла незамедлительно. Или сей сервис первым наладился в общей неразберихе?.. На городских кладбищах, даже окраинных, места загодя покупают, а ждать, когда взятка сработает, некогда. Но вот не так уж далеко есть к юго-западу от Москвы тихий погост, там и церковь поблизости есть, чтобы отпеть новопреставленную. Была ли Светлана крещеной? Нет — креста не носила, а отпевать некрещеную, кажется, не пристало...

Никого приглашать не надо. На службе нет закадычных друзей, будут там изобретать причины избежать скорбного мероприятия. Там, конечно, пересуды не скоро утихнут... И на почту, где работала Светлана, не придешь: «Подозреваемый в убийстве жены приглашает на ее похороны»...

Допоздна мучил себя то книгой, в которой строчки сливались, то телевизором, в котором гремели выстрелы и мелькали женские ляжки. Очень не хотелось попасть во вчерашний сон. Не попал, провалился в полное отупение.

Серенький автобус с черной полосой по бортам подкатил к самому спуску в морг. Вслед за активисткой похоронного бюро на землю сошли четверо мужиков в блеклых одеждах — наверное, созываемые с улицы, когда больше некому принять на руки гроб. Они отступили в сторону перекурить, а распорядитель-

ница спустилась в покойницкую с бельишком, платицем и туфельками для новопреставленной: ее-то ведь привезли сюда в том домашнем халатике, в каком была она в минуту убийства и почти неделю пролежала в ледяном подвале на цементном помосте. Спустя сколько-то времени служитель морга выкатил на лежанке с колесиками простенький гроб, обитый кумачом, с черными лентами по углам. Мужики внесли его через задние дверцы в автобус, опустили на железный пол между железными лавками, сняли крышку.

Светлана лежала, чуть запрокинув голову, хотя под затылок и подложили ей что-то белое. Лицо ее было какое-то ожидающее — будто она вот сейчас распахнет глаза и спросит: «Почему? За что?».

— Закройте!..

Один из мужиков недоуменно поморщился: в последний путь положено везти с открытым лицом, чтобы покойник мог еще немного ощутить покидаемый свет, прежде, чем будет наглухо засыплен землей. Но послушался мужик — он-то ведь подрабатывал исполнением просьб... Однако больше, чем это, тяготила горьковатая мысль, что никого не позвал на прощание со Светланой. Да, некого было позвать...

После долгих асфальтовых километров тащились еще и по грунтовой дороге, пока остановились у ворот погоста. Наверное, все более бойким становилось это сельское кладбище: уже и сторож встал у ворот, и продавщицы бумажных букетиков и венков в два ряда расположились. Купил букетиков, сколько поместилось в руке, и венков, не выбирая. К нему была прицеплена черная лента для прощальной надписи, а что написать-то? «Дорогой супруге, которую не уберег»?..

Мужики перенесли гроб на каталку, повезли вслед за сторожем, который знал последний адрес Светланы.

Это был погост на большую округу, конца ему не было видно. Прежде хоронили здесь, не соблюдая порядка, — просто кто какое приметит место для своего покойника. Теперь же довольно запущенный погост, густо поросший деревьями и кустами, понадобился и городским мертвецам — и оживился. Аллеи пролегли сквозь кусты и по старым могилам, новые потянулись тесными рядами, чтобы оставалось больше места для следующих...

Возле свежей ямы, на которую кивнул провожающий, остановились. За нею было еще несколько таких же ям. От самой дальней подошли двое парней — оба с заступами, оба в сильно поношенных, с глинистыми пятнами куртках, что подчеркивало обыденность мероприятия. Четверо мужиков, возившихся

возле гроба, немного помешкали, ожидая, должно быть, будет ли надмогильная речь, и сноровисто сняли его с каталки, пронесли, опустили у ямы на груду глинистой земли, на две широкие и длинные брезентовые ленты. Двое парней и двое мужиков ухватились за них, потянули — и гроб, пошуршав по краям ямы, сполз в ее глубину. Набирая полные заступы, парни будто наперегонки стали бросать туда землю. Первые броски гулко стучали о крышку гроба, потом потише, потом вовсе бесшумно, и образовался холмик. Парни повозили, пошлепали по нему заступами, пригладили, и он приобрел ровные, чуть покатые грани. Положили венок, покромсав его остриями заступов, повтыкали букетики, сломав их пополам, — чтобы не вернулись они на новую распродажу. Один из мужиков воткнул в изголовье могилы жестяную табличку с инициалами и фамилией здесь упокоенной. Другой достал из растопыренных карманов две поллитры, сунутые ему накануне всего этого действия. В два захода разлили по бумажным стаканчикам на восьмерых, включая провожавшего. Распорядительница ритуальных услуг не пошла дальше ворот — не на что было смотреть на таких похоронах.

Парни ушли к дальней яме, мужики потоптались немного.

— Подождать?

— Нет, сам доберусь.

Пусть думают, что хотят, если вообще они думают...

Рядом, на краю совсем недавно прорубленной аллеи, остался широкий пенек от рослого дерева. Он еще сочился глубинными соками, но в спине сильно ломило, ноги уже подгибались, и Перевалов сел.

Откуда-то с другого конца погоста доносился траурный марш, путался в кронах сохранных деревьев. Иногда легкий ветерок его отгонял, а с собой приносил едва уловимый колокольный звон. Ни марш, ни звон думам не помогали, да и не было дум, одно лишь шевеление где-то у сердца.

Слезы, что ли выкатились из глаз? Или это предвечерний туманец застит взгляд и мочит ресницы? Последний раз плакал в день своего сорокалетия, а почему — это еще не однажды всплывет и поднимется в полный рост.

Отмечать дни рождения, свадьбы и прибавления семейств почиталось в конторе чуть ли не долгом, отчего торжества были однообразно наигранны, не всегда искренни, хотя и предполагалось, что они сплывают коллектив, приглаживая неизбежные шероховатости. Дежурные бутерброды на письменных столах самого просторного кабинета, много речевых клише и чуть-чуть питья. На сорокалетие заглянул и Владислав Леопольдович — он не осуждал скромных и быстрых застолий, а на этот раз произнес тираду

насчет своего уважения к прилежным работникам и привёл цитату из Льва Толстого: мол, сорокалетие — лучший возраст мужчины, ибо ещё не поникшие силы соединяются с мудростью.

Посидели и по-домашнему, со Светланой за столом и Олеженькой на коленях. Жаль, мать ее померла за два года до этого — тихонько жила в задней комнате, ничего не просила, благодарила за каждую маленькую заботу и незаметно погасла... Со Светланой ласково поговорили, не поминая хлопот. Но, выйдя на балкон покурить, нечаянно вдруг разревелся. Какие силы, какая мудрость? Прикрыл дверь поплотнее, чтобы Светлана не услышала всхлипов и не кинулась утешать. Она и малые огорчения пытается разделить, а тут слезы едва ли не навзрыд.

В такую дату, на таком рубеже мысли невольно обращаются вспять, минувшее тормозит, чтобы ты свою ценность себе же определил. А что у тебя позади? Ничего нету там яркого, чтобы хоть перед собой погордиться. Ну, не числится подлостей за тобой, ну, крупного зла никому не принес, никого не поверг в печали, но какое сделал такое добро, чтобы о тебе не забывали? Да, все обыденно позади. Но зачем же опять вторгается в душу передуманное и пережитое? Снова, что ли, надо себя разбирать?

От предшествующих времен не осталось даже официального романтизма, который старшие поколения волновал, вовлекал их в бесконечное многотрудие первопроходцев, а тех, кто поспокойнее и послабее, призывал в своем малом видеть отражение великого. Погрохотали те времена — и рябью улеглись их волны. Разве что старцы, одряхлевшие там, на верху, по-прежнему витийствовали о крутизне светлых дорог. А в ответ требовалось послушание — как способ жить, избегая толчков. Значительная карьера весьма нечасто жидилась на значительных делах. Время очередей и протекций. Юношеский, а потом и молодежный запал в свою пору скрашивал и отодвигал неуютные впечатления, пестуя надежду, что все образуется, все пойдёт к лучшему. А вот оглянувшись, не скажешь, чем отмечена твоя молодость, и какая такая мудрость осеняет твою зрелость.

На юридической стезе высот не достиг: контроль над соблюдением разного рода обязательств перед секретным заводом страсти не требовал — так, бумажная канитель. Множество было совсем пустых дней, что на работе, что после нее. От скуки освоил корифеев мировой литературы, от скуки и сам взял в руки перо. Получилось такое:

*И снова ветер в тоскливый вечер
Дудит в окно.
Нет ни событий, ни милой встречи...
А! — все равно!*

На этом муза сбежала.

По чужой подсказке переметнулся в журналисты. Заметки из зала суда, по мнению многих коллег, удавались, только вот на крупные дела прессу допускали редко, а сквальный мелочевка тоже наскучила, потому что очень напоминала песню из Максима Горького:

«Один нищий повесил портянки сушить,

А другой нищий эти портянки украл»...

Правда, увлек другой жанр — очерки для средненькой газеты и такого же рода для радио о согражданах, которые рядом. Но мало-помалу возникло и укрепилось сомнение: люди вообще-то любопытны либо к знаменитостям, либо к соседям; рассказы о тех, кто не на виду и такой же, как ты, неинтересны, потому что незнакомцу завидовать нечего. Зато очерки дали умение делать уже и радиопильмы — жанр, поднимающий большие темы или пласты бытия. Только вот никак не удавалось точно понять, есть ли эффект у этих творений с живыми беседами, раздумьями вслух и музыкальным сопровождением — волнуют ли они, сердят ли, радуют? Пролетит в эфире очередной твой опус — и нету следов. Газета остается хотя бы в подшивках, а радио — всего лишь улетающий звук. Однако у радиожурналистов есть свой довод против газетчиков: в радиоволну селедку не завернешь и не используешь при известной нужде... Шутка шуткой, а благодаря высшему радиожанру утвердилась уверенность в том, что претотлично, профессионально, до конца освоено это ремесло. Ремесло, которое неплохо кормит, — не более.

Оно-то и помогло по переезде в Москву довольно легко устроиться в контору, которая на закате того времени держала в руках — нахваливала либо хулила, открывала либо тормозила пути региональной электронной прессе, сиречь телерадиовещанию. Поначалу было непонятно, позже смешно и забавно, а, в конце концов, и привычно, что люди, ничего не сочинившие, кроме занудных справок, очень похожих на донесения, судят творческие дела — кого-то низвергают, кого-то милуют. Впрочем, было это весьма типично для эпохи мечтаний, очередей, протекций и всеобщего послушания, и нечего пинать ее, когда она уж заглохла и не ответит тебе оплеухой. Себя попинай-ка, ибо эпоху делают люди. Хорошо хоть, что в том конторском вертепе была маленькая отдушина — группка журналистов, готовивших очерки о городах и весях для трансляции в поездах и туристических агентствах. То одного, то другого из этой группки привлекали к разработке обзоров и протоколов, а тебя, Перевалов, — особенно часто, признавая твое умение строить фразы. Стыдись теперь, не стыдись, а только причастность к

наиглавнейшим деяниям конторы и помогла тебе уцелеть, когда все вокруг рушилось, исчезало, становилось неузнаваемым. Она теперь являет собой нечто похожее на плавучий осколок напрочь разбитого корабля. Подпрыгивает на волнах, но держится на поверхности, а ты, вцепившись в него, на плаву удержался, не утянуло тебя в тину, что там, в глубине, как многих-многих.

Вот что нахлынуло в тусклый праздник сорокалетия и вырвалось коротким стоном в груди, а за ним и слезами. Но то были не такие уж тяжелые слезы — всего лишь досада на себя и огорчение от скудного на людей юбилея. Теперь же предвечерний туманец что-то быстро густеет, размывая окрестный мир. Со-трешь с глаз пелену — и окружающее яснее, помешкаешь — и снова оно расплывается. Такое чувство, будто бы ты от всего ото-двинут. Вот Светлана, хоть и в землю зарытая, в мире этом — своя, а ты для него как подкидыш, ничто не зовет, не притяги-вает. И так пребудет, пока не найдутся ответы на этот едкий вопрос — почему? Их никто не найдет, кроме тебя.

Никогда не было охоты перебирать фотоснимки давних дней чужой жизни и недавних — своей. В бессонные ночи — и в пер-вую, когда все же добрался с погоста, и во вторую, после тупой дневной дремы — не думалось, не читалось, и телеящик отпугивал всевозможными бедами, иногда подлинными, чаще разыгранны-ми, а фотоальбом выставился как очевидец минувшего.

Вот Светлана совсем ещё девочка — тоненькая былинка, ог-ромные глаза чуть испуганны. Вот постарше, среди подружек, которые рядом с нею, — толстушки. Каждый снимок помечен датой, но нет событий на них — гулянки какой-нибудь, торже-ства, просто радости. Детство и молодость без событий... Разве что вот возле нее паренек в новенькой гимнастерке — воротник ещё не ушит, оттопырен — новобранец, должно быть. Дальше он уже в гимнастерке прилаженной, в сержантских погонах. И — исчезает, в альбоме больше нету его следов. Ту свою пору Свет-лана поминала скупое: наверное, ее прошлое ничего не добавля-ло к ее настоящему. Групповые снимки с тетками-сослуживи-цами... Не было любопытства к ее работе, достаточно было знать, что она чем-то руководит, чтобы почта принималась, сортировалась и рассылалась налаженно.

Но вот повод всмотреться: Светлана вдвоем с мужчиной. У него резкие складки по краям носа и губ, залысины просвечи-вают, а вид напыщенный. Головы их наклонены одна к другой, понятно, что они только что между собой о себе договорились. Вот они за столом, рядом с двумя-тремя принаряженными гос-

тями, но срезан снимок, не видно, велико ли свадебное застолье. Это, конечно, ее первый муж. Вообще-то очень уж он простоват, в таких не влюбляются, разве что примут по его и своей доброте. Кто же он, однако, сам по себе, на какой ниве действует, почему они разошлись и со скандалом ли, мирно ли — это было неведомо, как и вся жизнь Светланы до фиктивного брака и случайного соединения. Тихие, вскользь оброненные, скупые слова не слагают картины.

А ведь жизнь так устроена, что порой прилетают в нее осколки из прошлого. Бывает, повернут ее к лучшему, бывает, и посекут.

Зябка стало от этой мысли. Не догнал ли Светлану такой вот осколок?

Так что же, следователю подсказать? Может, в его опустевших глазах заново появится интерес... Или не ждать, пока он и его сподвижники раскочаются, и вообще — раскочаются ли? — и самому взять кого-нибудь за горло? Может, груз уберется с души?..

Следователь пожал плечами, наклонил голову налево, потом направо и вздохнул:

— Конечно, любую версию, содержащую намек, надо проверить. Но я предлагаю вам не врывать к мне, пока я не вызову сам.

Ну что ж...

5

Чупахин, а такую фамилию носила Светлана, на новую не сменив по причине первоначальной фиктивности брака, проживал неподалеку — пешком можно дойти за минут тридцать-сорок, не толкаясь в автобусах, не вступая в глупые перебранки. Дверь чуть приоткрылась, и в узенькую щель, над крепкой цепочкой выставилось пол-лица — отвисший мешок под глазом и наморщенная губа.

— Можно ли увидеть господина Чупахина?

— В отъезде.

— Передайте ему, как вернется, что Светлану Чупахину он не увидит, если даже и сильно захочет.

Злой шелчок закрываемой двери был под стать скрипучему голосу. Ежели это — нынешняя чупахинская жена, так неудивительно, что его, возможно, и повлекло к прежней, а вышел скандал...

Оперативная практика подтверждает, что любому происшествию найдется свидетель, который чего-нибудь видел, слышал или предполагает. Следопыты, конечно же, порасспрашивали соседей и по другим подъездам прошлись, так что нечего к ним

стучаться, к тому же — откроют ли двери, не нарвешься ли на грубость или брезгливость? Однако вот к Ефимычу стучаться не нужно: он на вечном своем посту — на скамеечке у подъезда. И тетки-наседки рядом с ним не садятся: надоел он всем клянченьем.

Ефимыч хихикнул:

— А меня уже десять раз уговаривали, чтобы я обрисовал того мужика, который послал меня за самой хорошей водкой. А он какой-то такой без примет. А ты не хочешь, как он? А может, ты его и подослал, чтобы я надолго ушел. А?

Скотина пьяная — какой толк от него?.. Однако молва о таком происшествии, конечно, пошла дальше подъезда, всего дома, ближайших домов. К известиям о всяких катастрофах и насильственных смертях люди ныне привыкли, но если такое совершается рядом, пересуды долго не затихают. У молвы свои маршруты и сроки — она расходится сплошняком.

Первое, что пришло в голову, — о чем же судачат во дворе, не в твоём доме и не совсем рядышком, где все тебя знают и замолчат, если приблизишься, а в дальнем углу квартала, где и бывать-то не довелось.

Вот под деревьями с густой кроной протянулся длинный дощатый стол, врытый ногами в землю, вдоль него — лавки, отполированные задами. Как и повсюду, от рани и допоздна прочно сидят здесь мужики, иногда и женщины между ними, не прячась, выглядывают. Ныне такие компании разрослись — от безделья, конечно, часто, может, и не добровольного. За столом всегда тесно. Возникают на нем большие и малые, стеклянные и пластмассовые сосуды, опорожняются и вновь возникают — тешит компания похмельные головы. Мало кто пребывает в молчании, откинувшись на скамье, осоловело глядя перед собой. Большинство охвачено разговорами, притихающими и сразу же переходящими в громгласье. А по краям стола раскладывают картишки или склоняются над доской с шашками, а то даже и с шахматами. Еще не все развлечения хмель одолел.

— Можно ли посмотреть на вашу игру?

Один из шахматистов, совсем старичок, так низко навис над доской, что носом едва ли не водил по фигурам и при этом медленно жевал беззубым ртом. Соперник его, гораздо моложе, насмешливо за ним наблюдал — похоже, видел уже свою победу. Он и ответил:

— У нас за погляд берут.

— Понятно.

Выставил на стол поллитровку ходовой водки и объемистую бутылку с ходовым же пивом.

— Граждане! — провозгласил побеждавший. — У нас наметился новый друг.

Компания интереса не показала, но пиво и водка были лихо и точно разлиты по высоким пластмассовым стаканам. Люди в ней были все разные — постарше и помоложе, потолще и похудее, погривастее и поплешивее, и все же очень уж схожие не только изношенными рубашками и пиджаками. Что-то одинаковое соединяло их, какая-то общая причина, прикрытая каждым на свой манер. Только женщина, единственная среди них, отчетливо выделялась и своим присутствием здесь, и припухшим, свекольного оттенка лицом. Она первая заговорила, отдышавшись после глотков:

— Вот какой хороший человек набежал! А то Ивана не дождемся до вечера. Спорю на что хошь — не добудет он у своей жены ни рубля.

— А ты своему отвалила бы?

— А мой муженек так далеко слинял, что его и сотенкой не приманить.

— А он на прощание — поцеловал или побил?

— Ну да! Я бы его!..

— То-то у Сергеича из того вон подъезда вся щека расцарапана! Тебя боится и не приходит сюда.

— А надо сначала угостить, а потом уже лезть.

Не важно было, кто чего говорил. Важно было ожидаемый мотив уловить в их болтовне. Да, вот что у них общее — потерянности.

— Там водочки не осталось? У меня гост созрел. Я бы сейчас водки полный стакан засадил, чтобы вернулось время, когда не приходилось нам у кого попало выпрашивать рублики.

— Мне приятель предложил пойти в артель водить грузовик за малые деньги. Потом, говорит, прибавлю, если дела пойдут. Я отказался. Баранку крутить целый день и жить на такие деньги — тоска.

— А я все жду, когда начнут мочить тех, кто нам эту жизнь соорудил. Сопьемся мы окончательно без хорошей работы...

— Ага, надейся! Будут они сами себя мочить?

— Самые несчастные — наши жены. Мы-то — хрен с нами, а они чего только не терпят.

— Ну, да-а! Бывают такие злоки, что еле ноги от них унесешь.

— Вообще-то мужики больше свирепствуют.

— Ага. Вон в той стороне квартала один мужик жену прибил до смерти. Забрали его, куда следует.

— Я слышал, не такой он, чтобы зверствовать.

— Ну, теперь люди быстро меняются.

— Наверно, грабители нагрянули, а тут его жена...
— Ничего из той квартиры не унесли.
— Значит, он нажил себе врагов. Пришли с ним расправиться, а тут она вместо него.

— Все вы, мужики, привыкли бабами заслоняться!

Компания, пожалуй, и не заметила, что поредела на одного лишнего для нее человека. Напрасно надеялся уловить здесь хотя бы намек, хотя бы проблеск ясности. Такую компанию бездельников поневоле верные слухи обходят.

Чупахин, не переступая порога, спросил в открытую дверь:

— Можно ли увидеть Светлану? Нельзя? Она разве здесь не живет?

— Она вообще больше не живет.

— То есть — как?

— А так, что она похоронена. Заходи, если решился прийти.

У Чупахина уже не морщины, а борозды пролегли по краям носа и губ. И лысина во всю голову. И голос с хрипотцой — от волнения, что ли? Порог переступил несмело, будто опасался, что на него здесь обрушатся. Огляделся, наверное, отмечая, что изменилось в ней после него, а потом с минуту, а может, и дольше смотрел прямо в глаза, оценивая нового владельца. И очень тихо, как бы самому себе сказал:

— Кажется, не было в ней болезней...

— А она не сама померла.

Чупахин не шелохнулся, лишь прислонился спиной к закрытой двери.

— Это как — «не сама»?

Он без приглашения просеменил в большую комнату и сел в то же кресло, в котором неделю назад мужу новому пришлось сжаться от милицейского наскока. А в бывшем не было примет потрясения, лишь некоторое изумление, обычное при внезапной вести. Но все же...

— Скажи, Чупахин, без хитростей, к тебе милиция приходила?

— Кто-то приходил. Точно не знаю. Хозяйка у меня бестолковая.

— Жена?

— Нет, просто хозяйка. После Светланы я не нашел. И не хотел... А что значит — «не сама»?

— Убили ее. Прямо вон там, в прихожей, головой об угол шкафа.

— Кто? За что?

— В том-то и вопрос.

— Но подозреваемый есть?

— Да. Я, например. Есть и другие варианты.

— Один из них — я?

— Конечно. Может, по старой злобе. Или хотелось что-то переделить...

— Когда это произошло со Светланой?

— Сегодня девятый день.

— Да-а... Так я только вчера прилетел из Стамбула. И был там почти три недели. Свидетели есть и билеты. Так что мой вариант отпадает.

— Тогда помянем?

Помянули.

— Нет у меня на нее даже обиды, не то что злобы, — признавался Чупахин. — В том, что мы разошлись, я один виноват. Не потянул я такую женщину. Ничего ей не дал. Ни курортов, ни... Она ребенка хотела — не получилось... У нее пропала ко мне даже маленькая симпатия — это каждый час было видно. Она при виде меня все вздыхала, будто ношу какую несла. Не то что нелюбимый, а ненавистный стал — это всегда понимаешь. Я, когда ушел, все ей оставил. Нет, не было тогда, и сейчас нет на нее обиды. Я виноват, что не потянул. Мы всегда виноваты, если тому, кто при нас, нехорошо... Знаешь, пойду я. Напьюсь, а может, и так переживу.

— Давай еще вместе помянем.

Закуска не пошла, и хмель не действовал. Чупахин, казалось, все всматривался — этот новый муж, сменщик его, много ли хорошего Светлане принес? И говорил Чупахин, будто оправдывался:

— Незачем было бы мне с ней снова встречаться. Это ведь была бы уже не та женщина, а другая какая-то. За семь лет в человеке все клетки меняются, ни одной прежней молекулы не остается. Слышал про такое научное соображение?

— Душа, говорят, неизменна.

— Не знаю, душу не сразу рассмотришь

— А в Стамбуле что делал? Гулял?

— Работал. В очередной раз наладил для нашей артели торговый конвейер. Дело прочно стоит. Бывают заминки. Таможенники часто меняются, не успеваешь угодить. А так в общем-то... Светлану сейчас мог бы свозить хоть на Канары... А вы-то как прожили? Ребеночка нажили?

— Нажили. Он в больнице сейчас. Видел, как мать убивали, и какая-то главная жилка в нем порвалась...

Чупахин тут же ушел — не о чем говорить. Рук на прощание не протянули друг другу — не нужна больше встреча.

Как он сказал? Да, мы виноваты, если плохо тем, кто при нас. Расхожее суждение, а применимо к себе — разит.

Стало быть, двое мужчин было у Светланы Чупахиной — первый муж и второй. О других нечего и воображать: не замечалось в ней даже простительного из свойств гулены. Она для одного предназначалась, ему всю свою суть отдавала. Напрасно. Первый не смог, не сумел ей ответить хотя бы в обыденном, не говоря уж о высоком... А что же второй-то? По случайности появился, случайным и оставался... Но нет случайности в том, что ты, Перевалов, не оказался рядом в роковую минуту. Вот так-то! Теперь только и остается ждать, когда отыщется оборвавший эту никому не мешавшую жизнь.

Да, не из минувшего Светланы прилетел тот горячий осколок. Нечаянно попала она под чью-то злобную руку. Что-то очень похоже, что вина твоя не только в том, что тебя не было рядом. Не по твоим ли следам вошел убийца в ее и твой дом? Не ты ли нажил мстительного врага? Ну-ка припомятай!

В студенческие годы не было ни панибратства, ни стычек. Со всеми установились и до конца продолжались ровные отношения, без всплесков. Не было закадычных друзей, значит, не могло быть и ярых врагов. Это ведь непреложное правило человеческого общежития. Истина даже.

Нет, типом никчемным, совсем никому уж не нужным, не был ты ни в одну свою пору, хотя никогда в чужие драки не лез, а для своих — наверное, потому же — поводов что-то не возникало. Ни вокруг, ни поблизости не являлось что-нибудь такое, ради чего стоило бы чужие морды крушить и свою подставлять. Не соратник ты ни Еврипиду, ни Сенеке, ни Магомету, утверждавшим, что жизнь есть борьба. Впрочем, твое место и твое поведение среди людей тебе определяли те, кто властен определять.

Вот в Рязани, на секретном предприятии, куда направили по окончании вуза, рвение начинающего юриста, казалось бы, должно было вызвать прямые столкновения с нерадивыми компаньонами завода, однако вскоре служебное рвение опало, потому что всего-то дел было письменно дать правовую оценку нарушителям обязательств, а лицом к лицу ни разу никто из них не возник. Эти баталии вели коллеги повыше, иногда знакомые лишь понаслышке. Почему и казались тогда безмятежными те ранние молодые годы. Впрочем, так ли уж?

Дали комнату в общежитии. Приятели завелись — с кем в кафе посидеть вечерком, кому дать совет по простеньким неурядицам, а кто и попросится побыть в комнате с подружкой часок-другой наедине. Ну, пусть тешатся, если свою простыню принесут... Сам-то еще студентом еле вывернулся из интимной истории. Однокурсница была средних достоинств, просто по-

датливая, но претензиями напугала, еле уговорил остаться друзьями. У толкового юриста должны находиться убедительные доводы, но хватило и потёртого аргумента: «Супружество нам будет мукой», потому как без взаимной любви. Освободившись, зарекся вступать в легкие связи по одной только похоти, а влюбиться — личности всех прелестей не встречалось. Иногда шевелилась мыслишка о принцессе с приданным — ну, хотя бы с мохнатой лапищей у папаши. Топтал эту мыслишку и материл, а она, подлая, не помирала и требовала воздержания от предосудительных связей. К приятелям был снисходителен, никого не обидел, ни в ком ненависти не заронил. Тем не менее дружбы ни с кем не заводилось. В тихие времена в разведки и рейды не ходят, нет нужды в третьем плече. К тому же в рабочей среде оставался все-таки чужаком из конторы.

Томительно было в служебные часы: они состояли из просмотра и подшивания деловых бумажек, лишь иногда следовало обстоятельно изложить веское правовое резюме. Как-то сразу сообразилось, что карьеры здесь не совершить. Можно, конечно, и потерпеть, пока освободится ступенька повыше, однако, пожалуй, уже есть на нее вооруженный знакомствами соискатель. О другом же хорошем местечке до поры нечего было и думать: выпускника вуза на три года приклеивали к работе, на которую распределяли.

Увлеченный великими творениями, в которые погружался по вечерам, иногда вдруг, неожиданно для себя же, грезил: вот сочинить бы самому нечто большое, найдись мощный сюжет. Не находился, а скуку описывать — скучно. Сюжет, однако ж, образовался — не такой, чтобы описывать, а чтобы в нем жить.

Соседка по кабинету — сослуживица одинакового ранга, добродушная и суетливая, в течение дня убегала по домашним хлопотам, попросив быть на стороже. В награду угощала пирогами и происшествиями из рязанского бытия. Пироги были отменны, происшествия — неинтересны. Возраст ее колебался от тридцати пяти с утра до сорока пяти к вечеру. У нее была масса родственников и двое детишек — наверное, малолеток: что-нибудь сообщая о них, она усмехалась: «Поздние браки омолаживают». Она полагала, что житейская искушенность позволяет, расспрашивая, советовать.

— Ну-ка, Андрей Григорьевич, расскажите, как провели выходные? Всего-то? Да, всем уже ведомо, что вы не ходок. Рязань — не Москва, у нас походов не спрятать. Но, знаете ли, судьба вялых не любит. Такой видный молодой человек, очень неглупый, а жить начинаете вяло.

Насчет вида она, бесспорно, права — ростом повыше средне-

го, но не дылда, и разворот есть в плечах, и в зеркало посмотреть приятно: карие глаза расставлены широко, нос и подбородок — как у древнеримских легионеров, правда, волосы слишком мягкие и губы рисунка не твердого. И насчет ума не случавила, он еще проявится, когда отпустит трехлетнее бремя...

— Вы, Андрей, наше радио слушаете? А самый красивый голос, который там часто звучит, заметили? А самые милые очерки запомнили? Это все — Роксолана Поморская. Это — не псевдоним, это — настоящее имя, ей носить его незазорно, она — первая красавица среди моих подружек, а у меня уйма подружек. А вы знаете, кем была историческая Роксолана? Да, верно, любимая жена великолепного султана Солимана Второго. Вот я вас с Роксоланочкой познакомлю — она точно вас расшевелит. Вот вы меня с мужем в кафе или, лучше, в ресторан пригласите, а я ее приглашу, будто вы прямо-таки мечтаете с ней познакомиться.

Муж сослуживицы, хотя и был из чиновников городского масштаба, симпатий не вызвал, ничего приметного в нем не привлекало — если о такого, не зная чина, споткнешься, так и не извинишься. Впрочем, не ради него организовывалась ресторанный встреча.

Роксолана, протянув при знакомстве обе руки, чтобы, пожав их, обе и поцеловать, посмотрела так долго и пристально, что у сердца что-то чуть дрогнуло — либо удача будет, либо беда. Поодаль она казалась выше, чем рядом: очень уж плавно струились линии всей фигуры — полнота ведь или худоба приземляются. Рыжие волосы уложены под Клеопатру: челка в половину лба и прямые локоны вдоль щек до открытых плечей. Глаза длинные, малахитового оттенка. Лицо еще без явных морщин, но давно уж не детское. В общем, из тех она, на которых оглядываются, а то и стоят, глядя вслед.

Многие посетители ресторана — из местных, конечно, — узнавали ее и раскланивались, улыбаясь. Мужчины, конечно. Женщины лишь кивали. Обращались к ней «Сана» и «Лана». Любимица, значит.

Официант ещё не успел накрыть стол, как оркестр заиграл вальс-бостон, и она сама вдруг пригласила:

— Знакомиться лучше в танце, нежели за выпивкой.

Она пришла в платье до пола и прежде, чем подняться на танец, ловко отстегнула подол, открыв длинные ноги не слишком уж высоко, но повыше коленок. Танцевала послушно, часто поднимая взгляд.

— А вы почему в сторону смотрите больше, нежели на меня?

— Боюсь ослепнуть.

Когда вернулись к столу, она тотчас сообщила второй половине компании:

— Кавалер признал меня ослепительной.

Сослуживица откликнулась так:

— Ой, Андрюшка, это же признает весь наш город!

— Значит, я не оригинален. Жаль...

Спустя секунд пять, негромко и как бы по-актерски в сторону, Лана заметила:

— Мужское достоинство не в комплиментах. — И спохватившись, наверное, что поймут ее слова слишком узко, добавила: — Хотя, ежели честно, комплименты необходимы женщине от девичества и до старости.

— Обязуюсь научиться сочинять комплименты. Я ведь всегда без украшений высказываю очевидную правду.

Эта несложная мысль через несколько лет невзначай повернула жизнь...

Малозначимые разговоры перемежались разливом питья и паузами для заедания. Дамы баловались шампанским, супруг сослуживицы избрал коньяк и пил его, как бы вылизывая из рюмки. Да и самому нельзя было наливать спиртным: захмелеешь — и продолжение не состоится. Впрочем, не от слов, лишь бы не дурацких, зависит, будет ли развитие знакомства, а от самого факта чуть ли не семейного сидения.

Вообще-то все ресторанные сидения схожи, если нету соперников и неулаженных проблем. Главное — не озадачивать ни себя, ни компанию. Продолжение и развитие знакомства с такой броской женщиной зависит вовсе не от того, каким ты себя пыжишься выставить, а от естественного хода наперед понимаемых отношений. С первой же минуты быть самим собой эффективнее даже хитроумного наигрыша, ибо сразу же ясно, что от тебя не будет подвоха. Впрочем, не было тогда столь стратегических соображений, просто не хотелось показаться фальшивым.

И правда, за все застолье никакой нарочитости не промелькнуло, словно бы давние симпатии стягивали эту довольно-таки неожиданную компанию, и сидела она за обильным столом не впервой. Лана охотно поднималась на приглашения снова и снова войти в толпу то плывущих, то прыгающих в танцах, а чтобы не толкнули ее ненароком, приходилось слишком стремительный темп делить в движениях на четыре. Ее не раз приглашали весьма видные мужики, она отказывалась:

— Я на весь вечер уже ангажирована.

Это усиливало вдохновение, вспыхнувшее уже при одном ее виде, и укрепляло уверенность.

Однако из разговоров с нею в танцующей толпе и за столом только один стал значимым.

— Лана, я провожу вас до самой вашей двери?

— Да, конечно. Я сейчас совершенно свободна.

Нет, не задела догадка, что обычно-то она оккупирована.

У своего порога она мягко коснулась ладошкой щеки провожавшего, и хотя тотчас шелкнул замок, это было, конечно же, поощрение. И на четвертую встречу дверь ее не захлопнулась; Лана оглянулась даже с некоторым недоумением — чего не заходишь? И было так, как должно быть. После вина захотелось потанцевать, она прильнула, и осталось руки сомкнуть. И стало так, как должно было стать. На сохраненную мужскую силу она ответила изощрённо. Вспомнишь об этом — и в жар бросает...

Она казалась беспечной. О будущем не гадала и о прошлом своем не говорила. О родителях, например, всего лишь сказала:

— Они живут так далеко, что повидать их — целая экспедиция. — И тут же припомнила анекдотец: — Пришла к чукчам весна, двое присели на бугорок полюбоваться речушкой. Вдруг по небу — пыр, пыр, пыр. «О, — говорит один чукча, — самолет летит!» — «Лайнер называется», — поправляет его второй. «А, это геологи опять к нам летят. Опять всех девчонок нам перепортят». — «Экспедиция называется». — И первая засмеялась, не дожидаясь — смешно ли, понятно ли.

Унылой она не бывала. Разве что, садясь набрасывать свои радиопередачи, серьезнела на часок. Да и придумала себе жанр, не требующий публицистического запала. На заводе, в районном центре, а то и в большом селе собирала у микрофона самодеятельность, с помощью передвижной студии записывала песенки, стихи, сценки из спектаклей и ловко разговаривала артистов из народа по всему кругу их жизней, и получалось нечто привлекательное для всех. Это и принесло ей симпатии города.

Но сама она была к людям не слишком-то ласковой. Особенно к женщинам. Увидит бедняжку с ногами, далекими от идеала, и тут же кинет ей вслед:

— Как можно жить с такими ковылами?

Или в автобусе потеснит ее, пробираясь к выходу, какая-нибудь толстуха, она тотчас посоветует:

— Таковую задницу надо оставлять дома.

Тем не менее стычек не происходило: очень уж у Ланы была располагающая внешность. При первом взгляде на ее гладкое личико больше двадцати ей не давали. При втором — замечалась в ее глазах искушенность, и можно было накинуть лет шесть. А проницательный наблюдатель смело давал ей под трид-

цать. Впрочем, легкий нрав не то что зрелых, но и старух молодит, а женское притяжение отбивает арифметические потуги...

Но зачем же припоминать все это сейчас, в горькие дни? А затем, что надобно точно себе уяснить, не остались ли в тех сладких годах незабывчивые враги...

О себе-то Лана была молчалива, а сама все расспрашивала как бы ненароком, но часто, будто хотела увериться, что не ошиблась, приблизив вот такого, начинающего жить неумело.

— Тебе еще долго коптеть в заводской конторке?

— Конец обязательного срока подходит. А что?

— А то, что годика через три назначат тебя юрисконсультком старшим, через десять — может, начальником отдела из пяти человек, а там уж и о пенсии придет пора думать. Пока не поздно, искать надо иное.

— Ну, в адвокаты не тянет, в большие судьи тоже не скоро выбьешься. А вильнуть в сторону — надзор еще немалый срок сохранится.

— Почему?

— А потому, что если в главном цехе случится диверсия, в городе не останется и мухи живой.

— Ой, сейчас от страха помру!.. А давай я тебя начну в журналистику двигать. Начальство хочет, чтобы у нас на радио были вести из зала суда. Это несложно: факт и немного трепа вокруг.

Попробовал, понравилось, увлекся. Теперь-то понимаешь, что в освещаемых судебных делах не поднялся выше портянок, которые один нищий спер у другого... С завода выпустили, на радио взяли в штат. Попробовал описывать интересных людей — пошло, Лана даже удивилась:

— А ты, Андрей Перевалов, пожалуй, посильнее и меня. Я не призналась бы в этом, будь ты чужой.

Ласковые месяцы сами собой породили порыв:

— Ланочка, давай поженимся, а?

Она ответила через пять секунд:

— Давай. Выходить замуж надо на рассвете, а не на закате жизненных надежд жениха.

Свадьбу отметили бесшумно.

— О таком событии молва по всему городу и так побежит, — усмехнулась Лана.

С нею не было скучно не то что дня, но и месяца.

— Перейду-ка я на телевидение. Там спрос на красавиц.

И перешла с тем же своим милым жанром.

По-прежнему не бывала унылой, только вот поездки по области участились и удлинились, и возвращалась она что-то уж очень усталой. И в дни дальних отлучек приходила домой по-

здновато. Поэтому всплески супружеского интима становились все менее бурными, улеглись, сменившись размеренностью. А быт не сложился потому, что у обоих не было домовитости. Все ненароком, все походя. Забота об очаге была ей несвойственна. И насчет детишек у нее не было цели. На какой-то год, второй или третий, нет-нет, а высказывала мыслишка о хрупкой, прямо-таки стеклянной основе альянса. Порывы даже ураганной силы вечными не бывают. Нет, внимание Ланы еще оставалось широким.

— Я договорилась, есть у меня давняя дружба, что тебя от Московского радио будут посылать по стране для создания радиопрограмм о регионах. Поднатужься, не подведи.

— А чего тужиться? О городах, о любой местности надо писать, как о человеке, — что за особый характер, вид, связи, значение и что за люди эти свойства собой выражают.

Новый интерес поглотил. Поездил по Волге, по Уралу, по целине. Стараясь получше выстроить очередной радиоопус, просил у Ланы совета, верно ли выдуман ход изложения? Она отвечала неизменно:

— Никакого хода не нужно выдумывать, пиши, что легло на душу.

И правильно — из Москвы шли похвалы за свежесть мыслей и стиля, а неплохих гонораров вполне хватало иногда поужинать в ресторане, а не дома докторской колбасой.

Только вот областные коллеги что-то не умилялись. Завидовали, что ли, успехам пришлое сотоварища? Может быть, но скорее их отношение слагалось из досады и удивления удачливости дилетанта, будто сами они родились с пером и микрофоном в руке. Долетел как-то анонимный шепот:

— Ишь ты, новый Жорж Дюруа!..

Значит, по-ихнему, Роксолана — мадам Форестье, умевшая обеспечить взлет любовникам и мужьям? Потому-то, пожалуй, и не образовалось ни с кем закадычных отношений, так — на уровне «как дела?».

Но почему же «новый Жорж Дюруа»? Прежние, что ли, бывали. Ну-ну..

Обрушилось скудное, скучное, завравшееся время. Старые установления рассыпались в пыль, новые правила выдумывал чуть ли не каждый. Невидимые ноги без разбора пинали, невидимая метла швыряла в лицо чужой сор и тебя норовила подмести вместе с мусором. И появился откровенный недоброжелатель.

Низенький, щупленький, остроглазый, явно с наполеоновским комплексом. Из газетчиков был скинут на радио. Наверное, потому и придиричивый.

— Замечательно, что вы Первалова хвалите сдержанно. За что хвалить-то? Да все его произведения намазаны розовой краской. Кому от них стало холодно, кому — жарко? Хоть бы мотивчик борьбы ради чего-то был у него. Типичное подголосье вождем, морочившим головы надеждой, в которую сами не верили.

Пришлось защищаться:

— Я рассказываю о хороших людях, которые...

— Да какие у тебя «хорошие люди»? Благодушное сюсюканье — и не более!

Сам-то он в газетке своей немало поплясал на трупах недавних правителей, уже, кстати, бессильных сокрушить критикана, но вот когда гневно полез против нуворишей, ему и поддали под зад. Чудак, право, не сообразил, что, нападая на одних скоробогатеев, яд свой изливает в пользу других, от них заручки не получив.

Задержал его как-то при всех:

— Послушай, ты чего ко мне придираешься? Завидуешь?

— А чего мне тебе завидовать? Я в любовниках твоей супруги не числюсь.

— Чего? — Рука потянулась сдавить ему горло.

— Что «чего»? Тоже мне секрет Полишинеля! Ты вон у людей поспрашивай, они больше знают.

Надо было побить его, да наблюдатели помешали бы...

А бывает разве, чтобы любовники завидовали мужьям?..

Понятны теперь быстрые, но тотчас отводимые в сторону взгляды сослуживцев и сослуживиц...

Так что же — установить за Роксоланой слежку по всем правилам сыска? Зачем? И без этого ясны ее неурочные утомления и отлучки долгие и без причин. Порядочнее прямо спросить:

— Лана, до меня дошли слухи о твоих похождениях.

— Да? Я думала, что знаешь, но значения этому не придаешь.

— Значит, ты меня держишь за тютю?

— Я тебя никак не держу. Я думала, ты согласен, чтобы я жила, как хочу. И до тебя, и с тобой, и после тебя.

— Давай разойдемся.

— Давай.

Регистраторша в загсе, поставив в паспортах штампики о разводе, усмехнулась:

— Вы, гражданка Поморская, уже в четвертый раз освобождаетесь от мужей.

Усмехнулась и Роксолана:

— Это они от меня освобождаются.

Ну что ж, женщина для всех — немного и для тебя...

Нет, не осталось недругов в тех годах. Зависть тех коллег к твоим удачам, конечно, исчезла со временем, да и была-то она у всех, не у одного кого-то, особенно ярого. И тот щуплый недоброжелатель подевался куда-то еще до отъезда в Москву, да и придирки его были профессионального свойства, не злобного по-житейски. Из мужей Роксоланы никто не выплыл с претензиями, и из любовников ее никто не возник с угрожающим «Прочь с дороги!». Нет, не осталось там такой вражды, чтобы через столько лет вдруг ожить.

А ближние годы?

Прощаясь, Роксолана дала последний совет:

— Ты уезжай-ка отсюда. Ты ведь не стал здесь своим, а сейчас вообще... Из моих мужиков никому потом не везло... Ты двигай в Москву — вдруг там пробьешься.

Супружество с ней дважды сказалось: ее московские знакомства навели на разведенку, согласную на фиктивный брак, и открыли двери в работу.

Позади была все же творческая среда, здесь же, черт его знает, — аналитики вроде бы, точнее сказать — анализаторы процессов, происходящих в сфере, где сами они ничегошеньки не совершили. В группке, рожавшей простенькие передачи огородах и весях, выпало поработать всего-то чуть больше года: закрыли ее, потому как некому стало оплачивать таковую продукцию. Люди, ее составлявшие, расплозились, остались лишь те, кому удалось приспособиться к основным задачам конторы — как ты, кому удалось вцепиться в этот осколок кораблекрушения — как тебе. Да и костяк конторы когорту личностей не составлял. Полтора десятка стареющих теток и мужиков. Всего — три исключения.

Во-первых, конечно, Виктория Александровна — лапочка, многолетнее утешение. Не звала, не приманивала, но с первого подхода пустила к себе и в себя и потом ни разу не оттолкнула. Чем-то схожа она с Роксоланой: подозреваешь соперников, а назвать поименно не можешь. Теперь-то к ней не придешь, и не потому даже, что выдал ее и вовлек в свою беду, а потому, что сама беда эта не пустит..

Во-вторых, пожалуй, Сашенька Петушков — тридцатилетний насмешник, болтун и бездельник. Сотрудниц конторы он величал «наши ортопедические дамы». О симпатичной девушке отзывался так:

— И нога под ней есть.

Как-то в хмурую минуту после нервного совещания, на котором каждый получил свою долю разноса, он шепнул:

— Я тоже от указаний начальства мысленно блюю.

Знал, что донос не грозит.

Он мог, сидя за своим столом без всякого дела, часами изображать задумчивость, а на перекуре докладывал результат:

— Интересно, пивом торговать веселее, чем тут у нас?

Но к нему не приставали, не трогали: где-то очень высоко охраняла его от напастей очень мохнатая лапа. Приятели его и подружки были все на стороне, от коллег и самой конторы ничего ему не было нужно — он просто, похоже, переждал, когда его пересадят на место получше.

Изредка удавалось ему содрать из старых протоколов и справок неколебимые соображения, его тут же хвалили, а он отвечал:

— Не боги горшки обжигают, а тетя Маша и дядя Федя из Передрепинска.

И, в-третьих, сам Владислав Леопольдович, единственный напрямую доступный начальник высокого ранга, именуемый Судакон. С гудения, оборвавшего его речь, и выговора от него и начался тот проклятуший день... Вообще-то Судакон не был гневлив — заметив небрежение или прокол, он не гнев выражал, а огорчение: похоже, предполагал, что за каждым его подчиненным тоже стоит мохнатая лапа.

Его же верной рукой, коей он водит конторой, неисчислимы года была Алла Михайловна Пиева — старушенция библейского возраста, тем не менее деловитая до самозабвения. Требуя того же от подопечных, она время от времени внушала им:

— Такая работа, как наша, иногда требует отречения от личной жизни.

Почему — не разъясняла, иначе пришлось бы ей в пример привести себя. Другой ее выпад, едва заметит пренебрежение, — «Пора и власть употребить!». Однако до воплощения угрозы не доходило. Был слух, что некогда она рьяно разоблачала противников высших установлений, но, узнав, что ее энтузиазм искромсал несколько судебных, зареклась подставлять людей под расправу, даже вроде бы поклялась быть ко всем осмотрительно доброй. Кроме работы, давным-давно нет у Пиевой ничего, потому как, отбежав от неё когда-то, никто к ней больше не приближался. Те услуги, похоже, и до сих пор не позволяли прогнать ее на заслуженный отдых.

Вот она-то, пропитанная волей начальства, и ведет дела конторы, понукая подчиненных своевременно направлять запросы в назначенные им регионы, получать справки и выделять в них главные сведения. А дальше — очередь единственно толко-

вого сотрудника по фамилии Перевалов, который из всей этой каши выберет и ясно изложит то, что обоснует позиции руководства.

А больше и нет никого в сером комке сослуживцев, кто вплыл бы в твои раздумья о твоей беде. А ежели не врет память о тех, кто в грудь или сбоку прикасался к тебе, к кому ты прикасался или обходил стороной, ежели и у следствия нет внятной и неколебимой версии, остается одно, пусть и смутное предположение. Нынешняя расхлестанная жизнь, разметавшая добрые правила, нелепо суровая к одним и нелепо же неуступчивая к другим, вобравшая все плевелы — от холодной брезгливости до ярости на безвинных, в кипении своем выбрасывает раскаленные брызги, и они беспричинно обжигают и убивают таких, у кого нет от них заслона. И адрес, откуда выбрызнула твоя беда, может быть недостижимо далеко, а может — и рядышком где-то.

Может, какой-нибудь бедолага принес смерть нечаянно, мимоходом, надеясь на поживу, но испугался, удрал и теперь кается в подвале неподалеку. А может, пьяная нелюдь сотворила гибель слабенькой женщины и похваляется тоже поблизости. Если случайна твоя беда, так вдруг и носитель ее выявится ненароком.

7

В своем квартале не осталось ни крысиных подвалов, ни мусорных пустырей благодаря обитателям воздвигнутого в центре его прекрасного здания, вставшего вместо предполагавшейся здесь спортивной школы. В подвалах, вычищенных и подкрашенных, обосновались склады и магазинчики, пустыри покрылись жирной землей, быстро поросшей пышной травой, заменили даже облупленные столики и скамьи, оккупированные похмелюгами. Не поленилось и не поскупилось жилищное управление, но ведь и малышке понятно, что оно трепещет перед владельцами строения новейшей архитектуры.

А вот в соседнем квартале такого здания пока что не возвели, почему таких же забот о себе он не удостоен. Здесь обветшавшая пятиэтажка времен нахрапистого, да поверженного пророка стоит вся в трещинах на стыках панелей, с пустыми проемами для окон и дверей — должно быть, команда о сносе ее застряла под привередливым сукном. Домишко еще зимой отключили от света, отопления и воды, но под вечер к нему стекались и таяли в трех подъездах, а утром неторопливо вытекали из них цепочки заторможенных людей в одинаковом рванье, с одинаково мутными глазами и грязными щетинистыми лицами — представители новейшего социального слоя, граждане без оп-

ределенного места жительства, короче — бомжи. Каждый из них и все вместе они вызывают брезгливость, однако ж не миновать их, коли решился своим путем поймать хотя бы намек на источник беды.

В чуланчике, нижних ящиках комода и в платяном шкафу нашлось немало тряпья — Светлана приберегала его на черный день. Теперь все дни будут черными такой чернотой, что ее и позолотой не просветлить... Интересно, бывают ли нищие жадными? Хорошо бы: если жадность утешить, она развяжет память и языки. Тряпья набралось целый тюк — и штаны, и свитера, и кальсоны с начесом от холода.

В срединном подъезде обреченной хрущевки густо воняло всяческой вонью. Наверное, крысы перебежали в этот подвал из других, облагороженных, и тащили падаль сюда. Наверное, и туалеты напрочь загажены. Правда, чем выше по этажам, тем вонь помаленьку ослабевала. На верхнем уже было терпимо: ветерок гулял по квартирам, втекая в пустые проемы. Слева слышались раздраженные голоса — перебранка, похоже.

— Здравствуйте, граждане! По какому поводу спор?

Был ранний вечер. В оконный проем светило закатное солнце, и можно было за секунду рассмотреть и квартиру, и спорщиков.

Это все-таки было жилье. От прежних ли хозяев оставшийся или добытый на свалке, стоял у длинной стены раскладной диван, прикрытый линиялым покрывалом и заляпанными подушками без наволочек. За столом, вплотную придвинутым к дивану, сидел крепкий мужик, не очень-то и заросший, в куртке помятой, но еще довольно чистой. Чуть поодаль на диване же расположилась женщина. Она оперлась локтем о стол, и лицо опустила на откинутую ладонь. На столе поверх обрывков газет была разложена какая-то снедь, а по краям его сидели на табуретах еще двое участников пира, помоложе и фигурами пожиже крепкого мужика. Он и откликнулся:

— Компанию ищешь или — где поспать?

— А может, и с кем поспать? — хихикнул один из тех, что помоложе, брюнетистый.

— Ага, — поддержал его другой, рыжеватый. — У нас полный набор услуг.

На свой манер, но общительны.

— Нет, ребята, в услугах я не нуждаюсь. Скорее, наоборот.

На ворох одежд, выложенных на край дивана, они поглядели без интереса. Только женщина распрямилась, вскинула голову, чтобы лучше увидеть, и вздохнула:

— Нет женского. Жаль.

Да, тащить сюда что-нибудь из одеяний Светланы было бы мерзко...

В этой женщине тотчас отмечалось броское сходство с той, что сживала среди похмелюг. У всех спившихся появляется общий признак — фиолетовая одутловатость лица и водянистые мешки на щеках. Но та будто бы выбежала из кухни, а у этой тени густо наведены вокруг выцветших глаз, и губы горят алой помадой. Последняя, что ли, приманка?..

Брюнетистый скучающе возразил ей:

— Другое жаль, что эти штаны и — что там еще? — на водочку не обменять.

— А зачем же менять, ребята? Сами носите. А я, предвидя общение, кое-чего прихватил.

Увидев на столе сразу две поллитровки и пакет к ним, женщина и молодежь оживились, заулыбались. Крепыш, не старик еще, хотя седой и морщинистый, однако, только прищурился — будто прикидывал, не туфта ли? Неторопливо, будто уговаривая себя не спешить, плеснул в заляпанные стаканы граммов по сорок. Спивающимся и малая доза велика. Себе, правда, чуть больше, и выпил единым махом, как и двое других. Женщина же свою долю процедила сквозь зубы. От водки взор ее заблестел, и без особого воображения можно было представить, что не так уж давно была она совсем ничего... Закусили, отщипывая кусочки от зачерствевшего хлебца. Едва передохнули, как распорядитель застолья еще раз плеснул каждому, как и по первому разу. Однако жильцы брошенного тотчас осоловели — сильнее, чем бывает при таких тихих дозах, особенно рыжеватый. Он выхватил из предложенной пачки сигарету, курил быстрыми затяжками, стряхивая пепел так резко, словно бы наполняя энергией для серьезного дела. И точно: докурив, уставился в их жоака и заявил твердо, подкрепляя кивками головы нечетко выговариваемые слова:

— Сейчас моя очередь. А других разных мнений не признаю.

Вторая фраза была сказана в упор женщине. Она поднялась и толкнула оратора в плечо:

— Надоел ты мне своим трепом! Идем, если готов...

И, ни на кого не взглянув, прямо-таки деловито пошла в смежную комнату, дверной проем туда занавешивала плотная тряпка. Рыжеватый схватил свой стакан, сообразил, что в нем уже пусто, поставил обратно и, тоже ни на кого не глянув, как бы с ленцой направился следом.

Брюнетистый, насколько смог, развалился на стуле.

— Застеснялась Инесска чужого. А при своих она любит, чтобы смотрели...

Из смежной комнаты донеслись хрипловатые стенания и всхлипы. Брюнетистый подрожал плечами, сдерживая смешки, и снова заговорил, видно, от выпитого потянуло его на словоохотливость:

— А я считаю, первым должен быть тот, кто больше добудет на стол.

Седой крепыш разворачивал пакет, выложенный вместе с водкой, но откликнулся, посмотрев на этого оратора вполне трезво:

— А какая тебе разница — первым или вторым? Один хрен. Инесса и на десятый заход согласна.

— А такая разница, что иногда не хочется в чужой плевки лазить.

— Э-э, дорогой, мы тем и живем, что лазим по всяким отбросам.

Брюнетистый стал раскачиваться на стуле — в такт то ли стенаниям в смежной комнате, то ли мыслям своим. Они оба, казалось, не замечали, что за их столом еще некто сидит. Вожак развернул пакет, обнаружил кольцо колбасы, открыл третью бутылку, прицелился было разлить, но вдруг передумал и посмотрел долго-долго:

— А хочешь, Инесса угодит и тебе? Вот наш друг говорит, что преимущество у того, кто больше приносит. Не готов? Пьешь мелко, бабу не хочешь — тогда зачем к нам пришел? За обноски и угощение мы, конечно, премного благодарны, тем не менее, вопрос правомерный: чего тебе от нас надо? Если позовешь на какое-нибудь серьезное дело, так мы — народ, честно сказать, пустяковый и ненадежный. Ну, если тяжелое что-то перетащить.

— Меня привело к вам скорбное любопытство.

— Вот как? Сразу и не сообразить. Сочувствие или простейшее любопытство к нам, бесспорно, имеет скорбный оттенок, однако, знаешь ли, может и огорчить. Ты, судя по виду, хоть и небрит, как мы, не в товарищи к нам явился. А тут, знаешь ли, на другой улице возник один любопытствующий. Исследователь бомжей и бомжатников. «Я, — заявил, — журналист социологического направления, меня глубоко интересует каждая потерянная судьба. Это, — заявил, — сыграет роль во благо таким, как вы». С неделю ко всем приставал, по плечу хлопал, чекушки совал. И так надоел, что его, отваживая, так побили, что, не знаю, отлежался ли он к сему дню.

— Жестоко. Он же помочь хотел.

— Помочь? Он на нас подзаработать намерился, материал подбирал. Это же по тому, как он выспрашивал, было понятно. Сначала ввали ему, а потом надоело. Помочь? Да какая же по-

мощь, если власти на всех своих этажах так отвернулись от людей, что в одной только Москве тысячи нас, выброшенных на свалку. «Подыхайте хоть от голода, хоть от заразы, никому вы не нужны». Мы-то, пожившие, — хрен с нами, а детишки? Эти, что сумели нахапать, они, что ли, не видят, не слышат, не знают? А власти, ими же подпираемые, о них думают в первую очередь, и во вторую, и в пятую, потому что они, видишь ли, знаменуют собой эпоху, а прочие, которые просто живут, ничего не знаменуя, — у них очередь задняя. А мы — вообще гниущая сволочь, скорей бы мы передохли, меньше будет проблем у властей. Так что нечего к нам подлезать, остатки наших душ теревить! На меня наплевали, и я на всех плюю!.. Что-то еще тянет выпить. Тебе плеснуть? Хорошо, что не брезгуешь. А что же это у тебя за «скорбное любопытство»?

В эту секунду из смежной комнаты вышла женщина, растрепанная, в распахнутой куртке, не скрывавшей голые груди. Плюхнулась на диван.

— Вечно он сразу же спит!.. А еще хорохорится!

Посмотрела на пустой стакан и просительно — на жоака. Он и ей плеснул. Быстренько выпила, откинулась и закрыла глаза. Утомилась...

— Так что же это у тебя за «скорбное любопытство»? — повторил седовласый вития.

— У меня убили жену. Прямо в квартире. И при сынишке. Из вещей ничего не взяли. То ли испугались, то ли другая причина у этого происшествия. Сначала меня подозревали. Но отпустили. У следствия ясности нет. И я подумал: молва широко гуляет, так вдруг такие, как вы, которые всюду ходят, все видят и слышат, может, и про мое происшествие что-то слышали и по цепочке порассказали.

— Хоть всю московскую бомжатню обойди, ничего не узнаешь. Мы в налетчики не годимся. Наша сфера — на свалках копать и кланчить. И маленькие услуги, когда повезет. А урки с нами не знают. Мы для них — вошь, как и для государства. Напрасно ты к нам нацелился, не по адресу. Наивный ты человек, этим и нравишься. Ты к нам еще приходи. Обмен огорчениями утешает.

— Под каким именем тебя вспоминать?

— А у меня уже имени нет. Зато, кроме бомжа, есть еще один титул — бич. Так когда-то по-блатному величали бродягу, а теперь это — научная аббревиатура: бывший интеллигентный человек.

Женщина, хоть и дремала, а слышала разговор, потому что вдруг пробормотала:

— С проститутками потришь, они могут чего-то знать. Мужики любят перед девками повыпендриваться.

Проститутки со стажем часто называют себя по блатной старинке «барухами». В этом выражается некая лихость, даже бравада. Грубое слово отбрасывает насмешку. Для клиентов же все они — «девочки»...

Вот стоят они группками по краям магистралей, прижимаясь к стенам или оградкам. Тормознет, остановится долгожданная легковушка, коротко просигналит, потребитель выставится из кабины, и они тотчас строятся в ряд, дабы отчётливо показаться: юны ли, смазливы ли? И если, углядев потребное, легковушка не отъезжает, к ней, преобразившись в запредельную любезность, подбегает бандерша. Она чует, на какую девочку, какому клиенту, какую выставить цену, и сама же принимает ее. Она и номер автомобиля запишет, когда он, вобрав в себя девочку, а то и девочек, отъезжает, — дороги они ей, потому как немало истратилась и сил приложила немало, превращая дикарок в умело податливых обаяшек.

Но сюда глупо соваться: пешеходов здесь не приемлют, разве что подойдет постоянный либо очень уж щедрый клиент. К тому же в автомобилях подъезжают обычно довольно состоятельные седоки — зачем им врывать в небогатую квартиру и, не взяв ничего, убивать скромную хозяйку?

Интернет и газеты полны скабрёзных призывов с приложением телефонов. Прямо-таки агентства интимных услуг. Хоть в салон отправляйся, хоть на дом утеху зови. Но эти разнообразнейшие предложения адресованы, конечно же, тем, кто разбогател не мелочными налетами. Нет, ширпотреб надо искать. Нацелиться надо на «барушек», промышляющих в одиночку или всего только парой, готовых и на квартиру пойти, и в подъезд, и в сквер на скамейку.

При первом же заходе высмотрелись на обочине бульвара, безлюдного по вечерам, две фигурки. Они мелко топтались, подаваясь вперед, когда мимо проезжал неторопливый автомобиль, и без конца озирались по сторонам — не подходит ли кто полезный. Обе были в коротеньких безрукавках, оставлявших открытыми голые животы, и узеньких юбочках, обрезанных до предела, отчего ноги их представляли длиннее и соблазнительнее.

— Девочки, давайте зайдём на рюмочку в кафе и, может, поговоримся.

Одна, высокая, с костистыми плечами, показалась совсем молоденькой. Вторая, поприземистей и поплотнее, с декольте, выставлявшем почти все груди, — постарше. Она и ответила:

— Так ведь уговоры с нами наперед известны.

— А я — новичок, и мне нужны предварительные беседы.

В кафе неподалеку, здесь же, на бульваре, их, похоже, неплохо знали: бармен посмотрел на них без интереса.

— Что будем пить — водку, коньяк, вино?

Ответила старшая. Она, конечно, верховодила младшей — и натаскивала ее, и опекала.

— Водка снижает бодрость, коньяк — рановато. А вот мартини не жалко?

Младшая выпила ловко, но молчала по-прежнему, зато старшая не смолкала:

— Спасибо заранее, дяденька. А насчет уговора все ведь известно. Такса зависит от продолжительности и места: на улице — одно, под крышей — другое.

— Погоди, пожалуйста. Тебя как зовут?

— Изабелла, — сказала она без запинки.

Младшая назвалась, как бы споткнувшись языком обо что-то:

— Агнесса.

— Ну, ладно. — Понимающая усмешка их отпугнула бы. —

Так вот, Изабелла и Агнесса, мне самих вас не надо, но я обеим вам заплачу максимально, если у нас получится разговор.

Младшая сразу же как-то сжалась, а старшая скосила взгляд.

— Разговор я предлагаю совершенно для вас безобидный.

Пришлось еще принести мартини, чтобы они поразмякли. И правда — старшая, быстро выпив, осмелела:

— Впервые встречаю мента угощающего.

— Успокойся, никакой я не мент. Скорее, наоборот... Так вот, случилось у меня большое несчастье. Происшествие, как говорят менты. Они запутались, а я сам, помимо них, хочу установить, кто принес мне беду. Так вот, девочки, у вас уйма постоянно обновляющихся знакомств, и не всегда одноразовых, бывают и повторные встречи, общение даже. Так вот, не так уж далеко отсюда поздно вечером убили хозяйку, а из квартиры ничего не унесли. Может, кто-нибудь из ваших постоянных или разовых знакомых по пьянке хвастался, или жалел, или еще как-то об этом случае говорил? Может, хоть намек возле вас пролетел?

— Женька хвастался, что кому хошь морду набьет, — сказала вдруг младшая.

А старшая призадумалась:

— С неделю назад пригласили грабанутое прогулять, но это ведь совсем уж другое, там без крови было, чисто... Нет, дяденька, твое дело из другой оперы. А несчастье у каждого есть. Если вот я начну своих обидчиков искать и наказывать, так моей жизни не хватит. Я их всех помню, только силы нет им ответить... Спасибо, дяденька, мы пойдем, еще время есть... Пошли, Галка!

— И все же, если узнаете что-то, я заплачу..

— Ой, дяденька, какой ты смешной! Мы же по-другому себя продаем...

Стало быть, наивен и смешон. Да, верно. Глупая и безнадежная это затея — через бомжей и проституток искать концы: сами они люди потерянные, а всех — сколько их! — не переберешь... Да, наивен ты и смешон. Беда упрощает человека и отчуждает его от всего окружающего, если сам же он в ней виноват. Беда с доставкой на дом...

Неужели во всем многомиллионном граде нет никого, кто распахнул бы жилетку поплакаться? Разве что совсем уж далеко оглянуться — в те годы, когда не мог вызвать и маленькой зависти. А сколько давнее ни буди, лучше Ильи Соломонова никого не припомнить. Он уже в студенчестве выделялся мудростью, фамилии своей соответствуя, был на особой примете, и назначение получил самое, пожалуй, заманчивое — в прокуратуру под Москвой. Скоро перебрался в столицу, не окольными путями, а напрямую. Как-то виделись невзначай, и он вроде бы обрадовался однокашнику, и успехами не похвастал. И еще как-то недавно, когда потянуло на рюмку в укромный бар, повстречался при выходе. Выбравшись из лимузина, он в сопровождении солидных мужиков направлялся в то же питейное заведение и остановился, приветил. По студенческим временам все скучают, потому что молодость озаряется надеждами... Всего-то тройку минут пообщались, а он успел рассказать, что из прокуратуры переметнулся на противоположную сторону: из обвинителей — в адвокаты. Почему — догадаться несложно. Хоть на мелкого взяточника, хоть на кучу миллионеров обрати меч правосудия, вознаграждение одинаково скромное. А вот ежели от миллионера этот меч отведешь!.. Найти его просто: реклама адвокатского агентства Игоря Соломонова с претенциозным названием «Истина» часто мелькала на улицах и в газетах.

Секретарша одарила улыбкой, проворковала в невидимый микрофон о визите коллеги-приятеля и, не снимая улыбки, попросила подождать минут десять. В приемной не было ничего показного, никаких антикварных вещичек, цветочных ваз или шкафов, распухших от папок и книг, но на стенах, нависая над зрителем, красовались две большие картины: под одной табличка с названием «Notre Dame de Paris» Соломонов, наверное, переводит невежам: «Собор Парижской Богоматери», под другой — «Moulin rouge» (кабаре «Мулен руж»), пояснил бы Соломонов незнайке). Обе они, возможно, и были приобретены на Монмартре, что внушало соображение о размахе интересов и связей агентства. И в мебели не было шика, однако ощущалось

уважение к посетителям: перед просторным и мягким диваном, между такими же креслами — столик с журналами, деловыми, без малейшей фривольности, а поодаль на тумбочке — бутылочки с невинными напитками и бокалы.

Назначенные минуты уже истекли, когда из шефского кабинета вышел задумавшийся мужчина в темно-сером костюме из лоснящейся материи и рубашке со стоячим воротником, с вовсе не лысым, но начисто выбритым также лоснящимся черепом — то ли пока налетчик, то ли уже делец, невидяще оглядел потолок, стены, секретаршу и ушел, не попрощавшись. И следом за ним в двери возник Илья Соломонов — на пороге встречать. И руки развел, однако, не для объятия, а для приглашения в кабинет.

Успешные люди изменяются медленно. Все такой же он — без малейшей сутулости, потому как ростом не вышел, и умные глаза с юной задоринкой, и по-прежнему щегольски одетый. Нового — лишь еще более явная эдакая радушная значительность. Он, наверное, и на прокурорской стезе был к подследственным так расположен, что казалось, пытается вытащить их из неминуемой бездны, а сейчас и вовсе излучал стремление творить добро, которое выше даже и правосудия.

И кабинет его был под стать приемной, но попросторней и на стенах висели картины иного толка — пейзажи будничной, не парадной Москвы. Он не стал предлагать стул напротив хозяйского места за обширным письменным столом, на котором лежал всего лишь огромный блокнот, раскрытый на чистой странице. Он распахнул узенькую дверцу и тем же радушным взмахом руки пригласил в заднюю комнату и только здесь, пожав руку и хлопнув по плечу, сказал:

— Ну, привет, Андрюшка! Молодец, что заглянул. Хоть пару раз за столетие, а надо встречаться.

Это была комнатка для особо откровенных бесед — может, даже более чем бесед, ибо диванчик, легко раздвигаемый в ширину, и просторные кресла так и манили окунуться в их мягкую глубину. А на затейливом столике стояли бутылки весьма авторитетного содержания — «Martell», «Bordeaux», «Aralooza»...

— Выбирай, Андрюшка. По старой ли памяти ты заглянул, либо по делу какому, а, прежде всего, надо встречу отметить.

Не дождавшись выбора, Илья Соломонов разлил в хрустальные рюмки «Martell». Когда выпили, снова хлопнул по плечу:

— Ну, рассказывай, как жизнь, как семья?

— Один много поживший человек на вопрос «Как жизнь?» всегда отвечал: «Уходит...». А семья... У меня семьи больше нет. Сынишка навечно в больнице, а жена умерла. Точнее — убили ее.

— То есть как? Кто? Когда? Почему?

— Третья неделя пошла, а кто и почему — неизвестно. Ни следователю, ни мне. Будто кто-то насмехнулся над нами... Я и сам уж пытался даже у бомжей хоть что-то разузнать, даже проституток хотел нанять в осведомители — темно и пусто.

Очень трудно и для себя снова перебирать происшествие, а для другого — вовсе не вмоготу, но затем ведь и пришел.

Выслушав, Соломонов сразу ничего не сказал. Наполнил по новой хрустальные рюмки, но сам пить не стал.

— Послушай, Илья, твои советы, судя по всему, немало стоят, так ты прямо скажи...

— Давай без глупостей! — посмотрел он сердито. — Ты посиди здесь один. Хочешь — напейся, хочешь — подремли, видок у тебя не бравый. А я буду рядом. Думаю, мне скажут, чего тебе не говорят.

Подремать и в своем кресле, под своей крышей и ночью часто не удается, и напиток тоже пытался — не берет. Слаб алкоголь перед такой бедой. Правда, большой мерой может ввести в забытие. Поэтому показалось, что Илья вскоре вернулся.

Он медленно, будто сдерживая разговор, опустился в кресло, выплеснул в пустой бокал свою нетронутую рюмку, будто коньяк в ней уже успел выдохнуться, и снова налил, чуть усмехнувшись тому, что коньяка в недавно початой бутылке осталось на доньшке. И, только выпив, заговорил:

— Так вот, старик, получается несомненный висяк. Я по своим живым связям удачно вышел на твой район, прямо на следователя, который это дело ведет, а он мой добрый коллега по давним разного рода делам. Все сходится на том, что на твоей улице, в твоём квартале менялись адреса. Ты выпей-ка еще, у тебя взгляд становится диким... Ты разве не в курсе? Весьма состоятельные жильцы новейшего и предельно комфортабельного дома не захотели жить под номером 13, каковой по всем градостроительным проектам им был предназначен, и сумели забрать нумерацию у соседнего дома — твоего. Один из жильцов устроил пышное новоселье, гостей съехалась целая кавалькада авто, и вдруг всего-то через две-три недели он выставляет квартиру свою на продажу, а сам исчезает. Догадываешься, почему? Нумерацию вернули старому дому — твоему, а у квартиры того жильца тот же номер, что у твоей. Нет, целились не в тебя, не в твою семью. Этот некто шел к тому новоселу, видимо, с очень большими угрозами, да промахнулся. Слух об убийстве разнесся, вот новосел и дал деру. А у него, оказывается, столько завязок, что он и сам не угадает, откуда на него нацелились. Так

что полнейший глухарь. Может, кому-то такое стечение обстоятельств покажется даже забавным, но — не тебе и не мне. Может, что-то когда-то узнается, но это уже в стороне от тебя.

Понятливо объяснил, но именно поэтому колотун разбежался по груди и рукам:

— Андрюшка, ты выпей-ка, выпей еще!

Хорошо горьким пьяницам: им одного глотка, а то и лишь запаха достаточно, чтобы колючие думы и воображение притупились и вовсе исчезли, а тут, сколько ни глушить, думы лишь обостряются.

— Так значит, это по мне и по моим самым близким чья-то разборка прокатилась и раздавила!.. Это что же за жизнь такая, что никто никак не защищен? Какое-то колесо по чьей-то воле крутится и так, вроде нечаянно, мимоходом, небрежно крушит совсем не причастных к нему людей, выбрасывает из жизни в глубокие ямы... Знаешь, Илья, сквозь двухметровый слой земли голос не проходит, не слышен, сколько ни умоляй о прощении. О прощении за то, что ты позволил чьей-то злой воле раздавливать невинные жизни. А ведь есть у этой злой воли носители. Кто-то же вертит это колесо, даже не замечая, чьи кости под ним хрустят.

— Да, дорогой мой, конечно да... Может, и не к месту говорить об этом сейчас, но сколько ежечасно происходит печальных событий по чистой случайности. Устанавливая причины, можно возвести их до высокой степени неминуемого. Пьяный водитель на скорости врзался в толпу на остановке, половину убил, остальных покалечил. Справедливо его немедленно растерзать. А если вникнуть в причины? Почему собралась на остановке толпа? Кто-то же определяет движение общественного транспорта, а у него тоже масса препон, которые не им созданы... Или немного умнее — почему тот водитель был пьян? Может быть, он с большого горя напился, а это горе кто-то ему сотворил? Или он всю ночь с девками прогулял, так ведь кто-то ему эти условия предоставил? И так далее до каких-то первопричин. Один мой знакомый утверждает, правда, не официально, что во всем виноват Господь: почему он позволяет тешиться сатане?

— Если Бог есть, так он дал человеку свободу воли.

— Ага. Вот наши воли и мечутся в драках между собой. Между прочим, хуже всего безвольным: они только на сетования и способны... Ты этим в общем-то тоже не оригинальным представлением о нещадном колесе намекаешь на властей предержавших? Так позволь сообщить тебе, что власть — понятие абстрактное и широкое, потому что у нее множество ипостасей.

Власть денег, власть должности, власть закона, сомнительная власть общественного мнения, власть бандитских образований, власть молвы, власть страха за себя и близких, тусклая власть нравственных и этических принципов... И все они сцеплены, сливаясь и расходясь, враждуя и уживаясь. И если хочешь образов, так это — некая шевелящаяся глыба, висящая над людьми, или паутина, хорошо ощутимая ими. Да что это я витийствую перед тобой о вещах, известных каждому старшекласснику? Ну, так уж пошел разговор... И, думаешь, допустим, МВД и прокуратура не знают наперечет преступных сообществ или происхождение немислимых богатств? Но паутина, она паутина и есть. К тому же хороший киллер за полкилометра попадает в монетку.. Перемелет Россия и это, такая уж у нее судьбина... Тут еще что печально, если по-честному? Разновидности явных и скрытых властей составляют, в общем-то, люди умелые, везучие, сноровистые, горячие, умные, хваткие. А вот какие сынки и доченьки им унаследуют? Избалованные, пресыщенные, презрительные, брезгливые и — неумные, холодные, равнодушные, дел не любящие... Ну, черт с ними!.. Ты-то сам как? У тебя работа приличная?

— Спокойная, только не очень-то нужная. Да я там уже три недели как не был. Меня там, наверное, перечеркнули. Да у меня сейчас ни до чего нет охоты.

— А ты, когда успокоишься, ко мне приходи, у меня дело всегда найдётся. Заметил еще дверь в коридоре? За нею офисная комната на четверых толковых ребят.

— И о чем же такая орава хлопочет?

— Не обижай. Сейчас в разгаре второй передел собственности и третий просвечивает. Кто-то ищет защиты, кто-то — совета, кто-то в драку сдуру полез... Не соскучишься. Приходи.

Навряд ли. Что скажешь другим, запуганным, запутанным или разъяренным, безоглядно дерзким, если себе ничего не можешь посоветовать толком?..

8

Дома все то же — пусто, не читается и не смотрится. Великие страсти словно бы упрекают со страниц за то, что обретаешься в мелочной суетне, а смешные истории за это же насмеяются. А на экране, что ни час, смакуется со всех ракурсов очередное убийство — порой по заказу, которое, заведомо ясно, не будет раскрыто, чаще же — по обыкновенному паскудству, у которого наверняка есть непростые причины. Или же льются с экрана рыдания о заброшенных детях и стариках, только что же в ответ? Тех, кому эти рыдания адресованы, они

не достигают, ибо стучатся в бронированные двери и души, а рядовой человек откликнется разве что озлобленностью — поверх той, что и так в нем колышется. Вот новоявленный деятель нарабатывает достойный облик. Вот нувориш демонстрирует пробуждение совести. Да ну их всех к этой, как ее? — матери!..

Совсем к людям не тянет. При виде их сразу же охватывает придиричивость к ним. Мысленная, конечно, — вслух не высказаться: в толпе ведь за толчки не бранятся. Да и без толчков, при одном лишь смотре на них становится муторно.

Вот поутру набивает общественный транспорт сонливый народ. И стоя дремлют, и сидя. Что же это за всеобщие бдения их утомили, не оставив бодрости на день? Или дневные дела так им скучны, что хочется ещё хоть немного побыть в полусонном бездумье? Да, много ли ныне таких общезначимых дел, чтобы азартно думать о них? Да, едва ли не все едут прислуживать. Нет такой вдохновенной идеи, чтобы хотелось взять ее на себя и двигаться с нею. Вот сказано кем-то из верховодов: «Наша национальная идея — это забота о простом человеке». Ага, жди, когда эта чья-то «наша» идея, спускаясь из поднебесья, осенит твою жизнь!..

Тех, кому вот эти «простые человеки» едут прислуживать, здесь не бывает. Они ещё нежатся либо мимо летят под взрывное рычанье моторов на затемненных от взоров сиденьях и морщатся оттого, что приходится на тормозах объезжать набитые прислужкой автобусы. Этим хозяев можно увидеть воочию лишь в самом центре, когда они поспевают из одного чиновного здания в другое, либо садятся или выходят из лимузинов у недоступных контор. И как бы, и где бы, и сколько бы их ни увидеть, кажется, что являются одни и те же фигуры: очень уж схожи они поступью, и костюмами, и галстуками поверх выпирающих вперед животов, и сытым выражением лиц, и снисходительным прищуром одноцветных глаз. Они-то, хозяева эти, и крутят то колесо, не слыша хруста чьих-то костей...

А эти, что поутру набиваются в транспорт, не просто сонливы, а как-то даже угрюмы. Стоят, не озираясь хотя бы из любопытства, будто всего уже насмотрелись, глаз не поднимают, когда теснят их входящие.

Юные парочки вообще будто в необитаемой среде — ни малейшей стыдливости, вжаты друг в друга и без помощи толчеи, и лижуются без конца, и щупают друг у друга разве что уж не самые интимные места. В пиковую рань свиданий в транспорте не назначают, значит, были у них предыдущие часы, за которые чего же они не насытились? Или это — показуха для самих же

себя неотрывной любви? Или бравада своей близостью? А скорее, пожалуй, спокойная отчужденность от людей: нам нет до вас дела, потому что вам не до нас. Обычное ныне пренебрежение любым мнением, если оно с твоим не в ладу. Ныне, пожалуй, степень влечения к людям прямо зависит от уровня пользы от них...

И не в том вовсе дело, что от тихой злости своей становишься ты брюзгой, а — стыда больше нет. Совсем еще девочки, и девичьи постарше, и молодящиеся тетки поголовно выставляют оголенные животы. Приманивают, что ли, как те проститутки на бульваре? Манящий знак повального блуда?..

Попозже пиковой рани в немного облегчившийся транспорт ползает убогое старичье, и выставляются всяческие немощи и возрастные уродства, и сострадание отступает под напором брезгливости, хотя ты и не из тех, кому чужие недуги — помеха. А быстрые люди спотыкаются об старичье и негодуют: оно ведь тормозит им жизнь.

И улица, что в полдень, что вечером отталкивает. Из витрин и со щитов полуголые красотки расхваливают шик от затейливых затычек до меховой роскоши. Прет реклама в глаза, режет их, захватила небо, закрыла дали, подбирается и к земле под ногами. И долбят мозг крикливые иноязычные девизы, затирая, отбрасывая родные слова. И это — не подсказка людям, не объяснение им чего-то прежде неведомого, а какая-то безудержная, дикая похвальба. Во! — какой-то торговец назвал свое заведение «Вкусленд»... Да, полно всяких ларечков и магазинчиков, и целых торговых домов, и всяких там супермаркетов. Да, нет уже унижительных очередей, и зависть к стоящим впереди исчезла. Однако иная зависть воспряла — к тем, кто берет лучший товар, не считая ресурсы. В Москве-то она не слишком заметна, а в провинции, говорят, если на виду у всех потратишь тысячу рублей, сбегутся смотреть — что за миллионер пожаловал к ним?

А все ли знают, что торговля — самый изощренный вид грабежа? Это легко понимается, если прикинуть, сколько в ней прилипал. Торгаши правят бал, торгоши во всех смыслах, торгоши всем и всеми — от карьеры до женских тел.

Вот, не дождавшись сумерек, ярче заката, а потом и вечерних окон и фонарей, нетерпеливо и откровенно зовут, обещая вдоволь потешить, сплошняком горят огни кабаре и салонов. Когда-то, не так уж и давно, тянуло всмотреться в них, даже прикинуть, хватит ли тебе хоть на малое что-то, но удерживала какая-то преграда в тебе же самом. А теперь — ну его это все к чертям! — все это вечернее, да и утреннее и дневное, вызывает лишь трясун-

чее раздражение. Все эти платные радости лишь для тех, кого большая беда не гнет. Прочь от них в свое одиночество, в свой пустой дом. Там ведь живет и тихая, добрая память, там придут, может быть, тихие мысли.

9

— В нем задут огонек, который должен гореть в маленьком человечке и с возрастом не угасать.

Так медицинский авторитет, объясняя недуг сынишки, перевел на обычный язык мудреные термины. Мог и еще проще сказать: в ту самую пору, когда малыш начинает открываться всему, что есть в мире, тот ударил в него и порвал в нем самые чуткие ниточки. И на расспросы, вернется ли к малышу понятливость и понимание окружающего, врач и медсестра отмалчивались, уходя взглядом в сторону.

В последней, совсем робкой надежде выпросил сынишку на денек домой. Пусть побудет в своей комнатенке, среди своих игрушек и знакомых вещей — вдруг что-то... Отпустили, однако приставили нянечку. Сквозь щелочку было видно, как сынишка вяло прошелся по своему жилью, потыкал пальцем в игрушки и сел — не на кровать, а на пол, поближе к углу, и сидел, неотрывно глядя перед собой — точно, как в клинике. Рванулся к нему тормошить, подбрасывать на руках под потолок, петь его песенки, смеяться, пытаясь вызвать ответный смех, — он только наморщил лицо, но и не заплакал.

— Лучше бы он кричал и дрался, — вздохнула нянечка и замолчала. И в обратной дороге молчала, поджав губы, не утешала.

Напрочь и навечно переселился сынишка куда-то.

Только и осталось, что скорбный холмик на аллее, прорубленный сквозь поросший деревьями и кустами погост. Деревянный крестик, сколько ни поправляй, не может ровно стоять в размокшей от дождей и росы земле. Ничего, те же кладбищенские парни, что зарыли могилу и нашлепали заступами этот холмик, уложат на нем плиту и установят в изголовье маленький обелиск с полным именем и горькой черточкой между двумя датами — самой первой и самой последней. Плита не пропустит в глубину влагу дождей и росы, сохранит там тепло и задержит морозы. Но слова — ни тихие, ни надрывные — в эту глубину не проникнут, услышаны будут разве что думы, обращенные к тому, чем человек радуется и огорчается, что не гибнет с уходом из жизни.

А думы все те же — покаяние в своей не прощаемой вине...

Незаметно поблек закат, незаметно сумерки подошли. Стекая с листья, тихо падают капельки незаметно проморосивше-

го дождика. Суеверие утверждает, что по ночам на кладбище души усопших до какой-то отпущенной им поры собираются вместе и нельзя им, пугливым, мешать знакомиться и разговаривать. Сказок без намека нет... У входа на погост лежит старая могильная плита с едва различимой надписью на потемневшем от времени камне: «Вы и завтра придете ко мне, родные, потому что я дома, а вы в гостях». Теперь эта надпись обращена и к тебе...

Тени сгустились, но уже весь путь обратный знаком: по проселку, еще не впитавшему вечернюю морось, мимо пустырей и одичавших садов в полном безлюдье надо прошагать до шербатого асфальта, а потом — по нему, пока не догонят попутные колеса. А можно и не заставлять себя идти к дому, где та же пустота и те же мысли, можно сойти в сторону и остаться под навесом в какой-нибудь заброшенной беседке. Богатый выбор!..

Мягкие шаги беззвучны и на шербатовом асфальте. Налево пойти по нему — через несколько тысяч шагов над горизонтом встанет туманное зарево слитных огней когда-то влекущего к себе, потом спокойно обживаемого, теперь же чуть ли не пугающего города. А направо пойти по разбитой и к вечеру опустевшей дороге — там неведомая сторона, глубинка, живущая так по-своему, что чужаку не понять. Оттуда набегает и плечо холодит ветерок, и на волнах его наплывает далекий звон одинокого колокола.

То едва слышен колокол этот, будто, сказавши свое, затихает, то вновь звучит явственно, будто и не далек. Голос его не тонок и не басист. Мягко, как речь приветливого человека. Он уже доносился когда-то — да, в час прощания со Светланой, когда отработанными взмахами заступов наполнялась глинистой землей могильная яма. Но тогда он тонул в недалеком траурном пении труб, а сейчас ничто с ним не сливается, голос его ясен и чист. Нет в нем утешения и покоя, но нет и тревоги. Наплывет и затихнет, будто ждет от тебя ответа, и опять раздастся, будто зовет к себе, чтобы ты что-то важное понял. И грудь послушно подставилась прохладному ветерку и притяжению колокольного зова. Он еще прозвучал раз, другой и замолк, будто узнал, что ты, услышав его, идешь к нему.

Прогрохотали на ухабах нацеленные в город уже не нужные машины. Неспешные люди изредка проходили навстречу, здоровались по деревенскому обычаю, желая доброго вечера и доброй ночи, сворачивали на проселки к реденьким огонькам. У края дороги зажурчал ручеек, за деревянным мостиком через него найденная тропа поднималась по холму, укрытому рощей. Над деревьями, на серебристом полотне темнеющего неба

еще светел был купол храма. Через широкий проем в наполовину обрушенной ограде тропа вела прямо к паперти. Из приоткрытой двери струился неяркий мерцающий свет — должно быть, свечей. Поодаль от храма тянулось приземистое здание, там в оконцах шевелились крошечные огоньки. Больше ничего не было видно: ночная темень уже окутала все вокруг, а звезды не могли пробиться сквозь низкие облака.

Дверь храма скрипнула, открываясь, и предстала его сумеречная глубина, чуть посветлее тьмы, оставшейся там, снаружи, под хмурым небом. Впереди, не заслоняя всей глубины, высилась перегородка с ликами в нимбах на ней. Рядом с ними вытянулись ввысь огоньки лампад. У краев перегородки — должно быть, временного иконостаса — в гнездах квадратных и круглых подстав горели свечи, выхватывая из сумерек лики в нимбах и немного — ближние стены, а чем дальше и выше, тем свет слабел, и сумерки сгущались в непроглядную темноту.

Перед иконостасом стоял, склонив голову, инок, судя по рясе. Негромко, но размеренно, четко и нараспев он произносил мужские и женские имена. В открытую дверь вплыла воздушная волна, огоньки свечей и лампад колыхнулись, инок слегка обернулся. В руках у него была стопка белых листков. Видимо, глядя на них, он и называл одно за другим имена. Это — поминовение, кажется. Только закончив его, инок совсем обернулся. На груди его блеснул большой крест.

— Послушайте, батюшка...

Инок подошел поближе. Не стар был и не молод — впрочем, у монахов вроде бы виден лишь совсем уж преклонный возраст. Вглядевшись, инок спросил голосом мягким, участливым:

— Вас что-то важное сюда привело?

— Можно ли где-нибудь тут у вас побыть до утра?

Инок, еще раз вглядевшись, ответил:

— Храм всегда открыт для тех, кто пришел... Свечи полагаются, если нет всеобщей, гасить, но для вас не погашу — пусть светят вам.

Уходя, повел рукой, осеняя крестом...

На огонь можно смотреть бесконечно. Каждая свечка — чья-то просьба. По тоненьким огонь, чуть потрескивая, довольно скоро сползает вниз и угасает, а те, что потолще и подлиннее, дольше горят и ярче. Свечи и — просьбы, в них выраженные, соразмерны? Пожалуй, нет: свечи ведь покупаются, а паства здесь деревенская, бедная. В городе скудно, а в нынешней пустеющей деревне и вовсе... Высокие свечи легко сосчитать, а маленькие — как-то даже и стыдно...

Интересно, если Бог есть, как Он справляется с бесконечными просьбами к нему? Религия утверждает, что Он — всемогущ. Впрочем, что же это за «если»? В храме негоже давать волю этим затасканным, внушённым, царапающим сердце сомнениям.

Интересно, окажись в церкви в прежние свои дни вот так — ночью, один, — сходные были бы мысли? Нет, конечно. Тогда ничто не привело бы в истерзанный, только оживающий храм.

Свечи медленно угасали одна за другой, но еще можно было разглядеть стены, уходящие ввысь. Они крепко побиты, глубокие ссадины прямо-таки кровоточат. Те, что внизу, уже замазаны штукатуркой по-новому, а выше — остались, как вонзились и крушили росписи долгие годы. Едва различимы пятнышки лиц, рук, одежд. Иногда отчётливо выступают уцелевшие в бедствиях глаза. Смотрят прямо в тебя с укоризной, что ли, будто и ты причастен к разору святынь, или просто всего лишь вопрошают: кто ты такой, с чем пришел?

Огоньки иссякших свечей, немного потрепетав, гасли один за другим, тихо мерцавшие лампадки по краям иконостаса не могли без них высветить глаза святых ликов на иссеченных ранами стенах, тьма в храме сгушалась. Совсем непроглядной стала она в вышине, под сводами купола. Казалось даже, что там нет преграды, и открытое небо приникло к земле. И еще представилось, как бесчисленные молитвы, наполняя храм, отражаются от стен и поднимаются в занебесье. От этого почти явственного воображения, словно бы откликаясь ему, в груди родилось гудение из слов единственной знаемой молитвы — Святой Боже, Святой Крепкий... Но это было не просто гудение — звуки молитвы, вздымая грудь, слагались в напев, никогда и нигде не слышанный, а родившийся вот сейчас.

Что-то похожее было однажды в юности. Шел по ночной улице, охмелевший от радости быть любимым и в ритме своих гордых шагов кричал этой улице, и всему городу, и всему миру песню без слов — тоже не подслушанный, тоже в груди слагавшийся напев, торжествующий и мелодичный. Но теперь здесь, в храме, истерзанном временем, бедами, злобой и небрежением людей, это было совсем, совершенно иное. Как в ту страшную ночь в милицейском подвале, в том обморочном сне, когда неведомая сила толкнула в вереницу согбенных грузом прожитого людей и швырнула в беспросветную бездну, под неимоверную тяжесть, так и сейчас та же неведомая, но уже не сердитая, даже добрая сила окутала воздухом храма. Нет, не воздухом, а чем-то прозрачнее и чище, почти бесплотным, чем-то таким, что ощущается не легкими и не кожей, а тем, чем человек радуется и страдает, откуда и выплыл молитвенный напев. Каждый

звук его — будто отголосок колокольного перезвона — сначала басистый, грудной, потом чуть повыше, совсем высоко и снова ниже — к тому звучанию колокола, что остановило и сюда привело. И так на каждом слове, на каждом слоге, на всей молитве...

И то ли овладела дрёма, то ли видение снизошло, только не стало полутьмы вокруг и мглы в вышине. Небо заголубело, в нем звезды зажглись и солнце меж ними — не жгучее, теплое, в ласковом сиянии поблекли и вовсе исчезли тени от рослых пышных деревьев, а по широкой поляне у подножия их идут навстречу Светлана с Олежкой по колени в цветах, и протягивают руки, и улыбаются, и глаза у них светятся...

Чья-то рука легла на плечо, и прозвучал рядом чистый голос:

— Уже братия пробуждается, скоро служба начнется, уже негоже сидеть здесь на скамеечке.

Знакомый иннок улыбался точно так же, как только что Олешек и Светлана. Господи, не спугнуть бы ничем, сохранить бы это видение, уберечь бы его от грубых прикосновений!..

А небо и въявь стало голубым-голубым, не то, что вчерашнее, пасмурное. Хотя нет, не помнится, каким оно было вчера, потому что взгляд был опущен... Утренняя заря еще не разлилась по всему небу, лишь там, впереди, проступила в мареве огромного города. Но капелькам летнего дождя уже хватало света искриться на листве и траве. Пичуги защибетали — сначала по одиночке, потом наперебой, будто заторопились что-то свое всем рассказать. Идти бы так и идти, вдыхая вселенский покой.

Прогрохотал, обгоняя, грузовик, остановился. Водитель выглянул:

— Далеко ли шагаешь? Влезай — подвезу.

И не спрашивал, хотя и посматривал искоса с любопытством. У въезда в город притормозил.

— Я дальше поеду по Кольцевой, а ты отсюда на автобусе доберешься легко.

И не принял сотенную в оплату услуги, насупился даже:

— Думаешь, за любую помощь надо платить? Нет, гражданин, добрые дела без оплаты по кругу ходят: я — тебе, ты — другому и так далее.

Ой ли? Не вернее ли — злые дела ходят по кругу: кто-то — мне, я — другому и так далее, пока злоба обратно не возвратится. Нет, само утверждение такое — это уже злобная напасть. Если жить с ним и думать так — ни видения не родится, ни молитвенного напева в груди.

Пригородный люд вбил в ранний автобус, сдвинулся с боков, и в спину кто-то твердый уперся. Пожалуй, всем попутчикам таково, однако нету не то что негодования, но даже и просто

обиженного или сердитого возгласа. Наверное, вот в таких экипажах и родилась смиренная поговорка: «В тесноте, да не в обиде». А чего же им друг на друга сердиться? Все они привычны жить тесно, без простора, потому и притерпелись. Похоже, вместо взаимного уважения между ними установилась взаимная жалость. Да, пожалуй, не только вот их, сжатых так, что не вдохнуть полным вдохом, а и всех, кто суетится по жизни, добывая пропитание себе и принятым ими на руки, надо жалеть не обидной, а понимающей жалостью. Даже, к примеру, здоровенных парней, охраняющих входы в разного рода конторы, им бы в пору заняться чем-то более важным и значимым для себя же и всех, а они стоят, лениво переминаясь, и поглядывают на прохожих даже с некоторой горделивостью, а всмотреться в самое их нутро — сжался там стыд за бездельную сытость. Да и те, ради чьих интересов они якобы готовы подставиться, те, что мнят себя хозяевами жизни — сколько же в них непреходящего страха, если они живыми заслонами огородились от ведомых им угроз. А сонмища нищих? Прямо-таки нахлынуло наводнение нищенства в разнообразнейших, прямо-таки неисчерпаемых видах. Но и таких, кто, симулируя горести, кормится состраданием, тоже ведь может быть жалко: наверняка трудно жить, презирая себя. От презрения к себе спиваются проститутки, грабители окунаются в разгул, чтобы не бередила совесть. Ведь совесть — это свойство души, а она дана каждому. Так, что ли, всех-всех можно и следует жалеть — от властелина, ожидающего пулю сквозь броню, до нестарой тетки, изображающей немощную старуху? Только себя самого не надо жалеть.

10

«Светлана, очень хочу, чтобы ты меня сейчас слышала. Я не вслух, я мысленно с тобой разговариваю, а мысли не исчезают, они живут вокруг нас и над нами, и очень надо им, чтобы услышали их и поняли, приняли... Олечка жив. Он существует в каком-то своем существовании, никому не доступном. Я видел вас обоих такими, какими вы должны быть, и там, где вы должны быть, не вообразил от любви и жалости к вам, а видел по правде — в храме ведь нет неправды... Я, оказывается, крещен. Не помнил об этом, а на днях само собой вспомнилось — мама, когда я чуть повзрослел, рассказывала, что крестила меня в маленькой церкви, вдали от придиричивых мнений, и просила хранить простынку и в нее завернутый крестик... Господи, бывает, что родители виноваты перед детьми, но чаще, едва ли не обычно, дети виноваты перед родителями хотя бы тем только, что пусть и молчаливо упрекают их за недоданное, за не получен-

ное от них. Господи, так можно всех людей невзлюбить за то, что они в чем-то тебя обделяют, себя же не упрекаешь — а что ты им даешь?.. Знаешь, мне стало неинтересно, даже томительно жить так, как я жил и живу. Я, в общем-то, никогда не горел любовью к человечеству, тем более к соседям и близким знакомым. Ни по ком не страдал. Жил, как жилось. Себя не возвышал и других не попираю. В драки не лез, поэтому и бит не был. Теперь вот душа побита... Я сначала озлобился от бессилия узнать и понять, что же произошло с тобой и с Олежкой. Узнал и понял только свою вину. Я не смею, не могу пожалеть себя, но мне стало жалко людей. А я не знаю, как их жалеть. Плакаться вместе с ними, когда им больно? Улыбаться, когда радостно им? Нет, до такой душевности я не созрел..

Но знаешь, эти месяцы без тебя стали для меня годами — так много я передумал и так сильно душу свою измял. А тоскливо мне жить, как живу. Пусто в душе, только ты и Олежка в ней и остались и еще смутная надежда, что еще наполнится чем-то, чего я до какого-то срока не знаю. Вот что со мной совершилось.

Не очень далеко отсюда есть монастырская обитель. Она сильно разрушена, но возрождается. Ее звоны в ясную погоду долетают сюда, до твоей могилки. В ее храме я и видел тебя и Олежку отчетливее, чем бывает в дреме... Я еще не раз там побывал, говорил и с игуменом. Меня принимают в послушники. Я почти все, что у нас в доме, раздал по церквам и нищим и решил квартиру продать, а деньги отдать в монастырь — очень трудно он возрождается. Олежке ведь ничего не нужно, и у тебя другое жильё. Будет другое и у меня. Теперь мне будет совсем недалеко к тебе приходиться»...

Игумен исповедуя сказал, и старшая братия говорила, что прежде в послушниках до трех лет пребывали, а в нынешние быстрые времена порой и за год проходят духовное испытание, отрекаясь от мирских искусов, хотя ныне грехи наживаются потоком, и бессечно надобно дней, чтобы их замолить — и не одними молитвами только, но и благими трудами.

Монастырский режим суров. На заре начинается суточный круг богослужения и завершается иногда в полночь — утрени, литургии, вечерни, повечерия, между ними короткие трапезы, а все остальное время — в трудах. За безбожные десятилетия от людского небрежения и вражды в монастыре угла цельного не осталось: война-то ведь дважды его погромала, а что сохранилось — кровли куски или обрушенные кирпичи ограды — окрестные жители растащили на свои житейские нужды. За зиму, весну и лето братия, понемногу наполнявшая монастырь, очи-

стила от всякого хлама побитый, посеченный храм, стёкла в проемы под куполом вставила, иконостас установила, часовенку над могилой святого старца заново возвела. И жильё маленько наладила. Правда, ночевать пока что приходилось вповалку, даже игумен вдвоем с экономом ютились в каморке. Из другой обители доставили подаренный ею колокол, подвесили над замлей: лестница-то на звонницу и крепления для него были обрушены, — но он-то уже и созывал паству на службы. Богомольных мирян становится все больше: спохватились люди, что без веры живут. И лепты на возрождение монастыря увеличились. Правда, не так уж и существенно: народ в округе жил бедный.

Да, работы уйма, а братия пока что невелика: кроме игумена и эконома, четверо иноков да ещё ты, послушник. В первые дни тянуло взглянуть на себя со стороны, но это мало-помалу прошло — вжился в строгий монастырский быт.

В той жизни, от которой ты ушел вроде бы насовсем, ничего не умел толком делать руками, одни умственные были дела, а теперь все получалось — и разбирать груды камней, и всякие тяжести таскать, и размешивать раствор из цемента, извести и песка, потому что — в охотку. Но особенно полюбилось в храме, на внутренних стенах, заделывать шрамы. Очень кропотливая работа, большого требует тщания. Трещину или ссадину надо так затереть, чтобы точно вровень было со старой штукатуркой и не тронуло сохранившихся кусочков росписи. Живописцам, когда придут, будет легко. К тому же казалось, что одновременно и в душе затираются трещины. А главное — в этой кропотливой и потому неспешной работе повторяются и повторяются про себя, напрочь заучиваясь, молитвы. Их множество — целый мир, и они должны влиться и наполнить тебя, как кровь.

День за днем, шаг за шагом узнавались владения монастыря. В самом дальнем конце двора, у совсем осыпавшейся ограды, где особенно цепко разросся дикий кустарник, над ним чуть возвышался уголок напрочь разрушенного строения. Здесь, говорили, был скит, в крошечных кельях обретались принявшие схиму отшельники. Вот поднять бы уголок до своего роста и обе стены доложить метра на два в длину, оставив проемы для двери и окошка, и крышу поверху соорудить — тогда не придется толкаться и жаться в ногах у братии. Эконом одобрил:

— Великое с малого начинается и со смирения.

Что ни день, в свободный часок и после вечера, если ночь была светлой, тащил сюда осколки кирпичей, выскабливал остатки раствора, складывал и сложил стены даже чуть выше себя.

Выбрал из отходов погнутые гвозди, сколотил ими потолок из деревянных обрезков, покрыл его поверху обрывками толя — и получилось жильё. Соорудил и что-то похожее на топчан. Собрать еще бы дощечек для пола и стены ими же покрыть изнутри — чем не приют человеку, который для себя ничего не желает? Разве что полнейшей тишины по ночам, а она здесь, в самодельной коморке, такая плотная, что и думы из мира не пропускает.

Все больше прихожан являлось в монастырь помолиться, в праздники и воскресенья вроде бы и из самой Москвы добирались: возродилась молва о святом старце, из могилы исцеляющем немощи. Многие люди приходили и в будни помогать, чем кому было по силам. Монастырь потчевал их простой пищей — щами, кашей да квасом.

В последние дни чаще других попадался на глаза мужичонка, приметный очень уж явной робостью, будто перед всеми извинялся за своё существование, готовый в любой миг подбежать и под тяжесть подставиться. Прихожане являлись в храм придевшись, а этот весь был измят, и небрит, и нечесан. Его и спозаранку можно было увидеть — значит, и ночевал он где-то здесь в закутке. Тоже, наверное, убежавший от жизни, что там, за оградой обители. Некуда ему уходить отсюда...

И правда. Эконом подозвал для разговору:

— Возьми под свой кров этого человека. Упросил принять его к нам. Приняли трудником. А там поглядим.

Ну что ж, надо же делать живое добро. А трудник — это вроде батрака, работающего на монастырь по обету, за кров и пропитание. Ну что ж, и у него, должно быть, своя непростая стезя.

В коморке у одной стены пол уже был покрыт дощечками метра на полтора, постелили поверх тряпье — отдыхай, раб Божий, завтрашний день будет не легче сегодняшнего.

Трудник молчуном показался. Подбежит и смотрит, какую работу поручат. Но в первую же ночь несколько раз прошептал как бы сквозь сон:

— Господи, за что же мне это, а?

На третью ночь пришлось прервать его всхлипы:

— Испытания для того даны человеку, чтобы он понял себя.

— А чего понимать-то, если ничего хорошего не припомнить?

Дальше разговора не получилось — может, и потому, что свое разбередилось бы.

А трудник молчуном был от робости. Чуть почувствовал доброту и хоть маленькое внимание к себе и стал словоохотлив.

Спрашивать стал, могут ли и его хоть когда-нибудь перевести в послушники и что от этого случится в его душе. И пришлось перед ним порассуждать насчет того, что случайностей не бывает, что они предопределены причинами и не случайностям следует удивляться, а находить их причины.

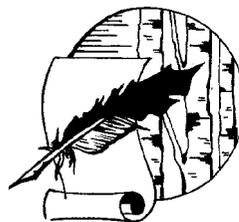
— Может, и мы с тобой повстречались совсем не случайно.

Это было сказано с едва уловимой усмешкой, но трудник задумался и сказал непонятно:

— Значит, Калёный был мне предопределен?

И потом с обеих сторон ещё были смутные слова о чем-то очень своем. И пришла хмурая ночь, когда овладел ими завет — «Исповедуйтесь друг перед другом».

Продолжение следует

Татьяна БАШКИРОВА

ЗАЖИГАЯ СНЕГА

* * *

Ворожит у Пятницких белая зима,
Кружится над городом вьюга-карусель.
Рыженькая девочка — это я сама —
Улицею Пушкина свой несет портфель.

Дома — ссоры долгие матери с отцом,
Для тебя отрада вся — на страницах книг.
Оттого-то, девочка, ты бледна лицом,
Голос твой застенчивый неприметно тих.

Слушай меня, милая! Минет двадцать лет —
Перемены сбудутся и в твоей судьбе:
Кареглазый, искренний, наш большой поэт
Скажет слово верное о стихах тебе.

А пока, родимая, надо вырастать,
Выбираться как-нибудь из своих невзгод.
Не таи обиду ты на отца, на мать, —
Знай, что веку долгого не дал им Господь.

Да, еще Жуковского почитай в тиши:
На поэтов «школьных» он явно не похож.
Не теряй наивности молодой души,
Даже если в жизни ты что не разберешь.

Улыбалась девочка... слушала едва...
Ну, наговорила же тетя чепухи!
Ей тогда не верилось: через год иль два
Вдруг — во сне — напишутся первые стихи.

Уходила девочка в школу, на урок,
Без следа растаяла в дымке голубой.
Тоненькой былиночке было невдомек:
Говорила только что с выросшей — собой.

Ворожит у Пятницких белая зима,
Воскрешая в памяти свет далеких дней.
Я смотрю потерянно. Я стою одна.
Рыженькая девочка... Я грущу о ней...

ВСТРЕТЕНЬЕ

Такие сугробы зима намела,
А думали — вовсе она не придет.
Я вытерла пыль и полы подмела,
И стынет в кастрюле горячий компот.

Звонок телефонный. Задержится муж:
Работа, мол, срочная и допоздна.
Сынуля родной в дальнем рейсе к тому ж...
Сиж у окна и вздыхаю одна.

Ну, хоть бы котяра явился пока!
Куда там... Гуляет.. Весенние дни...
Тебя заклинаю я издалека,
Молю: «Ну, пожалуйста... мне позвони...»

Синеет в окне. Темнота. Скукота.
И нет ни звонка от тебя, ни кота.

Вдруг шумно явились: рассерженный муж,
Голодный, усталый, продрогший к тому ж.
Сынуля кричит: «Накрывай же на стол!» —
А тут еще кот непутевый пришел!

На кухне моей — теснота, суета...
Сначала, конечно, кормлю я кота!

И вдруг — телефон мой! А вдруг это — ты?
Я кинулась вмиг от плиты-духоты —
Да ну их всех к бесу! Я трубку взяла...

Такие сугробы зима намела!

РАСКЛЕЙЩИК АФИШ

Над городом ранним — морозная тишь.
Спешит одиноко расклейщик афиш.
Немолод лицом, но улыбка светла, —
Зима ему студит усы добела.

А дома остался неприбранный рай:
Газеты, диван, сигареты и чай.
Почетные грамоты там со стены
Глядят на владельца, ему не нужны.

Он был инженером — не хуже других,
Да только с завода уволили их.
Пришла перестройка — и умер завод,
А он вот — не умер... А он — все живет...

Супруга болела да в землю легла,
А дочь с новорусским в Париж отбыла.
Пусть ноги болят, да и ноет спина, —
С своими афишами он — допоздна.

Работа спасает... Порой устает...
Февральское солнце отраду дает,
Да — город, да — люди, да — надо спешить,
И сердце колотится: следует жить!

* * *

Зимние сумерки скоры да зыбки,
Гаснет на вербе пуховая нить.
Бабушка Анна глядит без улыбки:
«Зять-то уехал... домишко сносить...

Неперспективная наша деревня,
Да обветшал уже дедовский кров,
Будут стоять вдоль дороги деревья...
Как же деревня — один, без дворов?

Воду не буду носить из колодца —
С ванной квартиру дает исполком...»
Бабушка! Как тебе нынче живется
В великолепье твоём городском?

Бабушке Анне видится снова,
Только падет с темноты забытье:
Дальнее детство... Деревня Петрово...
Старый колодец... Собака ее...

В землю сошедших подружек улыбки,
Тот, кого даже теперь не забыть...

Зимние сумерки, скоры да зыбки,
Гасят на вербе пуховую нить...

* * *

Я квартиру тесную покину
И уйду одна бродить в поля.
На какую на беду-кручину
Увидала в небе журавля.

Вот он, вот он, — полетел иль снится,
Вот он, вот он, — скрылся в облаках.
И такой постылою синица
Показалась у меня в руках.

Я синицу выпущу на волю,
А она, несчастная. За мной.
Ой, ты, горе, поле мое, поле,
Да над полем сумрак неземной.

Улетай же, бедная синица, —
Мне с тобою белый свет не мил.
Мне на свете радость — лишь приснится
Взмах его широких сильных крыл.

Что подруги, что мои родные,
Что мне разом опустевший дом...
Только сосны видели немые,
Как рвалась душа за журавлем!

Людмила ТУРОВСКАЯ

ПРИЗНАНИЕ СЛАВЯНКИ

ПОСЛАНИЕ УКРАИНЕ

Уже бо, братіє, не веселая година встала...
Усобица княземъ на поганья погыбе...
«Слово о полку Игореве»

Не надо драться брату с братом.
Есть общий враг — его казни.

За глупость родственной грызни
Погибель — тяжкая расплата.

И помни! — нам забыть нельзя
Печаль былого, друг беспечный, —
Слабели в распре бесконечной
Лихие русские князья.

На что купились вы, братья?!
С каких чертей скрестили брови?
Ведь мы одной — славянской — крови.
И у одной стоим черты.

Спешит, спешит заморский босс
Живую Русь напичкать зельем,
Прибрать к рукам чужие земли.
А мы молчим... Бездарно. Врозь!

Явилась новая орда —
Страшней, чем древние монголы.
Не зря пустеют наши села,
Больны бомжами города.

И среди своих — чужая рать...
Нейметса ей, как в дни былые,
Убить устои вековые,
Стократ святое оболгать.

Суля трагический конец,
Встает над Русью день тревожный...
Братья, так дольше жить не можно!
Поймем ли это, наконец?

Умрем за Волю, щирый брат,
Коль не уйти от злого плена.
Но вместе вырвемся из тлена,
Когда потушим наш разлад!

* * *

С чудовищным веком неистово споря,
Дары презирая бездарной эпохи,
Я вижу картины народного горя
И слышу земли умирающей вздохи.

Прямой, я вставал под знамена Олега,
В рядах Святослава с хазарами дрался,
В неравном бою сокрушал печенега,
И вновь по весне в отчий дом возвращался.

О ратнике, братья, не плачут на тризне.
Бойцу по душе боевые дороги.
Я сам — господин своей смерти и жизни,
Мечей харалужных, коней быстроногих.

Мне видится Русь величавой и гордой.
Я честно умру за жену и за друга.
Но с каждым бездарным томительным годом
Ржавеет мой меч, тяжелеет кольчуга.

Единство приветствуя дела и слова,
Ищу не могилу, а ратную славу.
Я бился с монголом в краю Куликовом.
Я русской кровью проливал под Полтавой.

Я — ратник. И Русь защищаю от смрада,
От хлама поганых, от грязи паскудной.
Я «потчевал» фрицев у стен Сталинграда,
На Курской дуге им сворачивал скулы.

Негоже нам ныне, великие братья,
Подачку просить у заморского хлюста.
Пора за умы, за Отечество браться,
Чтоб снова зажечь по-славянски, по-русски!

И вновь, напрягая всю силу и волю,
За милую землю бессонно радею.
Не розами путь мой усыпан, а болью.
Прости, но иначе любить не умею.

Час тихий. Стою у родного порога.
В суровый поход уходить на рассвете...
А в сердце поют — боевая тревога,
Коллючая правда... И — солнечный ветер!

БЕЛАЯ РУСЬ

Белая Русь. Красота моя светлая!
Ровное поле, болотистый лес.

Хаты родимые, рощи заветные...
Вечная тайна вечерних небес.

Белая Русь. Синеокое озеро.
Так глубоко — даже больно смотреть.
Нежным стихом или гордою прозою
Как я хочу твою душу воспеть!

Тихо задумались села пречистые,
Мчит на Смоленск вечно памятный шлях.
Белая Русь... Желто-красными листьями
Осень укрыла тропинки в лесах.

Скромная жизнь, но счастливая, мирная.
Мальвы у дома, костры — у реки.
Древние праздники. Сказки старинные.
Парни о девушках пишут стихи.

Белая Русь в лихолетье суровое
Честную память сумела сберечь.
Кали палесской заслушаюсь моваю —
Слышу радимичей плавную речь.

С чистой душой да земными поклонами
Снова приду старых женщин обнять.
Белая Русь. Золотая! Зеленая...
Добрые люди — славянская статья!

Сотни веков было предками пройдено,
Но не утеряна нить бытия...
Белая Русь! Ненаглядная родина!
Самая светлая песня моя.

* * *

Если ты позвонишь, я скажу тебе тихо: «Привет!
Здравствуй, русич! Единственный. Славный. Умелый.
Я жила в полусне. Я ждала тебя тысячу лет.
Не печали большой, а великого счастья хотела.

Горько тысячу весен рыдая в рассветных лесах,
Влажным золотом осеней раны души охлаждаю,
Я тебя созерцала в тревожных, томительных снах,
Тяжело умирая. Но вновь поднималась — живая!

Где ты, милый, так долго, бездомно бывал?
Что не слал мне приветов с твоей непокорной дороги?»
Если ты позвонишь, я спрошу тебя тихо: «Устал?
Дай ботинки сниму, разотру онемевшие ноги».

Мегаполис гудит, миллионами двигая ртов,
Миллионами рук зажигая в ночи сигареты.
Я ищу. Я кружу меж бетонных коробок домов
Под кислотным дождем, под струей аммиачного ветра.

Нет, тебя не найти среди ярких, роскошных реклам,
Посреди городской очумевшей, бессмысленной свары.
Что за вещи кругом? Привозной одноразовый хлам!
Что за лица вокруг? Печенеги, монголы, хазары!

Я спускаюсь в метро — в толчею, духоту, маяту.
В автолайне несусь, напрягая последние силы.
Я чугунной клюкой изгоняю из сердца беду.
Если ты позвонишь, закричу: «Не забудь меня, милый!»

Задыхнувшись Москвой, равнодушно иду в Интернет,
Вспоминая о той бесконечно прекрасной Арконе*.
Чу! Невнятные звуки сочатся сквозь тусклый рассвет...
Это Новая Русь от поганых мучителей стонет.

ДОРОГА ЛЮБВИ

Пустынный перрон. Белорусская музыка.
Вот поезд рванулся в ночные огни!
Там — Орша и Брест. И великое мужество.
Там верные братья и сестры мои.

Колеса стучат, в даль врезаются темную.
Полночные версты бегут и бегут...
Ну, как не любить мне дорогу знакомую?
Ну, как мне забыть этот древний маршрут?

Судьба не велит унывать и печалиться.
Сигналит дежурный. Скрипят тормоза.
Великая Русь с Белой Русью встречается.
За окнами в поле сверкает гроза.

* Арк о н а — духовный центр, столица древних балтийских славян на острове Руян (Буян).

А утром — дома и деревья кудрявые.
Вдоль серой дороги мерцает река.
И синие ветры поют над составами,
И белые птицы летят в облака.

О жизни славян думу горькую думая,
Любовь и надежду лелею в груди.
Москва за спиной — сумасшедшая, шумная.
А Белая Русь — впереди! Впереди...

Галина ЦЕЛИЩЕВА

ЦВЕТЫ АЗИИ

АЗИЯ

Как пуп Земли — долина на Ононе...
Такыр — морщины времени на ней.
Средь жестких трав — выносливые кони —
потомки чингисхановских коней.

Не долетают ветры с океана...
Долина лижет илистую пыль.
Дыханье Гоби и Такла-Макана
расчесывает шелковый ковель.

Кому известно, что мы в жизни ищем?
Рука судьбы прядет свою кудель...
И рядом со славянским городищем
татарскую я вижу цитадель...

...Вино в бочонках, яблоки и груши...
Молдовы самобытна красота...
Ласкали глаз, но не задели душу
садово-виноградные места.

Посланца гор притягивают горы.
Воспевший лес — поэт наверняка.
А мне с рожденья хочется простора —
в крови у русских — память степняка.

Сюда меня влекла скитаний сила.
Здесь навсегда — приют последний мой.
Я столько лет по свету колесила
и, наконец, приехала домой.

Минувшее своим арканом ловит,
вер и народов сжав конгломерат...
Во мне — частица азиатской крови,
а внук мой — чистокровный азиат.

Могучая энергия такая
в колючих сопках, золотых песках...
Взволнованно стучит, не умолкая
пульс времени у Азии в висках.

* * *

Шуршаньем камыша,
речной осокой,
закатным солнцем,
жесткою травой
и даже чем-то
более высоким
навсегда вместе
связаны с тобой.
Христовой кровью
и вселенской болью,
рождением в муках,
страхом умереть,
щемящим вздохом
и такой любовью,
что разлюбить
нам просто
не успеть!

ПОДАРКИ

Покосным летом,
ветреным и жарким
(в нем душные бродили сквозняки),
ты подарил мне
первые подарки:
закат у пламенеющей реки,
тугих стогов
дурманящие груди,

над головой —
в гирляндах — купола,
туман, в котором исчезали люди,
слезу смолы шершавого ствола.
В парной запруде —
пение лягушек,
крапивы отрезвляющий ожог,
охапку сена —
мягче всех подушек
и поцелуя первобытный шок...
Я все, что было
лучшего на свете,
впервые увидела наяву.
Ты подарил любовь,
рассвет и ветер,
и мир,
в котором я теперь живу.

* * *

Я сквозь пространства и века
откроюсь прошлому навстречу.
— Откуда ты?
— Издалека, —
многозначительно отвечу.
Уйду в полет, прыжок, поток,
да так, чтоб сердце отлетело,
освободившееся тело
уже никто догнать не смог..
Мой разум все предусмотрел,
как скинув рабские оковы,
восстать на поле Куликовом
и избежать татарских стрел.
Как воспарить и не упасть,
не обессилеть на излете
и в упоительном полете
не угодить дракону в пасть...
Ходить в учениках Христа
я буду,
в кровь сбивая ноги,
и заночую у дороги,
чтоб утром снять его с креста...
Но, соблюдая все условия,
не будет жизнь моя легка:
всезнающей, наверняка,
не пережить
Средневековье.

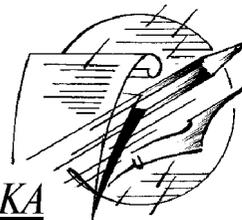
НОВЫЙ РАСИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА

Правящая элита сознательно выходит из системы сложившегося национального консенсуса, основанного на гарантиях вертикальной мобильности и политике сокращения социальной поляризации.

Либерально-реформантская критика «социального патернализма» отмечена недобросовестностью: она замалчивает тот факт, что применительно к молодежи и лицам эффективного экономического возраста прежняя «советская» политика была не патерналистской, а социально-инвестиционной. Государство вкладывало деньги в образование, подготовку и переподготовку кадров в качестве инвестиций в систему роста и вертикальной мобильности.

Нынешний секвестр и демонтаж социалистического государства как держателя массивных социальных инвестиций в человеческий капитал означает не преодоление патернализма, а ликвидацию механизма эффективной просвещенческой динамики, на котором основывались все стратегии европейского модерна. В основе их лежал демократический принцип единой нации, сообща идущей к новому будущему.

Теперь он у нас заменен принципом социального апартеида. Некогда единая национальная система распадается на две подсистемы: для одних — развития, для других — стагнации. Это не только пря-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мой вызов народу, связавшему свою судьбу с судьбами прогресса, но и вызов самой идеологии демократического просвещения, основанной на принципах единого национального будущего, единых проектов социальной мобильности.

Камуфляж нового курса отброшен. Партия власти вышла из системы национального консенсуса и уже открыто противостоит народу.

Мы имеем своеобразный «конфликт интерпретаций»: либо новый президент — прагматик, предлагающий олигархическим заказчикам политические товары текущего пользования на ближайшие несколько лет, либо он новый идеолог-утопист, готовый связать свою судьбу с проектом переделки не только политического базиса, но и лежащих в его основе социокультурных оснований национального бытия.

В любом случае уже в ближайшем будущем нас ожидает новая однопартийная диктатура. Она сегодня и создается, судя по двум тенденциям: тенденции перехода от режима выборности к режиму назначений и тенденции перехода от многопартийности к однопартийности. В этих целях партии, относимые к респектабельным, могущим составить внутрисистемную оппозицию режиму, сливаются и присоединяются к правящей, образуя новый «монолитный» авангард. А партии, причисляемые к политически ненадежным и нереспектабельным, могущим составить антисистемную оппозицию, решено всеми силами маргинализировать, блокировав и выключив из эффективной политики. От плюрализма режим идет к системе несменяемой авангардной партии, окруженной для виду лишенными всякой политической самостоятельности мелкими попутчиками-сателлитами.

Это знакомая ситуация, известная по опыту стилизованной многопартийности бывших социалистических стран Восточной Европы. Но у нас на этом пути имеется один барьер: наличие КПРФ. Остальные партии не в счет — большинство из них, как можно предположить, создано в недрах известного ведомства именно в целях управления возможной оппозицией. Любая оппозиционная идея перехватывается властью, которая создает соответствующую карманную партию, имеющую задачей либо скомпрометировать данную идею путем доведения ее до экстремистских крайностей, либо приручить ее путем выхолащивания реального оппозиционного содержания. Посредством этой технологии «подставной оппозиции» осуществлялось и управление недовольной частью электората.

КПРФ не укладывается в эту схему. В отличие от лабораторных партий «по заданию», она является подлинной партией,

унаследованной от прошлого и волею исторических обстоятельств превращенной из правящей в оппозиционную. За этой партией, кроме реальных избирателей, стоит реальная идейная традиция, хотя и в значительной мере деформированная (в части, касающейся сочетания классовой и национально-патриотической идей). Следовательно, для создания реально однопартийного режима КПРФ предстоит запретить, подсунув избирателям, дабы они не взбунтовались в отчаянии, какого-то более или менее приемлемого двойника-оборотня. Думается, в соответствующих лабораториях режима подобная работа уже ведется. Разумеется, политический риск здесь велик: неизвестно, насколько доверчиво-пассивной окажется народная оппозиция, которой станут подбрасывать подобных «двойников».

Но самое главное состоит в другом — в том, что связано с парадигмой нового утопического проектирования, направленного на воспитание «нового народа и нового человека». В самом ли деле народ можно переделывать по заданию власти и ее идеологическим чертежам? Можем ли мы сказать, что Петр I создал в России новый народ взамен старого московского или что его создали большевики взамен старого, дореволюционного?

Наши либералы в своих оценках очень противоречивы. В миссию Петра I, касающуюся создания «новой России», они верят, тогда как в большевистском новом человеке ими угадывается лишь закамуфлированный азиатский авторитарно-общинный тип. Более того, нередки утверждения, что большевистский переворот, перечеркнув антропологическую новацию Петра Великого, вернул нас к архаическому пласту старомосковской, «азиатской» по своим архетипам культуры. Само понятие национального менталитета, корректирующее классическую рационалистическую теорию воспитания, указывает на такие устойчивые пласты коллективной психики, которые отличаются неожиданной устойчивостью по отношению к государственной педагогике.

Кроме того, процесс воспитания, как доказывает современная педагогическая теория, требует добровольного принятия воспитуемым целей воспитателя, то есть соучастия в педагогическом процессе. Без этого педагогические воздействия возымеют эффект бумеранга — более или менее страстного отторжения того, что принудительно навязывается. Словом, воспитуемый должен верить, что воспитатели искренне пекутся о его благе и его перспективах. Можно ли утверждать на основании откровенно экспроприаторских практик нынешних реформантов, что вероятен консенсус между народом и его либеральными «воспитателями»? В самом ли деле эти воспитатели работа-

ют в режиме консенсуса, демонстрируя в своей практической политике заботу о процветании народа, а в своей идеологии — доверие к его природной одаренности и свое уважение к его традиции?

Все мы знаем, что либеральная идеология, как и сопутствующие ей социально-политические практики, демонстрирует прямо противоположное. Материальная, экономическая экспроприация народа сопровождается кампанией его дискредитации. Тут уж не до презумпций педагогической классики, требующих веры в способности воспитуемых и великодушных авансов доверия. Без подобных авансов «проект перевоспитания» вряд ли может состояться.

Вероятно, наиболее реалистическое предположение состоит в том, что реформанты давно уже ориентируются только на часть народа — его «адаптированное» меньшинство. «Неадаптированному» большинству предстоит выталкивание на обочину жизни и вымирание. Ясно, что это бесконечно далеко от классической демократической традиции с ее презумпциями доверия к народному большинству и принципам политического суверенитета большинства. Отныне речь идет о формировании такой политической системы, в которой принцип суверенитета большинства более или менее открыто заменяется принципом суверенитета избранного меньшинства, права и интересы которого будут поставлены выше всех остальных.

Речь идет не об оппозиции между радикально-плебейской «демократией равенства» и либеральной «демократией свободы». Речь на самом деле идет о переходе от презумпции человеческого равенства к презумпциям нового расового неравенства.

Это неважно, что критерии нового расизма изменились и он делит людей не столько по цвету кожи, сколько по менее физически приметной — ментальной предрасположенности или непредрасположенности к известным практикам, отмеченным печатью «современности». Новая либеральная демократия перестала пользоваться расово- и этнически нейтральными критериями. Это обнаружилось еще в ходе борьбы «либерального авангарда» с красным Верховным Советом СССР. Либеральные эксперты настаивали на выходе России из состава СССР, дабы избавиться от давления «тубетеек», то есть азиатских республик, обремененных неисправимо недемократическим менталитетом. Если бы наши реформанты не были тайными расистами, они бы взяли установку на демократизацию постсоветского пространства в целом, на единство демократического процесса, охватывающего население союзных республик независимо от того, носят ли они кепи, береты или тибетейки.

Но наши «демократы» уже не верили во всепроникающий луч просвещения. Они стали разрабатывать свою либеральную евгенику — эзотерическое знание для посвященных, посредством которого метаются и бракуются непосвященные. А дальше — хуже. Вскоре под подозрение попал и русский народ как носитель недемократического менталитета. И теперь уже пространство самой РФ, его регионы и слои населения стали делиться на демократически перспективные и благонамеренные и на неблагонамеренные. Разумеется, экспроприаторам требуется оправдать себя и дискредитировать свои жертвы: на войне — как на войне. Новый либеральный расизм, несомненно, выполняет идеологическую функцию, связанную с оправданием антидемократических практик приватизаторов и узурпаторов: мы чтим бы народ, да народ «не тот».

Однако либеральный расизм имеет не только автохтонные корни. Он вписывается в более общую тенденцию наступающей эпохи, связанную с такими поистине катастрофическими открытиями социально-гуманитарного знания, как экологические «пределы роста», «конфликт цивилизаций», социокультурная (ментальная) обусловленность рынка и пр. Все они сходятся в одном: ставят под сомнение идею планетарного единства человечества и единства его исторических судеб.

С одной стороны, ресурсов планеты не хватит для процветания всех, следовательно, необходимо их перераспределение в пользу «наиболее достойных» (которыми, как правило, оказываются наиболее сильные). С другой — сколько ни приобщай народы, отмеченные знаком «не той» наследственности, к ценностям прогресса и демократии, их менталитет будет тянуть их назад, в привычную колею агрессивного традиционализма. Отсюда вытекает идея прогресса для немногих и демократии для избранных.

Этот новый демократический расизм требует «нового человека» и для метрополии. Бывшие миссионеры просвещения отличались особой благосклонностью, правда не без оттенка снисходительности, к неимущим, неграмотным и наивным: из них вербовалась впечатлительная паства прогресса как религии секулярной эпохи.

Нынешние носители однополярного мира заинтересованы не в расширении, а в сужении круга посвященных: таковы новые правила эпохи «пределов роста». Здесь — истинная подоплека новейшей либеральной критики «демократии равенства». Демократия равенства состоятельна при условии, что никаких фатальных пределов роста нет, а следовательно, различия между развитой и развивающимися частями мира, как и между со-

ответствующими частями общества, носят временный и преодолимый характер. Но те, кто этому оптимизму просвещения противопоставил новый тайный гнозис, содержащий обескураживающие истины и о человечестве, в котором так много обремененных «не тем менталитетом», и о самой нашей планете, оказавшейся экологически неместительной, не могут придерживаться оптимистической демократии равенства. Они четче и раньше других осознали страшную истину постпросвещения: светлого будущего на всех не хватит.

Следовательно, представителям избранных стран — оазисов прогресса и демократии, и в первую очередь их бастиону-сверхдержаве, предстоит изменить и свою собственную природу. На либеральном благодушии продержаться нельзя — рыхлые представители этого типа не смогут ни осуществить эффективные перераспределения планетарных ресурсов в пользу «достойных», ни защитить их благополучное пространство от нашествия «недостойных». Систему мирового апартеида — а именно к этому типу склоняется заокеанская демократия — могут держать только супермены, наделенные четким сознанием своего превосходства. Поляризация на сверхчеловеков и недочеловеков — вот что на деле оказалось альтернативой осужденной либералами демократии равенства.

Носителем альтернативной «демократии свободы» сегодня является не болтливый защитник гражданских прав, а хранящие расистские тайны и связанные милитаристской дисциплиной супермены. В недрах Республиканской партии США, госдепартаменте и спецслужбах имеется «консервативное ядро», опасющееся за сохранность англосаксонской протестантской идентичности Америки, стремительно наводняемой «цветными». Представители этого ядра в свое время подняли неоконсервативную волну, смывшую с политической сцены «крикливое меньшинство» леволиберального типа.

Теперь мы присутствуем при новой фазе развития американской «консервативной революции». Здесь уже явно недостаточно обычных усилий пропаганды и традиционных, мягких, политических технологий. Для углубления правой революции требуется гигантский шок, цепь чрезвычайных обстоятельств и катастроф, дающих повод решительно потеснить размягченную демократию старого типа и заменить ее грозной имперской республикой, готовой воевать с внешними и внутренними врагами. Такова истинная подоплека событий 11 сентября в Америке. Эти события призваны были решительно ускорить трансформацию либеральных институтов и ротацию политических элит в духе новых принципов XXI века — принципов

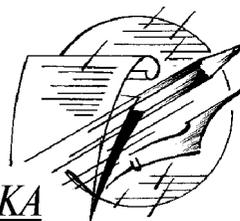
социал-дарвинизма. Судя по тому, как активно и последовательно встраивается наша элита в этот ряд создателей однополярного мира, можно сделать вывод, что американская однополярная система и формирующаяся в России однопартийная система выражают какую-то единую интернациональную идеологию нового типа. Суть этой идеологии — глобальный социал-дарвинизм, преследующий бедных и неприспособленных.

Спротивляться этому интернационалу на чисто национальном уровне бесполезно. Социал-дарвинистской демократии «новых суперменов» необходимо противопоставить солидаристскую демократию народов, загоняемых в гетто новыми властителями мира. Очень похоже, что геополитическое противостояние евразийцев и атлантистов может быть расшифровано на языке классового, социального анализа. Атлантизм сегодня — это система, за которой скрывается новый интернационал притеснителей и гонителей, чуждых собственным народам и потому рассчитывающих на американские гарантии.

Евразийство, со своей стороны, может быть наполнено новым социальным содержанием — интернациональной солидарностью жертв двойного гнета: со стороны собственных приватизаторов, порвавших с системой национального и гражданского консенсуса, и со стороны диктующих им «правила реформантства» заокеанских похитителей евразийской земли, свободы и Родины.

МОСКВА — III РИМ. ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Центры мировой истории всегда считались «священными городами». У древних греков таким городом были Дельфы, у мусульман — Мекка, родина основателя ислама Мухаммеда. Священным центром трех религий считается Иерусалим. Но колыбелью современной цивилизации стал Рим, вначале небольшой город на Апеннинском полуострове, а затем столица Великой средиземноморской Державы. Апостолу Павлу приписывают слова: «Рим — весь мир». Интересно, что в русском языке данный тезис поддерживается одинаковым составом букв в этих словах: читая «Рим» справа налево, мы получаем «мир» и наоборот. Перед нами как бы одно слово, но в разных обличьях. Далее, христиане считают основным событием человеческой истории рождение Христа, которое произошло в «Ромейском царстве». Для них также важно, что Христос появился на свет в период правления императора Августа. Отсюда особое отношение к этому императору. При императоре Константине христианство стало официальной религией Римской империи. Однако особенности исторического развития ее западных и восточных частей привели к расхождениям между христианскими церквями Запада и Востока. Они резко усилились, после того как в 395 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Римская империя разделилась на два государства. В 1054 году произошел окончательный распад христианской церкви на западную (католическую) и восточную (православную). Центром православия стала восточная часть Римской империи Византия. Ввиду тесных связей Руси с Византией христианство пришло к нам в греко-православной форме (988 г.).

Пережив период расцвета в XI–XII вв., Древнерусское государство (Киевская Русь) распалось на отдельные княжества, рухнувшие под ударами татарской конницы. По Руси прокатились татаро-монгольские орды. «Мы, — писал В.О. Ключевский, — очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя» (Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. М., 1957, с. 398).

Между тем на Восточно-европейской равнине все это время шла тяжелая упорная борьба. Переменив две главные боевые квартиры на Днепре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега реки Москвы. Одноименный, когда-то небольшой городок Москва, затерянный в глухих лесах, выдвинулся на роль общенационального центра и перешел от обороны в наступление. В результате героических усилий русского народа страна в 1480 году сбросила с себя, наконец, татаро-монгольское ярмо. Изменилась и сама парадигма русской государственности. Национально-державная политика окончательно вытеснила политику «удельного сепаратизма». К. Маркс в своей работе «Секретная дипломатия XVIII века» отмечал: «...Измученная Европа в начале царствования Ивана III, едва подозревавшая о существовании Москвы, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных границах, и сам султан Баязед, перед которым она трепетала, услышал надменные речи московитов» (цит. по кн. История дипломатии. М., 1941, т.I, с. 197). Кстати, в это время в письменных источниках появляется и новое название страны — Россия, хотя до конца XVII века она чаще именовалась Русью, Русской землей или Московским царством.

В то время как это Царство росло и укреплялось, Византия, от которой Русь получила православие, неумолимо клонилась к упадку. Духовное падение (согласие греческих иерархов на Флорентийском соборе 1439 г. на унию с католической церковью) завершилось политическим — захватом турками в 1453 г. Константинополя. В такой ситуации Москва, оставшаяся единственным центром православной веры, предстала в роли его

преемницы. Иван III сочетался браком с жившей в Риме племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог. Царевна отправилась на свою новую родину, как бы символизируя преемственную связь Рима, Константинополя и Москвы. Московское государство наследовало и византийский герб в виде двуглавого орла, одна голова которого смотрит на Запад, а другая на Восток. Лучшего символа для России, разделяемой Уральским хребтом на Европу и Азию, трудно придумать. Россия утверждала свое место в мировой истории, апеллируя к древней традиции. Длительность исторической перспективы, укорененность в глубоком прошлом должны были обеспечить русскому государству авторитет и международное признание.

Идея законности нового царства обосновывается в «Сказании о Вавилоне граде» и в «Сказании о князьях Владимирских» Спиридона-Саввы. В основе последнего произведения лежат две легенды: одна рассказывает о происхождении русских князей от римского императора Августа (через некоего легендарного Пруса), вторая повествует о получении князем Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. В «Пасхальном послании» митрополита Зосимы Иван III сравнивается с основателем Восточной Римской империи Константином Великим, а Москва — с Константинополем. Ей предсказывается судьба «нового града Константина». Идея провиденциального перенесения политической и религиозной роли Византии в Московское царство развивается в «Повести о белом клобуке». Символ чистоты истинного христианства белый клобук, сотворенный для папы Сильвестра по образу ангела, в результате сложных перипетий оказывается в Великом Новгороде. По мысли автора повести, данный факт символичен: именно Святой Руси, предстоит стать наследницей первого и второго Рима, преемницей их исторической миссии, а русские, «последние», кто принял святое крещение, будут «первыми» в деле спасения мира.

В таких исторических условиях и появилась новая программная доктрина «Москва — третий Рим», которая сразу оказалась в центре национальной философии истории. Эту доктрину тезисно сформулировал в своих посланиях к Великому князю Василию III игумен Елизаров Псковского монастыря старец Филофей. Считается, что послания написаны между 1514 и 1521 гг. Василий III получил их через своего эмиссара в Пскове дьяка М.Г. Мисюра-Мунехина. Позднее они были включены Митрополитом Макарием в «Великие Четьи Минеи» и приобрели не только большую популярность, но и в известной мере офици-

альный статус. Ведь в своем предисловии Макарий писал, что «здесь все святые книги собраны и написаны, которые в русской земле обретаются».

Собственно говоря, Филофей занимает тот же вопрос, который когда-то занимал и Нестора — место русского народа во всемирной истории. Формально он рассуждает о мировых центрах христианства. Первый Рим пал в результате ереси в форме латинизма. Второй Рим (Константинополь) пошел в 1439 году на унию с католической церковью, но это его не спасло. Он был взят штурмом турками в 1453 году. После чего Москва, не признавшая Флорентийскую унию, осталась единственным центром истинной христианской веры. «Старого убо Рима Церковь пала неверием Апполинариевой ереси, второго Рима, Константинова града, Церковь агаряне секирами разсекоша. Сия же ныне третьего нового Рима державного твоего царствия Святая Соборная Апостольская Церковь во всей поднебесной паче Солнца светится... Ведай и внимай, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры снидошася в твое единое царства. Един ты во всей поднебесной христианам Царь, яко же Ной в ковчезе, спасенный от потопа, правя и окормляя Христову церковь и утверждая православную веру» (Православный собеседник, 1861, ч. II, с. 90–96). А поскольку согласно Апокалипсису, могут быть лишь три мировые царства, и после них возможен только конец света, то отсюда следует вывод: «Два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти». Здесь русская идея выступает как бы в двух ликах. Один из них повернут на первый Рим, то есть на Запад, а другой — на второй, то есть на Восток. Из сказанного видно, что мысли, излагаемые в послании Филофея, уже носились в воздухе, ими была насыщена вся атмосфера тогдашнего русского общества. Он просто отлил их в чеканную форму.

Вся доктрина приводилась в естественное соответствие с известным предсказанием пророка Даниила: «Во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится. Оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан. II, 44). Это пророчество получило широкое распространение и на Западе, и на Востоке и оказало большое влияние на развитие философии истории. Тезис, выдвинутый Филофеем, обосновывался в различных аспектах, вплоть до сочинения легендарных родословных. Князья и цари из династии Рюриковичей считали себя потомками римского императора Августа. А их официальная резиденция (Московский Кремль) создавалась как величественный державный ансамбль, подобно римскому Капитолию, стоящему на одном из семи холмов.

На Западе идею третьего Рима сейчас рассматривают как откровенно гегемонистскую и империалистическую, а самого Филофея считают творцом теории русского империализма, отголоски которой слышны и в современной России. Но, во-первых, концепция «Roma aeterna» (Рима вечного), обосновывающая закономерность переноса мирового политического центра в другие регионы, в эпоху Средневековья была популярна у многих народов. Достаточно упомянуть хотя бы Священную Римскую империю германской нации, про которую, правда, говорили, что она не является ни Римской, ни священной. Что касается Филофея, то он лишь воспользовался известной идеологией, чтобы ввести Московское царство, ставшее центром православия, в общее русло всемирного исторического процесса. Во-вторых, почему-то остается без внимания тот факт, что свой основной тезис «творец теории русского империализма» изложил в контексте целого ряда проблем, волновавших тогда русское общество. Он выступает против «звездочетцев и латин», доказывая неправильность предлагаемого ими способа летоисчисления и их учения о влиянии звезд на судьбы людей и государств. Филофей резко осуждает содомию (по-теперешнему гомосексуализм). Формула «Москва — III Рим» дает ему основание обратиться к Василию III со словами: «Сего ради подобает тебе, о царю, содержать царство свое со страхом Божиим».

Критикам концепции Филофея (особенно зарубежным) стоит также напомнить, что в XVI веке имперская идея великого предназначения Москвы как новой Византии и законности ее прав на византийское наследство активно внедрялась в русское сознание многими виднейшими представителями западного мира и прежде всего папой Римским и императором Священной римской империи. Дело в том, что после захвата Константинополя турки громадной тучей нависли над Европой. Новый крестовый поход против магометан, о котором без усталости твердили при всех европейских дворах, однако, никак не складывался. Ощущалась острая потребность в приливе свежих сил. И вот для того, чтобы втянуть Москву в антитурецкую коалицию, ей обещали сразу всё: и Царьград, и скипетр Ближнего Востока. Кстати, инициатива женитьбы Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье также исходила от Римского папы, в окружении которого та воспитывалась. Характерно, что ни Иван III, ни его преемники никогда не ссылались на наследственные права «византийской царевны» и тем более не собирались отстаивать их силой. Филофей резко отрицательно относится к войне как к методу решения международных споров и осуждал «брань» как торжество антихриста

(«Бог же мира любит и долголетия, и здравия»). Поэтому он желал, чтобы в Московском государстве царил «мир от века до века». Ведь только миролюбивой стране обеспечена «слава в бесконечные веки». Таким образом, позиция Филофея — это позиция патриота-государственника, хотя сам он жил в «обидимой» псковской земле, долго сопротивлявшейся присоединению к Москве.

И, наконец, самое главное: в обсуждаемой формуле речь идет, прежде всего, о духовной миссии России, носителнице и хранительнице православия. Она в корне отлична от претендующего на мировое господство американского мессианизма. «Мы, американцы, — писал молодой Герман Мелвилл, — особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени; мы несем ковчег свободы миру... Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас» (цит. по кн. Шлезингер Артур (младший) Циклы американской истории. М., 1992, с. 31). Уже в наши дни президент США Рейган, назвав СССР «империей зла», не уставал как заклинание повторять: «Америка Божьей милостью избранная страна. Мы первые! Мы лучшие!» По Филофею же избранничество русского народа трактуется не как его превосходство над другими народами, а как верность истинному христианству.

Хочется еще раз вернуться ко времени, когда появилась крылатая формула. Пала Византия. Последний византийский император, внук Василия II Константин IX Палеолог погиб, сражаясь на ступенях Софийского собора. История Византии представлялась русским как завершившийся цикл, начавшийся и окончившийся императором Константином. В «Вертограде многоцветном» у Симеона Полоцкого сказано: «На Константине (Великом. — **В.Ч.**) царство в Царьграде начася, на тезоименитом оного скончася». У каждого, кто бывал на Босфоре, наверное, сжималось сердце при виде храма Святой Софии в окружении ракетоподобных минаретов. Это символ торжества магометанской Порты над поверженной Византийской империей. Формально византийская церковь сохранилась. Но Москва сильно сомневалась, что утратившие свое государство греки смогут сохранить в чистоте православную веру. Сами же провозгласили идею неразрывной связи царства и веры. Если царство теперь утрачено, устоит ли Вера? Поведение греков только укрепляло москвитов в этом сомнении. Они толпами устремились в Москву за милостью и бойко принялись там торговать привезенными христианскими святынями. Некоторые из гостей вели себя настолько вызывающе, что их перестали пускать в московские храмы.

Вспомним еще раз международную обстановку в первой половине XVI века. Большая часть славянства потеряла национальную и государственную самостоятельность и находилась под чужеземным игом. Группа западных славян онемечена. Южные славяне подпали под власть протестантско-католической Австрии и мусульманской Турции. И вот Русь сама еще не оправившаяся от многочисленных ран, нанесенных татаро-монгольским игом, проявляет готовность взять на свои плечи «печали человеческие», постоять за истинно христианскую веру. «Москва — третий Рим» по Филофею — это Отечество всех православных, прибежище всех гонимых, потерявших историческую родину. Формула Филофея окрашена в суровые мужественные тона русского православия. Если не мы, то кто же? — вот нравственная максима сформулированной им идеологемы. Согласно его концепции античный Рим и Византия — лишь предварительные этапы истории. «Третий Рим, — писал Г.В. Флоровский, — заменяет, а не продолжает Второй. Задача... в том, чтобы... построить новый Рим взамен павшего и падшего» (Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991, с. 11). Финальную сцену в мировой исторической драме предстоит сыграть третьему Риму — Москве. Именно ей перешла роль Византии по объединению западной и восточной культур — культуры земледельческой, морской и культуры кочевнической, степной. Москва здесь видится уже не новым имперским центром, а скорее новым Иерусалимом. Архитектурным воплощением этой идеи стал основанный в Подмоскovie патриархом Никоном Воскресенский монастырь, центральный собор которого подобен храму Гроба Господня в Иерусалиме и как бы запечатлевает присутствие горнего мира в дольном. Если бы творцы Московского царства вдохновлялись имперскими амбициями, они бы воспроизводили в нем архитектуру императорского Рима, а не архитектуру Палестины.

Большевики, придя к власти, попытались модифицировать идеологему Филофея. В их понимании Москва должна была быть не Третьим Римом, а Третьим Интернационалом. Православный хилиазм хотели заменить коммунистическим. Некоторое время вожди большевиков жили надеждами на мировую революцию. Поначалу они казались реальными. Но революции в Венгрии и Германии потерпели поражение. Революционная волна пошла на спад, и Россия осталась стоять одиноким утёсом в океане враждебных ей государств. Большевикам же, оказавшимся во главе огромной, разрушенной войнами страны, поневоле пришлось спуститься с небес на землю и заняться конкретной практической работой: восстановлением экономи-

ки, охраной государственных границ и т.п. Если внутреннюю и внешнюю политику удавалось освятить авторитетом марксистской теории — прекрасно. Нет — обходились и без нее. В целом большевики сумели адаптировать коммунистическую доктрину к особенностям России, и это стало основой для консолидации советского общества. Большинство советских людей видели цели революции в создании альтернативной буржуазному Западу цивилизации, в строительстве новой Мировой Державы, способной превзойти Запад в мощи, энергии, размахе, словом, во всем, что составляло его сущность.

То, что зарубежные исследователи не вполне оценивают формулу Филофея, неудивительно. Русская философия истории вообще во многом не похожа на западную. В отличие от последней она опирается не только на логические законы и закономерности, но и на интуитивное постижение истины. Это относится и к событиям конца XX века. В логике западного разума Советский Союз распался, так как потерпел поражение в холодной войне с Западом. В логике же формулы «Москва — третий Рим» он погиб, потому что изменил своему предназначению, прельстившись ценностями чуждой нашему народу идеологии либерализма. Эта идеология подменяет истины Нового Завета идеями стяжательства и погони за плотскими удовольствиями, выдаваемыми за выражение свободы человека.

В начале 2008 года по телеканалу «Россия» был дважды показан редкостный по глубине фильм «Гибель империи. Уроки Византии». Он привлек к себе всеобщее внимание. Слишком узнаваема трагедия, которая постигла Византийскую империю и которая надвигается теперь на Россию. Византийцы погибли, потому что отреклись от собственной культуры и истории. Они отказались от опоры на собственные силы и превратились из народа в население, преданное наемниками. После повторного показа фильма состоялось его обсуждение. Мнения разделились. Прозвучала известная фраза: «В одну реку нельзя войти дважды». В ответ создатель киноленты архимандрит Тихон (Шевкунов) сказал: «Войти дважды в одну реку действительно нельзя, но вот шлепнуться два раза в одну лужу вполне возможно». Что мы и сделали.

В нашем государстве за годы перестройки и либеральных реформ произведен демонтаж исторического самосознания нации, причем на очень большую глубину. В этом нам помогли «доброжелатели» из-за рубежа. В стране начала действовать «Программа обновления гуманитарного образования в России», разработанная совместно с международным фондом «Культурная инициатива» под патронажем небезызвестного Джорджа

Сороса (он же Миклош Шорош, он же Миша Хорош, он же спонсор всяческих «открытых обществ»). В центре программы, естественно, оказалась история — наука, отражающая мировоззренческие установки общества. И вот, пользуясь моментом, «Сорос—просвет» преподнес российскую историю в издевательски искаженном виде. Созданные под эгидой фонда Сороса новые учебники истории создают впечатление о России как об «острове невезения», «черной дыре», «прорехе на человечестве». Взять хотя бы пособие для учащихся И.Н. Ионова с характерным названием «Российская цивилизация и истоки ее кризиса: IX—начало XX века». История каждой страны знает свои взлеты и падения. Спрашивается, почему же российские школьники должны вместо целостной истории своего Отечества изучать историю «кризиса российской цивилизации»? Первый и самый роковой кризис согласно Ионову обусловлен неправильным выбором веры. Оказывается, Владимир Святой совершил непростительную ошибку, выбрав вместо католичества православие. Первое способствовало созданию гражданского общества и правового государства, тогда как второе породило самодержавие и авторитаризм государственной власти. Прими Россия католицизм, она бы вместе со всей Европой неуклонно двигалась вперед по пути прогресса. Что же, мысль не новая. В XIX веке ее высказал еще П. Чаадаев и получил решительный отпор со стороны Пушкина: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков». (Переписка Пушкина. М., 1982, т. 2, с. 230). И вот теперь нас снова возвращают к чаадаевской мысли. И.Н. Ионову вторит профессор Л.И. Семенникова. В учебном пособии для вузов «Россия в мировом сообществе цивилизаций» она утверждает, что «православие не давало стимулов для социального прогресса, для преобразования реальной жизни людей». (Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994, с. 117). Налицо полная инверсия в оценках исторического прошлого. Даже на священном знамени Победы собирались изменить историческую символику, что само по себе символично. А ведь известно, что народ, теряющий свою идентичность, обречен на исчезновение. В лучшем случае ему суждено удобрить почву для других, более удачливых народов.

Международная обстановка и нравственное состояние современного российского общества поразительно напоминают то, что уже имело место в истории двух первых Римов. Здесь всё: и разложение верхов, и жирующие столицы на фоне обнищавших провинций, и полная деградация нравов (мужчины, укло-

няющиеся от службы в армии, и женщины, не желающие рожать). А в головах нефтяных и газовых баронов уже брезжит идея Углеродного Третьего Рима как великой энергетической сверхдержавы, а на самом деле колониальной страны. Как отмечал незадолго до смерти А.С. Панарин, либеральное наследие последних лет подвело страну к выбору, какого она не знала со времен Александра Невского. Вопрос ставится так: либо возвращение к жесткой авторитарной государственности, либо полный развал России и установление в духе З. Бжезинского американского протектората под каким-нибудь благопристойным названием. Другие, более благоприятные возможности, уже бездарно упущены. Дело зашло слишком далеко. На юбилейном X Всемирном Русском Соборе, обсуждавшем вопрос о миссии России в XXI веке, прозвучала мысль: «Пошли на Запад, а попали в западню». Влиятельный «Коммерсант» выразил по этому поводу свое неудовольствие, настаивая на недопустимости пересмотра либеральных ценностей и возвращения к российским традициям. Но сегодня речь идет о возрождении России, которая подобно легендарному граду Китежу опять погрузилась в пучину. Однако купола ее высокой духовности еще продолжают светить. Москва пока по-прежнему остается одним из крупнейших политических и религиозных центров мира. Именно здесь проходит передовая линия борьбы за православие, за сохранение и дальнейшее развитие уникальной русской цивилизации.

О СОВЕТСКОМ СОЦИАЛИЗМЕ

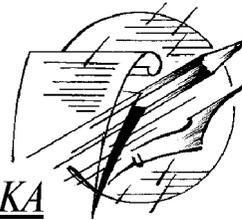
ВСТУПЛЕНИЕ

Отношение к Октябрьской революции и порожденному ею советскому социализму раскололо русский народ на два враждебных в идейном отношении лагеря. Поэтому холодная гражданская война в нем (или, точнее, в его думающей части) продолжается до сих пор. Продолжается и обессиливает его.

Конечно, русский народ расколот не только в его отношении к социализму. Он расколот и во многих других отношениях. Но отношение к социализму (и, в частности, к советскому социализму) это одна из главных пропастей, разделяющих его сегодня.

Одной из причин того, что полярно противоположные оценки советского социализма порождались в прошлом и продолжают воспроизводиться до сих пор, является неспособность русских умов видеть предмет с разных сторон и в его развитии. Едва ли не каждый видит в советском социализме те его стороны, которые, в силу самых разных обстоятельств, оказались ему ближе и понятнее. А потому и определили его отношение к нему в целом.

Непонимание же иных его сторон объясняется не столько простым их неведением, сколько нежеланием признать за ними какую-то важность. Потому что,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

признав их важность, пришлось бы пересматривать свой уже сложившийся взгляд не только на советскую власть, но и на природу общества вообще. Пришлось бы думать самостоятельно о столь сложном предмете, а это опасно. Это почти то же самое, что оттолкнуться от твердого берега и поплыть в неизвестность.

Опасно отступать от уже сложившейся традиции, как советской традиции, так и антисоветской.

Однако не менее важным обстоятельством, определившим раскол в русском народе, было глубокое противоречие в самой советской идеологии. В ней христианская, по существу, мысль о построении справедливого общества оказалась грубо искаженной антихристианским пониманием природы такого общества. И методы его построения оказались тоже грубо искаженными антихристианским складом ума большевиков.

Этому противоречию в советской идеологии соответствовал и сам человеческий состав участников Октябрьской революции и созидателей советского мира. Он был тоже крайне противоречивым по своему глубинному духовному строю.

В советское время писали (и повторяют иногда теперь), что Октябрьскую революцию совершили рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков. И это утверждение в каком-то отношении верно. Но что скрывается за этой фразой? В этом все дело.

Было бы правильнее сказать, что русских рабочих и крестьян **использовали** для захвата власти большевиками. Использовали их недовольство своим угнетенным положением. Использовали их стремление к более справедливому обществу. А каким оно должно быть, это справедливое общество, они представляли себе лишь в самых общих чертах в силу своей неграмотности и непривычки думать о высоких материях.

Они оказались хорошим объектом для социалистической пропаганды. Их легко было организовывать и направлять на совершение дел, отвечавших, как им внушали, их классовым интересам.

Из этих двух слагаемых, т.е. профессиональных революционеров-социалистов, с одной стороны, и склонных к крестьянскому социализму рабочих и крестьян, с другой, сложилась движущая сила Октябрьской революции и порожденной ею советской власти.

Подлинных долгосрочных планов революционеров-марксистов русские рабочие (и, тем более, русские крестьяне) не знали. Не знали как в силу своей неграмотности, так и в силу теоретической неясности этих планов в самом марксизме. А сами революционеры-марксисты не спешили их просвещать насчет

того, что их ждет в ближайшем будущем. Рабочие и крестьяне знали, в основном, лозунги, которыми их кормили и направляли поначалу революционеры, а затем руководители советского государства. Сегодня лозунг — прекратить мировую войну, эту бойню народов. Завтра — свергнуть буржуазное Временное правительство как не способное прекратить эту бойню. Послезавтра — создать Красную армию, чтобы спасти «рабоче-крестьянскую власть». А затем — усилить Красную армию, чтобы она стала способной нести освобождение рабочим и крестьянам других стран. И т.д.

Но какие же отдаленные цели по части внутренней жизни русского народа ставили перед собою сами революционеры-марксисты? Они полагали, что справедливое общество не может быть построено на основе тех начал, на которых оно строилось в прошлом. На основе религии, на основе разделенного на отдельные народы человечества, на основе иерархии в семье и на основе частного семейного хозяйства. Религия должна быть, считали они, заменена атеистической наукой; все народы должны слиться в одно целое; семейная иерархия должна быть упразднена; а семейные хозяйства должны быть поначалу сведены к минимуму, а затем и полностью ликвидированы. Не сразу, постепенно, но неизбежно.

В конечном итоге все человечество должно быть объединено в одном всемирном Советском государстве рабочих и крестьян, которое перевоспитает и разовьет всех до такой степени, что отпадет нужда в самом государстве, поскольку оно является, согласно марксистскому вероучению, инструментом насилия одного класса над другими классами. С возникновением бесклассового общества возникнут свободные ассоциации свободных тружеников, которые будут работать согласно на общую пользу.

Так или примерно так мыслили лучшее будущее человечества революционеры-марксисты, ставшие после Октябрьской революции функционерами правящей партии. Неясностей в их плане было достаточно, но они должны были исчезать по мере все большего продвижения к лучшему будущему¹.

Если бы русским крестьянам, этой основной тогда массе русского народа, сказали заранее, что в порядке осуществления этой программы у них отберут землю и заставят работать почти бесплатно в колхозах, то они, конечно, не только не оказали бы поддержки большевикам, но встали бы на сторону Белого движения. Хотя бы как зла наименьшего по сравнению с тем, что их ожидало при большевиках. Но, как уже сказано, большевики не спешили с раскрытием своих ближайших планов перед

рабочими и крестьянами. А те, по своему невежеству, надеялись на что-то лучшее.

Манипулируя их сознанием, руководители большевиков сначала захватили власть в стране, затем укрепили ее (период нэпа), после чего закрепили крестьян и использовали их труд для осуществления своих собственных планов. Крестьяне же, в силу своей разрозненности, были вынуждены подчиниться большевикам, хотя превосходили их численно в сто или даже более раз².

Однако и профессиональные революционеры, при всех их знаниях и способностях, не подозревали о том, что являются только пешками в большой политической игре хозяев мировых денег. Эти хозяева хотели руками революционеров-марксистов вырвать с корнем христианство из русского народа, лишить его национального сознания, разрушить русскую семью и, как следствие, уничтожить русский народ³.

ГДЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?

После сказанного меня могут спросить, с чего я взял, что такой отсталый народ, как русский, мог представлять большую опасность для руководителей капиталистической системы? Такую опасность, что ради его уничтожения они и устроили Октябрьскую революцию?..

Может возникнуть и второй вопрос: с чего я взял, что руководители капиталистического мира существуют реально? Где доказательства этого? Мы знаем, скажут мне, лишь руководителей отдельных капиталистических государств, грызущихся между собою за собственные выгоды, но ни о каких руководителях всей капиталистической системы мы не знаем. О них нет данных ни в ученой литературе, ни в средствах массовой информации.

Отвечая на эти вопросы, сделаю предварительно небольшое отступление на тему о доказательности тех или иных истин.

Когда французские крестьяне принесли в Парижскую академию наук камень, упавший с неба, то Парижская академия наук объявила, что камни с неба падать не могут. Передовые академики не знали тогда о метеоритах. И свидетели падения камня не только не могли ничего им доказать, — они оказались, в глазах грамотных людей своего времени чем-то вроде безумцев или даже мошенников.

Это к вопросу о доказательствах. Но возможен и другой вариант бессилия доказательств.

Еще хуже обстоит дело в тех случаях, когда тем, кому что-то доказывают, эти доказательства не выгодны. Или, тем более, смертельно для них опасны. В этом случае оппоненты сделают

все для того, чтобы ошельмовать эти доказательства, а заодно и самих доказывающих. И ошельмуют, если власть принадлежит им. Так несколько десятилетий назад у нас называли клеветниками и наказывали тех, кто осмеливался говорить публично о преследовании религии в СССР. Так сегодня в Европе сажают в тюрьму тех, кто осмеливается публично отрицать официальные данные о так называемом «холокосте».

И эта ситуация как раз относится к нашему случаю.

Что такое руководители всей капиталистической системы? По аналогии с промышленными монополиями можно представить себе, что нечто подобное сложилось и в мировой денежной, т.е. банковской, системе. А банки, как известно, занимают командные высоты во всей капиталистической системе. Следовательно, лица, стоящие во главе мировой банковской системы, как раз и должны быть руководителями всей капиталистической системы в целом.

Поясню сказанное еще одним обстоятельством. Монополия в любой отрасли экономики складывается естественно, если ее складыванию не препятствуют государственные законы. А где и когда какое-либо государство на Западе вводило законы, препятствующие образованию денежной монополии? Или, тем более, где и когда оно вводило законы, способные воспрепятствовать образованию **тайной** денежной монополии?

Таких законов в западном мире не было никогда. Из чего следует, что денежная монополия там существует, но существует тайно, и говорить о ней публично никому не позволено. Хотя формального запрета, конечно, не существует.

А почему она существует тайно? По той причине, что если бы народы узнали о ее реальности, то без труда догадались бы, что интересы этой монополии прямо противоположны их собственным интересам. Подобно тому, как интересы всякой отраслевой монополии противоположны интересам населения той страны, где такая монополия сложилась.

Понять значение мировой денежной монополии для судеб народов не так уж трудно. Если денежная власть завелась в чьих-то руках, то обладающие этой властью будут стремиться к тому, чтобы увеличить ее и подчинить себе всякую иную власть на Земле. Хотя бы в порядке обеспечения своей собственной безопасности. Ибо конкуренты им не нужны. Конкуренты для них опасны. А потому монополисты в денежном деле будут подтачивать всякую иную независимую от них власть и переделывать ее таким образом, чтобы сделать ее зависимой от себя. А поскольку откровенность этого дела вызвала бы скандалы и сопротивление со стороны подчиняемых институтов, то это дело должно иметь, как уже сказано, тайный характер.

Таким скрытным образом на Западе были подчинены власти денег средства массовой информации, наука и система образования. Были подчинены политические партии и само государство. А если государство оказалось в руках монополистов мировой денежной системы, то оно должно было использоваться ими для введения, под самыми разными предложениями, таких норм правосознания, которые разрушительны для религии, нации и семьи. Ибо эти институты по своей природе противостоят власти денег и потому представляют для нее опасность. Поэтому они должны быть либо разрушены, либо извращены в корне с тем, чтобы уже не могли препятствовать общему процессу распада народов на разрозненные человеческие единицы.

А разрозненные человеческие единицы удобны для владельцев мировых денег тем, что они беспомощны перед этими владельцами. В разрозненных людях затухают их высшие интересы и растут эгоистические интересы, которые легко использовать для манипуляции такими людьми. Эгоистов легко подкупать и заманивать в ловушки разного рода, их легко противопоставлять друг другу и организовывать по схемам, выгодным для владельцев денег в тех или иных конкретных ситуациях.

Вот почему о наличии руководителей капиталистической системы на Западе нет ничего ни в официальной науке, ни в считающихся пристойными средствах массовой информации. Не потому, что их нет на самом деле, а как раз потому, что они есть, и именно им подчинены как официальная наука, так и практически все средства массовой информации⁴.

А теперь о том, почему именно русский народ представлял и представляет до сих пор одну из главных опасностей для руководителей капиталистического Запада. **Это самый антикапиталистический народ** среди больших народов Земли.

Это качество выработалось в нем в силу двух обстоятельств.

Во-первых, в силу его органической связи с Православием, которое претворило некогда восточнославянские племена в единый русский народ. А в Православии была дана людям духовная основа для организации жизни на принципах, прямо противоположных духу капитализма. На основе любви всех и каждого к Богу и друг к другу.

И во-вторых. Это качество русского народа выработалось в нем еще и в силу его органической связи с его языческим прошлым, которое отличалось существенно от языческого прошлого других народов.

В языческом прошлом это был народ, избравший мирную жизнь народа-хлебороба по преимуществу. Это был народ-общинник в большей степени, чем другие народы Европы. Это был народ, в котором развитие хищнических и паразитических

наклонностей было заблокировано в наибольшей степени сравнительно с другими сильными народами. Заблокировано как общинным образом его жизни, так и тяжелым сельскохозяйственным трудом, который он выбрал и который воспитывал в нем уважение к этому труду и привычку к нему, столь не свойственные для паразитов и хищников. Паразиты и хищники воспитывают в себе, для оправдания своих наклонностей, презрение к своим жертвам, а народ-хлебороб, наоборот, воспитывал в себе презрение к несправедливым наживам и уважение к разным народам (если, конечно, они заслуживали такого уважения).

Человеческие жертвоприношения, столь характерные для язычников, были свойственны восточным славянам в наименьшей степени. Это были племена (при всех их внутренних противоречиях, свойственных любому племени и народу) в наибольшей степени близкие по своему нравственному и умственному строю к подлинному Христианству. А потому и руководители средневекового Русского государства выбрали в качестве своей национальной религии не католичество и не магометанство (и, тем более, не иудейство), а Православие. Эту наиболее чистую от искажений форму Христианства.

И это выбранное ими Православие было принято русским народом. Оно соответствовало его основному духовному строю. Оно поддерживало и усиливало в нем его нравственное начало и нравственный склад его ума.

Православие и в дальнейшем сохранило в себе в наибольшей степени, по сравнению с католицизмом и протестантизмом, суть христианства, диаметрально противоположную сути капитализма (т.е. мира маммоны). Поэтому не случайна ненависть капиталистического Запада к Русской Православной Церкви и к русскому народу, которые способны при всех их исторически объяснимых немощах возродиться в новой силе и породить новый тип общества, противоположный по своему духу капитализму. В этом-то и заключалась опасность для руководителей капиталистического мира. Вот почему для них было так важно уничтожить и Православную Церковь, и русский народ.

Если проигнорировать столь важное обстоятельство, то нельзя понять ни происхождения советского государства, ни его последующей судьбы. Вне столь важного контекста история СССР обречена на ложное понимание.

Но вернемся к предыстории Советского государства.

СНАЧАЛА УНИЧТОЖИТЬ МОНАРХИЮ

Прежде чем уничтожить христианство в русском народе, следовало уничтожить монархию в России. При всей ее слабости и

ее попустительстве мировому злу в виде капитализма и космополитизма, она была, тем не менее, препятствием для осуществления планов тайного мирового правительства. Само ее существование не позволяло перейти к узаконенному погрому Русской Православной Церкви и русского народа. К погрому в таком масштабе, который был нужен для тайных руководителей капитала.

Кроме того, наличие монархической власти в России, пусть даже такой духовно слепой, какой она была, представляло угрозу для мирового капитализма в том отношении, что, оказавшись на престоле достаточно умный и волевой человек, — и эта власть стала бы избавляться от своей слепоты и своей слабости. Уразумев своих истинных врагов, она могла перестроиться и перестроить страну в истинно православном и национальном духе.

Вот почему следовало в первую очередь ликвидировать сам институт монархии. А для этого надо было мобилизовать всех ее противников, от либералов разных мастей до сепаратистов из российских народов, не брезгуя при этом ни большевиками, ни анархистами. Требовалось создать единый фронт, чтобы общими силами этот институт разрушить. Что и было проделано вполне успешно.

Доказывать, что это антимонархическое движение финансировалось не только российскими капиталистами, но и западными, нет никакой нужды. Это финансирование есть бесспорный исторический факт.

А ЧТО БЫЛО ДЕЛАТЬ ПОТОМ?

А что было делать потом, после свержения монархии? Либералы, бывшие главной силой разрушителей монархии, сохранить Россию единой заведомо не могли. Их правление подразумевало неизбежный последующий распад страны на части и хаос в их отношениях между собою. Казалось бы, управлять такими обломками России было для руководителей мирового капитала куда легче, чем единой и потому сравнительно сильной страной. Однако исторический опыт показывал, что такой вариант не гарантировал уничтожения России.

Распад страны и хаос в отношениях между ее частями должны были вызвать рост национального и религиозного сознания в русском народе, объединительницей которого опять могла оказаться, как и в прежние времена, Русская Православная Церковь. В этом случае могло повториться нечто подобное тому, что уже было при завоевании Руси монголами и в ходе Смуты начала XVII века.

Куда надежнее был другой вариант, при котором удар нанесли бы в первую очередь по самой Русской Церкви, этой главной опасности для разрушителей народов. И ее ликвидация сочеталась бы не столько с внешним разделением русского народа, сколько с внутренним его разделением. С уничтожением его духовных основ и последующим незаметным для него самого исчезновением его из истории.

Следовало разделить русский народ идейно на две непримиримые части и довести их противостояние до гражданской войны. Ожесточить их в этой войне настолько, чтобы они уничтожали друг друга с чистой совестью. И сохранили бы в себе это ожесточение навсегда.

А после того, как нужная степень ожесточения была бы достигнута, следовало помочь той части русского народа, которая стремилась к обновлению своей жизни, победить в этой войне. И повести победителей к «лучшей жизни» под руководством таких вождей, которые отрицали бы практически все «проклятое прошлое русского народа» как препятствие для этой «лучшей жизни». Борьбу за лучшее будущее следовало организовать таким образом, чтобы борцы уничтожали свои собственные духовные корни и обеспечивали тем самым свой крах в будущем.

В этом случае происходило бы не только уничтожение Русской Православной Церкви и духовных основ русского национального бытия. Происходила бы, кроме того, дискредитация самой идеи лучшего общества, которое, как думали его сторонники, должно было стать альтернативным по отношению к капитализму.

Если бы удалось дискредитировать такую альтернативу, то будущее капитализма было бы обеспечено, из чего следует, что эта задача была для руководителей капиталистической системы одной из важнейших.

Сама же дискредитация могла быть достигнута приданием социализму уродливых или даже чудовищных черт. Чтобы люди шарахались от этой идеи в разные стороны. Вот чем объясняется и происхождение марксизма с его чудовищным проектом «светлого будущего» человечества, и несомненная заинтересованность мозгового центра капитализма в строительстве именно марксистского социализма в России.

Не будь этой заинтересованности, белые армии не были бы преданы их «союзниками». Поддержать их материально и организационно «союзникам» не составляло труда. При поддержке Антанты белые задушили бы красных. Но показательно, что Антанта лишь спровоцировала гражданскую войну, поддержав вра-

гов большевизма на окраинах и отоварив их самым необходимым для начала успешных военных действий. Она помогла белым ровно настолько, чтобы перепугать красных насмерть и ожесточить обе стороны до предела. А затем, когда эта цель была достигнута, бросила белых, обреченных на поражение без ее поддержки.

Далее. Если бы руководители капиталистического Запада не были заинтересованы в победе большевиков, то не допустили бы индустриализации СССР, которая была невозможна без закупок западной техники и технологии. Западная пресса могла поднять по указке своих хозяев такой рев и вой, что экономическая блокада СССР была бы обеспечена на десятилетия. А при такой блокаде СССР остался бы отсталой в экономическом отношении страной, потому что дореволюционная российская промышленность была разрушена в ходе гражданской войны едва ли не полностью. И никакое строительство социализма в СССР стало бы невозможным. При экономической отсталости военная сила СССР уменьшалась бы с каждым годом по сравнению с военной силой экономически развитых и продолжавших развиваться стран. А это значило, что рано или поздно СССР был бы съеден другими странами.

Однако хозяева мирового капитала не пошли на такой вариант. Его порок заключался, видимо, еще и в том, что русский народ в этом случае сохранял бы свою связь с землей и, следовательно, высокую рождаемость. Уничтожать его физически, без убедительного для него идейного обоснования, было опасно. Он мог взбунтоваться и задавить своей массой сравнительно немногочисленных большевиков. Уничтожать его следовало незаметно для него самого, отрывая его не только от Бога, но и от земли, а также от всего, что роднило его представителей и связывало их в одно целое.

Индустриализация страны была нужна не только большевикам. Без нее не было смысла стравливать Германию и СССР в истребительной войне друг с другом. Технически отсталый СССР стал бы легкой добычей Германии. Для стратегов капитализма такой вариант был неприемлем. Они не могли заниматься судьбой одного лишь русского народа. Они были вынуждены увязывать свои планы относительно России со своими планами относительно другого опасного для них народа, немецкого. Им было нужно, чтобы два опасных для них народа равномерно уничтожили друг друга. А это было невозможно без примерного равенства сил.

Кроме того, советский эксперимент имел большое научное значение. Он должен был дать бесценный материал для дальнейших исследований по части природы общества. Исследова-

ний, закрытых для профанов с их профанными социальными псевдонауками. Этот эксперимент подтвердил бы практически, что, обладая денежной, информационной и организационной властью, с народами можно делать почти что угодно. При том, однако, непременном условии, что все операции будут продуманы досконально.

Видимо, эти и, может быть, какие-то другие соображения заставили стратегов Запада сделать выбор в пользу индустриализации советской России. Чтобы «эксперимент» не только начался, но и прошел все свои стадии.

ДЕТАЛИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

А теперь коснемся деталей советского проекта. Чтобы гарантировать твердость и неизменность курса большевиков, следовало организовать их руководство таким образом, чтобы оно состояло из лиц по преимуществу нерусских и даже враждебных русскому народу. Но, разумеется, враждебных не явно для всех, а тайно или не очень явно.

Русские люди не годились в качестве руководителей нового мира по самой их природе, которую следовало переделывать и переделывать. Хотя бы по той причине, что в них не было той безжалостности по отношению к их собственному народу, которая требовалась для достижения поставленной цели. Кроме того, они были плохими безбожниками. В них не было того глубинного безбожия, которое было необходимо.

Русских нельзя было игнорировать полностью при определении руководящего состава страны, но и допускать их в него следовало очень дозированно, по преимуществу на представительные должности или на вторые по своей важности места, окружая их при этом бдительными помощниками из господствующего меньшинства. Из этого же меньшинства следовало поставлять им жен. Само собой разумеется, что допуском в руководство могли пользоваться только те, чьи мозги были уже достаточно разглажены марксизмом. И кто уже доказал на практике свою готовность принести свой народ в жертву на алтарь «светлого будущего» человечества. Хотя и в этом случае за ними все равно был нужен глаз да глаз.

Советская система строилась на жестком подчинении низов общества его верхам, без права низов критиковать свои верхи. Критика снизу вверх допускалась только по команде сверху и только по адресу тех, кто оказывался негодным властям. Или, в крайнем случае, допускалась тогда, когда, будучи самопроизвольной, устраивала по какой-либо причине верхи.

Эта система исключала любую критику самой себя со стороны всех членов советского общества. А за попытку нарушить это правило расправлялась с ослушниками так свирепо, что желания повторить опыт ни у кого не возникало.

Следствием должно было стать наполнение умов населения официальными идеями или, что было чаще, отстранение умов от опасной для них темы. Признавая формально свою верность официальным идеям, люди фактически уходили от них в свои частные заботы и в частные размышления.

В качестве исключения из этого правила могло быть тайномыслие отдельных умов, продолжавших думать про себя об обществе. Но тайномыслие, если оно исключительно индивидуально, слабосильно. Лишь коллективное тайномыслие, передающее свои плоды из поколения в поколение, может вырасти в силу, способную изменить общество. Однако русские люди не были приучены своей историей к такой конспирации.

Итак, в любом случае советская система блокировала в русских людях способность думать об обществе иначе, чем это позволялось по свыше заданной для них схеме. И делала их тем самым бессильными перед правящим меньшинством.

Однако эта система, с точки зрения ее создателей, была хороша еще и тем, что ее пленниками оказывались не только управляемые вождями народные массы, но и сами вожди. Если бы кто из них вздумал разрушить эту систему или изменить ее в лучшую сторону, то он был бы бессилён это сделать.

Разрушить ее можно было только общими усилиями руководителей господствующей партии, господствующего в стране меньшинства и главных хозяев Запада. Любой вождь, какой бы огромной видимой властью он ни обладал, был слеп и беспомощен перед этой объединенной силой. Одиночки всегда бессильны. Если бы он взбунтовался против истинных хозяев советской системы, то ему не было бы на кого опереться. Его окружали соратники, настоящих лиц которых он не знал. Они были все, казалось бы, сверхпреданными системе и лично ему, вождю. А о том, что они думали на самом деле, не знали даже их жены. Не знал никто. И как было угадать, кто из них готов за вождя в огонь и в воду, а кто — вонзить ему нож в спину при подходящих условиях? Не угадаешь. Как ни подпайвай их во время застолий.

При этой системе любой, кто дергался в опасную для господствующего меньшинства сторону, обязательно замечался, потому что миллионы представителей этого меньшинства размещались по всем ее вертикалям и горизонталям. Они следили бдительно за общим положением в стране и за всеми, кто угро-

жал их личным и клановым интересам. Они старались расправиться с опасными для них людьми и, как правило, расправлялись. Самыми разными способами.

Все было задумано превосходно, насколько это вообще возможно в нашем несовершенном мире. Любые несовершенства системы, которые обнаруживались бы в ходе ее эксплуатации, можно было устранять. Система могла и должна была совершенствоваться. Она могла существовать вечно и продолжать растворять в себе вслед за русским народом все остальные народы.

ЗАГАДОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ

И тем не менее, наследники изобретателей и создателей этой системы решили ее уничтожить и уничтожили. Причем, что весьма показательно, о предстоящем ее уничтожении объявил публично американский президент Рейган. В 1981 году он провозгласил, что «империя зла» доживает свои последние годы. И уже через пять лет в СССР началась «перестройка», покончившая с, казалось бы, несокрушимой империей.

Спрашивается, чем была вызвана ликвидация СССР? То ли система выполнила возложенную на нее задачу и по этой причине должна была уступить место другой системе, более эффективной по части уничтожения русского народа. То ли она стала давать какие-то нежелательные эффекты и выходить из рук ее контролеров. И была ликвидирована потому, что могла или даже должна была выйти из их рук, если бы они промедлили с ее уничтожением.

Если имел место второй случай, то какие это могли быть нежелательные эффекты? Поскольку мы не знаем всей глубины и полноты замысла, а знаем лишь его направленность, то можем только догадываться о характере этих нежелательных эффектов.

Можно предположить, что какой-то крохотный нежелательный эффект система дала уже на ранних стадиях своего развития. Бывшие революционеры, ставшие строителями советского государства, оказались, в целом, неважными ее строителями. Они привыкли разрушать государство, а строить его не привыкли. Поэтому на новых должностях они предпочитали светиться своими прошлыми заслугами, а не вникать в тонкости новых дел и не выкладываться ради них полностью. Вот почему их приходилось заменять менее надежными, но зато более умелыми кадрами. **Противоречие между тайными целями системы и явными государственными интересами начинало сказываться.**

Но этот эффект почти мелочь. Гораздо хуже было то, что едва ли не все успехи системы давали почти незаметные побочные

эффекты. Например, быстрый рост рядов партии и советской администрации порождал засорение этих рядов нежелательными элементами. С этим явлением боролись посредством чисток и разоблачений, но те и другие приводили к тому, что люди, приноравливаясь к требованиям, затаивали в себе свою сущность и проявляли ее скрытым образом. Вместо того чтобы изменяться по существу, они менялись только по внешности. Конечно, само изменение внешности влияло на внутреннее их состояние. Но, тем не менее, процесс был неоднозначным. Он настораживал. И его, увы, нельзя было исправить.

Застой или даже медленное развитие страны были неприемлемы как для государства, так и для авторитета новой идеологии. Страна должна была развиваться стремительно в военном, экономическом, научном и культурном отношении, а это требовало стремительного умножения соответствующих кадров. Но откуда их взять, если не из большинства населения, каковым был русский народ? Тем более, что по своему психическому складу и умственным способностям он подходил для этого дела больше других народов, во всяком случае, больше конфликтных кавказцев и прочих азиатов, связанных родоплеменными узами. Вот почему происходила все большая русификация советской системы. В силу объективной необходимости. Степень этой русификации была далеко не достаточной для того, чтобы изменить суть системы, но рост этой степени был все-таки опасен. Для нейтрализации русской опасности следовало старательно осуществлять стерилизацию русских в национальном отношении. И она действительно осуществлялась куда более настойчиво, чем стерилизация других народов СССР. Другим народам позволялось то, что не позволялось русским.

Следующее обстоятельство было не менее значительным. Господствующее меньшинство хотело быть гарантированным от распространения на него государственного террора. Террор, направленный на все население страны, обязан был обходить эту касту. Единственное исключение из этого правила должно было касаться изменников этой касты и только. Но Сталин нарушил эту негласную установку. Он распространил террор на всех вплоть до членов Политбюро. Замахнулся на тех, на кого не имел права замахиваться. И это обстоятельство еще больше ослабило господствующее меньшинство. Его господство оказалось под вопросом. Вот истинная причина ненависти к Сталину со стороны представителей этой касты.

А затем грянула война, которая не только выкосила лучшую часть русского народа. Она разбудила национальный инстинкт в русских людях и заставила советскую систему использовать этот

инстинкт ради самосохранения. В годы войны произошло соединение интересов советского государства и русского народа. Временное соединение, но оставившее после себя неизгладимые следы как на русских людях, так и на советском государстве.

Хуже того. Сам ход войны оказался не таким, каким его планировали ее организаторы. Советская система, под руководством Сталина, оказалась настолько эффективной в военном, хозяйственном и даже в духовном отношении, что война продлилась только четыре года. И завершилась полной победой СССР. Хотя должна была длиться лет семь или десять, не меньше. До полного изматывания противников, которым Запад продиктовал бы свои условия дальнейшей их жизни.

Запад, конечно, выиграл эту войну во многих отношениях. Но не во всех, на которые рассчитывал. Для его хозяев было досадно еще и то обстоятельство, что Сталин сумел организовать быстрое восстановление страны после военной разрухи. И не только восстановление, но и самый быстрый рост экономики и других сил страны.

Советская система при Сталине оказалась способной развиваться быстрее капиталистической в экономическом, научном и образовательном отношении. Из чего следовало, что при более или менее правильном руководстве она должна была превзойти Запад по своей интеллектуальной и материальной мощи. А из этого, далее, следовало, что она должна была выйти из-под контроля ее создателей. Что было для них абсолютно неприемлемо⁵.

Вот почему ее нужно было демонтировать, пока это было еще можно сделать. А ее пороки раздуть до небес, чтобы закрыть ими ее достоинства. И этот демонтаж начался сразу после таинственной смерти Сталина.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОНТАЖА СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

Но разрушить сталинскую систему сразу было нельзя. Во-первых, потому, что она была крепко сколочена организационно и, в частности, экономически. И, во-вторых, потому, что сознание населения (и особенно многочисленных руководящих кадров) было к этому не готово. При всей зависимости этого сознания от советского руководства оно обладало собственной инерцией, не считаться с которой было нельзя. Так нельзя повернуть автомобиль на большой скорости резко в обратную сторону.

Вот почему после смерти Сталина следовало реформировать систему таким образом, чтобы под видом улучшения ее рас-

строить. А она действительно нуждалась в улучшении и могла быть улучшена. Но ее повели по пути, который подготавливал ее катастрофу. И понадобилось почти сорок лет для того, чтобы создать условия для ее как бы естественной смерти.

Каким образом этот тайный курс проводился внутри партии, мы не знаем. Но, судя по тому, как целенаправленно он проводился, можно заключить, что какая-то сила внутри партии, проводившая этот курс, существовала. Она могла, в силу разных обстоятельств, ослабевать на какое-то время, но затем опять усиливаться по той причине, что тайная организация всегда, в принципе, сильнее открытой организации.

Тайная организация сильнее открытой организации в силу самой открытости последней. Она может осмысливать состояние открытой организации, выискивать в ней слабые места и использовать их для еще большего ее ослабления и подчинения себе. А если потребуется, то и для ее разрушения. В то время как открытая организация может даже не знать о самом существовании тайной организации. А если знает о ее реальности, то ее знания всегда уступают знаниям тайной организации.

Однако возможны условия, парализующие силу тайной организации. Это прежде всего святость цели открытой организации и правильность идей, вытекающих из этой цели. Святая цель и правильные идеи питают свыше членов открытой организации и делают их способными осуществлять задуманное.

Это святость самих руководителей открытой организации, их готовность жить не ради карьеры, а ради святого дела. И умереть, если понадобится, за святую цель и за правильные идеи.

Это, в-третьих, их мудрость. Их понимание не только путей к святой цели и объективных трудностей, связанных с совершенствованием общества, но и возможных ухищрений врагов святого дела.

Однако главная сила руководителей открытой правящей организации в их связи с народом. И не просто с народом, а с народом духовно развитым и организованным разумно, а потому и способным не только подчиняться своей собственной государственной власти, но и правильно понимать ее задачи. А если понимать, то и контролировать ее политику.

Если правящая открытая организация не поймет важности постоянного совершенствования народа, если она будет стремиться только к тому, чтобы население страны просто выполняло ее указания, то никакая внешняя сила государства, возглавляемого такой организацией, не спасет его от загнивания и разрушения.

Однако советская система строилась в полном противоречии с отмеченными выше условиями ее безопасности. Она строилась таким образом, что ее прочность зависела, главным образом, от ее руководящего ядра и степени доверия к нему населения. Поэтому она могла быть монолитом в одном случае, а в другом могла быстро рассыпаться в прах.

Стоило только подточить доверие населения к его руководителям, а затем показать ему крупным планом изнанку советской истории, да еще на фоне как бы благополучного Запада, — и оно оказалось бы в шоке. Не наученное думать самостоятельно об обществе и не способное на самоорганизацию, оно должно было стать жертвой нового пропагандистского мифа, подготовленного заранее врагами народов. Мифа, подготовленного с целью революционной перестройки сознания населения и одновременно революционной перестройки самой государственной системы.

Итак, в недрах КПСС должна была существовать организация без организации (или, точнее, организация без ее видимой организации), которая знала действительную расстановку сил в руководстве партии и была способна изменять эту расстановку в желательном для себя направлении. Закрытость партийных и государственных архивов подтверждает косвенно это предположение. Если бы у нынешних врагов советской системы не было нужды что-то скрывать из ее жизни, то они, конечно, и не скрывали бы ничего. А они не только скрывают, но и, как нетрудно догадаться, используют послесоветское время для квалифицированной подчистки этих архивов.

Спрошу еще раз: если на Западе были уже давно разработаны политические технологии, обеспечивавшие тайную власть хозяев мирового капитала в их псевдодемократиях и в их псевдосоциалистических партиях, то почему эти хозяева не озаботились созданием политической технологии специально для советской системы? Неужели они не понимали важности этого дела? Конечно же, понимали.

Если предположить, что такая технология была ими разработана, но оказалась плохо продуманной и не сработала в тридцатые годы, а потому оказалась разрушенной сталинским террором, то, спрашивается, что же мешало воссоздать ее заново, хотя бы даже извне? Что мешало, например, ЦРУ или другой подобной организации создать свою законспирированную структуру в советской номенклатуре уже в послевоенные годы? Или, тем более, в послесталинские годы? Такая структура могла быть несовершенной, могла разрушаться частично или даже полностью советскими органами безопасности, могла выходить

из строя по каким-то иным причинам, но затем, по логике войны двух миров, должна была воспроизводиться заново во все более совершенном виде.

Агенты Запада в СССР могли не знать ничего друг о друге и, тем не менее, действовать согласованно в нужном направлении. Их действия могли координироваться извне. Скорее всего они должны были быть в своем подавляющем большинстве даже не агентами в точном смысле этого слова, а лишь полезными для Запада в каких-то отношениях людьми, которым он помогал подниматься вверх по социально-политической лестнице. Такое использование полезных людей «втемную» куда эффективнее формальных с ними договоренностей. Однако оно могло быть эффективным лишь при наличии достаточно большой информации о всех членах советской номенклатуры.

Как пишут исследователи, в послесталинские годы только в США действовало несколько сотен научных институтов, изучавших положение в СССР. Вся советская жизнь просвечивалась и осмысливалась ими сверху донизу. СССР был тайной для подавляющего большинства его граждан, но не был тайной для изучавших его врагов. Которые, надо полагать, изучали с особым интересом кадровый состав советской номенклатуры. Здесь каждая ничтожная деталь должна была быть на вес золота. А золота было достаточно и информаторов было достаточно тоже.

ОБЩИЙ ИТОГ ЭКСПЕРИМЕНТА

Выше говорилось о том, что могло быть две причины ликвидации СССР. Первая из них могла заключаться в том, что система выполнила возложенную на нее задачу и потому должна была уступить место новой системе, более эффективной по части уничтожения русского народа. Вторая же причина могла быть вынужденной: система стала давать какие-то нежелательные эффекты и могла выйти из рук ее создателей.

Однако, скорее всего, возможность прекращения эксперимента в случае нежелательного его хода предусматривалась уже заранее. А если так, то творцы советской системы пошли на эксперимент в твердом расчете на то, что общий его итог будет все равно в их пользу.

Но так ли получилось на самом деле?.. Можно ли дать советской эпохе, в целом, однозначно отрицательную оценку? С одной стороны, успех «эксперимента» вроде бы очевиден. Русский народ повержен, он рассыпан на разрозненные единицы, дезориентированные и, возможно, уже не способные на воз-

рождение. Русская Православная Церковь лишилась своей былой социальной опоры в виде христианской монархии и русского народа, верующего по традиции в Бога. А без этой опоры она, скорее всего, обречена после временного перестроечного расцвета пойти по стопам христианских Церквей на Западе и, подобно им, деградировать. Однако, с другой стороны, советский «эксперимент» высветил действующую в мире систему зла до такой степени, что она уже перестала быть тайной для думающего меньшинства человечества.

Если раньше система зла, о которой идет речь, маскировалась каким-то подобием добра, то теперь ей маскироваться уже нечем. Теперь ее спасение — в уничтожении думающего меньшинства человечества и превращении его в массу бездумных эгоистов, уже не способных поднимать свои лица к Небу.

Если раньше сила маммоны виделась в сугубо индивидуальном плане, то теперь она предстала уже как сила, организованная во всемирном масштабе и обладающая самой могучей армией в мире. Теперь стало ясно, что маммона вооружена наукой и техникой в куда большей степени, чем ими вооружены существующие ныне народы. И что ей служат многие народы и государства.

Но если так, то можно ли переоценить последствия этого прозрения?.. Сила зла всегда была в его связке с обманом. Сумеет ли теперь зло задушить думающее меньшинство человечества своей голой силой? И не превратится ли со временем это думающее меньшинство человечества в его думающее большинство? Подобно тому, как некогда беспомощное, на первый взгляд, христианство превратилось в силу, преобразившую древний языческий мир? Это вопрос, на который ответить пока невозможно.

Судить по нынешнему состоянию человечества о том, каким оно будет завтра или послезавтра, рискованно. Все может быть. Как в лучшую, так и в худшую сторону. Мир, в котором мы живем, глубже мира, который мы знаем. Возможности мира действительного превосходят возможности, которые мы принимаем в расчет. В личной и в исторической жизни получается обычно не так, как люди рассчитывали. Разве могли русские люди начала XIX века представить себе, чем станет Россия начала XX?.. Или, тем более, Россия нашего времени?.. Кроме того, советский «эксперимент» высветил не только цели и методы стратегов капиталистической системы. Он высветил и такие ценные идеи, которых не было раньше в христианском мире. А потому и оказался идейно (и, следовательно, организационно) не вооруженным против царства маммоны.

Какие же это ценные идеи? Я не могу ни раскрыть их во всей их полноте, ни даже перечислить их полностью. Это сделают со временем более зоркие люди. Я назову лишь некоторые из них, которые бросаются в глаза прежде всего.

Это, во-первых, идея важности развитой государственной идеологии, дающей главные ориентиры и нормы жизни как для правителей, так и для остальных граждан страны. И потому связывающей тех и других в одно нравственное и умственное целое. Эта идея, как и другие ценные идеи, была заявлена в СССР в искаженном марксизмом виде, но, тем не менее, высветлена настолько, что ее рациональное зерно нетрудно оценить по достоинству и, следовательно, очистить от привнесенных марксизмом искажений.

Это, далее, идея приоритета общих интересов над частными и, как следствие, идея важности общенародной собственности на основные природные, хозяйственные и культурные богатства страны. А из этой идеи вырастают, в свою очередь, идеи планирования общенародного хозяйства и его независимости от иностранного капитала. Да и от всякого частного капитала вообще.

Это идея защиты обществом каждого его члена от безработицы и возможности оказаться на улице без средств к существованию. И для него самого и, главное, для его семьи.

Это идея бесплатного образования для всего населения страны и бесплатной медицины для всех. Идея почти бесплатного жилья и почти бесплатного городского транспорта. Идея доступности всех культурных богатств страны всем ее гражданам.

Мне могут возразить, что перечисленные ценные идеи соседствовали в советских условиях с такими преступлениями, каких не знала дореволюционная Россия. И, кроме того, обесценивались господством безбожной идеологии и фактического космополитизма, разрушительные последствия которых нельзя подсчитать ни на каких счетах. Но об этом речь у нас уже была. А сейчас она о том, что советская жизнь была внутренне противоречивой, поэтому в ней были не только огромные пороки, но и огромные достоинства, без осознания которых христианству не возродиться. Чтобы судить о советском социализме справедливо, нужно судить так, чтобы его плюсы не заслонялись его минусами, а его минусы не заслонялись его плюсами.

Подсчитать, чего было больше в советской жизни, минусов или плюсов, было бы очень важно, но беда в том, что сделать это легко только на первый взгляд. Чем глубже вникаешь в сложность этой задачи, тем понятнее становится ее непосильность для человеческого ума.

Прежде всего по той причине, что такой подсчет всегда зависит от состояния умов подсчитывающих. А эти умы будут всегда несовершенными по сравнению с умом абсолютным. Не понимающие важности религиозной веры и национального самосознания народа будут смотреть сквозь пальцы на уничтожение большевиками религиозного и национального его сознания. Или даже будут одобрять освобождение народа от этого, по их представлениям, духовного дурмана. Они будут видеть только плюсы советского социализма, а минусы будут или не признавать вообще, или же, признавая их на словах, придавать им ничтожное значение.

И точно так же будут оценивать плюсы и минусы советской истории, но только с прямо противоположных позиций, сознающие важность для общества его религиозно-национальных основ, но не понимающие важности правильного общественного строя для сохранения тех же его основ, не понимающие **взаимозависимости** религиозно-национальных начал общества и вырастающего из них его устройства, ложный характер которого будет дискредитировать и разрушать сами его начала.

Трудность подсчета плюсов и минусов будет еще и в том, что они будут разной величины. Как определить истинные размеры того или иного плюса? Или того или иного минуса? Кроме того, в силу глубочайшей противоречивости советского социализма у многих плюсов окажутся свои минусы, а у многих минусов свои плюсы, значимость которых будет тоже неодинакова.

Но мало того: все величины и качества всех плюсов и минусов будут со временем уточняться — по мере все более глубокого их постижения. И какие-то уточнения могут оказаться решающими для переоценки прежде сделанного подсчета.

И еще. Правильная оценка советского социализма невозможна без правильной оценки предшествовавшей ей системы, которая допустила идейное и организационное разоружение русского народа. Разоружение до такой степени, что он стал легкой добычей его врагов. Несправедливо видеть в двух идейно противоположных системах только идейную их противоположность и не учитывать того, что одна из них выросла во многих отношениях из другой и унаследовала от нее, в той или иной степени, как ее достоинства, так и ее пороки.

Попуская крах императорской России, Бог, думается, подсказывал русским людям через безбожников-социалистов причину ее бессилия и способ возрождения русского народа в новой силе. Более того: подсказывал причину бессилия всего христианского мира, о которой боялись думать и славянофилы, и Достоевский, и многие другие лучшие русские мыслители. Ка-

тастрофа надвигалась, многие это обстоятельство сознавали, а о причине происходящего не умели сказать ничего вразумительного.

Но и это еще не все. Для русских людей оценка советского социализма будет зависеть, главным образом, от того, каким будет будущее русского народа. Если его не будет вообще или оно окажется жалким, то, значит, «эксперимент» удался полностью. А если русский народ сумеет возродиться в новой силе, то, значит, эксперимент его не уничтожил, а лишь задержал его развитие. Или, быть может, даже способствовал его развитию тем, что открыл перед ним неведомые ранее горизонты. Так иногда сразившее человека несчастье временно парализует его, а затем способствует его прозрению и подъему на новую высоту.

Вот почему окончательная оценка советского периода в русской истории так трудна. И не просто трудна, а трудна бесконечно. Она может быть дана только Свыше.

КАК ЖЕ НАМ БЫТЬ?

Из сказанного следует, что мы должны перестать идеализировать любой общественный строй в нашем прошлом. Идеал может быть только впереди. Идеализируя тот или иной тип общества в прошлом, мы ослепляем себя. Мы не ищем действительные причины его гибели, но списываем их целиком на происки его врагов. Да еще на какие-то случайные обстоятельства.

Враги у любого общества есть всегда, и знать их необходимо. Но еще важнее знать, что самым первым врагом народа является он сам, если он не думает о правильном своем устройстве и, следовательно, не умеет себя строить. Если он ставит на первое место разоблачение своих врагов, а о самосозидании думает лишь во вторую очередь. Или попросту о нем забывает. В этом случае разоблачение врагов приобретает карикатурный характер. Не умея строить себя, народ списывает свои немощи исключительно на козни своих врагов, чем дискредитирует все правильное, что есть в его разоблачениях.

О врагах важно знать, что они беспомощны против здорового общества. Разве что могут уничтожить его внешней военной силой. А если враги разъедают общество изнутри, то, значит, дело не только в них и даже не столько в них, сколько в болезнях самого общества, позволяющих его врагам разрушать его чем дальше тем больше.

Революций в здоровых обществах не бывает. В здоровое общество врагам вход, по большому счету, закрыт. И если даже

они проникают в него тайком, то им не за что в нем ухватиться, им негде в нем угнездиться, чтобы наращивать свою силу. Здоровое общество их выявляет и выталкивает из себя. Здоровое общество обладает, как говорится, иммунной силой. Оно умеет постоять за себя.

Но и больные общества перечеркивать полностью тоже нельзя, потому что они могут содержать в себе в неразвитом или искаженном виде ценные идеи. Нельзя перечеркивать их еще и потому, что в истории не было никогда абсолютно здоровых обществ, а были только более или менее здоровые и, следовательно, более или менее больные.

Значит, если мы хотим правильно строить свое будущее, то нам нужно брать за образец не тот или иной тип общества, бывший у нас некогда в прошлом и уже доказавший свою неспособность защищать себя, а куда более совершенный тип, какого не было еще никогда в истории. И, выстраивая его поначалу теоретически, учитывать не только достоинства и пороки прежних обществ, но и новые исторические обстоятельства, без правильной оценки которых любые проекты окажутся мариловщиной.

Вот такая теоретическая, а затем и организационная работа может и должна стать условием нашего национального возрождения. Если этой работы не будет, если русские люди завязнут окончательно в бесплодных спорах о том, какую из бывших систем принять им за образец — советскую или дореволюционную, то никакого будущего у нас не будет. За нас его не построят ни цыгане, ни молдаване, ни какие-либо еще народы. Его можем построить только мы сами, если не уклонимся от этой задачи в пустые споры о том, что лучше — дом без фундамента или фундамент без дома. Или в гадания о том, будет ли у нас будущее или его не будет.

Надо не гадать, а начинать возрождение русского народа с возрождения самих себя. Правильно выстраивать себя и свою семью, возрождать уже почти мертвые родственные связи, организовывать регулярные русские собрания по домам, эти зародыши будущих русских общин. А затем организовывать и сами общины. Не будет этой самоорганизации снизу — не будет и самоорганизации русского народа сверху. Здесь одно провоцирует другое и одно невозможно без другого.

Споры о том, что нам взять в наше будущее из нашего прошлого, неизбежны. Но если мы признаем наличие достоинств и пороков как в нашем дореволюционном прошлом, так и в нашем прошлом советском, то изменим сам подход к оценке двух разных систем. Мы будем уже не сравнивать их, а выбирать

из них все ценное для созидания нашего будущего. В этом случае споры будут превращаться из споров бесплодных в споры все более продуктивные.

Нужен синтез правильных идей, работавших во всей нашей истории — как советской, так и досоветской. И отбраковка идей ложных по существу или имевших исторически преходящее значение. А синтез не есть простая сумма правильных идей, имевшихся в тезисе и антитезисе. Синтез подразумевает некое высшее разумение, какого не было ни в том, ни в другом.

Перенеся работу своего ума на созидание проекта нашего будущего, мы будем изживать идейную гражданскую войну в русском народе. И изживем ее полностью только тогда, когда выработаем зрелую русскую национальную идеологию, в которой будут даны не только правильные мировоззренческие и социально-политические ориентиры, но и правильное объяснение причин наших успехов и катастроф в прошлом.

Примечания

¹ Ленин вполне откровенно заявил в 1918 году: «Дать характеристику социализма мы не можем; каким социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, это сказать мы не можем» (Р.К. Баландин «Тайны советской эпохи», Москва, «Вече», 2007, с. 181).

² Нетрудно представить себе, какой могучей силой стала бы в России Крестьянская партия, если бы она возникла после 1905 года, когда политические партии получили право на существование. При более или менее правильном ее руководстве она была бы обречена стать господствующей партией в стране, потому что 80% ее населения составляли крестьяне. Эта партия не только отстаивала бы интересы крестьян, но и стала бы, вместе с тем, организующей силой самого крестьянства. Его мозгом и его нервной системой, условием пробуждения его к высшей жизни. Она вывела бы крестьянство из состояния раздробленности на мелкие сельские общины и почти полной их погруженности в хозяйственную и бытовую жизнь. Осознав свою силу, крестьянство не допустило бы ни гонения на Церковь (потому что в массе своей верило в Бога), ни свержения монархии (потому что знало, что такое большая семья без большака). Хотя и выправила бы жизнь этих двух институтов, явно больных с Петра I.

Вот какая огромная опасность возникла бы с возникновением Крестьянской партии. Опасность для тех, кто собирался свергнуть монархию и уничтожить русский народ.

Но, что удивительно, такая Крестьянская партия на самом деле почти возникла. Правда, это был только ее зародыш в виде «Всерос-

сийского Крестьянского Союза», организованного в июле 1905 года. Практически сразу же число его членов достигло миллиона человек. Он сумел провести несколько съездов, хотя лишь последний из них (в ноябре 1905 г.) был легальным. «И то, через несколько дней, — пишет С. Кара-Мурза, — всё избранное в нем руководство («Главный комитет») было арестовано. Делегаты избирались общинными или волостными сходами. Среди делегатов Первого съезда только 9% считали себя членами или сторонниками какой-либо партии» (С. Кара-Мурза, «Советская цивилизация», Москва, 2002 г., т. 1, с 191).

Вот какая загадочная история. Вместо того, чтобы поддержать организацию и направить ее развитие по спасительному для монархии пути, ее уничтожили в зародыше руками самой государственной администрации. Естественно возникает вопрос: а кто командовал этими руками? Скорее всего, те, кому эта организация была крайне опасна. Как и зубатовское движение среди рабочих. Похоже на то, что немало загадочного было не только в природе советского социализма. Немало загадочного было и в природе Российской Империи.

Английский историк Д. Хоскинг писал: «...Крестьянский союз неожиданно распался, причем причины этого распада до сих пор еще не вполне ясны» (Д. Хоскинг «Россия и русские», Москва, 2003 г., книга 2, с. 29).

И еще две могучие опоры не получила монархия в России благодаря близорукой политике Николая Второго. Если бы он не запретил проведение Поместного Собора РПЦ, то имел бы в лице независимой от него и потому авторитетной и правильно организованной Церкви могучую положительную силу, которая заставила бы считаться с собою окружавших царя политиков. Священство и миряне РПЦ были настроены, в целом, намного серьезнее либеральной «общественности». Но при синодальном строе их политическое влияние было парализовано волей царя. Если бы священство и миряне РПЦ получили возможность влиять на политическую жизнь в стране, то они, несомненно, выступили бы против либералов за твердую монархическую власть. И в трудную минуту царь обратился бы за советом не к генералам, как он это сделал, а к Русской Православной Церкви, к ее Патриарху и ее епископату. Но такая возможность была им упущена.

После его отречения от власти епископат, будучи зависимым от его воли, был вынужден подчиниться его отречению и, следовательно, Временному правительству. А затем РПЦ, так и не обретя законной самостоятельности, оказалась в зависимости от большевиков.

И наконец третья могучая опора для монархии могла быть в том случае, если бы царь пожелал создать такую опору. В 1905 году возникло стихийно массовое православно-монархическое движение т.н. черносотенцев, число которых достигало, как иногда пишут, 3 млн.

человек. Экая силища!.. Вот бы монарху возглавить ее, вот бы превратить рыхлые черносотенные организации в единую дисциплинированную организацию и распространить ее филиалы на государственный аппарат, на местное управление, на армию и на военноморской флот. В этом случае Россия была бы спасена от революции и порожденных ею катастроф. Но ничего этого царь не сделал. В ответ на предложение депутации «Союза русских людей» созвать Земский собор он дал понять ее членам, «что эта идея несвоевременна, ибо идет подготовка к созыву Государственной Думы» («Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм», Москва, 2003, с.744). Благонамеренный Земский собор оказался для императора «несвоевременным», а либерально-революционная «Государственная Дума», увы, своевременной.

³ Об этом писал еще Достоевский в своем «Дневнике писателя» (ПСС, 1984, т. 27, с. 59).

⁴ А.А. Зиновьев: «В современном мире все значительное делается искусственно, сознательно планируется и делается в соответствии с планами. Теперь история не происходит по своему капризу, стихийно. Она теперь делается сознательно, можно сказать — по закону сильных мира сего...» («Русская трагедия», Москва, 2002 г., с. 215).

Но почему, спрашивается, только «теперь»? Искусство планирования истории (или поворотных ее событий) возникло не сегодня и не вчера. Оно развивалось и совершенствовалось на протяжении, по меньшей мере, веков, пока не достигло современного уровня.

⁵ О том, что советская система была во многих отношениях очень эффективной даже после умышленных в ней поломок после смерти Сталина, свидетельствуют слова Маргарет Тэтчер из ее доклада с характерным названием «Советский Союз нужно было разрушить». Вот эти слова: «Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении национального хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей».

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)

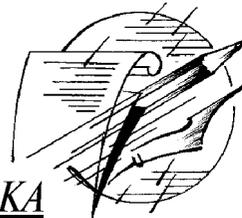
Глава 15. РОССИЯ — ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР МИРА

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, спутал все карты, хотя было известно, что он неизбежен. Еще классики марксизма, а за ними наиболее вдумчивые советские ученые-обществоведы раскрыли сущность капитализма как строя эгоистов и паразитов, а его финансовую систему представили как узаконенное фальшивомонетничество мирового масштаба. Центром этого «казино-капитализма» и «экономики финансовых пузырей» стали США. Было очевидно, что главный финансовый пузырь — экономика США — лопнет. И вот нынешний кризис показал: предсказания теоретиков социализма полностью подтверждаются.

Однако Америка добровольно не откажется от своей роли мирового захребетника и попытается выйти из кризиса, переложив его тяготы на другие страны, в экономическом отношении с ней тесно связанные. Если же это ей не удастся, то она уйдет на дно, утянув с собой и своих сателлитов. Как бы и Россию, ведомую либералами, не постигла эта печальная участь.

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Российские либералы пугают себя и народ якобы идущим в нашей стране возвращением к советским порядкам (а ведь совсем недавно они заверяли, что возврата к прошлому, то есть к советскому строю, не может быть). Что ж, «у страха глаза велики» (народ-то таким возвратом не запугать). Пока осознанно к советским порядкам Россия не возвращается, даже напротив, власть время от времени поднимает новые волны антисоветизма. Но и основания для страха у либералов есть. Обострение международной обстановки, а, следовательно, необходимость для России усиливать свою военную мощь (а значит, и вообще укреплять государственность) заставляет власть постепенно расставаться с либеральными догмами и в той или иной форме обращаться к советскому опыту. Рассмотрим, как изменится характер российской экономики при разных вариантах удаления либералов из органов власти.

Народное хозяйство при эволюционном развитии России

При **постепенном** ослаблении позиций либералов в развитии экономики России будут сочетаться два процесса: старые предприятия будут все больше приходить в упадок и разрушаться, новые создаваться — как государством (правительство объявило о планах строительства 200 оборонных заводов), так и частниками.

Вот пример из очерка Александра Проханова («Завтра», 2008, №37). Предприниматель Юрий Ласточкин, вдохновленный идеей восстановления отечественного авиастроения, купил фактически мертвый завод «Рыбинские моторы» и в контакте с генеральным директором фирмы «Сухой» Михаилом Погосьяном создал чудо-завод XXI века, на котором налажено производство двигателей для пассажирских самолетов «Суперджет» (уже летающих) и истребителей пятого поколения «СУ-35». При заводе есть великолепные конструкторские и научно-исследовательские подразделения и учебный центр, где готовят рабочих (точнее, операторов) и специалистов нового типа. Их учат в университетах, посылают на стажировку за границу, прививают им не просто трудовые навыки, а чувство своей уникальности, причастности к высшим проявлениям человеческой деятельности.

Но в той же газете «Завтра» (№38) помещена статья «Исповедь технократа», в которой описывается картина развала российской промышленности, в том числе и предприятий обо-

ронного комплекса. Да и руководители Министерства обороны признают, что российская армия полностью выработала ресурс, доставшийся ей от СССР, а значит, нужно немедленно создавать мощности для производства новейшего оружия.

Чтобы осуществить программу строительства сотен новейших предприятий, потребуется планирование и координация усилий огромного числа заводов и иных организаций, а значит, появятся органы государственного управления с функциями советских Госплана и Госснаба. А чтобы знать, какими ресурсами страна располагает, придется провести инвентаризацию всего, что есть и у государства, и у частных. Значит, частники, хранящие свои коммерческие тайны от конкурентов, обязаны будут раскрыть их перед государственными органами.

Во время финансового кризиса коммерческие банки получили средства от государства и теперь будут теснее привязаны к его институтам. По закону о противодействии коррупции все работающие, в том числе и государственные служащие, и предприниматели, обязаны представлять сведения о своих доходах и имуществе. Доходы и имущество, не задекларированные или записанные на других лиц, будут считаться бесхозными и подлежат конфискации. За предоставление недостоверных данных виновные подлежат ответственности по закону.

Однако при эволюционном развитии страны: разница в доходах между «верхами» и «низами» будет не сокращаться, а увеличиваться. Государство будет даже повышать оклады чиновникам, полагая, что хорошо оплачиваемый чиновник не станет брать взятки. Словом, останутся в силе четыре экономических закона, которые я сформулировал в газете «Подмосковье» (2000, №42, читатели назвали их тогда «законами Антонова»):

Первый закон. Богатые, находящиеся у власти, не будут заботиться о росте благосостояния бедных, потому что для них богатство — это признак их избранности и превосходства, а также моральное обоснование привилегированного положения, от которого они никогда добровольно не откажутся.

Следствие из первого закона. Уступки «низам» «верхи» делают только под давлением «снизу», а полностью решить проблему бедности сможет только народная власть.

Второй закон. Частное предприятие всегда стремится к максимальной собственной прибыли и, будучи поставленным перед выбором — своя прибыль или интерес государства, всегда выберет свою прибыль в ущерб государству. Так, владелец «Норильского никеля» Владимир Потанин заключил сделку с американской фирмой, по которой весь добываемый в Норильске кобальт (важнейший стратегический материал) поступает в

США. А российский ОПК вынужден покупать кобальт в США, платя за него втридорога. (Что это, как не сознательное разрушение страны? К тому же «стекольщик заинтересован в том, чтобы больше били стекла»), то есть рост ВВП будет обеспечиваться за счет разрушения.

Следствие из второго закона. Власть, провозглашающая своей целью укрепление мощи государства и одновременно проводящая политику приватизации ключевых отраслей экономики, рубит сук, на котором сидит, ставит себя в положение охотника, погнавшегося за двумя зайцами сразу, и никогда не добьется декларируемой цели.

Третий закон. В рыночной экономике положение «низов» ухудшается как при подъеме, так и при спаде экономики. (Например, крестьяне при неурожае страдают от нехватки продукции, при обильном урожае — от падения цен на нее.)

Следствие из третьего закона. «Низам» необходимо бороться за свои права при любом состоянии экономики и не поддаваться на уговоры — учесть трудности, которые переживает страна, и пр. Трудности должны нести все — и «низы», и «верхи».

Четвертый закон выражается всего одним словом: «ничего!» Германский канцлер Бисмарк, еще в ту пору, когда был послом Пруссии в Петербурге, пристрастился к охоте на медведей и однажды так увлекся, что заехал в лесную чащу и заблудился. А мужик, который его вез, лишь повторял: «Ничего, барин, выберемся!» Бисмарк тогда по-русски совсем не говорил, но слово (он произносил его «нитшево») запомнил и повторял в трудные минуты. А я истолковал этот закон так: «Ничего, Россия и не в таких передрыгах бывала, выпутаемся!»

Следствие из четвертого закона. Надо трезво оценивать состояние страны и грозящие ей опасности, но никогда не падать духом и не опускать руки, твердо веруя, что пришло время России, и, если мы будем вести умную политику, ее торжеству в современном мире, ее мировому лидерству ничто не может мешать.

Чем дольше будет господство либералов, тем больше будет выявляться, что институты рыночной экономики не вписываются в механизм эффективного народного хозяйства. Вот пример.

В последние годы в России резко увеличилось число авиакатастроф. Почему? Некогда крупнейшая в мире авиационная компания «Аэрофлот» была раздроблена на 418 предприятий. Некоторые из них имеют всего 1—2 самолета, не обладают ни средствами для закупки самолетов, ни ремонтной базой. Хозяйства требуют от летчиков экономить горючее, и тем приходится

«идти на грозу», вместо того чтобы выбрать безопасный, но более длинный маршрут и пр. И становится ясно, что авиация не может жить по понятиям либеральной экономики. Ей нужен один хозяин, единая сеть аэропортов, средств обслуживания, технического контроля.

И все же при эволюционном развитии лет через пять страна будет располагать некоторым количеством самых передовых предприятий и несравненно большим числом предприятий среднего и ниже среднего уровня. Эти отсталые предприятия тоже нужны, потому что дадут рабочие места огромному количеству работников, которые уже не в состоянии повысить свою квалификацию до современного уровня. (Не оправдались прогнозы, делавшиеся четверть века назад, будто благодаря стремительному проникновению счетно-решающей техники в производство к началу XXI века будет ликвидировано до 65 — 70 процентов существующих рабочих мест.)

И тогда у России на основе передовых предприятий появится возможность создавать «новую экономику», основанную на знаниях и на нашем интеллектуальном превосходстве над Западом, о чем я писал в газете «Подмосковье» (2000, № 34) в нижеследующей статье (приведу ее в отрывках).

Добрый совет российской власти

Почти все российские средства массовой информации в мрачных тонах рисуют нынешнее положение России. Согласен — страна наша развалена, разворована, унижена... Но это только одна сторона правды. Другая же сторона, может быть, ныне гораздо более важная, заключается в том, что на развалинах бывшей РСФСР поднимается новая Россия, которая, если мы от стенаний и плача перейдем к осмысленному созиданию, в скором времени станет еще величественнее, могущественнее и краше, чем была прежде... Для этого нам надо перестать жить в мире прошлого, трезво взглянуть в глаза настоящему и, поняв новые реалии, уверенно пойти в будущее, создать в нашей стране то, что в литературе получило название «новой экономики» и, по сути... представляет собой осуществление вековечной мечты человечества...

Особенность «новой экономики», складывающейся в наиболее развитых странах, — это первостепенная роль интеллектуальной деятельности и творчества. Увеличение валового национального продукта перестает быть целью общественного производства... Общество стремится к созданию национального богатства совсем иного типа... Люди уже ценят не столько оби-

лие товаров или денег, сколько возможность распоряжаться своим досугом, развивать свои дарования, расширять круг развлечений, жить, не заботясь, как говорил Моцарт в маленькой трагедии Пушкина, о «нуждах низкой жизни». Вот «новая экономика» и позволяет каждому гражданину, принадлежащему хотя бы к среднему классу, ощутить себя «человеком комильфо», свободным членом свободного общества...

Сегодня между наиболее развитыми странами развернулось соревнование по созданию суперкомпьютера фантастической мощности и быстродействия, в основе которого лежит уже не просто электроника, а молекулярная электроника (молетроника или нанотехнология), то есть технология, где носителем информации может быть даже один электрон. Миниатюрный (размещаемый на браслете, как наручные часы) и управляемый голосом (или даже... мыслью) суперкомпьютер будущего с памятью неограниченного объема может обеспечить быстродействие в миллиарды раз (!) большее, чем у самой мощной современной ЭВМ. Возникает новый технологический уклад, а он открывает безграничные перспективы совершенствования многих производственных процессов и создания воистину единого мирового финансового рынка.

Точное моделирование генного аппарата человека позволит избавить людей от считающихся неизлечимыми болезней, а отыскание способов «починки» «гена смертности» сделает продолжительность жизни людей (по крайней мере, имеющих достаточные средства) неограниченной...

Страна, располагающая такими суперкомпьютерами, станет абсолютным гегемоном в мире и сможет настолько оторваться от остальных, что станет для них недостижимой навсегда как в экономическом, так и в военном отношении. Ей станет доступно оружие, по сравнению с которым ракеты с ядерными боеголовками окажутся архаикой (им не дадут даже взлететь). Она будет в состоянии вызывать на территории противника землетрясения и изменения климата, парализовать волю солдат. А следовательно, она может навязать планете такой режим, какой больше всего отвечает ее собственным интересам.

Появление «новой экономики» — это подлинная мировая экономическая революция. Там, где воцарилась «новая экономика», радикально изменяются все общественные отношения. Вчерашние магнаты, владельцы крупнейших нефтяных или сталелитейных компаний, как и банкиры, державшие в своих руках финансы всего мира, все эти Ротшильды и Рокфеллеры, завтра могут в одночасье оказаться банкротами и сойдут с исторической арены, как сошли с нее «благородные» рыцари-разру-

шители на рубеже Средневековья и Нового времени, уступив место созидателям-промышленникам...

Задача поворота экономики лицом к человеку стояла и перед СССР. Но наше когда-то передовое общество, застряв на одной из стадий своего развития, вскоре превратилось в отсталое, и социализм, не выдержав соревнования с Западом по степени удовлетворения потребностей людей, рухнул. Равнение на показатели добычи угля и выплавки стали, роста ВВП при пренебрежении конкретными потребностями людей привело нашу страну к краху.

Пока глобализация оказалась «насосом», который качает на всю мощь все составные части экономического потенциала России в сторону Запада (да и Востока)... Мы можем и должны превратить его в своего рода «компрессор», который будет качать ресурсы в обратном направлении. Без этого российская экономика через несколько лет даже при минимальном уровне ее открытости рухнет, отечественные компании, оставшись традиционными, утратят всякую конкурентоспособность по сравнению с западными даже на собственном рынке. Но российская власть, как, впрочем, и вся отечественная элита, по-прежнему строит планы развития страны, исходя из темпов роста ВВП. На основе примитивных представлений подсчитывается, при каких темпах прироста ВВП мы через 15 лет достигнем душевого дохода современной Испании или Великобритании.

Россия может удвоить добычу и экспорт нефти (правда, запасы ее истощаются, и мы скоро можем из ее экспортера превратиться в импортера, если будет чем оплачивать импорт), зарабатывать на этом гораздо больше, чем ныне, долларов, вообще удивить мир ростом ВВП, но в итоге стать еще более отсталой страной. Одна и та же величина ВВП имеет разное наполнение для страны, обреченной на роль колонии развитых держав, и для страны, вырывающейся в круг мировых лидеров. Поэтому нам сегодня нужно думать не о приросте ВВП как таковом, а о спасении и преобразении страны, о быстром построении у нас «новой экономики»... А российская власть по-прежнему единственный путь и неперемное условие подъема нашей разоренной страны усматривает в привлечении иностранных инвестиций... Правящая элита России не извлекла уроков из печального опыта СССР и вновь направляет страну на путь, ведущий к катастрофе.

Российская экономика развалена, а физический и моральный износ ее технической базы настолько велик, что, по сути, она не подлежит восстановлению. Все это многим представляется непреодолимой преградой для восстановления экономи-

ческого потенциала страны. Однако на деле это лишь означает, что такую экономику нет смысла восстанавливать в прежнем виде, надо на ее месте создавать сразу «новую экономику» на самой совершенной технологической основе... А с нашим творческим потенциалом задача превращения «пылесоса» в «компрессор» вполне разрешима, и притом в кратчайшие сроки.

Либералы часто ставят нам в пример Ирландию, которая за десять лет по величине ВВП на душу населения обогнала Англию, прежде всего за счет высокотехнологичных производств и привлечения иностранного капитала. Однако стоит иностранному капиталу уйти из Ирландии, как страна погрузится в безысходный кризис.

А Индия — в недавнем прошлом отсталая страна, за те же последние десять лет совершила рывок, развивая высокотехнологичное производство, но при этом опиралась не на иностранные инвестиции, а на собственные ресурсы... Зато и успех ее — совсем иного рода, чем у Ирландии. Индия создала собственную электронную промышленность и производит сейчас такие компьютеры, какие, кроме нее, могут изготавливать только США, экспортирует в США программное обеспечение на миллиарды долларов в год. Создал собственное ракетно-ядерное оружие, Индия наглядно показала, что хочет войти в XXI век равным партнером великих держав. И ни отток иностранных инвестиций, ни потрясения на мировом финансовом рынке ей не угрожают.

Так неужели такой прорыв невозможен для великой России?

«Новая экономика» зародилась в США, ее элементы можно наблюдать в других развитых странах Запада, а в России ее ростки почти незаметны. И все же реальные и долгосрочные перспективы развития она имеет только у нас. Ведь на Западе она развивается в русле так называемой финансовой экономики, которая отличается тем, что в ней «деньги делают деньги» в отрыве от реального производства, то есть она представляет собой грандиозный «финансовый пузырь», который может лопнуть в любой момент. А у нас при разумной политике руководства страны есть возможность не рухнуть в пропасть глобального финансового краха, который отбросит США и другие страны Запада на десятилетия назад (а при продолжении «либерального» политического курса Россию в случае мирового кризиса ожидает полная разруха). Наступает конец капиталистической цивилизации (или «казино-капитализма»), в которой деньги, материальный интерес, нажива, принцип жизни «buy and sell» («покупай и продавай», точнее, «покупай, чтобы продать дороже») стали целью жизни.

Да и в экологическом отношении расточительный образ жизни «общества массового потребления» на Западе — эта «цивилизация одноразовых стаканов» — неприемлем. Он несовместим с идеей разумного ограничения потребностей людей. Ведь там любое сокращение объемов производства воспринимается как «спад». Причем большой спад — это катастрофа. А в России (хотя мы обезобразили свою землю) со временем утвердится совсем другая, гораздо более разумная духовно-экологическая цивилизация, в основе которой будут лежать принципы безотходного производства, долговечности производимых вещей и их обязательной утилизации без ущерба природной среде.

Вот почему «новая экономика» без разгула потребительства и финансовых спекуляций приживется именно в России, когда в ней утвердятся патриотический настрой авангарда общества и полная свобода творчества, основанные на выстраданном нашим народом понимании смысла жизни и человеческого призвания, а ведущей силой станет когнитариат — класс тех, кто добывает и применяет новые знания или, осуществляя свое «богоподобие», творит, как бы создает свой «мир из ничего». Именно он напишет на своих знаменах поэтический девиз: «Твори, выдумывай, пробуй!» И новая Россия станет центром притяжения для всех, стремящихся реализовать себя в условиях справедливости.

Читатель, надеюсь, сможет убедиться в том, что в той давней моей статье были поставлены те вопросы, которые ставятся и до сих пор. Только то, что я называл «новой экономикой», ныне именуется экономикой инновационной.

При эволюционном развитии отношения собственности будут меняться постепенно. Миллионы мелких владельцев держатся за свою собственность на квартиры и садовые участки, на которую государство покушаться не будет. А крупные собственники будут все более впрягаться в осуществление государственных программ, их частная собственность будет все более становиться формальной. Россия все более становится похожей на корпоративные государства, обзор которых я представлял в предыдущей своей работе, также печатавшейся в «Молодой гвардии» (в 2008 году она вышла отдельной книгой «От лжекапитализма — к тоталитаризму!»).

Народное хозяйство при революционном развитии России

Если упорное сопротивление либералов будет реально тормозить политику модернизации России, а также в случае, если международная обстановка не позволит нам и дальше медлить

с назревшими преобразованиями, то устранение либералов произойдет скачком. Но страна достанется новой власти в состоянии полнейшей разрухи. Выяснится, что и ее финансовые резервы испарились, а те, что находились на счетах а банках и в ценных бумагах Запада, заморожены или конфискованы тамошними властями. И для восстановления страны потребуются чрезвычайные меры, особенно если она окажется в обстановке пусть и не блокады, но прекращения поставок со стороны Запада. Всю программу этих мер в статье не изложить, но важнейшие ее вехи, на мой взгляд, будут такими: раз денег в стране все равно уже нет, то и жизнь ее придется налаживать на почти безденежной основе, сочетая методы «военного коммунизма» начала 1920-х годов и приемы, которые использовались при восстановлении послевоенных Германии и Японии. Например, подобно тому, как поступил Людвиг Эрхард в Западной Германии, всем гражданам, от олигарха до бомжа (и членам их семей), будет выдано по 1000 рублей на месяц и обеспечено снабжение товарами первой необходимости по крайне скудным нормам и регламентируемым ценам. (Только Эрхард выправлял перегибы существующей системы, не борясь с либерализмом, а в нашем случае либералы — враги, и нужно ликвидировать весь их курс, который был вражеским.) А в условиях опасности вооруженного нападения придется, видимо, вспомнить и лозунг «пушки вместо масла».

Нельзя рассчитывать, что столь непопулярные меры будут приняты населением с восторгом. Но они будут поняты, если все тяготы и лишения падут на всех, а не только на «низы». Если объявляется чрезвычайное положение, рядовые работники будут мобилизованы и «прикованы к станкам», то так же должны быть прикреплены, переведены на военное положение и руководители всех рангов.

Но недовольных будет много, ведь, как пишут иные журналисты, *«на сегодняшний день в России окончательно сложилось так называемое общество потребления. Значительная часть населения страны, измученного десятилетиями дефицитов, наконец-то получила возможность потреблять на уровне развитых государств. Этим достижением она вряд ли легко пожертвует ради борьбы за многополярный мир и прочие абстрактные ценности. Все то же, только в многократно большей степени можно отнести и к российским элитам»*. Значит, можно ожидать, что многие тысячи россиян захотят уехать за рубеж на заработки или чтобы пережить тяжелую годину (если к тому времени обстановка за рубежом не станет еще более мрачной). В СССР недовольных за границу (за редким исключением) не выпуска-

ли и тем самым накапливали чуждый элемент, балласт. Сейчас в этом надобности не будет. Может быть, таможи закроют на время, пока будут арестовывать виновников развала страны и жуликов, нажившихся на хищении народного достояния (будет принято решение: по преступлениям против государства срока давности не существует). Но затем желающих выехать выпустят, предупредив: выезжать придется без капиталов.

России не понадобится опускать «железный занавес» перед Западом — тот сам его опустит, как только почувствует, что наша страна реально восстанавливает свою мощь.

Народное хозяйство ныне придется развивать совсем в иной обстановке, чем в 1930-е годы. Американский банкир Уолтер Ристон характеризует ее так:

«В новой экономике интеллектуальный капитал преобладает над производственным, и он мобилен. Он может передвигаться и делать это, когда рука государства становится слишком тяжелой или подавляющей. Деньги всегда перемещаются туда, куда хотят, невзирая на ограничения, и оставаясь там, где к ним хорошо относятся... Однако ничто не является настолько портативным и мобильным, как интеллектуальный капитал. Билл Гейтс, создавший компанию, которая обладает одним из самых высоких уровней капитализации в мире, до сих пор проходит таможи, заявляя, что «ему нечего декларировать»... Информация пересекает, перепрыгивает, перескакивает через государственные границы, как будто их не существует. Сегодня программное обеспечение, написанное в Индии, через спутник попадает на стройплощадку в Чикаго или в бухгалтерскую фирму в Нью-Йорке, или куда-нибудь еще в мире. Программист не нуждается в зеленой карте, во въездной визе или же в физическом присутствии для того, чтобы заработать деньги.

Этот феномен создает новый тип экономической организации и изменяет динамику того, где и как люди зарабатывают деньги. В отдаленной деревне может быть полная занятость, несмотря на то, что ни одно предприятие не нанимает работников в данной местности или даже в данной стране».

Но ведь на строительной площадке рабочие не продают друг другу продукт своего труда. Рыночные отношения, отношения купли-продажи существуют только вне стройки. Но точно так же и строительство народного хозяйства не может вестись на основе рыночных отношений.

Очень действенной мерой станет отмена частной собственности на землю. Прямо эту собственность отбирать не будут. Садовые участки и дачи граждан останутся в их собственности (с правом наследования), как и земля сельскохозяйственных

предприятий. Но вместо земельного налога владельцы станут платить арендную плату в том же размере, так что рядовые граждане изменений и не почувствуют. А вот олигархи, вложившие в землю огромные средства ради того, чтобы при ее подорожании перепродать, лишатся своих средств. Земля перестанет быть капиталом. И все капиталы в виде предприятий и пр. потеряют значительную часть своей стоимости из-за того, что земля, на которой они расположены, переходит в собственность государства. Резко подешевеет жилье. Земля, не используемая по назначению, будет конфискована. Покупка и продажа земли исключаются. Стоимость земли может фигурировать в расчетах между государственными предприятиями и организациями, а также при установлении размера арендной платы за землю. Земля может быть предоставлена государством за заслуги перед ним или взята в аренду гражданами. Но сфера действий товарно-денежных отношений сразу же существенно сузится.

Будет ликвидировано авторское право и право наследования в их нынешнем виде, поскольку они стали тормозом на пути общественного прогресса, важным средством эксплуатации человека человеком и ярким проявлением противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Частная собственность на знания, преимущества в образованности и уровне того, что в обществе называется культурой, всегда служили средством и моральным оправданием эксплуатации «низов» «верхами». Еще Плутарх цитировал возмущенное письмо Александра Македонского Аристотелю, опубликованному некоторые элементы своего учения: *«Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же мы будем отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах»*.

И Ленин не раз писал, что образованные классы, даже если у них отнята власть, сохраняют преимущества знания и культуры. В истории нередки случаи, когда менее культурные завоеватели, покорив более культурный народ, принимают его культуру, и происходит «завоевание завоевателей». Правда, добавлял Ленин, культура у свергнутых эксплуататорских классов России слабенькая, но все же она более высокая, чем у взявшего власть пролетариата.

Действительно, давно известно, что *«в слове «ученый» заключается только то, что его много учили, но из этого еще не следует, что он чему-нибудь научился»*. Но даже если он и научился

чему-то в своей области знания, создал какую-нибудь (чаще — выморочную, к которой даже коллеги-специалисты относятся с большой долей скепсиса) теорию, это еще не значит, что он умнее простолюдина, культурнее его (просто народная культура иная, чем культура «верхов») или глубже его понимает жизнь. Но общество признает «сложные» знания, доступные лишь избранным, и отдает им преимущества в своей иерархической структуре. В почете оказываются, например, создатель квантовой физики, хотя она невозможна по определению (ибо физика занимается непрерывными процессами, а квант — это порция, прерывность). Или творцы теорий «большого взрыва», «расширяющейся Вселенной», пытающиеся ответить на неразрешимый вопрос, очень популярный у нас в 1930-е годы: «Было ли начало и будет ли конец мира?» А ведь еще святитель Игнатий (Брянчанинов) показал, что поприще науки — сфера конечного, бесконечное же доступно только Богу. (Поэтому заранее можно сказать, что в результате запуска «Большого коллайдера» ученые не узнают ничего существенно нового, хотя на эту игрушку израсходовано больше 10 миллиардов долларов). К тому же разряду следует отнести теорию «ноосферы» и пр. Кроме того, как было показано в главе 12, подлинные открытия получают признание спустя много лет, чаще — после смерти их авторов.

Дело подчас доходит до того, что автор опубликованной книги предупреждает: цитирование ее полностью или частично допустимо лишь с его письменного разрешения. Спрашивается, зачем же он тогда свою книгу публиковал? Если, например, я не согласен с автором и хочу с ним полемизировать в печати, то, чтобы привести его неверное, на мой взгляд, суждение, я должен испросить у него разрешение? А он его не даст. И что же? Автор гарантированно защищен от публичной критики?

Справедливое решение должно быть в принципе таким: если автор публикует свое произведение и получает за него гонорар, то оно становится общественным достоянием (но он сохраняет право на неприкосновенность формы и содержания своего творения). Должен быть выработан механизм участия автора в доходах от переиздания его произведения. (Недопустимо, когда автор издал произведение малым тиражом и получил скромный гонорар, а дельцы, осуществившие переиздание, заработали много больше автора.) Но никакие наследники имущественных прав на произведение умершего творца иметь не должны. И авторы не должны беспокоиться насчет обеспечения своих наследников. В новой России никто не останется без средств существования. Несовершеннолетние дети будут получать по-

собия, старики и инвалиды — пенсии, всем трудоспособным будет обеспечена работа. Ну, а на обеспечение жизненного уровня выше, чем у прочих граждан, наследники должны потрудиться сами.

Кстати сказать, это часто будет и в интересах творца. Вспоминаю, как после смерти знакомого академика по техническим наукам комиссия по изучению его творческого наследия решила опубликовать его труды в двух томах: в первом — ранее публиковавшиеся в разных изданиях, а во втором — его еще не публиковавшиеся рукописи. Узнав об этом, наследники заломили за рукописи такую цену, что комиссия отступилась. Вышел только первый том. С того времени прошло более полувека. Кому сейчас нужны эти рукописи, уже совсем устаревшие?

Сколько нужных людям произведений ушедших из жизни творцов так и не увидят света из-за алчности «наследников»!

В авторском праве в его современном виде больше всего заинтересованы хапуги, а, глядя на них, вынуждены вступать в эту игру и подлинные творцы. Как замечает писатель Михаил Веллер, *«к сожалению, эту жизнь серпентария следует рассматривать как нормальный литературный процесс»*.

Именно Россия должна положить конец этому серпентарию, паразитированию на произведениях ушедших из жизни творцов. И это будет сделано.

Кажется, академику П.Л.Капице принадлежит выражение: *«Наука — это удовлетворение любопытства ученых за счет государства»*. Ему тогда возражали: *«За то, что ученому предоставлена возможность заниматься наукой, он не только не должен претендовать на высокую зарплату, но должен бы и сам за это платить»*. Надо как-то разобраться с этим парадоксом.

Если ученому платить мало, он уйдет в другую сферу деятельности (может быть, потому, что не был настоящим подвижником науки?). Не удастся и вернуть тех ученых, что уехали на Запад в поисках лучших условий жизни и труда и работают на укрепление его мощи. Если же платить много, то места в исследовательских институтах займут любители больших денег, и истинным ученым туда не пробиться (примеров такого рода, увы, предостаточно). Хорошо платить за высокий результат? Известно, что к такой работе в качестве соавторов, а то и единственных авторов примазываются чиновники от науки.

Подготовку нужных кадров рабочих и специалистов государству придется взять на себя, потому что частник, ориентирующийся на потребности рынка, чаще всего сиюминутные, не в состоянии предугадать, какие трудовые ресурсы потребуются стране и в текущем году, и на десятилетие вперед. А задача эта

очень трудная. Еще покойный Александр Зиновьев писал: «Западный человек — это психологически примитивный, но исполнительный робот, а наш — внутренне сложный лентяй». А за годы разрухи три поколения юношества воспитывались в обстановке всеобщего поклонения мамоне и получили ущербное образование. Как из них готовить работников XXI века?

В условиях сверхсложного производства и стремительного роста спроса на высококвалифицированный труд забота о человеке становится рентабельной даже с позиций прожженного собственника. Поэтому каждого частного обяжут обеспечить приличный уровень оплаты работников и разрешить создание на предприятии профсоюза, который будет отстаивать их интересы.

Но главное — это наведения порядка в народном хозяйстве, **всесторонний учет и контроль**, и вдобавок — **ответственность**. Вот вам и радикальное средство против коррупции. В части разработки механизмов такого контроля уже были предложения многих авторов.

В предыдущей главе упоминалась статья О. Пчелинцева. В ней также предлагалось ввести контроль над ссудным капиталом и инвестициями, обеспечить ликвидность для всего народного хозяйства, а не только для узкой группы привилегированных банков, сохранить частную собственность только в сфере малого бизнеса: *«мелкая собственность должна быть частной, средняя — коллективной, а крупная — государственной»*.

Для исправления ошибок, допущенных при приватизации, он предлагал простой критерий: *«Повысились ли в результате приватизации эффективность и конкурентоспособность производства? Если нет, значит, проблема эффективного собственника не решена, и предприятие должно вновь перейти — временно или постоянно (если речь идет о естественной монополии или предприятии — получателе ренты) — под контроль государства»*. При этом *«...реальные активы предприятий должны оставаться только коллективной собственностью (то есть не подлежащей дежуре собственностью корпорации в целом)»*.

Мне особенно хотелось бы отметить предложения, выдвигавшиеся бывшей итальянской, затем советской, а ныне российской гражданкой Клаудией Годиньей. Она приехала в СССР в период «перестройки» с деловым визитом и... влюбилась в нашу страну. Тогда она положила много сил, чтобы показать советским людям обманчивый смысл «перестройки» и последующих ельцинских реформ:

«...советскому обществу грозит чрезвычайная экономическая трагедия, из которой выбраться можно будет только путем рас-

продажи страны... Вы... обладая таким мощным экономическим потенциалом и сырьевыми ресурсами, сами можете решить практически все проблемы. Надо лишь встряхнуться, избавиться от чувства безысходности. Никто не поможет вам в ущерб себе. У вас на полках лежат такие научные разработки, которые дадут вам не только свои новейшие технологии, но и валюту, а их будут покупать. Между тем ни одна западная фирма не продаст вам самое-самое, а скорее то, что ей уже не нужно.

*Что же касается сырья, то тут я вообще вас не понимаю. Вы торгуете им по чужим, явно заниженным ценам, хотя вполне могли бы стать тут монополистами и сами диктовать мировые цены. Ясно и то, что огромные западные кредиты обернутся для вас серьезной зависимостью, а могут и привести к распродаже страны. Расплачиваться за сегодняшнюю помощь будут ваши дети и внуки». Она была убеждена в том, что возможна «программа выхода страны из морально-экономического кризиса и перехода к рынку на базе социальной справедливости, максимального сохранения всего лучшего, полного включения интересов рабочих, инженеров, ученых, служащих». Это в капиталистических странах «общую систему производства... надо именно перестраивать, а существующую в Союзе структуру — достраивать... Задействовав экономический рычаг, при настоящем промышленном потенциале и информационной сети страны можно было бы выйти из кризиса очень быстро. В СССР имеется своя специфика. Заключается она в том, что собственность **народная**, но ей пора дать экономическую оценку».*

Годинья не осталась ни в Москве, ни в Ленинграде, а уехала в далекий Улан-Удэ. Почему? Потому что именно там, по ее мнению, на локомотиворемонтном заводе инженером В.Р. Вербулем был найден и реализован такой механизм прогресса страны, в котором обеспечивался и интерес каждого работника. Годинья предлагала распространить действие этого механизма на всю страну. При этом, например, завод надо было бы преобразовать в три комплекса: **производственный**, обеспечивающий госзаказ, **технологический** — для научно-технологического перевооружения собственного производства, других заводов отрасли, и **коммерческий** (материально-техническое обеспечение двух первых частей). Тут главное — сделать хозяином каждого. В итоге создавалась бы двухпоточная система финансирования развития производства из государственных и народных средств.

Но руководство страны пошло по пути распродажи Родины. И даже в этих условиях Годинья не уехала в благополучную Италию, а продолжала борьбу за возрождение разрушенной экономики России.

При революционном варианте народное хозяйство России может быть выведено на мировой уровень года за три. Соответственно изменится и наука о народном хозяйстве, она будет резко отличаться от знакомой нам политической экономии. Сколько бы политикоэкономы ни говорили о народном хозяйстве, у них всегда в центре внимания остается предприятие, фирма, а в новой науке единицей будет все народное хозяйство. Только тогда она станет наукой о том, как вести хозяйство страны, чтобы государство богатело, земля хорошела, а люди были человечнее, жили дольше и достойнее своего высокого призвания.

Социализм несравненно более эффективен, чем капитализм, если учитывать все стороны эффективности, в том числе — снижения зависимости человека и общества от разрушительных природных и социальных стихий. Если же, как указывал Александр Дугин, руководствоваться только экономическими критериями, то социализм всегда будет проигрывать либерализму:

«Сведение основных социальных процессов к узкоэкономической логике, причем к логике автономно экономической, не может не привести к тому, что любые институты, основанные не на либеральной логике, рано или поздно станут нерентабельными и неконкурентоспособными...»

Экономическая модель должна быть рассмотрена как функция от социологической модели, что предполагает акцент на факторе «экономического развития» (по Й. Шумпетеру), «человеческого измерения», «этической ориентации хозяйства»...

Экономические модели должны включать... не только количественные факторы (как в классических теориях), но и качественные — такие, как стоимость ограниченных планетарных ресурсов, стоимость экологических последствий промышленного производства, вред, наносимый окружающей среде хозяйственной деятельностью».

Тут нужно было бы добавить: **человеком рыночным движут две силы — алчность и страх, а это уже обуславливает, что данный человек неполноценный, которому высшие цели человеческого бытия принципиально недоступны. Рынок завел человека и человечество в безысходный тупик.** Только введение планового начала в современной его форме избавит людей от страха перед завтрашним днем и обеспечит условия для подъема человека как биологического вида и социального типа на новую, высшую ступень.

Пока правила поведения и предпочтения в сознании людей определяют рыночные «ценности», устойчивый социальный мир невозможен ни в одной стране. Один из основателей за-

падной цивилизации — Платон — предупреждал, что «...без тщательного рассмотрения вопросов о существовании добра и зла, бесполезна, не нужна, а может быть, и вредна вся остальная и практическая и теоретическая деятельность людей». Увы, человечество не желает уразуметь, что стремление к богатству, быть может, есть стремление к наиболее изящной окантовке собственного гроба. О каком социальном мире может идти речь, спрашивал академик Дмитрий Львов, если нынешнее российское общество благодаря приватизации расколото на две части — на грабителей и ограбленных? У богатых, составляющих 15 процентов населения, — 57 процентов всех денег и 92 процента доходов от собственности. А 85 процентов народа едва сводит концы с концами.

Российская промышленность уже встала на путь создания вертикально интегрированных холдингов, включающих в себя полную технологическую цепочку — от добычи сырья до производства конечной высокотехнологичной продукции, что дает возможность устранить лишних посредников и оптимизировать производственный процесс. Этот путь будет продолжен — вплоть до образования объединений типа сталинских наркоматов. Но для того чтобы подобные образования не встали на путь ведомственного эгоизма, причинившего столько бед советской экономике, эти монополии должны уравниваться территориальными объединениями типа совнархозов (но не хрущевских, а образца 1920-х годов).

Либералы во власти уже признают, что уровень компетенции руководящих кадров в сфере экономики и на государственной службе крайне низок и это — несмотря на высокие оклады и разные бонусы, установленные для чиновников. Такая ситуация не случайна. По словам Владимира Жириновского, либералы, придя к власти, умышленно разваливали армию, опасаясь государственного военного переворота, поскольку большинство офицеров стояло за сохранения СССР. Потому-то их и держали в черном теле — на мизерном денежном и прочем довольствии, без жилья и пр. Правоохранительные органы подверглись основательной чистке, и признанных лояльными новому режиму офицеров хорошо обеспечили, чтобы сделать из них верных его стражей. В свете этого понятно, почему убрали старый директорский (обладающий огромным опытом) технократический кадровый состав. «Красные директора» были настроены просоветски, многие из них прилагали огромные усилия, чтобы удержать на плаву предприятия в условиях искусственно создаваемой разрухи. Но в конце концов и они в большинстве своем вынуждены были уйти. А те, что остались, сами привати-

зировали предприятия и превратились в собственников-рыночников, как правило, мало успешных. Ведь привычка работать в конкурентной среде приучает скрывать свое ноу-хау и прочие секреты. Там преуспевают не знающие, а ловкие проходимцы. А пришедшие на место директоров и специалистов новоиспеченные «менеджеры» часто не имели даже элементарного опыта управления производством. О степени подготовки «олигархов» к их новой роли организаторов производства и говорить не приходится. Их прельщало сладкое слово «рантье», о жизни которых они знали только из учебников политекономии. Но все равно она представлялась чем-то прекрасным, некоей «грезой капиталиста», чем-то устойчивым и ведущим к экономическому благоденствию.

Теперь нужны руководящие кадры нового типа.

Для советского предприятия главным было произвести продукцию (часто — не заботясь о ее реализации, о соответствии требованиям потребителя), для капиталистического — продать (подчас — всучить) произведенный товар. Нам предстоит создать систему, в которой производилось бы то, что надо потребителю, и все произведенное реализовалось. Нужны хозяйственники, способные взглянуть на работу своего предприятия или ведомства с общегосударственной, народнохозяйственной точки зрения.

Тут есть одна тонкость, которую подметил глава издательства «Ad Marginem» Александр Иванов. По его мнению, современный менеджмент — это не классический суровый фордистский менеджмент, исходивший из того, что для достижения успеха необходимы концентрация, мобилизация ресурсов и т. д. Сегодня нами управляет «менеджмент счастья». Современный менеджер больше похож на тренера типа Гуса Хиддинка, чем на инженера, имеющего дело с конвейером. Для него главная цель — не извлечение прибыли через производственный цикл, а ее получение через гармонизацию внутрикорпоративных отношений.

В разные периоды в любой стране работают иные доминанты сил. Одно дело мобилизационная стратегия Сталина и Берии, передовая для своего времени. Так же действовал Рузвельт или, допустим, Шпеер с Гитлером. Другое дело — стратегия постфордистского типа. Например, два дилетанта собираются и придумывают идею, которая приносит им пятьдесят миллиардов долларов. Так образованы компании «Google», IKEA и прочие мастодонты современной экономики. Советский Союз удлинил становящуюся с каждым годом все архаичнее мобилизационную стратегию и упустил момент, когда экономические центры силы стали образовываться не из мобилизации, а из

децентрированной энергии подобных образований, странных людей, компактных социальных групп — программистов, интеллектуалов-одиночек, дизайнеров.

В мобилизационной стратегии, о которой говорит власть, продолжал Иванов, *«смущает идея конкурентоспособности. Эта идея автоматически значительную часть населения и территории страны делает излишней. То есть, всем спасибо, все свободны, идите помирать»*.

Конечно, русский человек не может смириться с такой людоедской идеей. В Новой России «лишних людей» или обреченных «на дожитие» не будет. Не может быть в ней и таких чудовищных разрывов в уровне доходов и вообще благосостояния, какие были при либералах. Но не будет и потакания быдлярско-коммунистическому, люмпенскому подходу. Это когда всякие истопники и полотеры страстно желают видеть крупных начальников, от решений которых зависят судьбы отраслей, трясущимися в переполненных электричках, членов Политбюро — чуть ли не бегущими на работу трусцой. (Или вспомним Ельцина, умилившего москвичей тем, что пару раз проехался на троллейбусе «как простой инженер».) А себя, родимых, они, конечно, хотели бы видеть отдыхающими где-нибудь на Канарах после трудовой недели.

Надо понимать, что в любом обществе есть правящая элита («партхозактив») — она и есть хозяин страны. Она устанавливает себе такие оклады и привилегии, какие считает необходимыми. И пока она действует более или менее справедливо (в глазах большинства народа), страна с этим мирится. А что бывает, когда элита «зарывается», «не по чину берет», — хорошо известно из истории. В новой, корпоративной или тоталитарной России будет осуществлена самая широкая демократия, и потому установится самая справедливая оценка труда всех. О том, в чем будет заключаться эта справедливость, речь пойдет в следующей, заключительной главе.

А что касается противоречий регионального развития, то Александр Иванов считает: *«Приемлемой может быть только такая идея национального возрождения, которая, например, совершенно умирающий северный город Белозерск и растущий рядом Череповец сделают частью единого национального проекта. Причем, не путем того, чтобы владельца «Северстали» просто заставили давать деньги Белозерску...»* Сходную идею в России уже начали реализовывать, планируя объединение Иркутска, Хабаровска, Владивостока с прилегающими малыми и средними городами в единые агломерации.

Важную особенность организации производства отметил автор газеты «Завтра», написавший (под псевдонимом «Тит») ста-

тью «Вечные вещи». Вот ее основные моменты: *«России нужно успеть, во что бы то ни стало. Нам непременно надо прыгнуть в новое социальное время. Стать хотя бы на время опять авангардом человечества»*. Тит видит путь к этой цели в противопоставлении нашего народного хозяйства *«доминирующему в развитых странах типу производства и потребления»*, который *«является расточительством, непозволительной роскошью для планеты. Consumer society (общество потребления) предполагает сверхгедонизм, возведенный в принцип, — гонку товаров»*. Нам же необходима *«культура производства и потребления так называемых вечных вещей. В данном случае под вечностью надо понимать не бесконечность времени, но отрезок, соотносимый с длиной человеческой жизни. Так, крестьянская изба, способная простоять 100 лет, являет собой тип вечного жилища, чего не скажешь об обычном панельном доме, рассчитанном на куда меньший срок эксплуатации»*. В России и книги, и автомобили должны *«создаваться под заказ, строго в том количестве, в котором они необходимы. Приобретение такой «долгоиграющей», дорогой и драгоценной вещи станет, безусловно, событием для семьи, для рода. Этот «новый вещизм» немного напоминает кустарные времена, традиционное общество, Средневековье — но, между тем, в этой формуле таится возможное будущее»*.

Вполне вероятно, что идеология «вечных вещей» и есть одна из опережающих социально-экономических технологий, необходимых России».

Мысль справедливая, только тут нужно учитывать вечное противостояние требований долговечности и моды, желание детей устроить жизнь иначе, чем ее устраивали их отцы, о чем уже говорилось ранее.

Главным экономическим принципом, который позволит соединить интересы государства и работника, станет закон: *«Сэкономил — твое!»* Это означает, что государство, доведя до трудовых коллективов план производства, одновременно и установит объем выделяемых на это ресурсов. Работник, бригада, предприятие, отрасль, сумевшие выполнить план при меньших затратах, могут распоряжаться сэкономленными средствами самостоятельно — при выполнении трех условий: продукция должна быть не ниже установленного качества и поставлена в срок, при этом не должно быть принудительного сокращения численности работников. По сути, это и будет производством *«добавочного прибавочного продукта»* (как называл его Маркс) за счет знания, изобретательности, находчивости каждого работника. Тогда Русская цивилизация и станет развиваться *«на своей собственной основе»*.

Думается, именно строгое проведение этого принципа в жизнь позволит решить и задачу, которая оставалась неподъемной в течение едва ли не всей истории России, — обеспечения должного уровня сельскохозяйственного производства и комфортных условий труда и быта сельского населения. Чем больше времени проходит, тем меньше остается оптимистов на этот счет. Так, немецкий профессор Карл Шлегель уверен: *«Возродить русскую деревню не удастся без кризиса больших городов, без массового оттока горожан на село, в результате которого деревня вновь получит те рабочие руки, которые она потеряла в ходе беспримерно жестокой урбанизации. Ни одна хитроумная реформа не сможет добиться того, что сумеет сотворить кризис. У государства, где царит мелкобуржуазная оседлость и люди утратили мобильность, подобные миграционные процессы практически немислимы»* («АиФ», 1996, №2).

На мой взгляд, опасность кризиса, который заставит горожан переезжать на жительство в село, грозит скорее Западу, чем России. Там в городах давно уже все непрестижные работы выполняют гастарбайтеры, преимущественно турки и арабы, а коренные европейцы попивают пиво в барах, и из них вряд ли получатся хорошие сельскохозяйственные рабочие. Скорее уж Европа завезет на свои поля китайцев или индийцев. России же эту задачу придется решать самостоятельно. Каким образом?

Вот мнение рядового сельского труженика, правда, из кавказского села: *«Как-то смотрел передачу по телевизору о селе, где есть заводской цех, филиал крупного завода, и позавидовал: вот бы и нам такой. У нас ведь на селе рабочих рук, в том числе мужских, избыток. Но большинство ребят, которых я знаю, если в институт не попали, идут на городскую стройку или завод. А ведь у нас семьи большие, и сыновья помощь нужна дома, в селе. И вот о чем я думаю. Пусть у всех сельских жителей будет возможность совмещать сельский труд с индустриальным. Тогда бы и я остался в родном селе».*

В русских селах большого избытка рабочих рук нет, и здесь главное — чтобы крестьянин почувствовал себя нужным стране, государственным работником, трудящимся на самом ответственном участке общенародного дела. Он — служащий Родине, и она обязана его обеспечить так же, как обеспечивает армию или медицину (о путях решения проблем сельского хозяйства речь шла в главе 11).

В связи с перспективами народного хозяйства надо хотя бы кратко сказать и о поставленной нынешней властью задаче борьбы с коррупцией. Нет ли здесь отголоска известной фразы, за-

пущенной в массы Шеварднадзе: «Все прогнило...», которая как бы давала карт-бланш на любую ломку существующих порядков?

Может ли стабильное общество не быть заражено кумовством и протекционизмом? Увы, нет. Ведь любая социальная деятельность обычно основывается на подборе когорты единомышленников. А когда идеи, мысли нет (и, следовательно, нет единомышленников), то часто — просто «своих» людей, которые «не предадут».

Ведь отсутствие коррупции в сталинскую эпоху — это миф. Послевоенный СССР представлял собой весьма коррумпированное государство. Особенно сильной была коррупция среди военных — вспомните хотя бы перечень награжденного маршалом Жуковым, генералами Крюковым, Телегиным. А что Сталин? Все это терпел и даже поощрял (ради «державности»), лишь изредка давая по рукам отдельным зарвавшимся генералам, да и то, кто знает, возможно, из каких-то политических соображений. Эта коррупция вызвала такое всеобщее негласное возмущение, что сразу после смерти Генералиссимуса наиболее одиозные проявления «торжества победителей» были осуждены как «нескромные», а жизнь партноменклатуры была **упорядочена** (заметим, не сведена к жизни простого трудящегося).

А что такое брежневская так называемая «коррумпированность»? Да это та же когорта «своих». К сожалению, стабильность — потенциально очень опасное состояние для общества: система налажена, курс задан, а командирам остается охотиться, коллекционировать картины и искать иные пути «приобщения к высотам мировой культуры». Другими словами, пресловутая «коррупционность» — это не какой-то свалившийся неизвестно откуда социальный порок, а... признак общественного благополучия.

Следует ли из этого, что коррупционность — это хорошо? Нет, разумеется. Она нарушает общественные представления о справедливости. Она из подпольной готова перерасти в явную. Плюс она свидетельствует об остановке общественного развития, о социальном застое в прямом смысле слова. Поэтому здорové силы, пекущиеся об обновлении общества, должны стараться ее преодолеть.

По-настоящему мудрый и государственно мыслящий человек не будет ставить во главу угла «беспощадную борьбу с коррупцией»; он постарается ее **обуздать**, то есть ввести в рамки. Например, «ортодоксальный» Сулов, аскет, именно проводил политику обуздания застойного негатива, тогда как аскет Андропов призвал к его безоглядному искоренению. Но если тре-

бовать, чтобы все сверху до низу не смели принять ни одного подарка (который тут же будет объявлен взяткой), не хлопотали ни за кого из знакомых и т.д., то такая система станет работать в форме итальянской забастовки: «работа строго по правилам», что должно привести к параличу всей жизни. «Пусть рухнет страна, но ни одного коррупционера на ее территории не останется!» — так можно обозначить андроповские установки. (Первая часть задачи, как мы видим, была успешно выполнена. Со второй возникли проблемы.)

При Андропове расстреляли директора елисеевского магазина Соколова, который всего лишь стоял в центре системы «ты мне — я тебе». Посадили в тюрьму Чурбанова, зятя Брежнева, и исключили из партии Медунова, друга Брежнева, хотя лично против них ничего не нашли. Но настоящие теневикичеховики на время ушли в тень, а потом с триумфом вылезли обратно.

Коррупционированность среднеазиатских республик (как и закавказских) была существенно выше, чем РСФСР. «Таков менталитет-с». Нужно ли было этот менталитет по-андроповски решительно выкорчевывать, ломать сознание этносов через колено? Понравится ли кому-нибудь, что его традиции выкорчевывают? Станет ли от этого многонациональная империя крепче? Вот наше сознание, допустим, активно ломают через колено уже много лет, навязывая нам многопартийность, суды присяжных, «независимую» прессу и все такое прочее в рамках «правового государства». А мы ничего этого не хотим. «Менталитет-с».

Конечно, сегодня, когда коррупция превратилась в угрозу национальной безопасности, коррупционеры — это враги. Это класс собственников административного ресурса. Поэтому сегодня борьба с ними — такая же классовая борьба, как и кампания по ликвидации кулачества на рубеже 1920 — 1930-х годов. Это раскулачивание коррупционеров. Но для него нужно найти соответствующие формы, ибо иначе, как показывает исторический опыт, воры, лишённые возможности воровать, перейдут к вредительству.

Финансовая основа народного хозяйства

В результате либеральных реформ была разрушена финансовая система России. Количество денег в обращении стало определяться не потребностями экономики, а в зависимости от величины золотовалютных резервов страны (точнее, от количества долларов США в казне), то есть по системе *currency board*,

разработанной Западом для бывших колониальных стран. Фактически валютой России стал доллар, а рубли лишь обозначали его туземный эквивалент.

Удушение отечественного производства привело к тому, что и это недостаточное для функционирования экономики количество денег не было обеспечено реальными товарами и услугами. Сложилась уникальная ситуация, когда денег в экономике меньше, чем нужно, но наблюдаются все признаки их избытка, инфляции, особенно рост цен. Но коммерческие банки не могут выдавать кредит под процент, ниже процента инфляции, иначе они сами разорятся. Значит, они не могли кредитовать предприятия на приемлемых для производителей условиях, и тем приходилось занимать деньги на Западе под процент немалый, но все же ниже, чем в российских банках. Иными словами, проводилась финансовая политика, принуждающая предприятия впадать в зависимость от зарубежных банков. В России была построена «виртуальная экономика» — оторванный от реального сектора фондовый и финансовый рынок, ставший основным каналом выкачивания средств из хиреющего производства и породивший всеобъемлющие неплатежи; бартер, дезорганизованное денежное обращение. Структура нашей экономики диктовалась не интересами России и окружающих республик, а интересами мирового рынка. При этом заправилами этого рынка будущее России вообще не планировалось.

В итоге российские предприятия набрали внешних долгов более чем на 500 миллиардов долларов, часто под заклад своих акций. И когда в 2008 году грянул финансовый кризис, западные банки потребовали от российских предприятий вернуть взятые займы деньги, что было физически невозможно.

Российская власть оказалась в трудном положении. Оказать помощь частным компаниям из средств государственного бюджета — значило спасти дельцов и спекулянтов за счет сокращения ассигнований на нужды населения. Отказать им в помощи — значит столкнуться с перспективой, когда российские предприятия станут собственностью иностранцев. И тогда могло бы сбыться мрачное пророчество: из-за проигрыша по технологиям Россия будет за них платить ресурсами, трудом и «мозгами». А когда кончатся более или менее дешевые полезные ископаемые, в уплату долгов пойдут земли.

Владимир Путин принял решение: частникам помочь, *«но не бесплатно»*. Фактически речь шла о тихой национализации предприятий и банков.

Но этих мер недостаточно. Только единый Государственный банк может кредитовать предприятия под низкий, часто сим-

волический процент, потому что его задача заключается не в том, чтобы зарабатывать деньги, а в том, чтобы обеспечить денежными средствами планомерное и пропорциональное развитие народного хозяйства. Госбанк не просто кредитует предприятия, но и через финансирование осуществляет контроль за их работой.

Мировой финансовый кризис перешел в экономический, он затронул не только российскую промышленность, но и все стороны жизни нашей страны, многие россияне почувствовали это на собственном уровне жизни. Останавливаются или снижают объемы производства предприятия, тысячами увольняются или отправляются в вынужденный отпуск работники. И произошло это главным образом по вине либералов, умышленно привязавших нашу экономику к доллару США.

После устранения либералов от власти России необходимо **срочно и полностью отвязаться от тонущего американского доллара**. Для этого надо осуществить меры, о которых говорилось много раз, в частности: **ввести законодательный запрет на ссудный процент и вытекающее из него ростовщичество, а также на обращение доллара в России и на продажу энергоресурсов, сырьевых запасов страны за любые иные денежные средства, кроме российского рубля**. Для этого открыть российскую биржу, где торги будут осуществляться только в отечественной валюте. Это послужит первым шагом на пути превращения рубля в мировую резервную валюту.

Но это только на начальном этапе. В дальнейшем следует и сам рубль поставить на прочную основу, к чему стремились многие русские мыслители и ученые еще до революции.

Так, С.Ф. Шарапов предлагал сделать рубль такой же неизменной единицей измерения стоимости, какими являются единица длины метр и единица веса килограмм. Не стоимость рубля должна определяться золотом, а стоимость золота — рублем. Другие русские экономисты считали, что основой для определения стоимости рубля должна служить четверть (русская мера объема сыпучих тел, равная 210 литрам) ржи. В наши дни чаще предлагается на законодательном уровне принять новую денежную единицу страны, базирующуюся на энергоинварианте, утвердив киловатт-час (или тонну условного топлива) в качестве товара — инварианта, измерителя стоимости всех остальных товаров страны. И обеспечить выпуск государственных средств платежа в виде российского энергетического рубля, обеспеченного энергоресурсами страны и обращающегося на беспроцентной основе.

Несколько лет назад профессор Борис Хореев предлагал ввести для измерения товарных ресурсов «универсальную расчет-

ную единицу» (УРЕ). Это предложение очень похоже на гипотезы 1920-х годов относительно универсальной меры стоимости вне денежной системы. Предполагалось, что эта революционная идея послужит основой для налаживания новой мировой хозяйственной финансовой системы на справедливых эквивалентных отношениях между странами и хозяйствующими объектами. Нам же она позволит уйти от практики применения иностранных валют в качестве эталона. Сегодня страны СНГ, страны бывшего СЭВ искусственно дезинтегрированы, по сути, разрушены их финансовые системы в интересах других стран, в первую очередь США. От экспансии доллара страдают и несут громадные финансовые потери практически все страны Азиатского, Африканского и Южноамериканского континентов. Поэтому во введении УРЕ объективно заинтересовано большинство стран планеты.

По мнению публициста Юрия Крупнова, «...миром правит не доллар, а джоуль». Вопрос только в том, чей именно джоуль будет править. Если поставить на задачу достижения энергетического лидерства правильные кадры, миром лет через двадцать будет править русский джоуль.

А журналист Владимир Винников высказал парадоксальную идею о возможности и необходимости существования, наряду с деньгами, также и антиденег — «меры не столько увеличения стоимости, сколько уменьшения энтропии». Ну что ж, если предлагалось ввести категорию антитовара, то и понятие антиденег вполне вписывается в новую систему. По мнению Винникова, тогда возникнет «органическая концепция стоимости, включающая в себя как феномен денег, так и феномен антиденег».

Если обычные деньги на протяжении всей человеческой истории выступали и выступают как феномен своеобразной искусственной жизни, противостоящей жизни человека и поглощающей ее, то антиденьги предстоит не столько как можно больше зарабатывать, сколько как можно правильнее и жизненнее тратить. Они должны быть по природе своей синергичны, а не антергичны, реально выполнять роль не ограничителя, а стимулятора жизнедеятельности человека. С появлением государственной институции антиденег у любой человеческой общности, использующей этот феномен, появится как бы вторая, ныне отсутствующая, рука. Не думаю, что это кому-либо повредит».

В советское время, если кто пытался заглянуть в более отдаленное будущее, то непременно возникал вопрос: сохранятся ли при коммунизме деньги? На этот счет есть такой анекдот.

Югославские ревизионисты считали, что при коммунизме деньги будут. Мнение китайских догматиков: при коммунизме

денег не будет. Мнение наших диалектиков: у одних деньги будут, у других их не будет.

Коммунизм, правда, не построили, но диалектический подход хоть в этом ключевом вопросе оказался на высоте.

Государство не должно существовать только на деньги налогоплательщиков, оно будет само их зарабатывать.

Американский экономист Фрэд Харрисон с цифрами в руках доказал, что российское государство, установив справедливый налог на землю, могло бы за счет этих средств обеспечить быстрое развитие страны и при этом отказаться от взимания налогов с населения.

Академик Дмитрий Львов также предлагал перенести основную налоговую нагрузку с труда на землю и капитал.

Даже при Ельцине Служба безопасности президента, по словам одного из ее руководителей генерала Г. Рогозина, занималась не только охраной и оперативной деятельностью. Ею было апробировано еще тогда то, о чем впоследствии говорили Е.Примаков и Ю.Маслюков, — формирование бюджета за счет государственной экономики.

При этом надо использовать не только материальные, но нематериальные активы. По словам Ю. Чернавского, наше государство, пренебрегая этим ресурсом, теряет громадные деньги. *«Бритни Спирс на пике успеха зарабатывала около 40 млн. долларов в месяц. Все, что выпускает российская автомобильная промышленность, может окупить одна удачная песня, один хит в «Биллборде»* (американский журнал, публикующий хит-парады самых продаваемых артистов).

От финансовой экономики — к физической экономике

В предыдущей главе говорилось о том, что американский экономист Линдон Ларуш создал теорию «физической экономики». Основы этой теории изложены в его книге «Вы на самом деле хотели бы знать все об экономике?» (М., 1992). Приведу ее важнейшие положения.

В начале 1980-х годов американское правительство уже начало до такой степени подтасовывать официальные статистические отчеты о состоянии экономики страны, что из квартала в квартал цифры становились все более неправдоподобными, а осмысленный статистический анализ или прогноз на основе данных по добавленной стоимости, представляемых правительством, стал просто невозможен. Возникла необходимость, чтобы весь анализ экономики был сфокусирован в первую очередь на чисто физических, нефинансовых аспектах экономического

процесса, а рассмотрение финансовых затрат было бы только приложением к физической экономике. Такой анализ показал, что в США происходит фактически падение производства реальных ценностей, и вся мировая экономическая система саморазрушается. Для истинного ее возрождения необходимо исходить только из принципов физической экономики, полностью подчиняя им финансовую и монетарную практику.

Бог повелел человеку 1) добывать хлеб свой ежедневным трудом и 2) плодиться и размножаться. Истинная теория экономики должна быть нацелена на труд и на обеспечение жизни увеличивающегося населения Земли. Но ее место заняла паразитическая псевдоэкономическая теория (либеральная или марксистская), исходящая из принципа «купи дешевле и продай дороже» и нацеливающая людей на гедонизм, погоню за развлечениями и наслаждением. Она основана на ложных постулатах вроде трех законов термодинамики, по которым Вселенную ждет «тепловая смерть» из-за роста энтропии, или теории «большого взрыва» и пр. Неудивителен ее конечный вывод: «Будем есть, пить и наслаждаться, ибо завтра умрем!» Она также оправдывает различные безнравственные (если не уголовные) траты, «включая все формы ростовщичества» (а именно на нем и держится экономика Запада!).

Но в этой псевдотеории все ошибочно. Давно доказана ошибочность законов термодинамики, а также то, что жизнь характеризуется не ростом, а уменьшением энтропии. Развитие науки и прогресс человечества доказывают, что и Вселенная развивается в том же направлении. Словом, создание «физической экономики» потребовало от Ларуша пересмотра фундаментальных принципов мироздания. Зато созданная им теория позволила представить деятельность национальной экономики как функционирование комплексного агроиндустриального предприятия и вывести систему уравнений, определяющих показатели валового национального продукта и его составляющих, не прибегая к ныне используемой категории «добавленной стоимости».

Итак, Ларуш доказал: критерий эффективности экономики — вовсе не денежный. Если во главу угла ставить не погоню за прибылью, а удовлетворение потребностей общества, то надо оперировать не стоимостными, а натуральными показателями оценки состояния и путей развития народного хозяйства (энергия, производительная сила труда и пр.).

Ларуш (которому недавно исполнилось 85 лет) предсказал нынешний мировой финансовый кризис и крах экономики США. И он продолжает борьбу против курса либералов, кото-

рому противопоставляет линию на неуклонный технологический прогресс. Особенно важна эта линия для стран, отставших в своем технологическом развитии (как нынешняя Россия): *«Развивающаяся нация должна определить области научных исследований, в которых она собирается стать мировым лидером, и рассматривать это как долгосрочную, широкомасштабную национальную программу... Без такого прорыва эти нации никогда не покончат со своей отсталостью».*

В борьбе против нынешнего гибельного курса Ларуш отводит важнейшую роль нашей стране. В 1996 году он написал работу «Роль России в мировой истории». Он особо отмечает, что Россия была первой страной в мире, которая приняла учение о физической экономике. Его создатель Готфрид Лейбниц, будучи советником Петра I, разработал программу развития горного дела и промышленности в России. *«До тех пор, пока к концу XVIII века (то есть, при Екатерине II) эта политика не претерпела изменений, промышленное производство России превосходило британское».* Ларуш смотрит в корень и утверждает, что центр мировой реакции находится не в США, а в Англии: это «хвост, виляющий собакой» — Америкой. Англия была и остается главным врагом России.

Конечно, теория народного хозяйства должна в большей мере использовать натуральные показатели, используя и идеи Ларуша.

Народное хозяйство на пути к новой цивилизации

Переход от экономики к народному хозяйству — это начало новой эпохи для человечества. Вот что по этому поводу говорил доктор физико-математических наук, профессор МГУ Леонид Васильевич Лесков:

«Ядро экономической цивилизации составляет капиталистическая формация. Эта формация переживает кризис. Системный кризис!.. Развитие капитализма прекращается... На этом историческая программа экономической цивилизации исчерпывается. Современный капитализм существует пока по инерции. Исторически неизбежен переход к следующему, качественно новому этапу эволюции мировой цивилизации...»

«Не вызывает сомнения, что космическая деятельность явится в XXI веке одним из магистральных направлений предстоящих преобразований... Кроме развития орбитальной информационной сети Земли, в наступающем веке предстоит создать глобальную систему дистанционного зондирования из космоса, чтобы использовать ее в интересах народного хозяйства и охраны природы.»

Важную роль сыграет система вывода в космос радиационных отходов — их захоронение в недрах планеты опасно. Резко возрастет эффективность космонавтики с созданием многоразовых воздушно-космических транспортных систем. Следует ожидать создания принципиально новых высокоэффективных и безопасных энергетических установок, информационных и коммуникационных средств, материаловедческих технологий, транспортных систем, основанных на сенсационных открытиях в области физического (или квантового) вакуума... Космизация человеческой деятельности в XXI веке приобретет активную гуманитарную компоненту, будет способствовать формированию нового миропредставления и утверждению неэгоистической системы базовых общечеловеческих ценностей».

На мой взгляд, роль космической деятельности для человечества еще более важна. Человек рано узнает, что люди (и он сам в том числе) смертны. Пока господствовало религиозное мировоззрение, можно было утешаться надеждой на вечную жизнь после смерти. Но с приходом так называемого научного мировоззрения бессмысленность жизни для думающих людей становилась настолько невыносимой, что Лев Толстой, по его собственному признанию, был близок к самоубийству. Человек, этот высший продукт эволюции материи, «жаждущий наслаждения комок нервов», родился, вырос и... умер, бесследно исчез. Зачем родился? Что будет потом? Ответ удручающий: «Умрешь — узнаешь или перестанешь спрашивать». Или, как говорит писатель Валентин Распутин, «родилась козявка, родила козявку — и умерла». Да и сама Земля, и Солнечная система тоже смертны. Есть от чего сойти с ума. С таким сознанием нормальная жизнь невозможна. Поэтому людям жизненно важно иметь какой-то наркотик. Для одних это может быть алкоголь или наркотики как таковые, для других — сексуальные приключения, для третьих — наука или изобретательство и т.п. И последней надеждой для рода людского, видимо, останется надежда на освоение космоса. (Другое дело — насколько она обоснованна). И Россия, как передовая космическая держава, будет и в этом отношении лидером человечества.

Россия ставит Америку на место

Российские СМИ и экспертное сообщество как-то вяло прокомментировали заявление Дмитрия Медведева на форуме в Санкт-Петербурге о том, что время доминирования в мире одной экономики и одной валюты безвозвратно ушло в прошлое. А это был уже второй вызов, брошенный Россией Америке, считавшей себя властелином мира.

Первым вызовом стал разгром российскими войсками грузинской армии, вторгнувшейся в августе в Южную Осетию. И мир увидел, что США, вооружавшие Грузию, обещавшие ей всестороннюю поддержку, даже содержавшие за счет своего бюджета ее правительство, не смогли ей помочь. США не решились вступить в войну с Россией из-за какой-то Грузии, хотя и продолжают поддерживать этот свой плацдарм на Кавказе.

Теперь Россия объявляет, что и в финансовом отношении не признает за США роли мирового правителя. Эра, когда доллар служил единственной резервной валютой на планете, закончилась. Необходим новый порядок, основанный на использовании валют нескольких сильнейших в экономическом отношении стран. А это для США пострашнее поражения на Кавказе. Ведь их могущество основывалось на трех вещах. Во-первых, США — самая могущественная держава в военном отношении, однако и Россия, обладающая мощным ракетно-ядерным потенциалом, им не по зубам. Во-вторых, вследствие того, что доллар служил мировой резервной валютой, в США притекали капиталы со всех концов планеты, и это позволяло им потреблять ресурсы других стран фактически за бумажки — долларовые банкноты, которые они могли печатать «по потребности». В-третьих, США представляли себя в мире как «сияющий град на вершине холма», служащий для всех остальных стран образцом устройства жизни и призванный всюду насаждать тот порядок, какой им представляется наилучшим.

И вот Россия заявляет, что доллар для нее — не свет в окошке, и она намерена сама стать одним из мировых финансовых центров. Но это означает, что Америке не удастся больше жить паразитом, получать от других ресурсы за фантики, что ей придется зарабатывать на жизнь своим трудом, а она на это уже не способна. Американцам придется резко снизить уровень потребления, что может вызвать там социальный взрыв. И какой же это «сияющий град», какой же образец для остального мира, если страна вот-вот рухнет в бездну финансового коллапса, вызванного, кстати сказать, ее собственным «финансовым эгоизмом»?

Вот что сделала Россия. Она указала США ее место в современном мире. Да, США — великая военная держава с мощной, хоть и односторонней, в основном паразитической экономикой, но не властелин мира, не образец и не учитель для других стран и народов. Такой пощечины Америке не могла дать ни одна страна, кроме России. Это было полной неожиданностью не только для США, но и для всего Запада, который за последние 20 лет привык видеть в России колонию, а значит, страну, которой не положено лезть в мировые дела.

Но США придется смириться со своей новой ролью, гораздо менее значительной, чем до сих пор. А остальным странам Запада — тем более. *Sic transit gloria mundi* («так проходит мирская слава»). А роль России в мире неизмеримо выросла буквально за каких-то два месяца.

У этой ситуации есть и опасная сторона. Увядающие мировые центры сил чаще всего ищут выход в военных авантюрах. Не исключено, что и США попытаются развязать войну где-нибудь на наших границах и втянуть в нее Россию. Запад, и США в особенности, стали сегодня смертельной угрозой для всего человечества.

Краткий итог

Россия, страна с самым совершенным, справедливым общественным строем и наиболее привлекательным образом жизни, восстановив свое народное хозяйство, сможет сама устанавливать экономические связи с другими странами на взаимовыгодных условиях. Вокруг нее сложится кольцо государств, для которых торговля с ней окажется самым предпочтительным видом экономических связей. В итоге Россия станет одним из самых мощных хозяйственных центров мира наряду с Китаем, Индией, Японией, возможным блоком ведущих стран Латинской Америки. США, если не распадутся на несколько государств, то уж во всяком случае перестанут быть мировым гегемоном. ЕС также утратит свою нынешнюю роль и смирится с участью поставщика высокотехнологической продукции на нужды России в обмен на товары, которые сам не сможет производить из-за своей духовной деградации. Когда живая российская культура заявит о себе в мире в полный голос, наша страна станет главным хозяйственным центром мира. А перевод российской финансовой системы на «энергетический рубль» (или на иную реальную основу) сделает Россию также и финансовым центром мира.

Только не нужно впадать в соблазн гипертрофированного сознания национальной исключительности, ненужного максимализма. В мире накопилось столько кричащих проблем, что решить хоть некоторые из них — уже будет великим вкладом в общечеловеческую цивилизацию. Нельзя быть первыми во всем: и лучшим в мире спринтером, и лучшим стайером, и гениальнейшим шахматистом, и величайшим ученым. Не следует думать, что, раз мы самые передовые, то обязаны обгонять весь мир на каждом направлении. Может быть, некоторые из этих задач нам подбрасывает враг, чтобы мы взяли за их реше-

ние и потратили на поиск в ложном направлении ресурсы, которые нужны были бы для другого дела. Из-за стремления стать самыми-самыми передовыми можно оказаться плетущимися в хвосте. Нужна оптимизация структуры производства, а не всех «догнать и перегнать!» Поэтому, обеспечивая свое первенство в важнейших сферах деятельности, нужно умело использовать преимущества международного разделения труда.

Как было принято говорить в советское время, *«задача ясна, за работу, товарищи!»* О том, что для этого предстоит сделать, пойдет речь в заключительной главе.

Продолжение следует

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

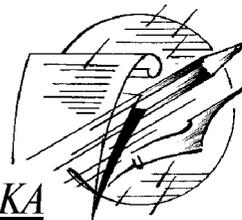
Передача Особого архива КГБ СССР на Запад. — Изучение современного масонства. — Возникновение антимасонских организаций. — Благословение владыки Иоанна на создание антимасонских книг. — «Терновый венец России»

После массовых убийств русских людей Ельцин и его криминальное окружение почувствовали в себе новые силы для выполнения тайных соглашений с Западом. По секретным каналам осуществляется переброска в США и западные страны огромных материальных и культурных ресурсов, принадлежащих русскому народу. Мои помощники из спецслужб сообщают о многочисленных фактах вывоза за рубеж уникальных культурных ценностей и архивов.

В мае 1994 происходит вывоз документов Особого архива КГБ СССР. За три месяца до этого события мне, как и другим исследователям этого архива, перестают выдавать многие архивные документы. Сотрудники архива по секрету сообщают, что получен приказ готовить архив к отправке за рубеж. Директор архива В. Н. Бондарев отказывается подчиниться. Его увольняют. Новым начальником становится угод-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ливый чиновник, некто Мухамеджанов, циничный до глупости. В одном из разговоров со мной он с досадой сказал: «Дались вам эти масоны, вернем их архивы — и с плеч долой. Спокойнее жить будем».

Тайные соглашения о передаче архива были подписаны министром иностранных дел РФ А.Козыревым и его французским коллегой, одним из руководителей мирового масонства Роланом Дюма. Без серьезного изучения и проработки (в мировой практике такие операции, даже гораздо меньшего масштаба, занимают десятки лет) архив спешно готовится к передаче. Нарушаются все законодательные нормы, и прежде всего Закон об охране памятников, требующий специальной сложной процедуры снятия архивных ценностей с государственной охраны. Специальное заседание Совета Министров, требуемое в этом случае, заменяется закорючкой пьяного президента на одном из писем Росархива (которое тут же засекречивается).

20 мая 1994 года в нарушение всех российских и международных норм из специальных хранилищ в Москве на улице Выборгской, д. 3 были погружены в 4 огромных трейлера и отправлены через всю Европу во Францию более одного миллиона папок бывшего Особого архива, являющегося национальным достоянием русского народа, заплатившего за него своей кровью в период Второй мировой войны. История не знает случая, чтобы какое-либо государство, кроме побежденного в войне, добровольно передавало другой стране в таких немыслимых масштабах (в папках содержатся десятки миллионов документов) свой информационный фонд, являющийся одним из главных условий эффективного и стабильного существования государственной власти. Передача такого фонда какой-либо стране без преувеличения должна расцениваться как государственная измена.

Попытки русских патриотов остановить вывоз архива были подавлены. В тот самый день, когда к архиву неожиданно подъехали французские трейлеры, я немедленно сообщил об этом в Госдуме депутатам С. Н.Бабурину и О. А.Финько, но их протесты не стали слушать*. Не возымели никакого действия пикеты, организованные возле Особого архива Союзом «Христианское возрождение» во главе с В. Н.Осиповым. На мои статьи, опубликованные в нескольких газетах и журналах, осуждающие вывоз архива и направленные мной в правительство, ответа не последовало.

* Уже позже, после вывоза значительной части архива, был принят закон о реституции, который на деле не исполнялся. По распоряжению администрации президента архивы под грифом «совершенно секретно» стали вывозиться по ночам.

По самым заниженным оценкам, стоимость переданных на Запад документов Особого архива КГБ СССР составляет не менее 500 млн. долларов (журнал «Профиль», 2000, №2). Акция, проведенная масонскими ложами с Особым архивом, воочию показала могущество этой преступной организации.

После появления в печати моих статей о преступной деятельности масонства в России и публикации секретных масонских документов я стал получать множество писем от читателей с просьбами продолжать свои исследования. На меня стали выходить люди, предлагавшие помощь. Они приносили мне материалы о деятельности современного масонства. В этих материалах было много вздора, но встречались и уникальные сведения. Так, сотрудники Библиотеки иностранных языков принесли мне ценные сведения о деятельности в их учреждении ложи розенкрейцеров. Бывшие работники КГБ передали мне списки членов некоторых масонских лож и материалы по наблюдению за иностранными масонами с адресами российских граждан, которых они посещали в Москве. Еще один патриот «увел» из типографии закрытые справочники членов российского Ротари-клуба, а еще один — сумел выкрасть из него несколько протоколов заседаний и фотографий членов этого клуба.

Совершенно стихийно вокруг меня сформировалась большая группа патриотов (20—25 человек), готовых помогать в деле разоблачения преступной деятельности масонства — своего рода антимасонская организация. Были в ней не только бывшие сотрудники спецслужб, но и важный дипломат, крупный ученый-историк, оперативники из МУРа, несколько студентов и преподавателей. С их помощью я собрал и систематизировал большой материал, значительную часть которого было трудно проверить, поэтому не обошлось без ошибок.

Проведенное нами расследование показало, что восстановление масонских лож в России происходило под патронатом Ельцина и его ближайшего окружения (Бурбулис, Гайдар, Федоров и т.п.). Для этих целей из Франции, США, Англии и Германии в Москву и главные города России приезжали масонские инструкторы разных орденов.

8 сентября 1992 года с большой торжественностью в Москве открылась ложа «Гармония 48698», дочерняя по отношению к Великой национальной французской ложе.

В ритуале принимали участие великий секретарь «брат» Ив Гретурнель и сам «почетный брат» Мишель Гардер — лейтенант и великий командор Высшего масонского совета Франции. Ложу возглавил Г. Б. Дергачев. В этот же день были посвящены 12 русских профанов.

В том же 1992 году возникают атеистическая ложа «Свободная Россия» (28 «братьев» на момент открытия), а также масонский орден «Великий Восток России».

В 1994 году газета «Московские новости» (№9) сообщила о регистрации в Москве Великой Национальной масонской ложи, возникшей при содействии Великой национальной ложи Франции. В московской Библиотеке иностранной литературы свили свое гнездо деятели масонского ордена розенкрейцеров, организовавшие в ее стенах пропагандистские лекции и подбор кандидатов в ложу.

Возрождающееся российское масонство восприняло все современные особенности формирования и развития «вольных каменщиков».

Многие политики, предприниматели, лица свободных профессий, принимающие масонские принципы жизни, тем не менее чувствуют себя тесно в рамках традиционных масонских лож с их особыми ритуалами. Для этой многочисленной категории руководители масонства создают более широкие, динамичные и не ограниченные ритуальными обрядами организации (именуемые «белым масонством»), преследующие такие же цели и выступающие чаще всего в форме клубов, фондов, комиссий, комитетов и т.п.

Самым типичным примером первичной масонской организации стали так называемые ротари и лайон-клубы — объединения избранных для взаимопомощи и поддержки в той или иной области жизни. Человек, вошедший в круг определенной группы «своих», получает массу преимуществ и каждодневную помощь собратьев. Правда, и собратья требуют от него постоянной поддержки и участия в организации и исполнения приказов, идущих по инстанции «сверху».

Чтобы разобраться в современном масонстве, во-первых, крайне важно понять, что сегодняшние формы деятельности этого преступного сообщества сильно отличаются от традиционных представлений о нем. Сегодняшний масон редко облачается в свою мантию. Обычный масонский ритуал в наше время отходит на второй план. Большая часть «масонской работы» осуществляется уже не в традиционных масонских ложах, а в различных закрытых организациях масонского типа — клубах «Ротари», «Пен», «Магистерии», «гуманитарных» орденах Орла или Константина Великого и т.п. Масонский ритуал, веками служивший камуфляжем политических интриг «вольных каменщиков», во второй половине XX века в большой мере утратил свое значение. В условиях, когда во всех странах западного мира к власти пришли люди, уже не стесняющиеся признавать свое членство в масонс-

ких организациях, необходимость в масонском ритуале отпала. Масонство превращается в тайный политический профсоюз, своего рода интернационал, объединяющий в своих рядах нечистоплотных политиков, финансовых аферистов, проходимцев всех мастей, ставящих превыше всего наживу и беспредельную власть над людьми. Во главе этого тайного интернационала стоят иудейские вожди. Подобно КПСС в СССР, масонство на Западе является хребтом политической системы. Все важнейшие политические решения подготавливаются и принимаются в тиши закрытых организаций. На «демократических выборах» публике разрешается выбрать из нескольких кандидатов, представленных масонской закулисой. Именно этим кандидатам обеспечивается информационная поддержка телевидения и газет, которые практически все контролируются той же закулисой. Народ в этой политической системе является просто статистом в руках политических интриганов. Именно эта система формирования власти внедрена в нашей стране с конца 80-х годов.

Второе, что я отметил при изучении современной масонской власти, — то, что иудейско-масонские структуры сегодня не являются монолитом, а состоят из целого ряда кланов, враждующих между собой за власть и деньги. Даже в так называемом мировом правительстве — Совете по международным отношениям, Трехсторонней комиссии и Бильдербергском клубе — идет непрекращающаяся борьба иудейско-масонских кланов, орденов различных ритуалов и региональных центров власти. Борьба эта ярко иллюстрировалась событиями в России, где в середине 90-х годов в ожесточенной схватке сцепились сторонники Мальтийского ордена и американского масонства (Ельцин, Березовский, Абрамович), «Бнай-Брит» и иудейского масонства (Гусинский, Фридман, Ходорковский, Явлинский), «Великого Востока Франции» и европейского масонства (Лужков, Примаков, Яковлев). Все эти три разветвления иудейско-масонской власти несут нашему народу горе и разрушение, все они ориентированы на расчленение России и геноцид ее народа.

Во второй половине 90-х годов в России насчитывалось более 500 масонских лож и организаций масонского типа (не включая сюда оккультные организации и отделения церкви сатаны). Деятельность их носила строго тайный, закрытый характер. Большая часть их не регистрировалась в органах власти, соблюдая конспирацию и масонскую тайну. Собственно масонские ложи, исполняющие традиционные ритуалы «вольных каменщиков», составляли не более трети указанного выше числа.

Самой «солидной» частью российского масонства считались ложи шотландского ритуала, большинство из них были органи-

зованы мастерами Великой ложи Франции. Деятельность этих лож осуществлялась по старым документам с соблюдением полной преемственности масонским установлениям XVIII—XX веков. Во второй половине 90-х годов были возобновлены такие старые российские ложи шотландского ритуала, как «Астрея», «Гермес», «Северное Сияние» и др., организованы новые ложи — «Пушкин», «Новиков» и т.п. Они использовали ритуальные документы «шотландского ритуала» ложи «Астрея» XVIII и эмигрантской ложи «Астрея» 20—30-х годов XX века.

Великий Восток Франции возобновил в России деятельность масонских лож, ориентированных на воинствующую русофобию и безбожие, в частности — ложу «Свободная Россия», объединяющую, по сведениям, полученным мною у нескольких депутатов Госдумы, офицеров Генштаба и ФСБ.

В системе национального германского масонства была воссоздана российская масонская ложа «Великий Свет Севера», работавшая по ритуальным документам одноименной эмигрантской масонской ложи.

По полученным мною сведениям, в Москве и Санкт-Петербурге возникло несколько лож американского масонства (йоркского ритуала). Делались попытки укоренения на Русской земле ордена шрайнеров.

Кроме перечисленных выше признанных в масонском мире ритуалов создаются такие «самопальные» масонские ложи (вроде «Российской национальной ложи»), не признаваемые настоящими «вольными каменщиками».

В целом, по нашим ориентировочным подсчетам, число членов всех масонских лож в России — не менее двух тысяч человек.

Гораздо большее количество членов (не менее 10 тыс.) числится в так называемом белом масонстве — организациях масонского типа, не использующих традиционные ритуалы «вольных каменщиков», но принимающих масонские принципы жизни и возглавляемых, как правило, настоящими масонами. Первое место здесь занимают члены клубов «Ротари» (в России этих «клубов» насчитывается несколько десятков). Весьма характерными для «белого масонства» являются такие организации, как Орден Орла, клубы «Магистериум», «Реформа», «Взаимодействие», «Международный русский клуб», Фонд Сороса. Деятели «белого масонства» считают себя «избранным народом» (элитой), который обладает особыми правами господствовать над другими людьми. Подрывная антихристианская, антирусская работа этих организаций носит строго закрытый, секретный характер.

Некоторые масонские организации были созданы под видом различных клубов «духовной культуры», как, например,

клуб «Цитадель», руководителем которого является художник О.Кандауров, ведущий программы «Оазис» на 4-м канале ТВ.

Так как насаждение масонства шло с Запада, то, естественно, первой подобной организацией в России стал широко распространенный в западных странах масонский клуб «Ротари интернэшнл», сообщение об открытии которого поступило 6 июня 1990 года в репортаже телевизионной программы «Время». Его отделения быстро распространились по всей России, а в Петербурге открылись даже два. «Белыми масонами» первого призыва в этом клубе становятся главы администраций Москвы и Петербурга Лужков и Собчак, банкир В. Гусинский, известные демократические функционеры М.Бочаров, А.Ананьев, Ю.Нагибин, Э.Сагалаев и еще несколько десятков либерально-демократических деятелей, большинство из которых прошло «школу» Института Крибла и ему подобных антирусских учреждений.

Под стать «Ротари» был и так называемый Международный Русский клуб (МРК — или, как мы его называли, МРАК — общество мракобесов), созданный в 1992 году. Возглавили этот клуб уже известный нам по деятельности московского клуба «Ротари» М.Бочаров и бывший пресс-секретарь Ельцина П.Вошанов. В него вошел целый ряд известных лиц, например министр юстиции Н.Федоров (опять же известный по клубу «Ротари»), депутат-международник Е.Амбарцумов, член масонской комиссии «Большая Европа» предприниматель Святослав Федоров, кинодеятель Станислав Говорухин, бывший руководитель государственной безопасности В.Иваненко, генерал К.Кобец, член Президентского совета А.Миграян, а также группа других, как тогда писали, «не менее известных лиц, не желавших раскрывать свое инкогнито». Согласно уставу, в клубе состоят сорок человек, и каждый год может прибавляться не более трети, а каждый вступающий обязан заручиться тремя рекомендациями. МРК проводит закрытые заседания и гарантирует своим членам «строгую конфиденциальность полученной в связи с деятельностью клуба информации». Характерно то, что в клубе преобладают люди, бывшие в свое время в окружении Ельцина.

Организаторы считали клуб не партией, а *«просто местом, где делается реальная политика»* и где неформально, запросто могут повидаться друг с другом скромные, но подлинные власти страны, *«обсудив госдела, повершив судьбой Отечества»*.

По образцу одной из главных организаций мировой закулисы — Бильдербергского клуба — в 1992 году был создан его российский аналог — клуб «Магистериум», вначале объединивший

около 60 «братьев» по духу. Ключевой фигурой в этом масонском подполье стал уже упомянутый мною Дж. Сорос, поместивший в первом номере секретного бюллетеня этого клуба статью «Большие деньги делают историю». Циничный афоризм этого финансового спекулянта раскрывает как жизненное кредо, так и главный метод действий мировой закулисы. Значительную роль клуба «Магистериум» в мировом масонстве подчеркивало участие в нем советника президента США Б.Клинтона по экономическим вопросам — Р. Райха, представлявшего в клубе Трехстороннюю комиссию. Ключевыми фигурами клуба являлись патриархи масонского движения в бывшем СССР А.Яковлев и Э.Шеварднадзе. В «Магистериуме» были также представлены такие известные русофобы, как Е.Евтушенко, Э.Неизвестный, А.Собчак, В.В. Иванов, поэт И.Бродский, С.Шаталин и другие.

Подобно «Магистериуму», для достижения масонских целей был создан ряд фондов и клубов рангом ниже, но также играющих важную роль в теневых политических структурах — роль координаторов антирусской деятельности. Самым характерным примером такой организации является клуб «Взаимодействие», объединявший предпринимателей, руководителей банковских, биржевых учреждений, крупных государственных чиновников, спаянных в одно целое желанием формировать политику России по принципу «большие деньги делают историю». Возглавил этот клуб один из главных русофобов Е.Гайдар, а членами его стали не менее одиозные личности — А.Чубайс, К.Боровой, Л.Абалкин, Е.Ясин, А.Починок, Е.Сабуров, О.Лацис и т.п. В числе членов клуба — Б.Федоров, С.Красавченко, Н.Шмелев, С.Шаталин.

Близко к клубу «Взаимодействие» стоял Международный фонд экономических и социальных реформ, возглавляемый С.Шаталиным. В числе крупных функционеров фонда я бы отметил Л.Абалкина и В.Бакатина.

Создан был в России и аналог широко распространенной на Западе формы масонского контроля над литературной средой — «пен-клубовской» организации. Им стал так называемый «Русский Пен-центр», организация идеологических экстремистов, родственная союзу еврейских писателей «Апрель».

После моих первых публикаций о современном масонстве мне стали угрожать расправой. Было несколько звонков, в которых обещали меня «убить и растоптать», «закончить» мое «подлое существование», «повеселиться» на моей могиле. Однажды у метро «Водный стадион» ко мне подошел подтянутый лысоватый мужчина и несколько минут убеждал прекратить

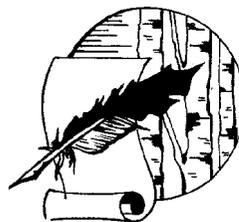
публикации «клеветнических статей», которые «могут мне дорого стоить». На то время все это оказалось психической атакой. Телефонные звонки прекратились, когда я на некоторое время поставил аппарат с определителем номера.

Если бы мои масонские противники знали, что я готовлю большую книгу о преступной деятельности масонства на основе документов Особого архива КГБ СССР и свидетельств моих помощников, накат на меня был бы гораздо жестче. Однако книгу я писал в строжайшей тайне, не посвящая в нее никого, кроме ближайших сотрудников. Время это было для меня особенно тяжелым. Достаточно сказать, что мою первую статью о современном масонстве продолжительное время отказывались печатать не только «демократические», но и патриотические органы печати. Помню, как я долго уговаривал опубликовать ее Э.И. Сафонова и не уговорил. С дипломатическим блеском ушел от публикации этой статьи А.А. Сенин. Отказали Куняев и Проханов. И только доктор Шаабан из русско-арабской газеты «Аль-Кодс» мужественно заявил: «Материал надо немедленно печатать».

Публикация наделала много шума. Друзья и соратники смотрели на меня как на самоубийцу, а я продолжал работать над завершением книги «Тайная история масонства».

Окончив книгу осенью 1994 года, я отправил ее на благословение митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна. Через две недели он вернул рукопись со словами: «Книгу надо издавать как можно большим тиражом и на все деньги». Над моим названием «Тайная история масонства» владыка Иоанн своей рукой надписал «Терновый венец России», тем самым дав название новой серии книг.

Продолжение следует

Виктор СМИРНОВ

ЗИМНЯЯ ГРОЗА

* * *

Средь зимы загремела гроза —
Прошуршала поземка по следу...
Завязали России глаза —
И пустили по белому свету.

Вьюга с молнией спорят, слепя,
Жизнь тоску неземную наводит.
Ищет, ищет Россия себя,
Но пока — видит Бог — не находит.

Вся истерзана болью душа.
И над пропастью роковой
Ловит истину левой рукою,
В правой крепко лучину держа...

* * *

И вот — затихли деревеньки.
И где вы: речка, сад, гумно?
Весь Божий свет затмили деньги —
И стало на Руси темно.

Как пахли яблоками сени!
Тишь злая. Ни коров, ни кур.
И слышно не шуршанье сена —
Шуршанье дьявольских купюр!

Такую ночь узреть могли мы
На русской праведной земле,
Где только светятся могилы
Крестьян, молившихся заре?..

* * *

Я — деревенских сказочных корней.
И памятью я болен, как недугом.
О, где оно, дыхание коней
В тиши ночной? Где лик луны над лугом?
Нет, не забыть мне, как заря росла,
Неся багровую над полем стужу.
Доныне льется спелая роса
В мою крестьянскую седую душу.

Стою у клена, голову клоня.
Вновь сердце ранено кровавой болью:
Последнего крестьянского коня
Вчера свезли с родных лугов на бойню.

В огне заката вспыхнула дежа.
Вокруг родной избы во сне кружусь я.
И слышит, вся в слезах, моя душа,
Как ржет пустым окном в лугах конюшня...

* * *

На зорьке иль в сумерках ветхих,
Ликуя, коль ветер шалит,
Листва, что шумела на ветках,
Теперь под ногами шумит.

В просторах, с рождения милых,
Приемля судьбы поворот,
Не так ли трава на могилах
О вечности светлой поет?

И, может, вся тайна вселенной
Вертится, минуя межу,
Когда я по воле весенней
В осеннюю пору вхожу...

* * *

С ушедшим счастьем выйдешь на свиданье —
И вздрогнешь вдруг, забывши впопыхах:
Господь во всем: в дожде, в душе, в страданье,
В былинке, зябнувшей по осени в полях.

Нет, этот миг не выразишь словами,
Как нищетой, свободой дорожа.
Господь в тебе, когда в тиши слезами
Исходит одинокая душа.

В тебе сияет высшее согласие,
Ты горький воздух, как лекарство, пьешь,
И что такое подлинное счастье —
Ты, может быть, лишь в этот миг поймешь...

Андрей ШЕНДАКОВ

СВЕТ ОКРАИНЫ

* * *

Тихий дом, вековые ракиты,
гроздь рябины на рыхлом снегу;
очертания неба размыты,
хриплый ворон присел на снегу..

В коридоре — хоккейные клюшки,
на березе — скворечник пустой;
припорошенных сосен макушки
всё шумят и шумят надо мной.

У забора засыпаны бревна,
чернослив наклонился в саду,
дверь подвала скрипит полусонно,
крошки шлака дымятся на льду.

И блестят, и искрятся пригорки,
а на кухне у теплой печи
пахнет горечью старой махорки
и оплавленным воском свечи.

ЯР

В конце дороги бузина
склонилась над могилами,
скрипит высокая сосна,
старик скучает с вилами...

Лежат опилки под кустом,
гнилушка светит фосфором,

собака машет мне хвостом,
летает грач над островом.

Гудят комбайны вдалеке,
звезда дрожит над чашами;
я слышал даже, что в реке
есть камни говорящие...

Кто здесь расстрелян? Кто убит?
Кто не просил прощения?..
Но верю я и в память плит,
и в силу воскрешения...

Мелькнули блики ярких фар,
упали звезды росами;
зарос травой забытый яр
под стройными березами.

ОКРАИНА

На улице моей —
сто сорок шесть домов,
а между двух полей
польнью пахнет ров...

Как лодки, лепестки
качаются в пруду;
в нем облака близки
и к Богу, и ко дну.

Сосна скрипит в глуши,
летит по небу звон,
к забору вновь спешит
печальный почтальон.

Что ты мне принесешь?
Что письма мне твои?..
Шумит за домом рожь,
сгибаясь до земли.

Я выйду на порог,
мне подпоет ветла:
свободен каждый вздох,
окраина светла...

СВОБОДА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

ПОВЕСТЬ

Примерно так думал лесник Виктор Архипов, когда решил жениться. Эта фраза была для него, что клочок неба для березки, вздумавшей расти среди густого ельника.

Архипову было с кого брать пример: в их родне редко кто женился раньше тридцати. Вот и ему шел тридцать третий, когда он перебрался в комнатку Люси Ионовой, но для этого пришлось уйти из лесников. Ведь Люся считала себя городской, и жить в глухой деревне не согласилась.

Виктор познакомился с Люсей в новогоднюю ночь у школьного дружка в городке энергостроителей. Городок этот, по-местному — станция, держался в основном силами прибылого люда, но затянул много и местных, заманив возможностью получить квартиру. Правда, с жильем еще было туго, и половина городка жила в общежитиях.

В одно такое — семейное — и поехал Архипов тридцать первого декабря. Чтобы не мерзнуть на шоссе, дожидаясь попутки, Виктор поехал на лошади; восемнадцать километров Огонек истоптал часа за полтора. Въехав в городок у автостанции, Архипов проехал по проспекту Энергетиков, через квартал свернул направо и оказался у панельной пятиэтажки. Приятель Архипова

ПРОЗА

— Семен Хренов, когда узнал, что Виктор приехал на лошади, хохотал, наверное, полчаса.

— Ну, Витя, ты — оригинал! — говорил толстоватый Сема Хренов, вытирая руки о женский фартук. — Ты что же, решил нам устроить новогоднее катание?!

Он еще задавал много вопросов — все больше шутейных, — и Архипов не обижался. Чего ж обижаться под Новый год! Вот только чувствовал себя неловко: был Архипов сухой, подбористый, но ему казалось, что он занимает очень много места в тесной комнатке приятеля. А ведь должны еще быть гости, где они будут сидеть, танцевать. В общем, необязательные вопросы доносили Архипова, пока он рассматривал старые журналы, а Сема с женой Риммой, невысокой, тоже полной, как Семен, накрывали на стол и делали это осторожно — боялись разбудить пятилетнего сына, весь вечер собиравшегося встречать Новый год, но неожиданно уснувшего.

Раз или два заходила соседка Хреновых. Она гремела бигудями под серым старушечьим платком, мелькала застиранным коричневым халатом, шлепала разбитыми тапочками, и Архипову казалось, что по комнате шаркает древняя старуха.

В конце концов Виктор приуныл: обещанный армейский друг, из-за которого он и приехал, все не появлялся, а эта, в старушечьем платке, все чаще заглядывала в комнату, даже стала надоедать. Вернее, не она сама, а ее взгляд, которым она исподтишка пронзала Архипова, и тот замечал, что глаза у нее молодые, хотя она и прятала их за толстыми стеклами очков.

Армейский друг так и не появился, и Архипов понял, что Хренов все придумал, чтобы заманить к себе в гости и познакомиться с соседкой... Только теперь она мало чем походила на тетку в старушечьем платке. А после того, как проводили старый год, Архипов все чаще косился на нее, локтем чувствуя, как она близко сидит.

А потом было двенадцать часов, они пили шампанское, водку, катались на лошади. Когда, веселые и шумные, вернулись с улицы, Хренов сграбастал Виктора и, раскачивая, сказал:

— Теперь, братец-кролик, спать пора. Иди к Люське — она ждет тебя не дождется. Как медведю хочется бороться, так ей — мужика...

Если бы не последние слова Хренова, то, быть может, Виктор поцеловал бы Люсю, когда прощался с ней на лестничной площадке, а то лишь пожал руку и поехал в свою Князевку, пообещав приехать в следующую субботу.

Первый день нового года Виктор отсыпался, а потом в тридцать втором квартале открыли делянку. Он приехал в лес затем-

но, и весь день замерял древесину, ругался с заготовщиками — занимался обычной зимней работой. Только к концу недели Архипов вспомнил, что собирался съездить к Люсе Ионовой. И это обстоятельство вдруг заставило многое забыть. Вернувшись в пятницу с делянки и дождавшись, когда мать вышла доить корову, достал из шкафа костюм, который давным-давно не надевал, погладил брюки, подгладил рукава и убрал костюм на место. Потом на всякий случай почистил кожаные сапоги, присланные два года назад старшим братом из Рязани.

В субботу, едва начало темнеть, погнал мерина домой. Быстро умылся, побрился, переделался и перекусил на дороге. Обычно в санях, зарывшись в сено, Архипов отдыхал, а тут, оберегая стрелки на брюках, так устал и замерз, пока доехал до места, что начал ругать себя.

Архипов привязал Огонька к молодому тополию около Люсиного подъезда, накрыл мерина старой фуфайкой и дал сена. Зайдя в подъезд, долго отряхивал прилипшие былинки, и думал: «А дома ли Люся? Может, она посмеялась в прошлый раз? А может, и того хуже — какой-нибудь хахаль сидит у нее?!»

Поэтому, наверное, Виктор потоптался у Люсиной двери, но зайти не осмелился, позвонил Хренову. Тот его, понятно, не ждал и удивленно спросил:

— Это ты?..

— Как видишь...

— Заходи, — пригласил он, отступая в глубь комнаты.

Хозяева только что поужинали: на столе было не прибрано, Семин сынишка облизывал испачканный вареньем палец, а Римма подавала чай. Архипов чувствовал, что помешал, и поэтому неловко топтался у двери.

— Да ты раздевайся, — сказал Хренов, — может, есть хочешь? Так мы сейчас организуем. — Семен посмотрел на жену, а Виктор заметил, как она скривила губы.

— Если только закусочку какую-нибудь, — сказал Архипов, покосившись на хозяйку, и поставил на стол бутылку белой.

— Ого! — удивился Хренов, хотя, как показалось Архипову, он только и ждал этого момента. — Риммель, — обнял Семен жену, — собери что-нибудь!

— Ты же, когда поешь, не пьешь?! — сказала та недовольно и со стуком поставила чашку на стол.

— Собери, собери — нам сто граммов не помешают...

Когда сели за стол, к Хреновым неожиданно зашла Люся. Вместе с ней и девочка лет четырех. Она удивленно и немного испуганно смотрела на Архипова, а тот догадался, что девочка — Люсиная дочь: уж очень похожа, только без очков.

— А я гляжу — лошадь под окном стоит... — будто извиняясь, сказала Люся, объясняя причину визита. — Я не помешала? — спросила она стеснительно.

— Да уж чего там — садись к столу, — пригласил Хренов, застегивая рубашку, — а Нина пусть с нашим поиграет, — сказал он и подтолкнул девочку к своему губастенькому сыну.

Разговор за столом не ладился. Говорили больше Семен и Римма, а Люся с Виктором отмалчивались. Люся была в новом сиреневом платье, ногти блестели розовым лаком, а волосы замысловатыми локонами спадали на лоб и шею. Чем чаще Люся поглядывала на Архипова, тем поспешней переводил он взгляд на Нину, тоже нарядную. По ней было видно, что Люся ждала сегодня его, и теперь не знала, как забрать у соседей. И когда случай представился — Римма начала стелить сыну постель, — Люся сказала:

— Пойдем и мы с Ниночкой бай-бай... Вить, — внимательно посмотрела она на Архипова, — не хочешь с нами пойти?..

— Можно, — вроде бы неохотно отозвался Архипов, а сам рад-радешенек уйти от Хренова.

Переселились быстро, только перешли по коридору в соседнюю комнату.

— Иди ко мне, — сказал Виктор Нине, когда Люся ушла в кухню.

Девочка, еще не привыкнув, несмело подошла к Архипову и опустила глаза.

— В садик ходишь? — спросил он.

— Нет — в ясли, — ответила Нина и по-взрослому вздохнула.

— Нравится?

— Угу... А ты на лошадке приехал? — неожиданно спросила Нина.

— Да. На Огоньке.

— На огоньке?! — удивленно переспросила она. — А он не горячий?

— Горячий... Еще какой: когда ест, только успевай сено подкладывать.

— Нинок, — сказала вернувшаяся Люся, слышавшая их разговор, — дядя Витя шутит. Огоньком лошадку кличут.

— Хочешь посмотреть? — спросил Архипов у девочки: та кивнула. Он взял ее на руки, подошел к окну.

Мерина у тополя не было...

— Отвязался наш Огонек, — растерянно сказал Архипов девочке, и та засмеялась.

— Пойду приведу, — сообщил он Люсе и поставил Нину на пол, начал одеваться.

Оказалось, что сапоги забыл у Хренова. Пришлось постучать.

— Совсем, что ли, у Люськи остаешься? — спросил Семен, когда Архипов спросил о сапогах.

— Как это совсем?! — не понял Архипов.

— Ну... до утра?

— Мерин отвязался — пойду искать...

Архипов вышел на улицу, заглянул за дом с подветренной стороны, надеясь увидеть мерина, но его не было... Заглянул во второй двор, третий. Пусто. Пошел в другую сторону. Тоже нет.

Архипов вернулся к Люсе, сказал:

— Вы не ждите. Мой дуролом, видно, в поле ушел. Теперь его у стогов с зеленой надо искать.

— Как же так, — всполошилась Люся, — посидел бы, чаю попили...

— Надо сразу идти, пока он далеко не ушел...

— Ты хоть вернешься? — тихо спросила Люся, и ее глаза под очками сделались маленькими-маленькими.

— В следующую субботу обязательно... Ну, я пошел.

В этот момент Архипов так обозлился на мерина, что, выйдя из подъезда, подумал: «Найду, все кнутовище обломаю!»

Часа два ходил он по городку, но нашел только сани и сбрую без уздечки. Мерина нигде не было, и стало понятно, что его угнали: затем и уздечка понадобилась кому-то. Случись это в лесу, он бы по следу нашел Огонька, но здесь, в городе, на укатанной дороге Архипов след потерял.

Хочешь не хочешь, а пришлось идти в милицию. В отделении Архипов написал заявление, отдал дежурному и тот, прочитав, сказал:

— Сани-то к нам в отдел доставь. Пусть уж во дворе постоят, пока жеребец сыщется, а то мальчишки утром разломают, и останешься ты и без саней, и без жеребца... Слушай, — продолжал говорить лейтенант, посмеиваясь, — а может, он к невесте убежал? Глядишь, к утру-то нагуляется и сам вернется!

Хотел Виктор сказать дежурному, что Огонек уж десять лет на невест не смотрит, но не стал ничего говорить — пошел за санями. Хотя они находились недалеко от милиции, но улица местами чернела асфальгом, и через пяток минут Архипов вспотел. А тут еще проходившие выпивохи стали зубоскалить.

— Эй, мужик, ты чего это без хомута работаешь? — кричал один.

— А на нем и чересседельника нет! — удивленно подпевал второй.

— За бутылку по домам не развезешь? — подзадоривал третий.

Архипов не отвечал, и они в конце концов отстали.

Когда сани стояли в милицейском дворе, Архипов вернулся к дежурному.

— Теперь ты свободен... Да, а где ночевать-то будешь? — заботливо, как у знакомого, спросил он.

— К другу пойду.

— А то, хочешь, у меня одна КПЗ свободная есть...

— Нет уж, спасибо...

Остаток ночи Архипов провел в подъезде незнакомого дома, прислонившись к батарее отопления. Он сначала ругал себя, но потом устал ругаться и смирился со случившимся. Часов в пять утра пошел ловить попутку. Поймал не сразу, потому что было воскресенье, но домой все-таки пришел еще затемно. Мать о чем-то начала расспрашивать — он что-то безразлично отвечал, засыпая на ходу.

Проснулся Виктор после обеда, и мать сразу спросила:

— Где мерин?

— Потерялся...

— Это не иголка!..

— А может, угнали, — уточнил Архипов, не желая говорить о ночном происшествии.

— Ты хоть в милицию-то заявил?

— Заявил, заявил! — отмахнулся он. И пошел кормить кроликов.

Пока убирал у них, давал сено, подсыпал овес, поглядывал на пустующий загон и гадал, где теперь Огонек. Архипов никогда не думал, что так грустно станет без него. Ведь за последние одиннадцать лет они ни разу не расставались, даже когда Архипов бывал в отпуске, потому что отпуск проводил дома. Его не влекло ни к морю, ни в другие дальние места, хотя служба на флоте могла приучить к этому, а побывал он разных краях: от Ледовитого океана до Африки. А то, что после флота попал в Москву, так тогда осечка вышла: все погодки разъехались — и он следом, да быстро понял, помыкавшись по общежитиям, что поспешил. С тех пор ему казалось, что те полгода — отдельная жизнь, и он не имеет к ней никакого отношения.

С понедельника Архипов стал ходить на делянку пешком, хотя ему предложили в лесничестве другую лошадь.

— Огонек найдется... — отмахнулся Виктор.

Вот уж и неделя прошла, вторая началась, а из милиции никаких вестей. Как закрыли делянку, Архипов поехал туда сам и выяснил, что Огонька видели в ближайших деревнях: до милиции дошел слух, что на нем катаются подростки. А вот чьи они, где лошадь прячут — никто не знал.

На следующий день Архипов прихватил из дому охотничьи лыжи и решил сам объездить окрестности городка: снег последние два дня не выпадал, и, если действительно на Огоньке катаются, должны быть следы.

Слухи оказались верными: недалеко от села Дубовское Архипов нашел свежие следы, но разузнать, где прячут Огонька, не успел — стемнело — а прятали его или в селе, что было маловероятно, или где-нибудь в овраге. Ведь Огонька увели подростки, а кто же осмелится привести чужую лошадь на двор к родителям!

Архипов, зажав лыжи под мышкой, спешил к автостанции, надеясь успеть на автобус, развозящий рабочих, когда его окликнули.

— Вить! — обрадованно раздалось где-то рядом, а через секунду перед ним стояла Люся с дочкой. — Здравствуй, — сказала Люся и подала руку.

— Здравствуй, — ответил Архипов, от неожиданности смущенно.

— Ты что же в прошлый раз не пришел? Я ждала!

Только сейчас Виктор вспомнил, что забыл в прошлую субботу съездить к Люсе, а ее слова «Я ждала тебя!» повторил про себя несколько раз — такими они казались приятными.

— А я вот Огонька все ищу, — сказал Архипов после паузы. — Почти нашел.

— Сейчас-то куда собрался? Может, зайдешь?!

От этого неловкого разговора, от Люсиного вопроса и необычного предчувствия на Архипова вдруг нахлынула веселость: почему не зайти, если Люся этого очень хочет?!

— Ну, пойдем, Ниноля, к тебе в гости, — сказал он ее дочке, и от его слов Люся заулыбалась.

Пока Архипов играл с Ниной, а Люся собирала ужин, он был в ожидании: казалось, что непременно должен зайти Хренов. А ему так не хотелось этого. Ему хотелось играть с Ниной и ловить взгляды Люси без свидетелей, чтобы никто не портил настроения.

За ужином Люся не уставала подкладывать ему в тарелку, но он, хотя и проголодался за день, ел мало, стеснялся. И то ли от этого стеснения, то ли оттого, что весь день пробыл на морозе, еще до чая покраснелся.

— Сегодня-то хоть будешь моим или опять убежишь?! — спросила Люся после ужина.

От ее откровенного вопроса Архипов смутился и за шуткой скрыл смущение:

— Ну, если только сегодня...

Пошутил и подумал о свободе, с которой только приближает расставание такими вот ответами...

Утром, за завтраком, Архипову казалось, что он бывал у Люси много-много раз и теперь уж не помнит, когда завтракал впервые... Даже и Нина к нему привыкла и без стеснения рассматривала его во все глаза. А когда они повели ее в ясли, и он отошел, чтобы купить сигарет, она тихо спросила у матери:

— Правда, у нашего папы мускулы больше?

Архипов и Люся сделали вид, будто ничего не слышали, но оба заметили это друг за другом и переживали каждый по-своему: Люся зачем-то стала протирать на морозе очки, а Виктора заколотило от ревности к тому, неизвестному, у которого «мускулы больше». Поэтому, наверное, Архипов поспешил расстаться с Люсей, и, не оглядываясь, зашагал на окраину городка.

Рассвет встретил в поле.

Лесов больших в округе не было, и Виктор решил искать Огонька в оврагах, если его еще не съели волки, порой появлявшиеся в районе, и нашел только к обеду, случайно услышав его ржание; видно, катались на нем каждый день, подолгу и по следам он ничего определить не мог. Огонек показался маленьким, лохматым. Почуввав хозяина, он начал рваться с цепи, которой, как собака, был привязан к дубу. Виктор отвязал цепь, забросил в снег и обнял Огонька. А тот, радостно пофыркивая, тянулся губами к карману полушубка, где лежал припасенный для него сахар.

— Прости, брат, прости, — приговаривал Виктор, держа на ладони куски рафинада, — из-за меня ты попал в неволю... Видишь ли, хозяин твой женихаться надумал, вот и не усмотрел за тобой... Ну, ладно, на будущее умнее будем... Поехали домой, что ли?!

Виктор снял с себя ремень, хотел сделать подобие уздечки, но, заметив, что у Огонька порваны губы, сказал:

— Пойдем так — ведь не убежишь?

Когда вышли из оврага на поле, уставленное стогами, мерин рысью направился к ближайшему. Пока Огонек азартно хапал сено, Архипов впервые за последнее время рассматривал синевато-серое небо, такое же пространство, убегающее в зыбкую даль и сливающееся у горизонта с небом. Было тихо, морозно, солнечно. Из труб электростанции почти вертикально вырастали два столба дыма; в далекой вышине они закруглялись невидимыми потоками воздуха и превращались в две гигантские буквы «Г». По сравнению с ними, город казался игрушечным, а себя с Огоньком Виктор представлял едва заметными точками.

— Ну, брат, хватит, а то с голодухи объеешься. Пошли в милицию за санями.

В отделении Архипов напоил Огонька, дежурный, взяв расписку, отдал сбрую, сани и, запрягая мерина, Виктор чувствовал, что тот охотно разрешает надеть хомут, и без понуканий сам встал в оглобли. Когда возвращались домой, Виктор не подгонял Огонька, но под гору тот сам пускался рысью, старался и на подъемах, но сани вытягивал едва-едва, хотя Виктор с них спрыгивал. А на последнем тягуне Огонек все же встал и, тяжело сопя и стреляя в снег струями пара, опустил голову. Виктор собрал ему сенную труху в кошевке, Огонек пожевал, но без аппетита и сам зашагал к дому. Архипов в сани больше не сидел: так и пришли — Архипов впереди, а сзади, будто на буксире, Огонек.

— Никак женишки объявились! — с радостной насмешкой сказала Виктору вышедшая мать.

Архипов промолчал.

Выглянул и отец из дома: молча начал распрягать Огонька, а когда мать ушла, спросил:

— Говорят, ты на станции зазнобу нашел?.. Без довеска-то не было, что ли?!

Слова отца не разозлили Виктора и не обидели. Ему сделалось только смешно, и он то ли спросил, то ли напомнил:

— А сам-то чего же?!

Тот нахмурился:

— Вот потому и говорю, что «сам чего же»! Дело, конечно, прошлое, но доведись еще раз жениться, уж жену-то не взял с ребенком, как мать твою... Как сыну говорю, и не обижайся. Ведь бабам-то чего, им лишь бы мужика неистраченного захомутать.

— Ладно, поживем — увидим, — не стал спорить Виктор.

Ему вспомнилось, как отец относился к неродному сыну — старшему брату Виктора. Они вроде и не ругались, но Виктор видел, что отец по-разному относится к своему и чужому. Глаза выдавали. Поэтому брат после армии и дома не задержался — уехал в Рязань, а отец не удерживал его. Но даже и такой житейский опыт Архипов не принял к сердцу, а сейчас, после разговора с отцом, ему вдругзахотелось доказать, что маленькая Ниночка будет для него как своя...

Когда Архипов в очередной раз собрался на станцию, мать будто ненароком спросила:

— Дверь-то на задвижку закрывать?

— Закрывайтесь...

На этот раз Архипов поехал с подарками: Люсе загодя купил флакон духов, а Нине шоколадку и подарил человечка, которого смастерил из сосновых шишек и желудей. Весь вечер Архи-

пов и Нина играли с этим человечком, Люся тоже пыталась присоединиться, но Архипову казалось, что она только мешает.

Утром Виктор сидел перед телевизором в майке и не хотел, но, чтобы побороть внутренне неудобство, спросил у Нины:

— Подросли у меня мускулы?

Девочка смутилась и ответила так, как ответил бы ребенок, с которым по-взрослому поговорили.

— Я пошутила прошлый раз... — сказала она, испуганно взглянув на сидевшую рядом мать.

— Конечно, пошутила, — поспешно согласилась Люся и прижала к себе дочь, не зная, как уберечь от ненужного разговора.

Ведь у девочки еще свежи воспоминания об отце; она помнит, спрашивает иной раз о нем. И если первое время после его «отплытия» Люся говорила ей, что папа поехал ловить белых медведей на Северный полюс, то в последнее время стала убеждать в том, что он очень долго ловил медведей и задержался, но чаще отмалчивалась или переводила разговор на другую тему. Да и как объяснишь девочке, что уже полгода прошло, как она развелась с ее отцом, который, можно сказать, бросил их, променял на приезжавшую в командировку геодезистку и уехал с ней, даже не оставив адреса. Когда же появился Виктор, Люся стала бояться воспоминаний дочери об отце. Ей казалось, что это отпугнет Архипова, к которому уже успела привыкнуть и теперь страшилась потерять.

Из-за этой боязни Люся не спешила делиться с Виктором своей тайной, когда к весне у нее появились совсем не весенние веснушки. А он, когда услышал известие, которого и ждал и боялся, предложил:

— Поедем в следующий выходной ко мне. С родителями познакомлю!

— А Нину куда денем?

— Как куда? С собой возьмем!

Люсе хотелось спросить, что скажет Виктор родителям, как представит? Кто она ему: знакомая, любовница, невеста? Множество разных вопросов ожили в Люсе, но все затмевало то, что Виктор не отшатнулся, услышав об известии! Значит, она дорога ему. Но чем?

Всю неделю, пока она собиралась к родителям Виктора, у нее все усиливалось желание познакомиться с ними, но чем ближе был назначенный день, тем становилось страшней, и когда появился Виктор, она закапризничала:

— Может, не поедем сегодня? А, Вить? В следующий выходной съездим!

— Да ты что?! Я специально с работы отпросился. Мы быстро — напрямую махнем по льду через Проню.

— А не опасно?!

— Чего же опасного, если лед в эту пору и трактором не продавишь, а я на Огоньке приехал...

Сказав это, Виктор подошел к окну и настороженно выглянул.

— Видишь, мой дуrolом стоит! Поехали — нечего думать-гадать! Нина, ты где? Тебе бабушка пирогов напекла.

— А у меня животик болит! — соврала Нина и со значением, как взрослая, покосилась на мать.

— Вот видишь, Вить, у нее живот разболелся. Давай в следующий раз...

— Если собрались — поехали, а живот мы конятникoм вылечим в два счета!

— А не больно будет? — спросила Нина.

— Чего же больного-то... Отварчика попьешь — и вылечишься.

— Мам, поехали, — сказала Нина, — у меня уж все прошло.

— Тогда ничего не остается...

Доехали они действительно быстро, а у дома Виктор долго привязывал мерина и не спешил заходить в сени. Ему в этот момент вдруг сделалось не по себе. Он представил, как отец сейчас нахмурит рыжеватые брови, щипнет себя за ус и выдохнет: «Та-а-а-к...»

— Ну, пошли, Нинок, — позвал Архипов и взял девочку за руку.

— Пошли, — ответила та и робко улыбнулась.

Виктор увидел в этот момент, как в наполовину затянутое инеем окно выглянула мать и сразу пропала. Потом мелькнули отцовы усы, а через секунду он и сам выскочил в сени и, вопреки удивленно на сына, сказал удивленно и весело:

— Это, никак, внучка приехала! Ну, проходи, румяная...

Тут и мать вышла, и все они, неловко уступая дорогу друг другу, вошли в дом. Отец начал раздевать Нину, а Виктор сказал, обращаясь больше к матери:

— Вот познакомьтесь: Люся...

— А меня Николаем Петровичем зовут, — сказал отец Виктора, вешая Нинино пальтишко.

Мать тоже не отстала:

— А меня — Анастасией...

— Фоминичной, — добавил Виктор и начал помогать Люсе.

— Проходите в горницу, — пригласила Анастасия Фоминична. — Отец, включи телевизор, что ли, — попросила она мужа, — пусть девочка посмотрит.

Сама же хозяйка стала собирать на стол, а когда, включив телевизор и усадив перед ним Нину, Николай Петрович спросил у жены денег, она осадила его:

— Есть у меня, есть — на такой случай найду!

— Есть так есть. Тогда в погреб схожу...

Виктор смотрел на отца и не узнавал: будто он, а будто и нет. Даже когда его племянник приезжал из Москвы, так не суетился. А чтобы напросился лезть в погреб за огурцами — никогда! А мать, наоборот, все делала молча, насупленно, изредка поглядывая то на Люсю, то на ее дочку. И когда еще не сели за стол, тихо спросила у Виктора:

— Насовсем, что ли, привез?!

— Пока в гости...

Анастасия Фоминична ничего более не спросила, но вздохнула так, что и без слов Виктору все стало ясно, только не понимал, почему она так настроена. Ведь отец-то женился, когда у нее самой был ребенок от первого мужа... Отец-то не испугался... Эти мысли не давали покоя Виктору: ни когда они сидели за столом, ни когда отец отвозил их на станцию на Огоньке. Поэтому, когда вернулся на следующий день к родителям, и мать что-то сказала ему про Люсю и ее «довеска», Архипов спросил у отца:

— Бать, а ты-то чего женился на матери... Не было, что ли, без довеска?!

Анастасия Фоминична от неожиданности опустила вилку и взглянула на сына так удивленно, словно он осмелился сказать что-то непристойное.

— Ты хоть думай, что мелешь-то? — наконец опомнилась она. — Тогда время-то было какое! Послевоенное!

— Вот именно, — подхватил Виктор, — «послевоенное». Мужики тогда не валялись.

От его слов мать уткнулась в фартук, начала всхлипывать и поднялась из-за стола.

— Ну, зачем ты так?! — нахмурился Николай Петрович. — Мать тебе добра желает, а ты будто кнутом ее...

— Вас не поймешь, — тоже поднялся из-за стола Виктор.

Он было забрался на печку, но через полчаса слез и отправился на другой порядок к Михею-бобылю, у которого по воскресеньям собирались картежники, проиграл полсотни и вернулся домой еще более злой. Никак не мог уснуть. «Нужно на станцию уходить, — нерадостно думал Архипов, ворочаясь с бока на бок, — здесь они запилят!»

На следующий день вместо делянки поехал в контору лесхоза и подал заявление на расчет, чем удивил молодого лесничего, недавнего студента.

— Ты чего это, Архипов?! — запросто спросил он.

— Надоело восемьдесят рублей получать... Жениться надумал — конец свободе!

Лесничий долго выбирал авторучку, но подписал заявление, ничего более не спрашивая, не заставляя отрабатывать ни дня, только пробурчал недовольно:

— Раз надо, значит, надо...

Архипов вышел из лесничества, собрался отогнать Огонька конюху и вдруг будто током пронзило: ведь теперь на нем будут ездить другие! Но кто-то будто шепнул Архипову, что Огонек и не его совсем, а только закреплен за ним, дан на временное пользование.

Сдав Огонька конюху, Архипов вернулся к лесничему и не смело спросил:

— Если не получится, обратно-то возьмете?

— Приходи... Ты у нас кадровый, — сказал лесничий без энтузиазма.

Ушел Архипов из лесников — Люся расцвела и наперебой ему работу предлагает. А работать на станции есть где: и рыбхоз свой имеется, и бытовой комбинат, и на самой электростанции, наполовину недостроенной, работы хватает. Но из всех специальностей, которые предлагала Люся, он выбрал столяра. Когда пришел посмотреть столярный цех, то дух захватило ароматом сосновых стружек.

Двух недель он не отработал в счет испытательного срока, как ему присвоили довольно высокий разряд, по которому должен получать вдвое больше, чем лесником. И все бы хорошо, но Виктор все еще не до конца решил в семейной жизни. Люся твердит: «Перебирайся ко мне насовсем, а то только на ночь появляешься, да и то не всегда!» А Виктору так не хочется к Люсе перебираться, потому что она жужжит и жужжит о свадьбе, и чем ближе к лету, тем надоедливей, да с капризами: «Давай расписываться — и все тут!» А он свое твердит: «Мой отец пять лет без росписи жил. И ничего — хуже не стал. Тебе штамп в паспорте нужен или я?!» Поругались они так, что Виктор вообще перестал к ней ходить. Рад бы домой съездить, да стыдно. Одно спасение с Хреновым, повадившимся таскаться в гости. Придет — огурчиков, капустки принесет. Архипов — бутылку на стол. Вот уж и разговор пошел и на душе веселей.

— Ты хоть теперь-то понял, какая разница в жизни? — всякий раз спрашивал у Виктора Хренов. — По тебе вижу, что понял! Хорошо хоть поздно, чем никогда. Я-то после армии сразу смекнул, куда податься. Я вот-вот должен квартиру получить!

Тебе бы раньше надо было на станцию сматываться. А то прицепился к дубам — клещами не оторвешь... Хорошо хоть Люська вовремя подвернулась, а то совсем бы пропал.

Архипов пытался в такие моменты расспросить у Хренова что-нибудь о ней, но тот начинал смеяться.

— Ну, ты ловок... — закатывался Хренов. — Люська от его любви пухнуть начала, а он у меня спрашивает!

Недели две ходил Хренов к Архипову. А как деньги у Виктора закончились, то и перестал. Виктору еще тоскливее стало. Придет с работы, кое-как поест, а то и чаем обойдется. Завалится засветло на кровать и все лежит, думает о чем-то... А в садах уж яблони отцвели, трава на буграх закурчавилась, и так ему захотелось в лес, посидеть у родника в Котовой ложине или над муравейником постоять, посмотреть, как мураши суетятся. Об Огоньке он уж и не думает. Нельзя думать о нем: едва начнет, еще тоскливей делается.

Как-то напился Архипов чаю с таким, лежит на казенной кровати. Соседи по комнате кто в кино, кто куда разбежался, а ему с места двигаться не хочется. И стыдно: только здесь, на станции, он понял, какой неловкий, замкнутый этот бывший лесник Архипов. Когда в дверь постучал кто-то, он даже не отозвался. Дверь тихонько отворилась, и он увидел Люсю.

— Можно? — спросила она.

— Заходи, — угрюмо ответил Архипов и нехотя поднялся с койки.

— А у меня сегодня день рождения! — похвалилась выглянувшая из-за спины матери нарядная Нина. — Пойдем к нам. Мы пироги спекли!

От их слов, приглашения Архипов задрожал, ему вдруг захотелось плакать. Он никогда не думал, что так будет приятно увидеть этих людей. Теперь он знал, что они тоже не могут без него, он им нужен! И все его думы о свободе — вздор неразвитого ума, одичавшего в лесу. Ведь за одно только то, что Люся подарит ребенка, он должен ее на руках носить... И вот, ничего не зная о его мыслях, они стоят перед ним, рядом: немного растерянные, и испуганно смотрят на него. Архипов молча обнял Люсю и Нину. Они затихли в его объятиях, а когда он посмотрел на Люсю, то увидел под очками слезы.

— Ну, пошли, — сказал Архипов.

Он еще раньше решил, что не бросит Люсю. И только неопределенность последних дней удерживала от того, чтобы пойти и сказать ей об этом. А вот теперь, когда он опять был вместе с ними, и не осталось никаких вопросов, ему стало легко-легко. «Вот сейчас приду, — думал Архипов, — и скажу: «Ну, когда

распишемся?!» Люся замрет, недоверчиво улыбнется, а я переспрошу: «Ну, когда? Говори. Как скажешь, так и будет!»

Но когда сели за стол, Архипов не решился при Нине высказать Люсе новость, а надумал подождать, когда Нина уляжется спать. Она, как назло, укладываться не спешила, а Люся ее не подгоняла: именинница все же! А когда Нина все-таки уснула, Архипов обнял Люсю и хотел обо всем сказать ей, она опередила и чуть слышно произнесла:

— Вить, ты, помнится, не хотел расписываться... Тогда давай так жить будем, я ведь особенно не настаиваю. Не нужна стану, никакой штамп не удержит...

— Чего же ты раньше-то голову морочила?! — сказал Архипов и вздохнул. И так ему хорошо стало. — Сними очки, — попросил он.

— Зачем?

— Так нужно...

Ему неожиданно захотелось увидеть Люсины глаза, которые, как будто специально, она прятала за толстыми стеклами. Он видел ее глаза без очков по-настоящему лишь однажды, и тогда они поразили беспомощностью; они были растеряны, доверчивы, без очков выражение ее лица показалось таким неожиданно милым, что ему захотелось плакать и смеяться одновременно. Он мог смотреть на нее бесконечно... Он и сейчас долго всматривался, а она терпеливо сносила его немного непонятное любопытство, но не обижалась. В этот вечер она могла сделать все, чтобы он ни попросил. И когда он сам аккуратно надел на нее очки, она сказала:

— Если хочешь, я могу при тебе их вообще не носить...

Ее податливость привела Архипова в трепет, но ему не хотелось долго видеть Люсю без очков, тогда сразу пропадала необычность ее глаз, он начинал привыкать к ним, и, как ни странно, ему не хотелось этого привыкания. Ему казалось, что, привыкни к ней, ее глазам, он что-то потеряет. И с этой мыслью Архипов жил до конца недели, а как подошла суббота, пошел к Люсе и сказал:

— Собирайся, пойдем заявку подадим, чтобы все как у людей было!

Люся стирала Нинины вещицы и была раскрасневшаяся, теплая. Она стряхнула напользшие на очки волосы и удивленно посмотрела на него, будто ослышалась.

— Заканчивай стирку, потом достираешь. Собирайся... — повторил Виктор.

Он видел, что его слова еще не доходят до нее, а когда она сообразила, о чем он говорит, то все еще не верила, что сейчас, именно сейчас, они пойдут в ЗАГС!

— Я же не готова совсем, Вить. Волосы в разные стороны расползлись... На руках заусенцы. И Нинка с утра успела вымазаться. — Люся задумалась и через секунду, придя в себя, добавила: — Ладно, мы ее у Хреновых оставим, раз такое дело.

— Не надо никому ее оставлять, — сказал Виктор, — ты занимайся собой, а я пока ее умою и причешу. Где она?

— На улице бегала, сейчас позову.

— Не надо. Сам найду.

Архипов вышел на улицу, но, обойдя дом, девочку не увидел, а вернулся — она уж перед зеркалом сидит, сама расчесывается. Хотел помочь, но она упрямо отстранилась, даже ленты не разрешила заплести: все сама! Правда, Люся потом ленты заплела по-своему, потому что у Нины получилось совсем не празднично.

Когда вышли на улицу, случайно увидев Хренова, Нина сказала ему:

— А мы заявку идем подавать! — И прищелкнула языком.

Люся застеснялась, подозвала дочку, и что-то сердито зашептала, а Хренов заулыбался.

— С тебя причитается, — сказал он Архипову, — без литра не возвращайся.

Пока они заполняли бланки, Нина играла на улице и вся вымазалась.

— Ты что же это наделала?! — вздумала было ругаться Люся, когда они вышли из ЗАГСа, но Виктор остановил.

— Сейчас умою ее, — сказал он и повел девочку к колонке, стоявшей посреди улицы, как памятник первостроителям, когда-то начинавшим стройку с вагончиков.

Когда они вернулись, Люся уже стояла около овощной палатки: решила купить зеленого лука.

— Продукт полезный, — сказал Архипов и, вспомнив наказ Хренова, добавил: — И закуска отменная.

— К закуске надо чего-нибудь покрепче, — улыбнулась Люся. — Беги, чего ждешь?!

Архипов оставил Нину Люсе и отправился в гастроном. Правда, ему не хотелось выпивать с Хреновым. Хотелось просто посидеть с Люсей, поговорить о том, как они будут жить, а может, и не поговорить даже, а посмотреть друг на друга, и чтобы никто не мешал...

Архипов все-таки купил поллитру, даже и бутылочку виноградного для женщин. Только Римма вино пить не стала — присоединилась к мужчинам, а Люся выпила только неполную рюмочку — по случаю. Архипов думал, что вино купил зря, но оказалось — нет. К тому времени, когда Хреновы собрались уходить, Семен был в ударе.

— Чтобы добру не пропадать! — сказал он и вылил оставшееся вино в пол-литровую кружку: — За ваше здоровье, молодые!

Как только за ними закрылась дверь, Архипов услышал через стенку ругань: звонко кричала Римма и что-то бубнил Семен.

Минут через десять он вернулся.

— Витя, друг, дай столик, а то совсем жизни нет. Пойду, напьюсь с горя, — поставил он в известность.

— Хватит тебе, — успокаивал его Архипов, — иди спать.

— Взаимы прошу, — кипятился сосед, — не веришь?!

Он еще говорил что-то, но Архипов не слушал. В нем вдруг родилась ненависть к этому человеку, с которым когда-то учился, бегал на переменах курить, передавал записки девчонкам.

— На, возьми, — протянул он деньги Хренову, — можешь не отдавать!

— Витя, не волнуйся. Как получку отхвачу, к тебе приду, жену минуя.

Когда Хренов ушел, Виктор закрыл дверь на ключ.

— Ты чего? — удивилась Люся. — На улице еще светло!

— Так надо! — резко сказал Архипов. — Переключи телевизор, сейчас должно кино интересное быть.

Люся молча щелкнула переключателем и вопросительно взглянула на Архипова, будто спросила: «Что случилось?!»

— Да ну его... — поняв немой вопрос, ответил Архипов. И она более ни о чем не допытывалась.

Через неделю Архипов решил съездить к родителям, сказать, что надумал жениться... После того случая, когда он привозил Люсю на смотрины, в Архипове ужилось мнение, что отец относится к нему доброжелательнее, чем мать. Вот и сейчас, едва услышав сообщение сына, беззвучно зарыдала, уткнулась в фартук, и только по вздрагивающим острым лопаткам Виктор видел, что она плачет.

К ней подошел Николай Петрович, сказал, легонько дотронувшись до плеча:

— Хватит, мать... Радоваться надо, а ты мокроту разводишь... Давай лучше подумаем, где Виктор будет жить, когда женится. По общежитиям всю жизнь не потаскаешься... Я так думаю: и свадьбу у нас сыграем, и живут пусть у нас — веселей будет.

Анастасия Фоминична все не отрывала лица от фартука, и Николай Петрович нахмурился, повысил голос:

— Тебе говорю-то, — обратился он к жене, — что ты как клуша распушилась?!

— А меня и слушать никто не хочет: чего же тут говорить, если мои слова, как горох, от стенки отскакивают... Уж на что летось к Потаповым девка из Москвы золотая приезжала... Уче-

ная, в газету пишет. Каждый день о нем спрашивала, — ткнула пальцем Анастасия Фоминична в сторону сына, — а ему, видите ли, родинка под носом не понравилась... Родинку разглядел, а того не заметил, что девка замужем не была да квартиру отдельную имеет... Эх, дурень, дурень!

— В общем, так, — неожиданно вспыхнул Виктор, — о нашем приглашении, уважаемые родители, я сообщил, а там сами смотрите. Приедете — милости просим. Не приедете — тоже не обидимся.

Виктор снял с вешалки пиджак — и к двери.

— Ну, куда ты бежишь?! — загородил дорогу отец. — Уж больно горячи все стали — никому слова не скажи. Все по-своему хотят делать!

— Чего хотел сказать, бать? — спросил Виктор, присев на лавку перед дверью.

— Да ничего — слова пропали, — Николай Петрович отвернулся, облокотился о стол, опустил голову.

В доме стало тихо, и никто не хотел или не решался нарушить тишину.

— Ну, я пойду, — сказал наконец Виктор и замялся у выхода, не решаясь уйти без родительского напутствия. — Ну, я пошел, что ли?! — повторил он, когда никто не ответил.

— Иди, если собрался, — после паузы сказал отец. — Пойдем провожу.

Когда вышли на улицу, Николай Петрович напомнил:

— Ты перед свадьбой-то еще приезжай. Продуктов возьмешь: ветчины, картошки, капуста в кочанах еще крепкая. А колбасы-то у себя на станции купишь.

— Бать, не будет никакой свадьбы. Так — вечерок небольшой организуем. Нечего народ смешить.

— Вам виднее...

Ободренный отцовскими словами, Архипов уходил в хорошем настроении. Его даже не тревожило отношение матери, потому что понимал ее: ведь вся жизнь проходила на его глазах, а видел Виктор многое. Сколько раз матери приходилось быть меж двух огней: с одной стороны сын от первого мужа, а с другой его, Виктора, отец... Ей постоянно приходилось сглаживать отношения между ними, хотя они и не враждовали. К тому же ей всегда казалось, что Николай Петрович бывает несправедлив к ее сыну, а ему мнилось, что она уделяет больше внимания своему первому...

Дорога от Князевки — деревеньки в три порядка — шла под гору, но Архипов не заметил, как дошел до поселка лесхоза, за которым было шоссе до станции. Сначала ему хотелось прой-

тись центральной улицей, быть может, увидеть кого-нибудь знакомых, но, постояв у крайнего дома, Виктор пошел в обход, поймав себя на мысли, что ему неловко, даже стыдно идти поселком, где все его знают. Поселок стоял как древнее поселение вятичей: с трех сторон его окружали овраги, заросшие ольхой, а на кургузом пяточке, словно кремль, возвышались постройки лесхоза: и жилые дома, и производственные помещения. Проходя один из оврагов, Архипов услышал чью-то ругань. По тому, как матерятся, понял: ругаются на лошадь. Кустами Архипов подошел поближе и увидел то, отчего его сердце забилося так, что показалось, что оно не в груди, а где-то в левом виске. Лесхозовский конюх Антон стегал Огонька, а тот дергался от ударов и никак не мог вытянуть телегу с перегномом, провалившуюся задней осью в ручей. Виктор машинально ощупал склон оврага, надеясь найти какой-нибудь дрючок, но ничего не нашел и, замерев, смотрел, как конюх хлещет Огонька лозинкой...

— Чтоб ты сдох, вражина, — ругался Антон, — чтоб у тебя ноги отсохли, тварь вислогубая! — Заметив Архипова, конюх осекся, но, увидев, что бывший хозяин Огонька стоит молча, осмелел: — Чего стоишь? — укорил он Архипова. — Иди скажи своему кабысдоху что-нибудь, а то он уперся как осел...

Как захотелось Виктору дать конюху по шее, и двинул бы, будь тот помоложе, а то инвалид, на пенсии — руки марать не стоит.

— На тебя столько бы навалить, чахоточного, да бадиком пройтись по костлявой холке! — только и сказал Архипов и начал скидывать с телеги навоз. — Чего стоишь? — сурово спросил он. — Помогай!

Тот молча подступил поближе, но поскользнулся, чуть не упал.

— Уйди, — отогнал его Архипов, — без тебя быстрее управлюсь.

Огонек, увидев Виктора, потянулся к нему, вытянув морду и закрыв глаза.

— Сейчас, Огонюша, сейчас освобожу...

Скинув половину веза, Архипов взялся за вожжи.

— Ну, давай попробуем, — сказал он мерину и добавил, покосившись на Антона: — Чего расселся? Толкай!

Облегченную повозку Огонек легко вытянул из ручья, а Архипов, кинув вожжи на спину мерину, сказал конюху:

— Неужели трудно было самому догадаться?!

— Тебе чего, — обиженно отозвался Антон, — поскидал и ушел, а теперь попробуй, собери навоз в траве.

— Ты у нас способный, — усмехнулся Архипов и, потрепав Огонька по холке, пошел дальше.

Когда поднялся на бугор, невольно оглянулся, услышав тоскливое ржание мерина, и ему показалось, что вместо одной лошади внизу стоят несколько Огоньков и все зовут его, зовут.

Поэтому, наверное, Архипов завернул в поселок и зашел в контору. Постучал к лесничему: тот оказался у себя. Увидев Архипова, он не удивился и не обрадовался и сказал обыденно, отложив красивую авторучку:

— А я знал, что вернешься...

— Ну, так, значит, назад возьмете?

— Приходи, нам люди всегда нужны.

— Только ведь я теперь с семьей...

— Приходи, приходи — у нас как раз две квартиры пустуют.

Уходя от лесничего, Архипов невольно обдумывал его последние слова о пустующих квартирах. «Это даже и к лучшему, — радостно думал он. — Без родителей мы сами себе хозяевами будем!»

Правда, вернувшись, он все рассказал Люсе о задуманном возвращении в лесники, и та приуныла. Архипов промолчал, хотел наговорить грубостей, но через некоторое время, немного поостыв, подошел к Люсе, обнял и аккуратно-аккуратно снял с нее очки и долго смотрел на часто заморгавшие глаза.

— Успокоилась? — спросил он.

— Что с тобой поделаешь...

Теперь, когда вопрос о возвращении Архипов считал решенным, работа в столярке стала в тягость. Это зимой было хорошо: тепло, уютно, а сейчас, когда наступил июнь, в ней стало душно, сильнее обычного пахло клеем и ацетоновым лаком. От этой химии он перестал чувствовать запах дерева.

Перед днем росписи Архипов ушел с работы пораньше и застал у Люси мать: она пила чай с будущей сватьей, приехавшей днем ранее. Увидев сына, Анастасия Фоминична подошла, сказала:

— Люся за Ниной пошла, а мы с Антониной Васильевной чаевничаем. Садись с нами.

Виктору было приятно встретиться с матерью, которую сегодня совсем не ждал, но хотел бы видеть. Он помнил родительский наказ, когда был у них последний раз: тогда они просили перед свадьбой взять что-нибудь из продуктов, а он нарочно не поехал — не хотел быть зависимым. И вот матушка сама всего привезла.

— Что же у вас холодильник-то маленький? — спросила она, когда Виктор умылся и прошел к столу. — Ничего положить нельзя!

— Не нажили еще большого... А ты, наверное, на машине привезла? — спросил он и улыбнулся.

— На машине не на машине, а кое-чего прихватила... Правда, все наше — простое, деревенское... А Женья, брат твой, рыбку красную какую-то особую прислал с оказией. Бальком называется... Обещался и сам на свадьбу приехать, только, быть может, чуток запоздает...

Виктор слушал мать, но поглядывал на пожилую, аккуратно причесанную будущую тещу. И хотя ему было радостно сознавать, что мать не противится свадьбе, но, тем не менее, от ее болтовни делалось неловко перед Антониной Васильевной. Она, хотя и была на пенсии, но все еще работала учительницей, и поэтому Архипов стеснялся ее, как когда-то в школе стеснялся всех учителей.

— Мам, отец-то завтра будет? — спросил Архипов, надеясь этим вопросом сбить у матери непривычную словоохотливость, видимо, шедшую от желания не ударить в грязь лицом перед сватьей.

— А как же, — обрадованно сказала она, — утром забьет несколько кроликов и сразу же приедет...

Тут дверь открылась, и вошли Люся с Ниной. Девочка подбежала к Антонине Васильевне и стала что-то ей шептать, а Анастасия Фоминична достала из сумки шоколадку и отдала Нине, ревниво сказав при этом:

— Вот, дочка, дедушка прислал...

Нина отошла от Антонины Васильевны, несмело взяла шоколадку и посмотрела на мать, словно спросила: «Правильно я сделала?» Люся незаметно кивнула и сказала:

— Помнишь дедушку Колю? Он на лошадке нас катал!

— Ага, на Огоньке, — отозвалась Нина и опять что-то зашептала родной бабушке, а та все повторяла: «Вот и расскажи всем... Расскажи... Шептаться нехорошо!»

За столом окончательно обо всем договорились, и, чтобы не тесниться, Архипов ночевать отправился в общежитие. Соседи по комнате сразу взяли его в оборот: шутили, называли «соломенным вдовцом».

— Ну что пристали, репы, — говорил он будто обиженно, — и без вас полна голова забот!

— Это мы в отместку за то, что на свадьбу не приглашаешь!

— Некуда приглашать — комнатка у Люси всего четырнадцать метров... На люстру вас посажу, что ли! Я сам там не хозяин. Только вы завтра с утра не разбегайтесь — магарыч поставлю, как обещал.

— А ты сейчас выставляй, — напирали они, — а то до завтрашнего дня мы, может, не доживем.

Допекли они с магарычом — выложил он две сотни и сказал:

— А закуску уж сами доставайте. Здесь у меня ничего нет — все там.

Когда в двенадцатом часу на шум пришел вахтер, сосед Виктора приглушил магнитофон, налил рюмку водки и, отдав ее заморгавшему старичку, сказал, как ни в чем не бывало:

— У нас свадьба. Архипов женится!

Старичок ушел, а они еще долго шумели в эту ночь.

А на следующий день и Архипов погулял, все было, как у людей: сперва расписались, потом съездили в райцентр и повенчались в церкви. Анастасия Фоминична настояла. И то ли оттого, что сделали по ее, то ли отчего еще, но ее настроение и отношение к свадьбе сына переменялось на глазах, словно она сама его к этому подтолкнула. И Архипов сменил гнев на милость, стал смотреть на мать другими глазами.

Погулял Виктор положенные по закону три дня, а как собрался на работу, спросил у Люси:

— Ну, так что, подаю сегодня заявление на расчет?

— Подавай...

Написал Архипов заявление на расчет и стал считать деньки. Пока считал, казалось, что никогда не отработает их, и чтобы хоть как-то забыть о них, надумал отвезти Нину к родителям. Правда, Люся немного скисла, услышав об этом, но все же согласилась, не удержавшись от соблазна подкормить дочку деревенским молоком, и, как приходила пятница, сама собиралась в дорогу.

За два дня выходных они многое успевали сделать: Люся то стирает, то возьмется обед готовить, а Виктор косил. Трава в это лето уродилась по пояс, и они с отцом накопили столько, что корове и овцам хватит на зиму. Когда Виктор в следующий приезд взялся за косу, Николай Петрович остановил:

— Хватит руки рвать! Пойдем рыбку половим. Карась, говорят, в этом году отменный.

— Нет, батя, я все же пойду косить, а то Огонька нечем будет зимой кормить.

— Какого Огонька?

— Нашего.

— Ничего не понимаю...

— Скоро поймешь, — улыбнулся Виктор, — ведь я решил в лесники вернуться...

— Сдурел парень! Что же тебе на станции-то не живется? Теперь бы только жить!

— Да так уж получилось... Надоело мне там... Ну, ладно, чего зря время терять — пойду косить.

Виктор взял в сарае косу, нацепил подбрусник и направился к выгону.

— Подожди, — остановил отец, — вместе пойдем.

Когда спустились в ближнюю ложину, Виктор начал точить косу, а Николай Петрович предложил:

— Пойдем-ка в Свищёво. Это хоть и подальше, зато там трава помягче...

Пока косили, почти не разговаривали, а когда в сумерках возвращались в деревню, отец спросил:

— Матери сказал о своей задумке?

— О нашей задумке, — поправил Виктор. — Пока — нет, а ты сам сегодня скажи.

Виктор думал, что мать, узнав о его решении, будет противиться, но она, улучив момент, поддержала:

— Вот и хорошо, что так решили... К нам поближе будете. Теперь у нас с отцом и душа спокойна...

После этого разговора Архипов окончательно успокоился. Все прежние переживания, когда он собирался жениться, отошли, показались смешными, и теперь надо было просто жить.

Когда Виктор рассчитался, то заказал в лесничестве машину, чтобы перевезти Люсины вещи. Вещей было немного, и Виктор с шофером быстро погрузили. Когда почти все сделали, выглянул Хренов: не выпавшийся, красноглазый.

— Я ведь ночью на рыбалку ходил, — доверительно шепнул он Архипову. — Сторожу литр поставил — мешок рыбы отхватил. Одно слово — рыбхоз! Как зашел в садок, а там не только что сетью — голыми руками можно ловить. Сомы так и бьются мордами по ногам, аж страшно делается... Ты не спеши уезжать: квартиру обмоем — мне ведь квартиру дали! Вот только пойду, толкну кому-нибудь сома. Ты только подожди.

— Ну, давай, давай — беги, — сказал Виктор и начал укладывать вещи.

Через минуту Хренов отправился куда-то, держа под мышкой завернутую в газету рыбину, а Виктор в этот момент пожалел, что не успел уехать до появления соседа, и представил, как тот сейчас бежит по городку, предлагая рыбу... Архипов вдруг вспомнил, что никогда — так уж всегда получалось — не выпивал с Хреновым на его деньги. Только раз он расщедрился, да и то, когда он, Архипов, помогал ему сдавать бутылки. И от всего этого Виктору сейчас сделалось противно, подумалось, что если он даже и успеет принести бутылку раньше, чем они уедут, то пить с ним не будет, откажется, придумает что-нибудь... А чтобы ничего не пришлось придумывать, заторопился с погрузкой. Когда все погрузили и Люся с Ниной сидели в кабине, Архипов сказал шоферу:

— Можно трогаться!

— А дружка-то ждать не будешь? — спросил тот, ковыряя соломинкой золотую коронку.

— Да ну его — поехали... Выпить у нас с тобой есть чего.

Дом, в котором теперь предстояло жить Архипову, был двухквартирный. Еще загодя они с Люсей сделали в своей половине ремонт: обои переклеили, полы покрасили, лежанку побелили — и теперь все три комнаты светились чистотой и от пустоты казались огромными-огромными.

Пока мужчины переносили вещи, Люся захлопотала у плиты, а Нина выбежала во двор и уже успела подружиться с чьей-то собачонкой.

Когда сели за стол, шофер, не забыв ковырнуть спичкой золотую коронку, которую, видно, недавно поставил, и она то ли мешала, то ли он хвастался ею, солидно сказал:

— Теперь вам о скотине надо думать, а то катухи пустые!

— Заведем, — сказал Виктор, — это дело наживное. Москва не сразу строилась...

Шофер вскоре уехал, одарив на прощанье сверкающей улыбкой, а Виктор пошел в конюшню посмотреть Огонька. Архипову повезло: мерина застал в загородке, но оказалось, что радовался зря. У насупленного конюха узнал, что на Огоньке вторую неделю не ездят: перед этим запрягали в чужой хомут, сбили мерину холку и теперь он никому не нужен. Вокруг гноившейся раны вились мухи, Огонек беспрестанно махал головой, отпугивая их, но те не обращали на это внимания. Виктор вернулся домой, Люся нашла ему в узлах ножницы, навела марганцовки, дала стрептоцид и пластырь с бинтом.

— Теперь я хирург! — улыбнулся Архипов. — Пойду операцию делать.

Он выстриг вокруг раны шерсть, промыл рану марганцовкой и, присыпав стрептоцидом, наложил бинт и приклеил его пластырем. Когда обрабатывал рану, Огонек от боли по-собачьи тихонько скулил, но не бился, будто понимал, что вернувшийся хозяин плохого не сделает.

— Отдыхай, — сказал Виктор Огоньку. — Через три дня все заживет.

А в сумерках, когда набегавшая за день Нина уснула, Архипов повел Люсю за поселок, туда, где открывался вид на дальнее сумеречное пространство. К вечеру похолодало, в лощинах появился туман, а из близкого леса веяло грибной сыростью. Они присели на поваленное дерево, прижались друг к другу. Молчали. Ни ей, ни ему не хотелось говорить в такой тишине; они были похожи на двух уставших людей, сделавших большое дело, и теперь отдыхавших. Над ними вспыхивали и тотчас исчезали

метеориты, серебристыми штрихами чертившие небо, как грибы, кучковались безмолвные звезды, а перед звездами застыла луна с упавшим всадником на своем располневшем лице... Луна была совсем рядом. Казалось, протяни руку, и ухватишь ее, и долго-долго будешь перекачивать на ладонях, как горячую картошку...

Когда возвращались домой, Люся неожиданно спросила:

— А где я буду работать?

Архипов, не сумев быстро перестроиться, на минуту растерялся — об этом он почему-то никогда не думал! — но быстро нашелся:

— Пока нигде, а через год-другой, если все хорошо сложится, видно будет. У нас в лесхозе все есть: и контора, и бухгалтерия, и школа с детским садом. Даже музыкальную школу собираются открывать... Ты у меня не музыкант, случайно?

— Мне что-нибудь попроще, по экономической части, например...

— Договорились... — шутливо согласился он.

Сам же Архипов через неделю опять стал лесником. Сперва ходил пешком, а как зажила у Огонька холка, стал ездить.

— Сегодня кроликов привезу — хозяйством надо обзаводиться потихоньку, — сказал он однажды Люсе.

В тот же день поехал к родителям. Вернулся под вечер. Отца не было, а мать чистила картошку на ужин.

— Вот все чищу и чищу — уж полведра набросала, на большую семью хватит, а нам-то с отцом и за неделю не съесть, — сказала она жалобно.

— А зачем?

— Сама не знаю... Может, вы приедете...

— Угадала, ма, как видишь — заехал!

Анастасия Фоминична вздохнула и поднялась с низенькой табуретки, вытерла о фартук руки:

— Пойдем, лапшой накормлю. Сегодня утенка зарезала, да пожалела: мал еще. Но ты все равно попробуй. В охотку пойдет.

Архипов проголодался за день в лесу и съел тарелку лапши, не заметив как, сказал с улыбочкой:

— Да, ма, действительно утенок не ахти — не распробовал сразу.. Налей-ка еще.

Пока Архипов ел, вернулся с мешком травы для кроликов Николай Петрович. Виктор видел в окно, как отец бросил мешок на землю и подошел к Огоньку. Что-то начал говорить ему, и все чего-то улыбается, улыбается...

Архипов вышел на улицу. Поздоровались.

— За кроликами вот приехал, — сказал Виктор.

— Забить сначала надо — где ты там будешь возиться? — сердито отозвался Николай Петрович, будто был недоволен тем, что его заранее не предупредили.

— Живыми возьму, — сказал Архипов, — вместе с клетками, на племя.

— Так-то?! Во-во — возьми, конечно, всех заberi, а то с травой замучился: утром и вечером им по мешку давай... А там у тебя сарай, что ли, есть?

— Конечно.

— Тогда без хозяйства жить стыдно. Забирай пока кроликов, а осенью ярочку дадим. Через год-другой коровенкой обзаведешься, вот и будешь сам себе голова.

Пока грузили клетки, мать сбегала, накопала картошки, наложила сумку яблок, огурцов дала и под конец, когда уж Виктор сидел на ходке, вынесла сотенку.

— Вот, возьми — девкам своим конфеток купишь! — сказала она чуть насмешливо.

— Спасибо, ма, как немного разберемся — на новоселье приезжайте.

— Приедем, приедем — куда мы денемся!

— Ну, давай, трогай, а то косые разбегутся, — сказал Николай Петрович и сел рядом с сыном. — Немного провожу.

За деревней он толкнул сына:

— Я вот все думал последние дни... Не зря ли ты в лесхоз подался жить?! Мы с матерью одни ведь остались, а оба старые, у меня сердце стало что-то прихватывать. Матери-то я не говорю, а самому иной раз делается не по себе. Пенсионер — этим все сказано.

Виктор отмолчался, но перед спуском в ложину, сойдя с ходка, отец снова спросил:

— Может, подумаешь? Изба-то у нас большая, жили бы мы и жили вместе?!

Архипов хотел сказать «Свобода прежде всего», но не осмелился и неуверенно пожал плечами:

— Поживем — увидим...

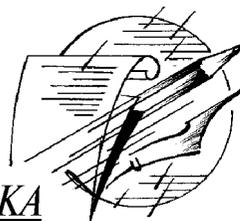
Редакция журнала «Молодая гвардия» поздравляет Владимира Пронского — нашего постоянного автора — с 60-летием! Желаем ему доброго здоровья и новых творческих успехов!

У РОКОВОЙ ЧЕРТЫ: УКРАИНА ПОСЛЕ ЦХИНВАЛА

Первое чувство, которое возникает от действий украинской власти до и во время цхинвальского кризиса, — жгучий стыд. Ведь именно поставленными Ющенко танками Т-72 давили в Цхинвале женщин и детей, именно украинскими ЗРК Бук-М1 с львовской обслугой сбивали российские самолеты, именно украинский горный спецназ «случайно» оказался в Грузии за несколько дней до начала агрессии.

Не секрет и чьи инструкторы, наравне с натовскими, обучали нацеленное на агрессию саакашвилиевское воинство. Миллионы наших граждан стыдятся, что украинским оружием пытались провести геноцид осетинского народа, что оно было обращено против российских миротворцев, отдававших жизни ради спасения мирных жителей.

Не меньший стыд вызвало и поведение Ющенко уже после известий о тысячах погибших, о полностью разрушенном Цхинвале. Вместо хотя бы молчания он не преминул выразить горячую поддержку грузинскому куму, который неминуемо в конечном итоге окажется на скамье подсудимых международного трибунала за совершенные преступления против человечества. Более того, человек, обязанный заботиться о национальных интересах Украины,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сделал все возможное для втягивания страны в военный конфликт с Россией. Как ни трудно это выговорить, но в результате иступления «оранжевых» национал-патриотов Украина подошла к роковой черте — войне с единой Россией.

Хочу принести извинения братским русскому и осетинскому народам за действия украинского президента. Пусть он пришел к власти в результате срежиссированного США путча и выражает, в лучшем случае, позицию только нескольких русофобских со времен Австро-Венгрии областей, но вина за произошедший позор ложится на всех нас. Наше соглашательство, постоянные попытки договориться с националистами делают возможной затягивание майданной агонии. Наше примиренчество к проявлениям нацизма на государственном уровне сделало ющенковскую власть угрозой не только для жителей Украины, но и для европейской безопасности.

Хроники взбесившейся марионетки.

Южная Осетия стала рубежом в изменении существующего миропорядка. Суть произошедших изменений можно сформулировать, перефразировав исторические слова государственного канцлера России князя Горчакова: Россия не сосредоточивается, а сосредоточилась. План построения глобальной американской империи с управляемыми сателлитами похоронен отныне навсегда, что встречено с плохо скрываемой радостью даже некоторыми натовскими союзниками США. Россия показала, что в безвозвратное прошлое ушла ельцинско-козыревская внешняя политика «непротивления злу насилием». Отныне и навсегда каждая попытка агрессии и применения силы к любой части русскокультурного мира будет пресекаться Россией, что делает принципиально иной существующую геополитическую ситуацию. Большинство государств это уяснило в полной мере, и вряд ли теперь какой-нибудь помощник госсекретаря сумеет отдавать указания лидерам независимых государств так просто и непринужденно, как до сокрушительного поражения американского протеза в Грузии.

Особо необходимо извлечь уроки из осетинского кризиса американцам, которые, благодаря героическому броску 58-й армии и историческому решению России о признании независимости Южной Осетии и Абхазии, вступили в самый серьезный геостратегический кризис после окончания Второй мировой войны. Главный урок в том, что причиной публичного унижения Вашингтона стали неадекватные действия его марионетки, пытавшейся в холуйском рвении быть большим роялистом, чем сам король.

Неожиданно для американцев, самыми слабыми звеньями в их цепи контроля над планетой оказались наиболее преданные

сателлиты, опасные именно прогрессирующей неадекватностью. Так, в Сталинградской битве немецкий фронт был прорван именно в месте расположения итальянских войск. Показательно, что Берлин вовсе не горел желанием отправлять итальянцев на Восточный фронт, этого упорно добивался сам Муссолини. Дуче считал, что гиперактивностью в отстаивании интересов Третьего рейха он докажет собственную незаменимость. Правда, у итальянских солдат было другое мнение о войне в далекой России, и они предпочитали поднимать руки. Грузинские солдаты тоже не хотели умирать за амбиции местного дуче, и продвижение российской армии за пределы Южной Осетии напоминало триумфальное шествие. Еще раз оправдалась старая мудрость про услужливого дурака

Теперь американцам, крайне обремененным проблемами контроля над другими, несравненно более значимыми для них регионами планеты, приходится изыскивать средства для локализации успеха России на Кавказе. Огромным напряжением сил они, конечно, не допустят полного обвала, но потери для престижа недавно еще единственной сверхдержавы все равно останутся невосполнимыми.

Безусловно, Вашингтон в ближайшее время начнет новую политику в отношениях со своими сателлитами: до предела укоротит им поводок и скорее всего — поменяет опозорившихся заправил на более вменяемых. Эпоха ультранационалистических минифюреров на постсоветском пространстве — пройденный этап для США. Излишне одиозные лидеры со временем начинают приносить хозяевам больше вреда, чем пользы. После того, как они исполняют наиболее грязную работу, от «первых учеников» избавляются. Методика десятки лет с успехом применялась в Латинской Америке с ее проамериканскими «банановыми» диктатурами. Пиночеты, Дювалье и Стресснеры после выполнения главной задачи списываются, вместо них ставят таких же послушных, но менее одиозных и более интеллектуальных марионеток, которым можно на людях и руку пожать. Со старыми протезе потом не церемонятся — многолетняя агентурная работа Норьеги на ЦРУ не спасла его от пожизненного заключения в американской же тюрьме. Скорее наоборот — латиноамериканский сценарий четко показывает, что в первую очередь избавляются от не в меру ретивых, не спасают и родственные связи в Лэнгли и Госдепе.

Белый дом со временем обязательно попытается провести смену декораций в Грузии и Украине, чтобы потом неожиданно вновь не пришлось сверхусилиями вытаскивать «своих суких сынов» из болота крови и грязи. Вряд ли в дальнейшем

американский слон допустит, чтобы собственные моськи ввязывали его в совершенно ненужную в данный момент драку. Ведь тбилисская шавка неожиданно оказалась бесконтрольной и захотела пошалить, надеясь спрятаться, если что, за мощными бивнями сюзерена. Причем, пошалить исключительно в собственных корыстных целях. Молниеносной победой Саакашвили хотел не только непрошено выслужиться перед Белым домом, но и консолидировать вокруг себя все национал-радикальные и антироссийские силы, окончательно раздавить оппозицию, сделать президентскую власть неограниченной и заставить забыть нищих грузин о коллапсе экономики. Все это, буквально по пунктам, повторяет украинская власть, имеющая идентичный уровень морали, разума и ответственности перед страной.

Методология безумия.

«Оранжевый» режим, подобно саакашвилевкому изначально построенный на лжи, ненависти и агрессии, вступил в качественно новую фазу. Вытащенная из джунглей обезьяна с гранатой, в непредсказуемом приступе животного бешенства против людей, может принести дрессировщику крупные неприятности. К сожалению, гранат на складах бывшей Советской армии осталось более чем достаточно.

Ющенко не может думать ни о чем, кроме как о приближающейся утрате власти, настолько же неотвратимой, как приход после зимы весны. Если во втором туре будут баллотироваться действующий президент и бетонный носорог из стоящего напротив Секретариата, то носорог, полагаю, выиграет с большим отрывом. Карпатские умельцы не смогут организовать необходимый уровень фальсификации выборов — в конце концов невозможно подделать более 90% избирательных бюллетеней. А ведь потеря власти для Ющенко может не закончиться отдыхом на пасеке.

Придется ответить за все — за антиконституционные действия, всеохватывающую коррупцию, системные нарушения прав человека. Даже срочная эвакуация на историческую родину близких родственников не даст абсолютных гарантий ухода от ответственности. Поэтому можно не сомневаться, что нет таких мер, на которые не пойдет нарушитель конституции, чтобы хоть ненадолго продлить свое трагикомическое правление.

«В этом безумии есть нечто методологическое...». Никогда еще слова Шекспира нельзя было с большим основанием применить к главе государства, за исключением разве что рейхсканцлера Гитлера. Ющенкоовское методологическое безумие начинает пугать даже американцев, финансировавших майдан-

ный путч и получивших бесценные дивиденды на превращении Украины в главный антироссийский плацдарм. США рискуют стать заложниками очередной «оранжевой» авантюры, последствия которой для Вашингтона превзойдут произошедшее на Кавказе.

Сейчас Ющенко идет по пути Саакашвили, хотя более точно было бы сказать, что начал этот путь именно он, а кавказский соратник лишь вырвался временно вперед. В агрессии против народа Южной Осетии, а, в сущности, против России нельзя недооценивать личную роль украинского президента. Поставляя в огромных количествах оружие, направляя военных инструкторов, он сознательно и целенаправленно готовил Грузию для удара по российским интересам.

Следует отметить, что оружие продавалось по заниженным в несколько раз ценам. «Откат» пошел непосредственно... Впрочем, это предстоит еще выяснить парламенту и прокуратуре. Символично, что потоки крови осетин и российских миротворцев должны были оплатить установление националистической диктатуры на Украине.

Недаром внутри страны последние месяцы ющенко́вская политика основывалась на доведении русофобии до точки кипения, а в Севастополе состоялось показательное задействование вооруженных сил против гражданского населения.

По мнению хуторянских Макиавелли, рассказывающих Ющенко сказки о «втором сроке», — он выигрывал при любом варианте. Если бы операция «Чистое поле» в Южной Осетии увенчалась успехом, то можно было бы списать Россию как серьезный геополитический фактор. Тогда бы ничто не мешало разобраться с недовольными этой зоологической националистической политикой без оглядки на Москву. Спринтерский забег грузинского наполеончика оказался тоже не худшим вариантом — майданный агитпроп развернул такую истерию по поводу «российской угрозы», что покойный Геббельс мог бы только позавидовать.

Вдумайтесь: Ющенко мгновенно, не колеблясь, попытался спровоцировать военное столкновение с Россией, становившееся неизбежным при попытке выполнить истерические распоряжения о «недопущении возвращения» кораблей ЧФ в Севастополь. Россия не могла бы реагировать иначе, чем защитой всеми средствами, в соответствии с уставом, своих законных прав, гарантированных межгосударственными соглашениями.

Отдавал ли себе любитель гауптштурмфюреров СС отчет в том, что прольется кровь? В данном случае неправомерны ссылки на его не слишком тесный, как обычно, контакт с реальностью. Не только понимал, но и прямо рассчитывал на силовой

сценарий. Начало конфликта или хотя бы открытие огня стало бы предлогом для немедленного сворачивания остатков демократических институтов, включая роспуск парламента, арест оппозиционных лидеров и массовые репрессии на юго-востоке и в Крыму. Правда, даже затуманенному трипольскому разуму очевидно, что все может закончиться хуже, чем для грузинского президента. Никогда и ни при каких обстоятельствах украинский солдат, призванный не с территории Западной Украины, не будет стрелять в русского. А то, что преступные приказы не подлежат исполнению, подтвердил еще Нюрнбергский трибунал. Пусть даже ВМС Украины специально комплектуются галичанами, а активность «оранжевых» замполитов просто зашкаливает, но одно дело клясться в верности идеям ООН-УПА, и совсем другое — реально воевать с таким противником, как Россия.

Ющенко рассчитывал, что пока он будет строить свое пожизненное президентство и «интернировать» нелояльных, с Россией вместо галичан будут разбираться американцы. Судя по тому, как он дал задний ход, в Вашингтоне наследнику схронной «доблести» доступно объяснили, кто в мире уполномочен решать вопросы войны и мира. У заокеанской империи теперь более чем достаточно проблем — идти на риск Третьей мировой из-за отыгранного политического аутсайдера она явно не собирается.

Но то, что один раз у Ющенко сорвалась полномасштабная провокация, отнюдь не значит, что он не будет вновь и вновь возвращаться к своим безумным планам. Не факт, что в следующий раз у США будет намерение его остановить. Нельзя исключить, что в определенный момент накануне президентских выборов там решат подыграть и пойти если не на полномасштабное столкновение с Россией, то на серьезный конфликт регионального характера. Когда крайние неоконсервативные ястребы в Вашингтоне берут верх в определении внешнеполитического курса, то вперед, прямо на минное поле, пускаются лимитрофы «санитарного кордона».

В шаге от пропасти.

Нельзя рассчитывать, что опять кто-то за нас остановит зарвавшихся националистических маньяков, считающих, подобно Гитлеру в апреле 1945 года, что без них страна недостойна существования.

Чудом Украина избежала страшной катастрофы, однако угроза не только осталась, но и постоянно увеличивается. Предотвратить ее в состоянии только мы сами. Если оппозиционные силы останутся в прежнем полуморфном разобленном состоянии, то не будет последней, пусть и слабой преграды для установления национал-тоталитарной диктатуры и втягивания

страны в международный конфликт. Пока же оппозиция только и делает, что критикует наиболее отвратительные частности ющенкоковского правления, не замечая главного.

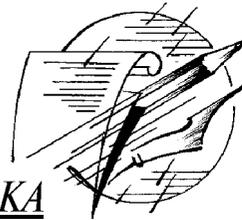
Само существование «оранжевого» режима, суть которого составляет клиническая, у некоторых его руководителей явно генетическая, ненависть к России, русской культуре, каноническому православию, желание быть в первых рядах служащих оккупантам, представляет все нарастающую опасность. Чем слабее позиции националистического режима, тем больше возрастает его агрессия и непредсказуемость. Пора уже, пока не поздно, перестать обманываться эвфемизмами и увидеть реальность. Недосказыванием и близорукостью мы готовим себе судьбу грузинской оппозиции, ставшей соучастником преступлений Саакашвили в Южной Осетии. Возмущаясь тем, как президент узурпировал власть, наша оппозиция не говорила об изначальной фашистской сущности режима. В итоге она закономерно скатилась до одобрения «ради национального единства», а фактически для устройства личных дел, уничтожения осетин системами залпового огня. К сожалению, у нас тоже достаточно подобных мастеров сидения на двух стульях. Они всегда готовы за должности и преференции заниматься исполнением ющенковской воли — хоть украинизацией Крыма, хоть «зачисткой» информационного пространства от российских и русскоязычных СМИ, хоть вступлением в НАТО. Можно не сомневаться, что в обмен на новые пряники радостно оправдают и разрыв отношений с Россией.

В апокалипсис Украину втянут мгновенно, поставив всех перед свершившимся фактом, как перед фактом была поставлена Украина поставками оружия Грузии и ультиматумом Черноморскому Флоту. Крайне слабое утешение, что «Ющенко не осмелится». Так думали и про Саакашвили перед нападением на Цхинвал. Осмелится. Ради сохранения у власти своего клана он осмелится на все. И бессмысленно пассивно ждать смены одной марионетки на другую, оправдывая таким образом собственное бездействие. Новая украинская власть должна руководствоваться интересами страны, а не директивами посольства США. В этом и только в этом заключается задача оппозиции.

После Цхинвала, после того, как мы были в шаге от войны с Россией, надо понять, что борьба с ющенковской кликой — это борьба за Украину, за жизни наших соотечественников.

АМЕРИКАНСКИЕ УРОКИ

«America! America! God shed His grace on thee» — «Америка, Америка, Бог излил на тебя Свою благодать». Эти слова знаменитого гимна «America the beautiful» («Америка прекрасная») написала Катрин Ли Бэйтс в 1893 году. Каждый год 4 июля в День независимости американцы со слезами на глазах поют этот гимн, прижав правую ладонь к груди. Что вспоминается им в этот день? Ведь американцы — большие патриоты, очень любят свою страну и гордятся ее прошлым. Быть может, вспоминают, как их предки бежали из Европы от религиозных притеснений в поисках лучшей доли? Или как они отвоевывали себе земли у индейцев? Или как защищали право на независимую жизнь в Новом Свете от посягательств английского короля? Или истребляли друг друга в братоубийственной войне между Югом и Севером? Быть может, вспоминаются словесные баталии вокруг создания отцами-основателями американской конституции — любимого детища американской демократии, утвердившей в молодой стране свободу вероисповедания и гражданские права. Каковы бы ни были воспоминания американцев о прошлом, им есть за что благодарить Бога! Ведь кусок земли, да еще такой, не дается никому просто так. Страдания и молитвы гонимых

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

переселенцев были вознаграждены сполна. Тяготы и лишения прошлого оказались не напрасны. Они находят свое отражение в настоящем, и это можно увидеть в той внешне хорошо обустроенной и отлаженной жизни страны, которая называется вот уже около 250 лет Соединенными Штатами Америки.

Как известно, в России испокон веков водилось множество поклонников всего иностранного — идей, мод, изделий. Даже находясь за «железным занавесом», Россия не была полностью изолирована от внешнего мира. Начиная с петровских времен, в ее культуре всегда можно было найти черты иноземных влияний. Но то, что видишь в России сегодня, приехав после долгого отсутствия, приводит в изумление. Шагая по улицам больших городов, поражаешься невиданному даже на Западе обилию гигантских рекламных щитов, назойливо преподносящих зрителю нехитрую философию потребления. Видишь скучающих продавцов в немыслимо (даже по западным стандартам) дорогих бутиках и еще десяток лет назад невиданное у нас изобилие продуктов в супермаркетах (но отмечаешь про себя, что далеко не всем эти продукты по карману). Повсюду — новые, часто архитектурно безвкусные здания, возведенные на месте исторически бесценных старых кварталов; в книжных магазинах огромный ассортимент книг и журналов западного образца, а на телеэкранах — фильмы в стиле американских «action» и бесчисленное количество «переводных» мыльных опер, прерывающихся рекламой российского производства подчас сомнительного содержания. И на всем и во всем отчетливо видишь печать, которую не иначе, как «скопировано с Америки», не назовешь. Главное, что присутствует и остается неизменным во всех этих новшествах, — это чрезмерно навязчивая забота о том, чтобы все обязательно было как на Западе. Прямо-таки читается: «Знай наших, мы тоже не лыком шиты», хотя такое дерзновение может быть вполне объяснимо. И становится как-то неуютно от всего этого, и хочется сказать: ну не идет это России.

Когда в России говорят о современной Америке, заметно, что немногие знают: по сути, существует две Америки: одна — стоящая на современных светских позициях потребительства и вседозволенности, другая — все еще приверженная религиозным традициям прошлого. Процесс такой поляризации общества обострился около 50 лет назад, он четко прослеживается и сейчас. Он, говоря языком Евангелия, может быть охарактеризован как разделение стада на козлищ и агнцев.

Трансформация современной культуры вызывает тревогу у многих пронизательных и откровенных критиков. Вот что пишет известный американский консерватор Ирвинг Кристол в

статье «Порнография, непристойность и аргументы в пользу цензуры»: «Сегодняшний рынок культуры в Соединенных Штатах наводнен грязными книжонками, грязными фильмами, грязным театром. У порнографического романа гораздо больше шансов быть напечатанным, чем у непорнографического, и целый ряд хороших романов ждет своей очереди просто потому, что они не порнографические, а посему не будут пользоваться спросом. Состояние нашей культуры не улучшилось от того, что у нас больше свободы. Не столь уж многим могла похвастаться американская культура 20—30 лет назад; сегодня же просто испытываешь стыд за наших людей, за страну в целом». А социолог Чарльз Мюррей в своей статье «Равнение на пролетариат» («Prole Models») говорит о неудержимой вульгаризации культуры и пользуется термином «пролетаризация», впервые пущенным в оборот крупнейшим английским историком Арнольдом Тойнби. Тойнби в первой половине XX века писал о тенденции культурных элит в Европе перенимать и усваивать элементы массовой, пролетарской культуры, тенденции, приводящей к деградации всей культуры в целом. Мюррей — и не он один — считает, что именно это сейчас и происходит в Америке с особой интенсивностью. В числе внешних признаков такой деградации он называет узаконенное сквернословие в американских СМИ и продукции Голливуда; современную моду, заставляющую множество женщин одеваться так, как еще совсем недавно одевались профессиональные проститутки; половую распущенность; распространенность татуировок и всевозможных серег и колец на всех частях тела; ужасающие манеры поведения, выходящие за грань пристойных, — все то, что когда было «культурным» признаком социальных низов общества.

Что же произошло с пуританской Америкой, на банкнотах которой стоит девиз «In God we trust» («Мы веруем в Бога») и которая, при всем ее нынешнем материальном и научно-техническом могуществе, ничего не может поделать с высоким уровнем преступности и насилия среди молодежи, с наркоманией, с безотцовщиной? В Священном Писании говорится: «Что посеет человек, то и пожнет». Что же было посеяно в Америке, чтобы выросли подобные «плоды»? По мнению многих американцев, беды стали настигать их тогда, когда в государственных школах отменили общую молитву. В начале 1960-х годов в Верховный суд США был подан иск одной семьи (штат Нью-Йорк), не исповедовавшей христианство, но чьи дети посещали государственную школу. Родители просили власти об отмене молитв, в которых постоянно упоминалось имя Иисуса Христа, в Которого эта семья не верила. В стенах школы участие в молит-

ве было всегда делом добровольным, никто не заставлял детей этой конкретной семьи молиться. Однако родители усмотрели в молитве факт дискриминации. Вопреки здравому смыслу, в ущерб интересам большинства американских семей Верховный суд принял решение о «неконституционности» молитвы в данной конкретной школе.

Другими словами, суд запретил всей школе произносить имя Господне, удовлетворив претензии одной неверующей семьи. Созданный судебный прецедент стал поворотным пунктом в американской истории. Подобные ситуации с этническими и религиозными меньшинствами стали возникать и в других школах, и разрешались они по образцу штата Нью-Йорк. Постепенно молитва и всякое публичное упоминание Бога стали исчезать из школ. А еще через несколько лет было принято решение о снятии текста десяти заповедей со стен школ, которыми они обычно увенчивались. Все эти факты ничем, кроме как явной дехристианизацией общества, не назовешь. Народная поговорка гласит: «Свято место пусто не бывает». На смену духовно-нравственному воспитанию в школу пришли гуманистические учения о благах неограниченной свободы, неограниченных прав, об относительности всех моральных критериев.

Одним из выразителей этих взглядов стал в 1940-х годах небыизвестный доктор Бенджамин Спок, утверждавший, что ребенка можно воспитывать исключительно методом убеждения и что его свобода должна уважаться и развиваться с младенчества путем полного отказа от каких-либо наказаний, то есть дисциплины. Ребенок может и должен сам решать, что ему нужно. Библейской мудрости «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына», которой следовала христианская Америка, был брошен вызов. Так возникла либеральная трактовка родительской любви, которая спустя 40 лет вылилась в право детей заявлять в полицию на своих родителей, пытающихся применять к ним в случае непослушания дисциплинарные меры. А в 1989 году в ООН была принята Конвенция о правах детей, подписанная 170 странами, и дети при поддержке ловких адвокатов стали таки подавать в суд на своих родителей. На смену пятой Божьей заповеди «Почитай отца твоего и мать» пришла безбожная — «ни отца, ни мать не почитай». При ослабленном авторитете родителей, с легкой руки Спока, школа воспитала целое поколение детей — тех, кто родился сразу после Второй мировой войны, так называемых бумеров (baby boomers). Затем это поколение, достигнув зрелого возраста, в ходе «сексуальной революции» побило все рекорды по числу разводов и внебрачных связей. Теперь их собственные дети пожидают плоды, стано-

вась либо участниками всевозможных беззаконий, либо жертвами этих же самых беззаконий. К месту будет сказать, что незадолго до своей смерти в 1998 году Бенджамин Спок пересмотрел свои педагогические взгляды. В своей последней книге «Нашим детям — лучший мир» («A better world for our children»), вышедшей в 1994 году, он фактически признал право родителей на религиозно-нравственное воспитание своих детей, в основе которого лежит послушание и подчинение родителям.

Либеральные идеи Спока нашли свое яркое выражение также и в продукции Голливуда. Стало очень популярным изображать родителей, ратующих за мораль, эдакими бесчувственными монстрами, которые забыли времена своей молодости и то, как они сами влюблялись. Влюбляться-то они, конечно, влюблялись, но волю чувствам и рукам не давали, и это как раз то, против чего негласно направил свою критику Голливуд. Сдержанность чувств выдавалась за неумение выразить себя, а фривольная развеселость — за образец поведения. Христианские добродетели скромности, сдержанности и преданности стали постепенно вытесняться и даже высмеиваться с экрана как старомодные. Подобное отношение к традиционной морали, к браку, к семье в голливудских фильмах стало исподволь подрывать в американцах чувство верности долгу в супружестве, возвращало эгоизм и желание к сиюминутному удовлетворению плоти, которое становилось все доступнее вне брака. В сегодняшних телесериалах на темы семейной жизни родителей, особенно отцов, изображают чуть ли не клоунами, объектом для шуток прежде всего со стороны их же детей. Зато дети выглядят образцами практичности, здравого смысла и смекалки.

Тут стоит напомнить об известном факте, что никакое искусство, литература или кино не могут быть простым развлечением. В России это знали всегда, но в последнее время многие уверовали или хотели бы уверовать в пришедшую с Запада ложь по поводу безвредности, нейтральности любого чтива или зрелища. Массовая культура — отнюдь не только ответ на спрос населения, это еще и средство воспитания.

Надо обладать поистине безграничным цинизмом, чтобы утверждать чистую «развлекательность» рок-музыки. «Рок» в переводе с английского означает еще и «камень». Так вот, этот камень в виде музыки сильно ударил по голове не одно поколение американцев. Эта музыка, родившаяся в середине 1950-х годов, как и личная жизнь ее «звезд», оказала колоссальное влияние на умы не одного поколения наших современников на всех континентах. Вспоминаются не только прически или одежда, которыми щеголяли король американского рок-н-ролла Элвис

Пресли или английская группа «Биттлз». Хорошо помнится их пристрастие к наркотикам, к «свободным» сексуальным отношениям, их отрицание христианства и приверженность всевозможным неоязыческим поветриям. Все это они открыто проповедовали не только в своем творчестве, но и подтвердила своей жизнью. Не случает тот факт, что Пресли умер от передозировки наркотиков, а один из «битлов» был застрелен его же собственным «фанатом».

Вот что с гордостью говорили «Биттлз» в одном из своих публичных интервью: «Наша музыка имеет власть над эмоциями публики, она может вызывать эмоциональный взрыв, неадекватное поведение, бунтарство и даже вызвать революцию». «Битлы» были не так уж далеки от истины: их музыка действительно произвела чувственную революцию в душах многих молодых людей по всему миру.

Пластинки с песнями Пресли и «Биттлз» вошли практически в каждый дом. Их песни открыто призывали к неподчинению властям и бунтарству. Стали меняться одежда, поведение, язык. Возникли сотни рок-групп, среди них такие, как «Kiss» («Knights in satan's service» — «Рыцари на службе сатаны»), «Nirvana», «Rolling Stones» («Катящиеся камни») и прочие властители дум, деятельность которых несла явную печать сатанинского культа. Так возникла современная западная масс-культура, которая ничего общего не имела с культурой и христианскими традициями американского народа. Другим «достижением» западного мира стало изобретение в 1970-х годах противозачаточной пилюли (pill), с приходом которой и началась эра сексуальной революции. Характерно, что именно этот период в Америке ознаменовался фактическим отказом от цензуры в кино, журналах и телевидении. С появлением противозачаточных средств становится популярной идея сознательного планирования семьи, яркой сторонницей которого была в начале 1930-х годов печально известная Маргарет Зангер. Она открыто пропагандировала стерилизацию и аборты, фактически одобряя геноцид против умственно и физически неполноценных людей еще до прихода к власти Гитлера. Зангер, будучи адептом свободных сексуальных отношений, усиленно «пеклась» о праве женщин на аборты. Она также открыто говорила о разводе как единственном пути разрешения семейных конфликтов. Сама Зангер окончила жизнь одиноким и глубоко несчастным человеком.

Эти новые веяния сильно пошатнули многовековые традиции семьи и брака, в том числе и основанные на библейской мудрости «Дети — награда от Бога». Примечательно, что все новаторы в сфере моральных преобразований, представляющие собой, как правило, радикальное меньшинство, имеют дерз-

новение говорить о своих пристрастиях от лица всего общества, в то время как преобладающее молчаливое большинство предпочитает занимать позицию невмешательства. За свое молчание добропорядочной Америке пришлось дорого заплатить.

Сексуальная революция принесла с собой катастрофический рост внебрачных беременностей как среди белого, так и черного населения. Согласно статистике института Гэллапа, в 1995 году по всей Америке 32% всех детей родились вне брака. Особенно тяжелый удар был нанесен по негритянским семьям. Среди черных матерей-подростков 13—16 лет число внебрачных детей в 2005 году достигло 95% от общего количества рожденных матерями этого возраста, в то время как в 1957 году их число составляло всего 5%. Семья, все еще продолжающая жить согласно традициям, предстала перед моральным выбором — позором и усыновлением собственных внуков или разрешением конфликта путем аборта. Многие выбрали последнее. В 1973 году Верховный суд США принял решение о легализации абортов, хотя первоначально с серьезной оговоркой — «в случае крайней необходимости», например в случае изнасилования. Это решение еще больше усугубило раскол среди американцев. Борьба за ограничение абортов продолжается в Америке по сей день.

Сейчас в России много приходится слышать о преобразованиях, происходящих в системе школьного образования, о желании «прогрессивных» учителей привнести в школу что-то новое с Запада. Внедряются новые программы, предметы, учебники, чтобы идти, так сказать, в ногу со временем. Еще одно нововведение: предмет под названием «Основы здорового образа жизни», где видное место занимает «валеология» — продукт модного увлечения философией «New age» («Новый век»). Идет борьба за внедрение в систему нашего школьного обучения предмета, цель которого — привить ребенку не только языческое восприятие мира, но также «правильное» понимание секса. Забавно, что в Америке, тоже находящейся под сильным влиянием движения «Новый век», никому не пришло в голову включать аспекты этого учения в школьную программу в качестве обязательного предмета. Нет в Америке и закона, обязывающего учителей и родителей насильно подвергать детей в школах «половому воспитанию», хотя постоянно идет борьба за его внедрение.

Известно, что во все времена, даже у самых «примитивных» племен и народов, интимная близость мужчины и женщины вершилась в полном уединении, вдали от посторонних глаз. «Третий» был всегда лишним. Сторонники полового воспитания в России полагают, что их программы, построенные именно по принципу стороннего наблюдателя, «третьего не-лишнего», помогут детям в будущем стать лучшими супругами и сде-

лают их более счастливыми. Если бы это было так, то на Западе, где уже несколько десятков лет усиленно проповедуются и практикуются свободные сексуальные отношения, все должны были бы жить чрезвычайно счастливо. Но статистические данные показывают, что до сексуальной революции в Америке никогда не было такого количества разрушенных разводом семей, внебрачных детей, половых извращений и венерических заболеваний. Среди сожительствующих вне брака гораздо чаще наблюдаются случаи «бытовщины» — избиений и насилий. Похоже, что «высшее сексуальное образование» мало кого делает счастливым.

Исходя из американского опыта полового воспитания возникает вопрос: а нужно ли ребенку знать то, до чего он еще не дорос годами? А если и дорос, то не входит ли это в сферу компетенции родителей? Не семья ли отвечает за то, что происходит в семье? Наблюдая за тем, как рьяно в России навязываются программы по половому обучению, можно предположить, что российским секс-экспертам удалось убедить большинство родителей в том, что они в этом вопросе «мало чего понимают», а потому им следует поучиться у собственных детей. И дети, просвещенные вот такими программами, собственным примером будут учить мамаш и папаш, как стать «продвинутыми» в вопросах секса. Очевидно, что Божья заповедь о почитании родителей этим горе-учителям незнакома.

Как же Америка справлялась с резким ростом числа беременностей среди девушек-подростков? В середине 1970-х годов школьные власти, озабоченные проблемой ранних беременностей, начали вводить различные программы, которые сводились лишь к медицинским превентивным мерам. И лишь в конце 1980-х годов, при стремительном распространении эпидемии СПИДа, в школах наконец заговорили о пользе полового воздержания. Возникло несколько программ типа «Just say NO» («Просто скажи «нет»»), оказавшихся весьма эффективными. Они снизили хотя бы на какое-то время уровни беременности и внебрачной рождаемости среди школьниц. Хотя эти программы оказали положительное влияние на подростков, они не касались общих нравственных основ брачной жизни. Параллельно с государственными программами в Америке давно существуют христианские программы воспитания, ориентированные на всю семью. Факт, что поведение ребенка самым непосредственным образом связано с моральным состоянием семьи в целом, с каждым годом становится для всего американского общества все очевиднее. Почему-то наши реформаторы о таких программах ничего не знают. Или просто не хотят знать?

КОНЕЦ «НОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

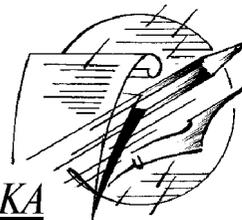
Кто-то где-то просчитался, и самой дорогостоящей оргии в истории пришел конец.

Ф. Скотт Фицджеральд

История капитализма показывает, что экономический подъем всегда возникает после глобальных политических катаклизмов, когда пред теми странами и силами, которые остались в выигрыше, открываются новые возможности. Очевидно, что результатом нынешнего кризиса станет глобальный передел мира, жертвой которого станут США, на обломках которых и начнется новый рост

ДЕНЬГИ В ТОПКУ

Добравшись до России, мировой финансовый кризис обернулся у нас кризисом ликвидности. Проще говоря, выяснилось, что у банков нет денег, чтобы обслуживать свои текущие обязательства перед другими участниками финансовой системы. При этом на самом деле со средствами у большинства российских банков всё в порядке, просто все они либо во что-нибудь вложены, притом в большинстве своем в стремительно обесценивающиеся американские бумаги, как корпоративные, так и государственные, либо

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

розданы населению под потребительские кредиты. Об угрозе кризиса ликвидности заговорили еще в начале года, и тогда же министр финансов Алексей Кудрин заявил, что, если правительству придется выбирать — бороться за повышение ликвидности или за низкую инфляцию, оно пожертвует инфляцией, но банки в беде не оставит. В итоге выбирать не пришлось: разразившийся в конце лета мировой финансовый кризис заставил российские финансовые власти забыть об инфляции вообще и сосредоточить свои силы на борьбе с кризисом ликвидности.

Взялись они за это сразу и очень активно. В течение сентября на рынок несколькими траншами было буквально выброшено около 300 миллиардов рублей. Эти меры дали краткосрочный эффект, благодаря чему в России пока не случилось крупных банкротств, а между банками ходят какие-то деньги и некоторые из них даже продолжают выдавать небольшие кредиты населению и промышленности. Эти относительные успехи имеют и обратную сторону: золото-валютные запасы России за последний месяц сократились на 25 миллиардов долларов. Тем не менее, этого всего было недостаточно для того, чтобы переломить кризисные тенденции, усугубляющиеся катастрофическим падением российского фондового рынка

И вот 7 октября в Кремле на совещании во главе с президентом Дмитрием Медведевым было принято радикальное решение о выделении ряду банков кредита на сумму 950 млрд. руб. на срок не менее чем на пять лет. Падающие индексы РТС и ММВБ резко поднялись в цене, как и акции российских банков и компаний по всему миру.

Было решено, что Центробанк выделит Сбербанку — до 500 миллиардов рублей, а остальным выделят через ВЭБ 450 млрд. руб., из которых ВТБ получит 200 млрд., а Россельхозбанк — 25 млрд.

Эти решения вызывают немало вопросов. Прежде всего, многих наблюдателей беспокоит тот факт, что финансовые власти России на данный момент используют как раз американский подход к выходу из кризиса, представляющий собой выдачу крупнейшим банкам кредитов на более или менее заранее оговоренных и льготных условиях. Это позволяет им решить свои проблемы с ликвидностью или вообще (как это и происходит сейчас в США) избежать полного банкротства. Собственно, похожие на предпринятые сегодня в России меры по выходу из кризиса предполагают и пресловутый «план Полсона», разница, по большому счету, лишь в масштабах выделяемых сумм. При этом ни в России, ни за океаном и речи не идет о возможной полной или хотя бы

частичной национализации нуждающихся в государственной помощи банков. Здесь важно отметить, что и американский «план Полсона» предусматривает выкуп на государственные деньги именно акций и долговых обязательств проблемных финансовых институтов, многие из которых сейчас стоят дешевле той бумаги, на которой они напечатаны, а не собственно национализацию самих банков и инвестиционных компаний.

Расчет и американских и наших финансистов строится на том, что после окончания кризиса, которое должно наступить как раз в результате масштабных вливаний на финансовый рынок государственных средств, эти акции поднимутся в цене, и государство сможет вернуть свои деньги. В свою очередь, и российские финансовые власти рассчитывают на возврат выделенных сегодня кредитов в «лучшие времена», которые, правда, могут и не наступить.

Другой подход выбрали в странах Евросоюза. Там сегодня фактически национализируют пострадавшие от кризиса банки и финансовые компании, не стесняясь обвинений в социализме. И такой «незашоренный» неолиберальными догмами подход позволяет пока достигать лучших результатов. Достаточно взглянуть на крах завязанных на США азиатских рынков, на стремительное падение индекса Доу-Джонса и на значительно менее резкие колебания котировок в Европе. Плюс к этому у европейцев появилась возможность скупать акции американских компаний, чем они активно пользуются. Американские власти в этой ситуации можно понять: у них просто нет достаточного количества денег и властных ресурсов, чтобы покупать собственную экономику, поэтому им только и остается что вбрасывать всё новые деньги в пожар глобального кризиса, надеясь, что это позволит сохранить хоть что-то. Во многом сейчас уже идет речь не только о спасении американской экономики, но под вопрос поставлено существование США как серьезного мирового игрока.

Гораздо больше вопросов вызывает политика российских финансовых властей, располагающих значительными возможностями влиять на ситуацию, но опасющихся пока даже упомянуть слово «национализация». Правда, надо учитывать, что в России сейчас большинство крупных банков и так, во всяком случае формально, являются полугосударственными организациями.

Главная опасность в том, что нам может быть навязано представление о том, что у нас такой же кризис, как и в США, разница только в масштабах. Но разница в том, что в США кризис

свой и давно назревавший. Россия же страдает от проблем, не связанных с состоянием ее собственной экономики, а, наоборот, возникших от того, что ее финансовая система оказалась слишком тесно завязанной на американском рынке спекуляций и теперь этот рынок тонет сам и тянет за собой наши банки, которые расплачиваются в том числе и за нежелание финансировать реальную экономику. Не забудем, что и само государство не избежало искушения поучаствовать в заокеанской финансовой пирамиде, вкладывая деньги золото-валютного резерва и «стабилизационного фонда» в казавшиеся еще недавно такими надежными акции американских инвестиционных компаний и пенсионных фондов. Теперь эти деньги обслуживают увеличивающийся с каждым днем внешний долг США. Парадокс состоял в том, что, активно привлекая в нашу экономику иностранные инвестиции, ни российские власти, ни российский бизнес сами не спешили туда активно вкладываться, предпочитая легкие и быстрые успехи в США долговременным инвестициям на Родине.

В результате после того, как иностранный капитал был вынужден под влиянием глобального кризиса выводить свои деньги отовсюду, откуда это еще возможно, в том числе и из России, а деньги наших банков, наоборот, «застряли» или «сгорели» на Западе, относительно успешно развивавшийся в последние годы реальный сектор российской экономики уже начал ощущать последствия финансового кризиса, фактически навязанного России. Так, например, группа «ГАЗ» с 6 по 10 октября 2008 г. приостановила работу ряда подразделений Горьковского и других заводов холдинга. Банки притормозили кредитование, свернули ряд розничных программ, начали экономить: от рекламы до зарплаты.

Конечно, сейчас в разгар кризиса ликвидности государству не остается ничего другого, кроме как насытить рынок деньгами, пусть даже и таким несколько неуклюжим способом, как фактически неограниченное кредитование его ведущих участников. Однако как только (в чем практически нет сомнений) Россия преодолет острую фазу этого кризиса, необходимо будет задуматься над кардинальной перестройкой всей финансовой системы страны, чтобы она была способна направлять появляющиеся в ней деньги на развитие своей собственной страны, а не выбрасывать их на иностранные рынки в надежде на легкий успех в чужих играх. В конце концов большинство граждан России еще в 90-е поняли, что настоящую прибыль от финансовых пирамид получают только их организаторы. Видимо, пришло время понять это и нашим банкирам.

Однако в том, что произошло, не только вина наших банкиров, но и их беда. В условиях построенной за последние тридцать лет глобальной неолиберальной экономики, когда участие государства в управлении своей собственной финансовой системой минимизировано, практически неконтролируемые капиталы всегда будут стремиться туда, где они смогут легче и быстрее увеличиться. Таким местом в последние десятилетия стали США. Экономическая революция, произведенная в начале 90-х администрацией Рейгана, превратила эту страну во всемирный пылесос капиталов, втягивающий в себя деньги со всего мира. Другим мировым центром глобальных финансовых спекуляций стал лондонский Сити после того, как в начале 80-х правительство Маргарет Тэтчер открыло прямой доступ иностранным банкам на финансовый рынок Великобритании.

Собственно говоря, Рейган и его советники не сделали ничего особенного, они просто искали способ привлечь средства, чтобы преодолеть экономический спад, который в течение почти всех 70-х годов переживал западный мир, когда промышленность не выдерживала конкуренции с поднимавшими голову «азиатскими тиграми» и другими странами Третьего мира, обладавшими значительно более дешевой рабочей силой. Администрация Рейгана резко подняла ставки по кредитам и одновременно значительно понизила налоги на сверхприбыли; кроме того, были значительно либерализованы правила ввода и вывода иностранного капитала из страны. Государство, в свою очередь, обязалось минимально ограничивать свободу действия участников рынка. К тому же США были тогда крупнейшим мировым рынком, возможности которого потребить всё и вся казались практически безграничными. Это привело к тому, что все стали стремиться «дать Америке в долг», поскольку это было крайне выгодно и обеспечивало серьезный доход, без больших усилий и риска. При этом однажды пришедшие в США капиталы чаще всего оставались там навсегда, поскольку полученная на американском рынке прибыль снова вкладывалась в акции и другие ценные бумаги на биржах Нью-Йорка и Чикаго.

Эта система, получившая тогда название «рейганомики», а позже в 90-е переименованная в «новую постиндустриальную экономику», просуществовала с небольшими изменениями до нынешнего кризиса и привела к ряду глобальных экономических и политических последствий.

Прежде всего она привела к тому, что США стали крупнейшим мировым должником, поскольку весь мир стремился одол-

жить им свои деньги. Взамен инвесторы получали акции американских компаний и государственные ценные бумаги, обеспеченные их же деньгами. При этом среди этих акций все возрастал процент ценных бумаг финансовых компаний, управлявших все теми же заемными средствами, поскольку «новая экономика» резко ускорила процесс вывода реальных производств в развивающиеся страны и привела к практически полному уничтожению американской промышленности.

Другим последствием стало резкое усиление роли доллара в мировой экономике, одновременно с его фактической виртуализацией, так как платежеспособность американской валюты обеспечивалась теми же самыми ценными бумагами. Фактически доллар стал одной из них. Доллары были нужны всем, поскольку только на них можно было купить американские ценные бумаги, в долг США брали только в собственной валюте.

Кроме того, до небывалых размеров выросла и роль в мире самих США. Страна, в которую были вложены почти все деньги мира, была нужна всем, при этом транснациональный капитал, вкладывавшийся в Америку, нуждался в том, чтобы она была не просто сильной, а самой сильной, чтобы именно она определяла правила игры в мире.

Одновременно изменился характер эксплуатации, которая лежит в основе любого экономического развития, она из производственной перешла в потребительскую. Свободный капитал, вкладывавшийся в американский фондовый рынок, мог формироваться только в результате постоянного роста потребления, который было необходимо все время стимулировать. Индекс потребительской активности стал одним из главных экономических показателей. Главным потребителем, естественно, оказались сами США.

Кроме того, «новая экономика» требовала наличия дешевых ресурсов, и здесь она уже напрямую перетекала в политику, так как для того, чтобы появились дешевые ресурсы, нужно, чтобы те, у кого они есть, были согласны продавать их по сходной цене. Такими ресурсами являются не только сырье и энергоносители, которые всю вторую половину 80-х и 90-е годы стоили, несмотря на отдельные колебания, довольно дешево, но и рабочая сила, включая сюда и высококвалифицированные кадры.

Однако успехи «рейганомии» не были бы столь масштабными, если бы не радикальные изменения, произошедшие в мире на рубеже 80-х и 90-х годов. История капитализма вообще показывает, что бурный экономический подъем всегда возникает после глобальных политических катаклизмов, когда предтеми странами и силами, которые вышли из них с наименьши-

ми потерями, а нередко даже и остались в выигрыше, открываются совершенно новые возможности. Правда, столь же неизбежно этот подъем всегда заканчивается масштабным кризисом, создающим предпосылки для нового передела мира. Так было в 20-е годы, когда экономический бум в США, вошедший в историю под названием «век джаза», был обеспечен фактическим разграблением проигравшей Первую мировую Германии. Когда из побежденных было выжато всё, что можно, и даже больше и приток дешевых ресурсов резко сократился, «век джаза» закончился Великой депрессией, охватившей не только Америку, как это принято считать, но и все крупнейшие европейские державы.

Не меньший экономический подъем испытывали США и после Второй мировой войны, но и он сменился затяжной рецессией американской экономики, начавшейся в 1973 году после инициированного ОПЕК нефтяного кризиса и продолжавшейся до начала 80-х годов.

Точно так же заканчивающийся сейчас почти тридцатилетний период беспрецедентного экономического роста не был бы возможен без краха СССР и всего социалистического блока. К этому стоит добавить, что и страны Третьего мира в результате этого краха остались один на один с Западом. В результате конца холодной войны западные транснациональные компании получили доступ на новые огромные рынки и, что не менее важно, доступ к новым источникам дешевых ресурсов. Страны бывшего Восточного блока фактически оплатили двадцатилетний непрерывный рост мировой экономики. На этом фоне немецкие репарации после Первой мировой войны смотрятся уже довольно скромно.

КОНЕЦ «ВЕКА ДЖАЗА»

По большому счету, эффект от победы Запада в холодной войне начал заканчиваться уже к началу нынешнего десятилетия. Именно тогда начался новый рост цен на энергоносители и пошел процесс удорожания ресурсов вообще. На этой волне в мире стали появляться новые центры силы, в том числе Россия и Бразилия. Масштабный вывод производств за пределы стран Запада превратил в мощные индустриальные державы Индию и, в особенности, Китай, который стал мировой сборочной фабрикой. Эти страны эксперты уже обозначают аббревиатурой БРИК и видят в них новых потенциальных мировых лидеров. Сюда же можно добавить и нефтяной Иран. Все эти страны, помимо всего, стали оттягивать на себя с американских

рынков значительную долю капиталов, при этом, правда, продолжая финансировать по разным причинам США, размещая там образовавшиеся у них от полученных сверхдоходов свободные средства. Так, для того же Китая платежеспособность США необходима для сохранения крупнейшего рынка сбыта своих товаров. Тогда же, с введением в 1999 году евро, впервые после Второй мировой, заявил о себе как о крупном самостоятельном экономическом игроке и Евросоюз.

Все эти процессы привели к уменьшению притока заемных капиталов на американские рынки, что и привело их к нынешнему краху. Однако крах финансовых рынков для США — это еще полбеды, поскольку реальный кризис в американской экономике длится уже не один год. Так, например, средний уровень зарплат на рынке труда снижается уже с 2005 года, а нынешнему ипотечному кризису предшествовало многолетнее медленное падение цен на жилье, что говорило о том, что, несмотря на продолжающийся потребительский бум и все увеличивающееся количество выдаваемых на самых льготных условиях кредитов, реальная платежеспособность американцев падает.

В этих условиях, США было необходимо ограничить многие расходы и сосредоточиться на решении своих экономических задач, прежде всего, уменьшить катастрофический (порядка 11 триллионов долларов) внешний долг. Что, кстати, и обещал сделать в своих предвыборных заклиниях в 2000 году Джордж Буш. Однако именно своеобразное устройство современной американской экономики делало невозможным для США прекращение мировой экспансии, мировое лидерство, ведь это — главный инвестиционный ресурс Соединенных Штатов. Для привлечения все новых капиталов им постоянно необходимо доказывать, что они сильнее всех, что требует все новых и новых затрат.

Как только на фоне появления в мире новых центров силы, прежде всего стран БРИК, мировое лидерство США оказалось под вопросом, приток капиталов на американские рынки уменьшился и наступил крах. Симптоматично в этой сложнейшей ситуации и поведение американской политической элиты, своей безответственностью напоминающей нашу элиту 80—90-х годов. Маневры в конгрессе вокруг плана спасения экономики, названного в прессе «планом Полсона» по имени министра финансов США, показали полную неспособность американских политиков думать о чем-либо, кроме своих собственных интересов. Ведь тот, кто заранее знал, что план будет сначала, вопреки всеобщей уверенности в его успешном прохождении

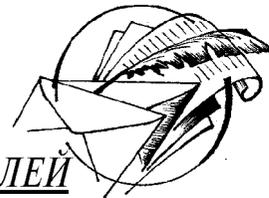
через конгресс, отвергнут, а затем, спустя несколько дней, все-таки принят, смог заработать на колебании курсов акций миллиарды долларов. Трудно предположить, что таких людей не было, в том числе и среди самих конгрессменов и их друзей из мира бизнеса.

Впрочем, так бывает всегда, когда рушится финансовая пирамида: кто-то знает больше остальных и успевает вовремя вывести из нее свои деньги, да еще и выиграть на ее крушении, и так же бывает всегда, когда рушится империя — ее элиты в это время оказываются неспособны думать ни о чем, кроме своих собственных интересов.

Так или иначе, очевидно, что результатом нынешнего кризиса, который, судя по всему, не достиг еще своей самой высшей точки, станет глобальный передел мира, жертвой которого станут, скорее всего, сами США, на обломках которых и начнется новый экономический рост.

БЕЗУМИЕ РАСПОЛЗАЕТСЯ

«Россия — лидер по порно; основной поток порно-сайтов по всему миру идет из России» — вот мы и впереди планеты всей. Бесплатные газеты, которые беру в Законодательном собрании, несколько православных изданий — даже этой ограниченной информации достаточно, чтобы понять, к какому «прогрессу» привели нас в последние десятилетия. Уже сами заголовки вопиют о том небывалом, запредельном, что творится у нас с детьми: «Самая страшная тема ежедневных новостей — исчезновение детей»; «Прокурор требует казни детоубийцы»; «Почему они уверовали в безнаказанность?»; «Насильники, извращенцы, детоубийцы объявили войну России». Из газет узнаю, что «вся страна с ужасом следит, как развиваются события вокруг сразу нескольких «детских» трагедий в Забайкалье, Красноярске, Челябинской области». Удобно устроившись у телевизора, страна наша с таким же ужасом и интересом следит, как развиваются события в очередном сериале, боевике. Людей «подсадили» на ужасы, они к ним привыкли. И вот на эти страшные сообщения никто (ни власть, ни общество) адекватно не реагирует: «В России за год совершено 161 тысяча преступлений, только за 2007 год от рук преступников погибло две с половиной тысячи детей; за последние шесть лет количество преступле-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ний увеличилось в 26 раз». Небывалые преступления и небывалое равнодушие. Педагог Олег Верещагин из Тамбова, освещая эту болевую тему, называет состояние нашего общества — безумием. В газете «Советская Россия» он пишет: «Приходит час, когда платят все. И страшнее всего платят не преступники, а **равнодушные**, потому что они считают себя невиновными и не понимают, что именно они и есть — главные **виновники**».

В 1985 году в стране начался развал под названием «перестройка». Экономика, хозяйство, культура — все было разрушено. В голодно-талонное время, в 1989 году, в заботе о пропитании родители не заметили, что темные силы начали войну против их детей. Тогда, преодолевая все границы, потекла к нам нравственная помойка с Запада — порнография, растленные конкурсы красоты, «половое просвещение». Объединившись, мы, родители, своей волей могли бы остановить все это. Но слабы мы и безвольны, и тогда, и сейчас. И вот уже не одно поколение возрастает на ядовитой почве безнравственности. Ее уже сделали школьным уроком. Министерство образования совместно с ЮНЕСКО внедрило в школы программу «Половое просвещение российских школьников», назвав этот урок «Здоровый образ жизни». И это узаконенное растление на фоне теперешних ежедневных трагедий и бед, когда преступники-извращенцы насилюют и убивают детей, остается незамеченным. Я знаю только один случай, когда у нас в Питере в суде Калининского района родители судились с заведующим детским садом № 8 и с врачами поликлиники. В этом детском саду (и еще в 40 других) в 2002 году был произведен без согласия и уведомления родителей насильственный гинекологический осмотр пятилетних девочек. Судебное разбирательство длилось пять лет, заседания всячески затягивались ответчиками, врач О.Ю. Коряковская, производившая осмотр, на суд не являлась. Иск родителей один раз удовлетворили, потом отменили. Ответчики — заведующая детским садом Бернацкая, врачи поликлиники Петрова, Коряковская, адвокат Ткаченко — настаивали на праве чиновников и врачей осматривать детей без согласия и уведомления родителей. «Смотрели и будем смотреть», — заявили они. Их поддерживал и вдохновлял организатор этой акции «главный детский гинеколог» нашего города А.Л. Гуркин.

«Ну, подумаешь, осмотр, не убили же? И что страшного, если ребенок узнает в школе от грамотных людей, что его не аист принес и не в капусте его нашли?» — такое слышала от родителей «без комплексов», для которых порнография, пошлость, разврат на экране, в бульварных книжонках — их главное удовольствие, их «культурный отдых». Но для нормальных родите-

лей, для их детей — это травма, потрясение, унижение человеческого достоинства. И вдруг я узнаю, что родители выиграли процесс. Все виновные — врачи и заведующая, — наказаны. Но ведь почти шесть лет длилась судебная тягомотина. Скольким детям за это время наплевали в душу. Сейчас во всеулышание надо заявить — все эти «специалисты», «половые просветители», детские врачи-гинекологи, пропагандисты разврата в СМИ, на телевидении — все они тоже являются виновниками теперешних страшных преступлений, от которых гибнут дети. Это они посеяли адские семена безнравственности 20 лет назад, они подготовили почву для теперешних кошмарных преступлений.

Статья в «Невском времени» (26.06.08) «Охотник за брошенными детьми». Извращенец не убивает детей, поэтому в тюрьму его сажают на короткое время. *«Живи Сергей Голиков в США, он мог бы запросто оказаться на электрическом стуле. Ведь он совершил преступления, которым нет никакого оправдания ни в человеческом обществе, ни даже в уголовном мире. Но российский уголовный кодекс оказался вполне гуманным для него». Кто же у нас судьи-то теперь, какой ориентации? «Российский суд — самый гуманный в мире!» — могли бы воскликнуть извращенцы-злодеи всего мира, и были бы правы. Судите сами: за развратные действия в отношении ребенка в нашей стране предусмотрено наказание — три года условно. Столько же дают за кражу из супермаркета. Максимальные сроки российские выродки получают разве что в случае рецидивов, а пожизненный приговор — становясь серийными убийцами. Неудивительно, что в последние годы в нашу страну стекаются извращенцы всех стран»* (газ. «Вечернее время»).

Что же делать? Как разбудить окаменелые сердца наших правителей, чтобы остановили они народную беду? На беду эту слетаются вороны, которым всегда — чем хуже, тем лучше. Вот один из них — психолог Родион Чепалов, постоянный автор газетенки «Метро» (которую я тоже беру на Исаакиевской). В своей заметке он не скрывает полнейшего безразличия к сотням трагедий, к погибшим, пропавшим детям, к несчастным родителям. Зато очевидна его теплая, душевная забота о преступниках. «Уничтожать насильников — антигуманно, как и оставлять их на свободе. Остается надеяться на создание терапевтических групп, которые позволяли бы человеку, совершившему насилие и вышедшему из тюрьмы, найти иной способ достижения своих желаний, осознания себя». Сочувственно относиться к таким преступникам, которых даже в тюрьме презирают, — значит, быть с ними заодно. Ворон ворону глаз не

выключает. И эти «гуманисты» более опасны для общества, чем равнодушные. Равнодушные еще могут проснуться, а такие «психологи» — никогда.

И вдруг откуда-то приходит установка — «ужесточить ответственность за преступления против детей в семье». Откуда-то на Россию насылается стая воронья — «семейные инспекторы». Кто-то их уполномочил выявлять неблагополучные семьи, «спасать» детей от родителей. Теперь любой бестолковый ребенок может пожаловаться на своих родителей по самому пустячному поводу, по любой своей, детской обиде. Не бабушке, не дедушке, а чужому дяде. За Западе родители уже стонут от «помощи» этих инспекторов. И у нас как-то очень оперативно начали действовать совсем новые законы, законы так называемой ювенальной юстиции. «К штрафу в размере пяти тысяч рублей приговорил Московский районный суд 38-летнего петербуржца, который отшлепал сына ремнем. Это случилось в мае 2007 года. Отец схватил ребенка за шею, толкнул на диван, а затем ударил его несколько раз ремнем по ягодицам. Воспитательная работа, проведенная дома, причинила ребенку физическую боль и телесные повреждения. В суде отец свою вину признал лишь частично, объясняя свое поведение как меру воспитательного воздействия на сына за обман». Ясно, что главная задача в этой «защите» — отделить детей от родителей, стравить поколения, разрушить семью. Лишив авторитета родителей, детьми легче управлять, из них можно сделать и «голубых», и «оранжевых», — любых; использовать их и в политических, и в преступных целях.

«Перестроив» Россию, ее превратили в проходной двор для всего мира. Теперь хотят, чтобы и русские семьи стали таким же двором. Опасность тут грозит только русским. Остальные живут крепкими общинами, помогают друг другу во всем, в первую очередь в воспитании детей. **Своих** они в беде не оставляют, а **чужих** на порог не пустят. Я долго стояла на улице и со слезами на глазах смотрела на четырехлетнего мальчишечку, которого вел за руку пьяный папа, а сзади шла, через шаг прислоняясь к стенке, еще более пьяная, совершенно непотребная мама. Чем я могу помочь этому ребенку? Чем ему поможет «семейный инспектор»? Штрафом? Только всем обществом, всем миром мы можем справиться с этой нашей бедой.

Для решения столь важных вопросов нам нужны строгие законы, карающие преступников, детоубийц, насильников; нужен Закон, защищающий детей от безнравственности, произвола взрослых в казенных учреждениях (детском саду, школе);

необходимо отменить уроки «полового просвещения», «безопасного секса»; запретить гинекологические осмотры детей и прививки без согласия родителей; нужен закон, запрещающий безнравственность, порнографию; нужен закон, запрещающий нецензурные выражения в общественных местах, на улице.

Также необходимо увеличить количество детских домов, детских комнат, приемников-распределителей, обеспечить нормальное содержание в них детей. Подготовить высококвалифицированный штат педагогов, воспитателей, создать народные дружины там, где проходит маршрут детей в школу, где дети чаще всего собираются, использовать зарубежный опыт.

ВИЗА В ПУЧИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

ТАЛЛИН. СЕНТЯБРЬ 1994 г. Игорь КРИСТАПОВИЧ

Он проснулся от собственного крика. В груди разбухал вязкий кисловатый комок, на висках застыли холодные капельки пота. Игорь тряхнул головой, как бы освобождаясь от осколков кошмарного сна, поднялся и открыл створку окна.

В комнату серыми полосками вползала туманная сентябрьская ночь. Темный сгусток неба провисал над городом, тяжело опираясь на шпили соборов. Уличные фонари блекли в серых клубящихся кружевах. Он вдыхал йодистый запах прохладного морского воздуха, с болезненной отчетливостью сознавая, что ночные видения — это всего лишь сон.

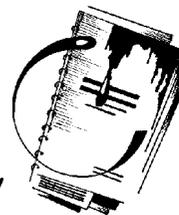
А приснилось ему море. Оно искрилось зеркальными бликами, тихое и спокойное, как расплавленное стекло. Он плыл на яхте, наслаждаясь свежестью и тишиной. Управлял лодкой высокий, молчаливый человек в темном кепи, над широким козырьком которого высвечивалась надпись «FBI». Игорь знал значение этих букв. Как попал на яхту американец из службы безопасности, для Игоря оставалось загадкой.

— Я родом из Аляски, — агент тщательно подбирал русские слова. — Это почти ваша Чукотка...

Он вдруг оборвал фразу и повел себя странно. Губы его беззвучно шевелились, а свинцо-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2009 г.

ДОСЬЕ "МГ"

вые зрачки, устремленные за борт, стали расширяться и, казалось, вот-вот вылезут из глазниц. В них царил ужас. Игорь повернул голову туда, куда устремился взгляд гостя, и сам чуть было не свалился за борт — из водной пучины медленно всплыла человеческая голова. Теперь уже и перед глазами Игоря поплыли разноцветные круги. Сквозь их радужную оправу он разглядел старца лет семидесяти, с посиневшим лицом, в котором, как показалось Игорю, теплилась жизнь. Рядом всплывала еще одна голова, еще и еще... Некая сила выталкивала из бездны людские тела, и они колыхались на водной глади, словно привязанные невидимой нитью ко дну. И взрослые, и детские лица безвольно покачивались, устремленные обреченным взором в одну точку, только губы их шевелились, будто молитву читали перед смертью.

— Боже, — перешел на родной язык американец, то и дело протирая рот ребром ладони, — откуда они?..

Игорь воспринимал слова чужестранца словно сквозь некую пелену. Он неотрывно смотрел на молоденькое и удивительно красивое лицо девушки с огромными бархатными глазами. Над водой веером рассыпались ее иссиня-черные волосы. «Сколько ей, — мучительно подумал Игорь, — пятнадцать, семнадцать...» Он смотрел на девушку и силился сказать: «Протяни руку, я спасу тебя». Но слова комом застревали в горле. Она будто услышала его, и в ответ лишь чуть-чуть опустила уголки бескровных губ. Глаза ее продолжали смотреть сквозь него, сквозь воздух, и, наверное, одному Господу Богу было известно, что они там видели.

Смутная тревога охватила Игоря, и сердце забилося глухо и ноюще. Беда, беда неслась откуда-то! Он чувствовал это всеми фибрами своего тела. И, как бы в подтверждение этому чувству, в звенящей тишине раздался пронзительный крик чайки. Сложив крылья, птица ринулась свистящим снарядом вниз... В следующую секунду перепончатые лапки вцепились в мраморный лоб девушки... А далее — о господи! — острый клюв птицы проткнул ее бархатный зрачок, потом второй, и вместо ангельских очей кровоточили пустые глазницы. Ни один мускул не дрогнул на ее лице — она смиренно принимала смерть...

— Так бывает, — сглатывая слюну, шептал американец. — Я жил на Аляске... Сам видел обессиленных рыбаков на льдине... Они лежали без глаз... Птицы выклевывали... Чайки любят полакомиться человеческими зрачками...

Со всех сторон с пронзительным криком слетались птицы. Они садились на головы людей, протыкали глаза и кружились в торжественном гомоне.

У Игоря яростно задергалось сердце, глухим шумом отдаваясь в ушах. Жуть нацеленных острых клювов передалась ему и его спутнику.

— Я облегчу их страдания, — хрипел американец. — Я должен это сделать. Бог мне приказывает помочь им...

Он дрожащей рукой достал пистолет и стал стрелять в головы людей, и они, эти головы, разлетались кровавыми ошметками.

— Калибр в пистолете такой, — нервно, со свистом пояснял агент, — что череп слона на куски разнесет... Я помогу этим людям. Я облегчу им предсмертные минуты... Они скажут мне спасибо...

Он вдруг залился безумным смехом, посылая пулю за пулей...

Грохот стоял такой, что Игорю казалось — по его голове бьют кувалдой... Он хочет крикнуть, крикнуть от цепкого холода под сердцем, но крик вязким комом застрял в горле.

И тут он с трудом расцепил веки.

Игорь долго стоял у окна, и лента кричащих видений нескончаемо проплывала в лабиринтах мозга. «Тут, — подумал он, — без спиртного не обойтись». И до краев наполнил бокал водкой. Горячая влага вскоре оглушила его, и все вокруг потеряло устойчивость и поплыло перед глазами.

Он добрел до кровати, ускользящим сознанием силясь постичь смысл морской шарады, но вскоре впал в забытие.

Утром он прошел в ванную комнату, подставил лицо под холодные струи душа, пытаясь смыть ночные видения. Потом достал бритвенный прибор. Бриться каждое утро стало для него доброй традицией независимо от того, куда забрасывала его судьба: в поезде, в отеле, в рабочем кабинете. Сейчас, увидев в зеркале свое лицо, удивился происшедшим переменам. На него смотрело белесое, словно припорошенное известью лицо с потемневшим от вылезшей щетины подбородком.

После бритья всегда ощущался прилив бодрости. За чашкой кофе бегло просмотрел газету и потянулся к телефону.

— Сергей, — бросил он в трубку, — зайди ко мне.

Направляясь на работу, он обдумывал разговор со своим информатором. Этот незадачливый музыкант и угонщик автомобилей в одном лице был добросовестным исполнителем. Но у него был пункт — спиртное и женщины. Быстро пьянел и в таком состоянии мог натворить черт-те что. Тем не менее Кристапович держал его при себе, считая Сергея Петрова самым надежным своим агентом.

Факт и комментарий

Юхан Риддерстольтц — шведский инженер-конструктор морских судов. Его кабинет был завален чертежами. Он рассказывал и у доски, висевшей на стене, мелком набрасывал фрагмен-

ты парома, графически поясняя свои мысли. А он многое мог рассказать о кораблестроении, ибо считался в Швеции одним из ведущих конструкторов в этой области.

— Вы тоже считаете, — спросил я у конструктора, — что причина гибели парома не соответствует выводу парламентской комиссии, которая утверждает, что виною всему визир?

— Тут много сомнительных моментов, — говорил он. — Визир поднимается с помощью большого гидравлического механизма, который прикреплен к корпусу с помощью специальных ушей. Визир действительно может упасть вперед, причем уши в этот момент должны опереться в балку, на которой они висят, — он протягивает мне снимок. — Смотрите, на кадрах подводных съемок затонувшего парома эта балка полностью отсутствует. Все выглядит так, будто уши ее срезаны. Но вес визира недостаточен, чтобы разрушить такой толстый металл. Интересная деталь — те места, где уши должны соприкоснуться с балкой, отсутствуют с четырех сторон.

— Господин Риддерстольтц, — догадываюсь я, — вы предполагаете...

— Совершенно верно. Я предполагаю и даже уверен в том, что уши демонтировали позже, уже на дне.

— Зачем?

Чтобы достать с парома некий груз. Я не могу утверждать, но сохранившаяся краска там, где могло быть трение металла о металл, наводит на мысль, что крепления визира отпиливали уже на дне.

— Получается, — озадаченно проговорил я, — что в парламентской комиссии были некомпетентные специалисты?

— Возможно. Анализируя факты, я пришел к выводу, что причина гибели парома не в автомобильной палубе, как утверждают официальные лица, а ниже. Группа аквалангистов британской компании «Рок ватер», которые исследовали уши судна, ниже в трюм не проникали, хотя их работа обошлась шведским налогоплательщикам в миллионы крон...

— Почему?

— Около затонувшего судна всегда присутствовали военные и запрещали водолазам опускаться в нижний трюм — якобы опасно для жизни.

— Следовательно, ключ к разгадке тайны гибели судна не в злосчастном визире?

— Давайте рассуждать дальше, — он опять подходит к доске и набрасывает силуэт парома. — Если предположить, что визир на полном ходу открылся, то вода хлынула бы на автомобильную палубу. И не достигла бы нижней палубы и других уровней судна, ибо тут полная изоляция. И чем больше крен парома, тем очевиднее, что

вода устремилась бы сюда, — он показывает конец автомобильной палубы, — и она никак не могла поступить в нижние помещения, что позволило бы парому долго держаться на поверхности.

— Как долго?

— Несколько часов. Возможно, и целые сутки. Людей бы успели спасти. Думаю, вода прорывалась из-под автомобильной палубы, откуда-то снизу.

— Вы предполагаете, что в нижней части корпуса судна появилась пробоина? И каковы ее размеры?

— Чтобы судно затонуло за сорок минут, в днище должна быть пробоина не менее четырех квадратных метров.

ЗАЛОЖНИЦА СУДЬБЫ

Перед моим взором рассыпались фантастические краски Австрийских Альп — искристые пики гор, хвойные кружева лесов на белых склонах ледника, обломки скал, а между ними клубился хрустальный дымок, будто поднимались к небу смутные мысли горного исполина. Я до того был очарован сказочными картинами, что на мгновение забыл о том, что сижу за рулем, и автомобиль вильнул, скользнув колесом за разделительную черту...

— Смотрите за дорогой, пан журналист, — раздался позади испуганный голос моего попутчика. — С горной трассы легко и в ущелье угодить.

— Вы правы, пан Вацлав, — согласился я, выравнивая машину.

Я сконцентрировался на серой ленточке асфальта, которая убегала по серпантину к перевалу. И где-то там, за седым хребтом, в объятиях скалистых круч, приютился старинный австрийский город Зальцбург, куда несла меня журналистская судьба на встречу с суперзвездой чешского и немецкого кино тридцатых годов Лидой Баровой.

Попутчик словно уловил мои мысли.

— Моя легендарная родственница сводила с ума и президентов стран, и великих банкиров, и дипломатов. Но самый интересный факт, пан журналист, заключался в том, что этой славянкой серьезно увлеклись сам вождь великой Германии Адольф Гитлер и главный идеолог Йозеф Геббельс, — он сделал паузу и многозначительно добавил: — Отношение этих фюреров к восточным народам вам известно...

Он хотел еще что-то сказать, но его узловатые пальцы нащупали банку с пивом, и мой собеседник, забыв обо всем, прилип губами к отверстию в металле, наслаждаясь любимым напитком.

Пану Вацлаву было за шестьдесят. Огромный, тучный, он с трудом втискивал свое тело в салон автомобиля. Землистого

цвета лицо, изрезанное мелкими морщинками, выглядело болезненно. Он явно относился к тому типу людей, которые в любой момент готовы отдать богу душу, а в реальности способны прожить столько, что за это время успевают переселиться на тот свет все их близкие. Путь от Праги до этих мест он либо дремал, либо читал газеты, которых в его объемистом портфеле было предостаточно, а в перерывах пил пиво.

— «Старопрамен» заканчивается, — проворчал он. — Хорошее чешское пиво. В горах его не найдешь.

— Вроде бы две коробки «Крушовице» купили? — удивился я.

— «Крушовице» давно закончилось, — пожаловался пан Вацлав. — Но я согласен на немецкое или датское пиво. И на любое другое... Без пива скучно путешествовать...

— Уж такую проблему мы решим, — успокоил я, мысленно отметив, что услуги пивомана мне дорого обходятся.

Чтобы отвлечься от предпочтений пана, я посмотрел вниз. Там будто расстелили географическую карту. Темноватые полосы леса на склонах сопок, речушка извилистой лентой разрубала каменный монолит. Наверху — заледенелая вершина в объятиях туманных колец.

— Судя по дорожному знаку, — услышал я голос соседа, — до ближайшего ресторана два километра. Не пропустите, пан журналист. Там определенно есть пиво.

— Ладно, — бросил я, удивляясь вкусам старого чеха, — красота альпийского королевства его не интересовала.

За поворотом выросло двухэтажное деревянное здание небольшого отеля с рестораном. На стоянке маячил «Мерседес» со знакомым номером. Да, машина моей коллеги Эльзы Вольф.

— Хотите чашечку кофе? — предложил я попутчику.

— Спасибо, — пан Вацлав был сама любезность. — Кофе не хочу, а туалетом непременно воспользуюсь.

Тяжело вздыхая, он вытащил свое громоздкое тело из кузова и медленно побрел за мной.

Эльза сидела у окна и потягивала чай вперемешку с сигаретным дымом. Увидев меня, улыбнулась и показала глазами на свободный стул.

— Думал ли ты, — в ее голосе звучала ирония, — что в маленьком ресторане приютилась за маленьким столиком некая маленькая дама неопределенного возраста — пылинка среди необъятности этого альпийского простора — твоя коллега по перу Эльза Вольф!

— Постоянно о тебе думаю, — молвил я. — И каждая встреча для меня — праздник! Ты смотришься классно!

Она действительно выглядела неплохо. Белое платье из дорогого трикотажа выгодно подчеркивало ее силуэт и щедрые формы

бюста. А глаза?! Красота ее в непрерывном изменении лица — в целой гамме взглядов голубых зрачков, в улыбках, в ослепительном сверкании белых зубов, в выразительном изгибе алых губ...

— Хоть фальшиво, но приятно, — хихикнула она. — А что это за увесистый тип за тобой шел?

— Деловой партнер.

— Так что же привело тебя в здешние края?

— Еду в Зальцбург на встречу с легендарной Лидой Баровой.

Ты ведь помнишь эту звезду предвоенных лет?

— Еще бы не помнить!.. Сам Геббельс готов был бросить жену и своих многочисленных дочек ради женитьбы на этой славянке...

Кольца дыма подплывали ко мне сизыми трепещущими кружками, и я автоматически отогнал никотиновую угрозу тыльной стороной ладони. Уловив мою реакцию, она погасила сигарету и задумчиво произнесла:

— По-моему, вот уже лет пятнадцать об актрисе ни строчки в газетах. Говорят, фрау Лундвалл (Барова взяла фамилию мужа. — **Авт.**) не выходит из дома и не принимает журналистов. Необъяснимое затворничество!.. Ты уверен, что она откроет тебе дверь?

— Совершенно случайно мне удалось познакомиться с ее родственником, — я кивнул на выходящего из туалета пана Вацлава. — За определенную плату он везет меня к Баровой...

— Я компенсирую все твои затраты, — проворковала Эльза, — если ты договоришься о моем визите к ней.

— После моей публикации, — заверил я, — абсолютно бесплатно познакомлю тебя с ее родственником. Станный тип, лишнее слово из него клещами не вытянешь, хотя до пенсии проработал переводчиком. Знает русский, немецкий, итальянский и помешан на пиве. За дорогу четыре коробки опустошил...

Я сделал паузу и посмотрел в окно. С четырех сторон долины крутыми диагоналями тянулись к небу снежные вершины, а между ними медленно клубилась серая мгла, в которой будто оживала блеклая панорама горного селения.

— А я направляюсь в лыжный центр — на ледник Штубай.

— Решила покататься?

— Нет. Слалом не для меня. Попросили понаблюдать за одной персоной...

Наш диалог прервал гудок моего автомобиля — нетерпение проявлял пан Вацлав. Я распрощался с Эльзой, подхватил коробку с пивом, заботливо приготовленную кельнером, и направился к машине.

Для многих жителей Зальцбурга фрау Лундвалл так и оставалась загадкой. Ни с кем не общалась, почти не выходила из дому, не принимала гостей. И даже близкие соседи не предполагали, что таинственная старушка — в прошлом кинозвезда Лида Баро-

ва. Взять интервью у нее было делом архисложным. Австрийские коллеги подолгу простаивали у порога ее квартиры и уходили ни с чем. У меня тоже не было полной уверенности в успехе.

Пан Вацлав потоптался у двери, позвонил и громко крикнул на родном языке:

— Лидка, открой, это я — твой родственник!

После длительной паузы дверь медленно открылась, и я оказался лицом к лицу с легендарной Лидой Баровой. Средний рост, строгий серый костюм и красивое лицо, отчасти скрытое за большими дымчатыми очками в виде ночной бабочки.

— Как всегда шумишь, Вацлав, — усмехнулась она. — Проходи.

Когда она сняла очки, лицо ее преобразилось, и я увидел обаятельную старушку, очень интеллигентную, с очаровательной улыбкой и, как выяснилось, с обостренным чувством юмора.

— Я полагаю, — в ее голосе звучали иронические нотки, — там, в Прибалтике, обо мне кое-что слышали? Но не о моих ролях в фильмах, например, Федерико Феллини или Витторио де Сика и других знаменитых режиссеров. Скорее знают Лиду Барову как «любимую славянку» Гитлера или «подстилку» Геббельса... Так ведь?

От такого крутого начала даже у пана Вацлава, переводившего сказанное, округлились глаза. Я лишь растерянно пожал плечами.

— Тогда напишите о том, — с горечью произнесла она, — какой роковой след оставили в моей жизни встречи с вождями Третьего рейха.

Она резко шагнула к окну и застыла, будто высматривая что-то за стеклами, где на фоне куполов и шпилей соборов бликами рассыпались солнечные лучи.

Пауза затянулась. Я не торопился задавать вопросы, понимая состояние женщины. На экране моей памяти вспыхивали ее биографические даты. В кино она начала сниматься, будучи студенткой пражской консерватории. Едва минуло семнадцать, Лида Бабкова — это ее девичья фамилия — получила первую премию и стала звездой чешского экрана. Ведущие пражские режиссеры уже не мыслили своего фильма без Лиды Баровой — так она себя нарекла, когда оказалась в зените славы. На красивую и талантливую славянскую актрису обратили внимание продюсеры ведущих кинокомпаний Европы и Америки.

— Предложение Голливуда вы отвергли, — осторожно проговорил я, когда фрау Лундвалл, смахнув слезу, натянуто улыбнулась и посмотрела на меня, дескать, спрашивайте, — и решили испытать себя в немецкой кинокомпании UFA...

— Это было самым трагическим и губительным решением в моей жизни, — раздраженно выкрикнула она, но тут же взяла себя в руки и сложила непослушные губы в улыбку.

— Так в 1934 году вы оказались в Берлине, — продолжал я. — Здесь ваша карьера возносилась на волне успеха до того рокового момента, когда во время съемок фильма «Баркарола» на студию пожаловал сам Адольф Гитлер взглянуть на прекрасную славянку, о которой говорила вся мужская половина рейха?

Пан Вацлав старательно переводил, и его апатичное лицо приобретало жизненные краски — он как бы заново открывал для себя значимость родства с легендарной персоной.

— Я и сейчас хорошо помню этот визит. Камера остановилась. Режиссер побледнел и воскликнул: «Господи, сам великий фюрер пожаловал к нам!». Гитлер прошел мимо него, даже не удостоив кивка. Остановился около меня и что-то сказал. Я не расслышала его слов, но на всякий случай улыбнулась и поклонилась. Когда мне позже объяснили, что сам фюрер пригласил меня на чай, я испугалась, стала плакать и доказывать режиссеру, что у меня съемки, и я не могу их пропустить... Съемки отменили, режиссер на коленях умолял меня нанести визит великому фюреру. Я понимала, что от «чаепития» зависит судьба новой картины, и согласилась... Все, включая директора киностудии, бросились наряжать меня. Костюмер, гример и парикмахер, обливаясь потом от волнения, суетились вокруг моей персоны....

Я представил себе, как вечером актриса с душевным трепетом переступила порог резиденции диктатора и предстала перед ним во всей своей красе.

— А как выглядел Гитлер, когда вы оказались в его кабинете?

— Он был взволнован. «Когда я вас увидел, — вкрадчиво заговорил он, — трепетная волна прошла по моему телу. Почему? Вы мне напомнили мою любимую Анжелику Рубалову, австрийку чешского происхождения. Она жила в Вене. Я любил ее, но она неожиданно покончила жизнь самоубийством. Вы — копия Анжелики!»

— И чем же закончилось чаепитие? — перевел мой вопрос пан Вацлав.

— Ничем. Фюрер проводил меня до порога кабинета и, прощаясь, предложил сердечную дружбу. Оказавшись в машине, которую предоставила киностудия, я свободно вздохнула. Когда ехала в резиденцию Гитлера, была уверена, что окажусь в его объятиях, но он удивил меня галантностью.

Через неделю фюрер опять пригласил Барову на чай. Актриса, по ее словам, забила в истерике, категорически отказываясь от приглашения. От этого человека веяло смертью, хотя внешне он казался само благородство. Лида всеми фибрами своего тела ощущала невидимые нити темной энергии, которые

опутывали ее во время, казалось бы, пустякового светского разговора. Особенно пугали глаза фюрера, которые даже в улыбочном состоянии насквозь пронизывали собеседника...

— Как вспомню, и сейчас дрожь пробирает, — зябко повела плечами Барова, — я истошно рыдала, ни за что не хотела ехать в имперскую канцелярию. Уговаривали все, начиная от костюмера и кончая министром культуры, который тут же примчался и угрозил уволить всех актеров. Этот аргумент оказался решающим...

Когда я зашла в кабинет, фюрер внимательно посмотрел на меня и поинтересовался, почему я плакала. Надо отдать ему должное, он догадался об истинной причине моих слез и, грустно вздохнув, обещал больше не приглашать меня на чай. Потом из сейфа достал колечко с изумрудом и протянул мне: «Это вам, — проговорил он сдавленным голосом, — на память о нашей встрече. Кольцо я купил для Ангелики, но не успел подарить. Вы — как она. Я отдаю вам кольцо и расстаюсь со славянской любовью». Больше наедине с Гитлером я не встречалась.

Как-то на банкете, куда Барова пришла со своим приятелем — известным немецким актером Густавом Фрелихом, она вновь увидела фюрера. Он приветливо улыбнулся и что-то шепнул адъютанту. Тот подошел к ее партнеру, взял за рукав и подвел к Гитлеру. «Я знаю, что вы издеваетесь над ней, — жестко проговорил фюрер. — Не смейте больше мучить эту женщину!»

Густав Фрелих часто закатывал ревнивые скандалы Баровой, и, как выяснилось, фюреру было известно об этом.

Я слушал рассказ женщины и думал о том, что она оказалась заложницей судьбы. Если Гитлер проявил по отношению к ней, надо полагать, не очень свойственный ему такт, то другое влиятельное лицо рейха — министр пропаганды Йозеф Геббельс — к молоденьким актрисам относился по-другому.

— На банкете, посвященном закрытию Олимпийских игр в Германии, — вспоминает Барова, — Геббельс не сводил с меня глаз. Это был пронзительный взгляд ловеласа, который знаком женщинам. Вскоре пригласил меня танцевать и, захлебываясь, рассыпал комплименты. Оказалось, мы живем с ним на одной улице, и он бесцеремонно попросил показать планировку моего особняка. Я согласилась...

— Простите, госпожа Лундвалл, — удивленно спросил я. — Геббельс отнюдь не был красавцем — маленький, худой и к тому же хромым... Трудно представить рядом с вами такого невзрачного мужчину?

Она выдержала паузу, как бы размышляя над вопросом, усмехнулась и поразила меня женской логикой:

— В нем чувствовался настоящий самец... Женщины меня поймут. К тому же я была молода — всего двадцать два года. И не знала, как вести себя с мужчиной, упоенным властью. Но понимала, что просто друзьями мы не останемся... Все случилось после премьеры фильма «Предатель». Он увез меня на какую-то квартиру... Вzbешенный Фрелих, узнав об этом, бросился с кулаками на самого министра пропаганды и прилично разукрасил его физиономию. Мне тоже досталось... Словом, с Фрелихом я рассталась, и начался мой роман с идеологом рейха. Представьте себе, я влюбилась в этого, как вы выразились, невзрачного хромого. Да, он был уродлив, но в нем бурлила такая энергия, и он умел заряжать людей своей речью. Однажды я посетила зал, где Геббельс выступал. Он говорил о врагах Германии с такой убедительной силой, что даже мне захотелось взять в руки оружие и убивать врагов рейха.

Она поспешно взглянула на часы и позвала прислугу:

— Эмми, пора принять укол... Извините, господа, придется прервать нашу беседу. После лечебного сеанса мне надо часа полтора-два отдохнуть.

— Да, конечно, — засуетился я. — Мы можем прогуляться по Зальцбургу.

— Вот и договорились, — улыбнулась фрау Лундвалл. — Жду вас через два часа, и мы продолжим беседу. Извините.

Так мы оказались в тени узкой улочки с обилием разноцветных витрин. Какое-то время медленно брели по брусчатке средневекового города, который прекрасно знал секреты международного туризма и издавна славился обилием горных цепей и шпионов самых разных национальностей.

— Перекусим? — предложил я пану Вацлаву, кивнув на ближайшую витрину кафе.

— Я как раз мечтаю о холодном пиве, — с энтузиазмом проговорил он, смахивая с лица обильные ручейки пота.

В зале, искусно украшенном видами Зальцбурга, было прохладно и уютно. Тихо разливалась тирольская мелодия, а многочисленная публика общалась негромко, как бы сохраняя незыблемый здешний покой.

Мой попутчик подозвал официантку и, не заглядывая в меню, заказал свинину с капустой и объемистую кружку местного пива. Я выбрал лосося в тесте.

Звонок моего мобильного телефона, как фальшивая нота, вторгся в тирольские переливы. Чтобы не нарушать покой, я вышел на улицу.

— Для тебя есть кое-что интересное, — раздался голос Эльзы — Человек, из-за которого я оказалась в горном отеле, встре-

чает какого-то типа из России сегодня в девятнадцать ноль-ноль в аэропорту Инсбрука.

— Почему ты думаешь, что пассажир из России?

— Итальянец говорил на русском языке. Возможно, тот не из России, а, скажем, из Прибалтики или Закавказья, но явно твой бывший соотечественник.

— А я тут при чем?

— Не врубаешься, — вздохнула Эльза. — Итальянец — крупный торговец оружием. Если он лично, без посредников, приехал на встречу с кем-то, то наверняка наклеивается серьезная сделка. Этот «кто-то», возможно, уважаемая личность в криминальном мире. Он прилетает из Санкт-Петербурга...

— Теперь врубился.

— Слава богу! — В голосе Эльзы прозвучали радостные нотки. — Ты ведь не собираешься ночевать у кинозвезды?

— Конечно, нет.

— Тогда после интервью приезжай в Инсбрук. Чует моя душа, что тут завязывается интригующее дельце. Интуиция меня редко подводит.

— Интуиция — это ум воображения, — ввернул я чье-то изречение. — С этим у тебя все в порядке.

— До встречи, дорогой философ.

Стрелки часов показывали двенадцать, времени оставалось предостаточно. Я вернулся к столу и на десерт заказал пирог с абрикосами и кофе. Пан Вацлав вновь потребовал пиво. Потягивая кофе, я размышлял над сообщением Эльзы. Она никогда не стала бы приглашать без веских на то причин. Значит, мне следует изменить маршрут.

— Пан Вацлав, — заговорил я, — мне придется после интервью поехать в Инсбрук. Возможно, там задержусь на пару дней.

— А как же я? — возмутился попутчик. — Я не могу попусту тратить свое драгоценное время.

— И не надо. Я вас посажу на поезд или автобус, следующий в Прагу. Согласны?

На раздумья пана Вацлава ушла половина объемистой кружки. Переварив, наконец, мое предложение, он пришел к следующему выводу:

— Это, пан журналист, нарушение нашего контракта. А оно карается штрафными санкциями.

— Сколько? — прервал я его.

— Сто евро, плюс пиво. И я готов вернуться в Прагу автобусом.

Пришлось согласиться — ожесточенные методы его торговли мне были хорошо знакомы. Я кивнул в ответ и посмотрел на приближающуюся к нам хозяйку кафе, уже немолодую даму.

— Вам понравилось наше меню?

— Благодарю вас, — заулыбался пан Вацлав, — пиво было свежее.

— А горячее блюдо? — она вскинула тонко подведенные брови.

— Все прекрасно, — встрял я. — И блюда, и сервис.

Дама удалилась с довольным видом. А я дивился незыблемости добрых старых традиций, которые все еще бытуют в этой стране. Здесь пока не следуют новаторскому примеру Парижа, где никого не интересует, что тебе нравится, а что — нет. Куда бы ты ни пришел, прождешь битых полчаса, пока закажешь бифштекс, и еще столько же для расчета за него.

К госпоже Баровой мы вернулись в обусловленное время. Она выглядела посвежевшей. Я вспомнил концовку нашей беседы и задал очередной вопрос:

— И чем же закончился ваш роман с Геббельсом?

— Его жена знала о наших встречах и обратилась к фюреру с просьбой предотвратить развал порядочной немецкой семьи. Гитлер вызвал к себе Йозефа и жестко заявил, что славянка не может быть любовницей министра пропаганды. Рассказывая об этом мне по телефону, Геббельс плакал. Он ведь любил меня...

Фрау Лундвалл тяжело вздохнула и, извинившись, вышла в соседнюю комнату, откуда послышался звон хрусталя. Когда вернулась, я почувствовал легкий запах вина.

— Как-то в Интернете, — продолжала она, — читая чешскую прессу, я нашла любопытное сообщение. Пражский военный историк, фамилию его уже не помню, в своем научном труде доказывал, что есть прямая связь между нашим романом и самой жестокой акцией нацистов против немецких евреев, известной под названием «Хрустальная ночь». Это кровавое событие произошло в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. После разрыва со мной Геббельс находился на грани помешательства и готов был покончить с собой. Именно в это время он произнес исключительно эмоциональную речь против «еврейского засилья». Он сумел зажечь толпу настолько, что та безрассудно бросилась громить еврейские магазины, предприятия и даже синагоги. За одну ночь были убиты и ранены сотни человек...

— А как на вас отразился разрыв с Геббельсом?

— С того дня и начались все мои трагедии. После его звонка, вечером, я пришла в театр на спектакль «Игрок» по Достоевскому. В зале, видимо, был какой-то режиссер, который руководил зрителями. Когда я заняла свое место на балконе, зрители встали и, показывая на меня пальцем, скандировали: «Подстилка министра — вон!». Я со слезами выбежала из театра. Стало ясно — немецкий этап моего творчества закончился. Так и случилось. По

личному распоряжению фюрера я была отстранена от всех съемок, и меня посадили под домашний арест.

Для актрисы начались кошмарные дни. Она понимала, что в любую секунду ее могли бросить в тюрьму, поэтому решила бежать из Германии. Ей удалось незаметно выскользнуть из дома, добраться до границы и благополучно оказаться на родной земле.

В Праге актриса вновь стала сниматься в кино. Но творческая работа продолжалась недолго: Чехословакию оккупировали фашисты. Ее арестовало гестапо. Но ей вновь удалось бежать. Она пробралась в Италию, куда ее неоднократно приглашали на съемки. Здесь Баровой повезло — дуче Муссолини понравилась красивая чешская актриса. Жизненный опыт научил ее, как вести себя с сильными мира сего, поэтому надежды дуче не оправдались. Но опасность грозила с другой стороны: в Рим вошли германские войска. Она не успела покинуть Италию, и опять была арестована гестапо. Тут уж и дуче не помог — ее депортировали в Чехословакию.

— Потом была тюрьма, побег, и я оказалась в Баварии, куда вошли союзные войска. Американцы меня арестовали и выдали чехословацкому правительству. Везде меня преследовало клеймо — «любовница Геббельса». Я несла горе своей семье: мою младшую сестру, тоже актрису, уволили из театра, и она покончила с собой. Мать умерла от сердечного приступа во время допроса... Я же вновь оказалась в тюрьме. Много думала о том, что будет со мной дальше. Невыносимо было сознавать, что приношу несчастье тем, кто меня любит. Накануне приходили коммунистов к власти мне вновь удалось бежать. Через австрийскую границу я пробралась в Испанию. Повсюду помогали хорошие люди. Так я оказалась на корабле, который увез меня на Американский континент. Судьба забросила в Аргентину, где получила гражданство этой страны. Через какое-то время я решила вновь вернуться в Европу, где стала сниматься в итальянском и испанском кино.

В Зальцбурге Лида Барова выходит замуж за Курта Лундвалла, с которым познакомилась в дни нелегального перехода австрийской границы, и навсегда остается в этом городе, успешно работая в театре.

— Судьба распорядилась так, — в ее голосе звучала досада, — что меня зачислили в разряд «нацистских преступников». Хотя никого не убивала, не сажала в тюрьму и никого не предавала. Те, кто меня судил, не хотели понимать главного: встречи с Геббельсом состоялись еще до страшной войны, когда не было в Европе концлагерей и сожженных городов, когда солдаты вермахта еще не топтали сапогами мою родину. Тогда у фашизма

было другое лицо, а я была молода и беззащитна перед властелинами Германии.

Много пережила, много колесила по свету. Сейчас я уже ничего не могу изменить. Людям кажется, что живу легко, но у меня бывают такие дикие стрессы — настоящий душевный ад. Вот почему я не принимаю гостей, никого не хочу видеть...

Двадцать лет назад фрау Лундвалл похоронила мужа и живет в одиночестве. В последние годы даже на улицу не выходит — полное затворничество. Такова участь женщины, роковые встречи которой превратили жизнь в сплошную боль. Но, несмотря на затворничество, она остается красивой, ухоженной, тщательно следящей за собой женщиной. Ее никак нельзя было представить бабушкой.

Я поблагодарил за беседу и подарил госпоже Лундвалл бутылочку рижского бальзама. Она долго разглядывала этикетку. Пан Вацлав перевел ей состав трав, из которого изготовлен бальзам, и добавил, что в прежней Стране Советов это был самый дефицитный спиртной напиток, что вызвало у нее умиление.

— Надо по чайной ложке добавлять к кофе или чаю, — посоветовал я, глядя, как трепетали ее пальцы. Видно, к спиртным напиткам у кинозвезды было особое отношение.

— Помогите открыть сосуд, — попросила она. — Я горю желанием отведать вместе с вами латвийский сувенир. Говорите, что это лечебное средство? Прекрасно.

Пан Вацлав было согласился, но, поймав мой осуждающий взгляд, нехотя произнес:

— Спасибо, Лида, но для крепких напитков уже не то здоровье.

— А мне машину вести, — поддержал я переводчика.

— Жаль. Придется одной дегустировать. Сейчас принесу чай.

Когда появился дымящийся чай, я распечатал бутылку и плеснул в кружку ложку бальзама. Актриса торопливо выпила и радостно заявила:

— Прекрасно. Обещайте мне, что когда направитесь в наши края, захватите опять этот чудодейственный напиток. Я заплачу.

Я заверил, что не забуду ее просьбу и без всякой оплаты привезу бальзам как сувенир.

Через несколько лет журналистская колея вновь занесла меня в Зальцбург. Выкроив свободную минутку, решил навестить актрису и подарить ей пару бутылок рижского бальзама. Подошел к знакомой двери, за которой был свой мир — мир исторических событий и судеб... Позвонил. И только тут заметил — табличка с надписью «Л. Лундвалл» исчезла.

Австрийские коллеги сообщили, что Лида Барова скончалась

на восемьдесят шестом году жизни, тело ее кремировали в Зальцбурге, а урну с прахом отвезли в Чехию.

Факт и комментарий

На мои вопросы отвечает депутат парламента Швеции Ларс Онгстрем:

— Господин Онгстрем, поначалу у вас не было сомнения в вердикте парламентской комиссии JAIC?*

— Нет.

— Но вы знали, что представители прессы, юристы, конструкторы-судостроители и родственники погибших продолжали расследовать это дело? Появились первые результаты, которые не соответствовали официальной версии...

— Различные сообщения были. Но я их серьезно не воспринимал. Мне казалось, что доморощенные сыщики, убитые горем родственники вполне могли выдвигать свои версии.

— И когда же ваше мнение изменилось?

— Когда я ознакомился с фактами, которые предоставили лучшие шведские и зарубежные эксперты. Тогда я подумал, что с расследованием что-то не так. Со мной согласились и другие депутаты. И мы провели собственное расследование. У нас скопилось достаточно фактов, чтобы официально обвинить шведское правительство и ее вооруженные силы.

— Это достаточно весомое обвинение. Чем оно обосновано?

— Я отправил в высшую судебную инстанцию Швеции обращение, в котором сообщил, что новые данные, поступившие из разных стран мира, показания свидетелей говорят о том, что в этой трагедии просматривается «военный след».

— А именно?

— Не сомневаюсь в том, что к катастрофе парома «Эстония» причастны шведские вооруженные силы. К сожалению, этот факт тщательным образом скрывается от общественности и комиссии JAIC.

— Получается, что ваши вооруженные силы использовали пассажирское судно для перевозки грузов военного назначения именно в то время, когда произошла трагедия.

— Больше того, материалы расследования доказывают, что наши военные проводили секретные подводные операции сразу же после гибели парома.

* Joint Accident Investigation Commission. В переводе на русский — Международная Аварийная Комиссия, созданная сразу же после катастрофы парома «Эстония». — Авт.

— Чем же заинтересовало военных пассажирское судно, лежащее на морском дне?

— Они что-то искали...

ТАЛЛИНН, 27 СЕНТЯБРЯ. Игорь КРИСТАПОВИЧ

Порывистый северный ветер гнал по пустынным аллеям Кадриорга* косяки каленого листопада. Сквозь цветистую кружевную вязь деревьев небо гляделось низко и серо, периодически роняя мелкий бисер.

Игорь пришел сюда, чтобы в тиши парка спокойно разобраться с тем потоком информации, который поступил в последние часы. Он постелил газету на сырую скамейку, сел, достал диктофон и внимательно прослушал запись. Этот странный телефонный разговор его люди зафиксировали в десять часов утра. Одного из говоривших он узнал сразу — это был капитан парома «Эстония» Арво Андерсен, которого некий человек просил дать возможность въехать двум автофургонам на судно задолго до официальной посадки. «А как же пограничная и таможенная служба?» — поинтересовался капитан. «С ними полная договоренность, — заверил неизвестный и добавил: — Без вашего разрешения машины на судно не пропустят». «Но это...» — замялся капитан. «Ничего страшного, — властно прервал его визави, — в случае чего, ссылайтесь на меня. В двенадцать часов машины привезут на ваше судно свежее белье». — «Количество сопровождающих лиц?». — «Два водителя и грузчик». — «Хорошо, — сухо бросил капитан, — я распоряжусь...»

Этот разговор озадачил Игоря. О каком транспорте идет речь? Как сообщил майор, фура с военным оборудованием прибудет не раньше восемнадцати часов. А тут какой-то таинственный груз доставят загодя!

Он еще и еще раз прокручивал запись, вслушиваясь в интонацию незнакомца, и вдруг его осенило — этот голос с английским акцентом он где-то слышал... Вспомнилось совещание в министерстве обороны, куда был приглашен как заместитель начальника таллинской таможни. Да, это был голос самого министра обороны Эстонии Александра Эйнсельна.

Так вот на каком уровне проворачиваются контрабандные дела, пульсировало в голове Игоря. Теперь вполне объясним беспредел бандитских группировок на территории порта. За определенную таксу на пассажирском пароме сегодня можно вывезти на Запад все, начиная от современной техники военно-

* Центральный парк в Таллине. — Авт.

космических предприятий и кончая редкоземельными расщепляющимися материалами.

Что он знал о нынешнем министре обороны?

Знакомый полковник из ГРУ* выслал любопытную информацию. Александр Эйнсельн появился на свет в 1931 году в Эстонии. Вместе с родителями в детском возрасте эмигрировал на Американский континент, где, окончив гимназию, поступил в военное училище и начал офицерскую карьеру. Воевал в горячих точках — Вьетнаме и Корее. Дослужившись до подполковника, он понял, что генеральский чин в армии США ему не светит, хотя усердно выслуживался даже в аппарате штаба НАТО. В Пентагоне уже было решено отказаться от услуг шестидесятитрехлетнего офицера, а тут — подарок судьбы — Эстония приобрела независимость. Руководители спецслужб США вспомнили балтийские корни подполковника и отправили его в это небольшое, но стратегически важное, с военно-морской точки зрения, государство. Правительство Эстонии (не без совета американцев) тут же вцепилось в этот подарок и своего соотечественника срочно произвело в генералы, предоставив ему пост министра.

Игорь догадывался, что контрабандная вакханалия на терминалах таллинских портов совершается под покровительством очень влиятельных государственных персон, но никак не думал, что сам министр обороны замешан в этом деле. Теперь понятно, почему именно таллинский порт стал на берегах Балтики самой удобной лазейкой между Россией и Западом.

Он достал телефон и позвонил своему знакомому Калеву Ватрасу. Как-то Игорь помог этому парню устроиться грузчиком на паром «Эстония».

— Ты сможешь оказать мне услугу? — начал издаലെка Кристопович.

— Смотря какую? — насторожился тот.

— Кто доставляет свежее белье на судно?

— Постельное? Привозит какая-то фирма.

— А как проходит разгрузка? Ваши люди работают или представители фирмы?

— Мы сами разгружаем.

— В двенадцать часов ты будешь на судне?

— В это время обслуживающий персонал после генеральной уборки обычно уходит на отдых. Если нужно — останусь. А чем я могу помочь?

— Приедут два фургона со свежим бельем. Если тебе не трудно — проследи за разгрузкой? Только будь осторожен.

* Главное разведывательное управление. — Авт.

— А что, белье стало стратегическим товаром? — В голосе парня прозвучала ирония.

— Всякое бывает, — неопределенно проговорил Игорь.

— Понятно. Попробую.

Игорь вышел из парка и зашагал к стоянке, где оставил свою машину. Вот и знакомое здание ресторана, куда он часто заходил в советские времена. Именно сюда он пригласил на первый инструктаж красивую скрипачку по имени Валентина. Прошлое оживило в памяти, когда увидел старое здание с широкой витриной и яркой рекламой. Словно из клубящегося меса графитовых облаков опустилось на землю ангельское лицо музыкантши, которую ему удалось завербовать в свою агентурную сеть.

Будучи руководителем отдела по борьбе с контрабандой КГБ Эстонской ССР, он дорожил своим агентом Сергеем Петровым. Этот человек был полон контрастов, но прекрасно выполнял любое задание, а знание языков позволяло ему общаться с иностранцами. А так как Петров был личным агентом, о котором не знали даже подчиненные, полковник ревностно оберегал своего человека от новых знакомств. И когда он узнал, что парень увлекся некой музыкантшей, решил прощупать новую знакомую, а при случае и завлечь ее в свою сеть. В случае удачи, она могла снабжать информацией о человеке, с которым встречалась, и воздействовать на последнего по сценарию шефа. С этой целью его люди провели операцию с долларами, которые попросту подсунули в карман девушки. Валютные операции в советские времена строго карались. Очень строго!

Когда ее «поймали с поличным» и привели в его кабинет, девушка настолько перепугалась, что готова была подписать любое соглашение, лишь бы избавиться от этого кошмара. Кристопович, на определенных условиях, не стал заводить уголовное дело. Определенные условия — служить верой и правдой всецельной структуре. В этот вечер он не стал объяснять цели и задачи новой работы насмерть перепуганной девушке, а предложил на другой день встретиться за обедом в ресторане и поговорить.

Сейчас Игорь остановился у витрины этого злачного места, где состоялся первый инструктаж с новоиспеченным агентом. Здесь многое изменилось. Новые хозяева шикарно отремонтировали зал, украсили изысканной мебелью и, конечно же, повысили стоимость блюд и сервиса. Молодая официантка выскользнула, как тень, и протянула меню в толстом кожаном переплете, едва он занял место за памятным столиком.

— Минеральную воду, кофе, рюмочку водки и бутерброд с красной икрой, — не заглядывая в меню, проговорил он.

Девушка все записала и упорхнула. А он смотрел в окно, пытаясь восстановить в памяти все детали того вечера.

Когда Валентина вошла в ресторан, Игоря поразило спокойствием, которое царило на ее лице.

— Товарищ чекист, — проговорила она с ехидной улыбкой, — ваши люди прекрасно провели операцию, подсунув мне валюту. И зачем же вы это сделали?

От такого напора полковник даже оторопел. Перед ним сидела не потерявшая от страха разум девушка, как это было накануне, а вполне самоуверенный человек, который способен потребовать объяснение столь грязному поступку, а в дальнейшем и пожаловаться в вышестоящие органы. Но он тут же себя успокоил — в Стране Советов вышестоящих органов нет, а его ведомство формально никогда не ошибается.

— Так зачем же вы это сделали? — требовательно повторила она.

— Что будете пить? — Он пытался вопросом сбить наступательный пыл собеседницы.

— Коньяк, — бросила она. — В моем положении хочется залить спиртным свое вчерашнее унижение.

— Почему же унижение? — мягким голосом начал он. — Вы комсомолка...

— Мне давно наплевать на эту организацию, — оборвала она.

— Я, как представитель КГБ, могу эти слова принять всерьез и...

— И что же? Арестуете меня?

— Да... нет, — замялся он и тут же жестко добавил: — Я своих сотрудников за решетку не сажаю. Я с ними работаю. У нас — доверительные отношения!..

— Вы правы, — она сверлила его многозначительным взглядом. — Люди, подписавшие под нажимом вашей конторы свою принадлежность к армии сексотов (секретных сотрудников. — Авт.), теряют человеческое лицо и становятся рабами, безропотно исполняющими приказы...

— Совершенно верно, — зло отрезал он, хотя внутри и корил себя за взрыв негативных эмоций. Он понимал, что эту непростую девушку надо твердо ставить на место сразу же, в противном случае могут быть проблемы. И он пошел на эту жесткость, вспомнив вчерашнюю ее беспомощность. — Вы согласились работать на КГБ и тем самым спаслись от тюремной скамьи...

— Но ведь вы, — в ее зрачках блеснули слезинки, — лучше других знаете, что я не занимаюсь валютными операциями...

— А доллары? — ехидно протянул он. — Они случайно оказались в вашем кармане...

Девушка вдруг сникла, залпом опрокинула рюмку и бесцветным голосом произнесла:

— И что же вы мне прикажете делать?

— Вот это другой разговор, — улыбнулся он. — Давайте ужинать. А то за нашей пустой болтовней все остыло...

Возможно, именно при этом нелिцеприятном разговоре он влюбился в скрипачку, но никогда в этом не признавался. Он ревностно следил за ее встречами с Сергеем, болезненно переживал их роман, даже прослушивал телефонные разговоры, но никогда ни перед ним, ни перед ней не выдавал своих чувств. И когда ему стало известно, что Валентина уехала в турпоездку в Швецию и осталась там, став невозвращенкой, он даже обрадовался.

Через какое-то время его контора напомнила беглянке о себе. Местный резидент КГБ разыскал девушку и предложил сотрудничество, в противном случае пообещав рассказать мужу и шведской прессе о ее кагэбистском прошлом. Это был грязный трюк, но вполне логичный для его ведомства. Она испугалась и опять согласилась работать на контору.

Сейчас, спустя много лет, он вспомнил этот диалог, и тошнотворный комок подкатил к горлу. В эту секунду ожил мобильный телефон.

— Докладываю, — раздался удивленный голос грузчика Ватраса. — Два фургона въехали на автопалубу и притормозили у лифта. Водитель и его люди стали выгружать из салона большие серые мешки. Мне неоднократно пришлось возиться с доставленным бельем, и скажу вам, что оно приходит на судно совершенно в другой упаковке. Те мешки и поменьше, и полегче. И тут началось самое интересное. Обычно белье разгружается на палубе, где располагаются обслуживающий персонал, различные складские помещения и каптерки. Здесь я их поджидал. Но... лифт не остановился на нашей палубе и ушел наверх.

— Куда же поместили мешки?

— Их подняли на палубу номер девять и отнесли в ходовую рубку.

— Кто из команды был в рубке?

— Старший офицер Юхан Херм.

— Ты не засветился?

— Нет. А что? — В голосе парня мелькнула тревога.

— Все нормально, — успокоил его Игорь. — Но об этом никому не рассказывай.

Как бывший таможенник, Игорь хорошо знал все тайные места парома. Под палубой мостика ходовой рубки есть люк, который ведет в отсек. Лучшего места для контрабандного товара не сыщешь. Об этом тайнике знают не многие... Скорее всего, размышлял Игорь, в этих мешках — либо наркотики, либо

редкоземельные материалы, например, кобальт или осмий. Только за разрешение погрузки контрабандного товара капитаны парома получают от десяти до пятнадцати тысяч долларов.

Официантка принесла заказ. Игорь взглянул на стул, где когда-то сидела его любимая женщина, и, как бы за ее здоровье, выпил водку. Здоровье у Валентины было прекрасное, и жила она в свое удовольствие под крылом своего богатого мужа. А он, вспомнив любимую скрипачку, тяжело вздохнул, жалея о потерянном. Тогда в его душе боролись два чувства: влюбленность и долг. Он был преданным офицером спецслужб и сумел оттеснить личные чувства на второй план. Так его воспитало все- сильное ведомство, способное поднять человека на вершину власти и раздавить одновременно. Он служил этому ведомству верой и правдой, не задумываясь, отбрасывая все личное во имя великих идей социализма. И еще — контора привила своим сослуживцам чувство страха, которое преследовало каждого кагэбиста, будь он молодым лейтенантом или седым генералом. Это особое состояние ума и души было для него вовсе не вызывающим обманом и нарочитой ложью во спасение. Скорее, естественной реакцией человеческой сути на окружающую его опасность, продиктованной инстинктом самозащиты и самосохранения, в чем сотканная ложь сделалась нормой существования, за пределами которой все считалось как бы вне закона.

Сейчас, когда рухнуло все старое и его контора в Эстонии превратилась в пепелище, он продолжал исправно служить, ибо считал себя истинным солдатом органов спецслужб. Там, в России, его ведомство достигло таких высот, что само формировало правительство. Адумские слуги безотчетно выполняли приказы генералов ФСБ.

Игорь посмотрел на часы и набрал номер мобильного телефона своего агента, которого командировал в Стокгольм. Там Сергей Петров на своем автомобиле должен был проследить путь фуры.

— Пока «Сканию» с такими номерами не вижу, — ответил тот, — хотя наблюдаю за грузовиками у транспортных ворот терминала с шестнадцати часов.

— Жди. Подъедет, — приказал Игорь и выключил телефон.

Какие события произошли с того дня, когда он встретился с майором?

Четырнадцатого сентября прошел первый груз. Он был спрятан в легковом автомобиле «Вольво-747». За рулем сидел некий Ганс Ларсен. Как и следовало ожидать, таможенники не стали проверять машину, ибо получили команду свыше. Но его человек все же заглянул в багажник — там были коробки с российской военной электроникой. Второй такой рейс случился двад-

цать первого сентября, когда уже «бусик» без помех проник на паром. Значит, на пассажирском судне можно провозить военную технику, если этого хочет сам министр обороны. Тем самым это высокопоставленное лицо идет на чудовищное преступление, нарушая все международные нормы!

И вот сегодня, удачно миновав погранпосты и таможню на российско-эстонской границе, к терминалу беспрепятственно приближалась громоздкая фура с основным грузом. Куда пойдут российская военная новинка, в чьи руки попадет — станет ясно завтра утром.

Факт и комментарий

Говорит Серен Линдман, бывший военный атташе Швеции в России. Этот человек лучше других шведских дипломатов знал о том, что творилось в российской армии в девяностые годы.

— Существовала коррупция в системе вооруженных сил России, — рассказывает он. — И на нее не было предела. Генералы готовы были продать любой армейский товар.

— По-моему, — усомнился я, — на территории бывших прибалтийских республик в 1994 году секретного военного товара уже не оставалось.

— Согласен. Но рядом — Ленинградский военный округ, где было много прекрасной советской техники. Если у тамошнего военного начальника появилось желание что-то продать на Запад, можно было легко перебросить технику в Эстонию и использовать паром. Этим путем многие пользовались. А из Швеции или Финляндии товар беспрепятственно шел в США или в другие страны.

— И использовать для этой цели пассажирское судно?

— Перевозка военных материалов на гражданском судне является сама по себе преступлением.

— Странно, — заметил я, — что высшие чины министерства обороны Эстонии и Швеции забыли об этом и сознательно шли на преступление.

ТОРГОВЕЦ ОРУЖИЕМ

Оказавшись в Инсбруке, я оставил машину на стоянке и пешком направился в Старый город — он действительно очень и очень старый. Узкие средневековые улочки зажаты мрачными глыбами домов. И повсюду — толпы туристов.

С Эльзой мы условились встретиться возле «Золотой крыши» — символа Инсбрука. Этот исторический памятник лет

пятьсот назад воздвиг весьма почитаемый тирольцами император Максимилиан I, дабы из соответствующей его величию ложи наблюдать за перипетиями рыцарских турниров, проходивших на площади внизу.

Я протискивался сквозь пеструю толпу туристов. То и дело слышалась русская речь. Мои бывшие соотечественники, охваченные эйфорией свободы, в эти теплые августовские дни 1994 года заполнили Европу. И континентальная машина турбизнеса, отшлифованная и отрегулированная, мгновенно среагировала на экс-советский фактор, широко раскрыв свои объятия. К русским стали причислять всех обитателей бывшей социалистической коммуналки. И здесь, в Зальцбурге, фешенебельные отели начали охотно принимать на работу людей, знающих русский язык. Да это и понятно. Ни один другой турист мира не станет сорить деньгами так, как это делают вчерашние скромные советские люди.

За этими размышлениями меня застал звонок Эльзы.

— Я в аэропорту, — сообщила она. — Только что приземлился самолет с российскими туристами. Среди них — человек, которого встретил итальянец. Сейчас он ведет гостя к своей машине. Я следую за ними.

Меня охватили смутные подозрения. Всплывали вопросы, на которые я не мог дать вразумительный ответ. И главный из них — какого черта я ввязался в эту историю? Я не имел понятия о том, что представляет собой этот итальянец, и не проявлял ни малейшего любопытства к его гостю. Направляясь к «Золотой крыше», я ощущал, как тень беспокойства преследовала меня. Тревога не за себя, а за коллегу, которая охотилась за информацией загадочного и наверняка, опасного содержания. Кто-то заказал важную информацию?! Не только заказал, но и щедро оплатил, ибо пребывание в самых дорогих отелях ледника Штубай требует кучу денег. А Эльза, насколько мне известно, жила, как и многие журналисты, довольно скромно. Отсюда вывод: она выполняла задание очень богатого и влиятельного клиента.

Эльза вынырнула из толпы, метнулась ко мне.

— Не хотела тебе по телефону говорить. Итальянец — крутой торговец оружием. Зарегистрировался в отеле под фамилией Клайн. Почти без акцента говорит по-немецки. Знает русский. Моему клиенту стало известно, что итальянец ведет тайные переговоры о покупке какой-то секретной российской военной установки.

— А кто твой клиент?

Эльза на миг смутилась, но тут же взяла себя в руки.

— Не важно... Сейчас они в ресторане, напротив театра, — коллега говорил торопливо и куда-то тащила меня за рукав. — Свободных мест там не было, и мне ничего не оставалось, как пойти за тобой. Этот русский турист, очевидно, птица важная, если ради него итальянец покинул фешенебельный отель в Штубайглетчере и приехал в Инсбрук...

— Твой заказчик, видимо, снабдил тебя приличной суммой. Номер в самом престижном европейском лыжном центре стоит...

— Дорого, — обрывает она. — Но и мое время стоит недешево.

— Моя персона, — иронически замечаю я, — вплетается в это грязное дело на общественных началах!

— Кое-что тебе компенсирую из своего гонорара, — заверяет Эльза.

— И на том спасибо.

— Здесь, — она взяла меня под руку и ввела в просторный зал ресторана. — Столик у окна слева.

Я увидел спортивного типа темноволосого мужчину в желтой рубашке с тонкой голубоватой клеткой. Как бы в поиске свободных мест мы медленно шли по залу, останавливаясь и озираясь. У столика интересующих нас лиц я успел уловить несколько фраз на русском языке, которые ронял человек, сидящий ко мне спиной. Говорилось о каком-то товаре, который заказали американцы и обещают серьезные деньги.

— Мы заплатим больше, — заверил итальянец на ломаном русском языке.

Я не стал замедлять шаг и продолжал идти, оглядываясь по сторонам. Свободных мест действительно не было. Сквозь кольца дыма увидел Эльзу, она махала мне рукой.

— Столик освобождается, — шепнула она. — Клиенты уже рассчитались.

Официантка принесла сдачу, и четверо немецких туристов, оживленно переговариваясь, поднялись и направились к выходу. Эльза ринулась к освободившемуся столику, не выпуская моей руки.

— Следовало бы дождаться, пока уберут, — пробурчал я.

— Плюнь на этикет. Главное — мы устроились в удобном для наблюдения месте. Мне надо их сфотографировать.

— И не вздумай, — остановил я ее порыв. — Ты имеешь дело не с безусым юношей...

— Ты прав. Оставлю съемки до лучших времен. А теперь давай по очереди пробираться к туалетной комнате мимо их стола. Может, что-нибудь уловят наши уши. Я пошла первая...

Она вернулась минут через пять и шепнула мне:

— Нам улыбается удача. Итальянец приглашает собеседника провести пару дней на лыжном курор...

Эльза оборвала фразу на полуслове — кажется, случилось непредвиденное. Повернулся и увидел, как итальянец протянул официантке кредитную карту.

— Что будем делать? — Я настороженно посмотрел на коллегу.

— Пойдем за ними, — напряженно проговорила она.

Итальянец, взяв своего партнера за локоть, повел его к выходу. Мы выдержали паузу и последовали за ними.

— Где твоя машина? — поинтересовалась Эльза.

— На платной стоянке у «Золотой крыши».

— Моя недалеко от БМВ итальянца, — торопливо говорила она. — Ты своим ходом направляйся к лыжному центру... Вот гостевая карта. Тут обозначены все маршруты, ведущие к моему отелю. Встретимся там в фойе.

Не успел я все переварить, как она исчезла. Мне ничего не оставалось, как направиться к паркингу и стартовать к горнолыжному курорту, что на леднике Штубай.

Шоссе, ведущее туда, сверкало вереницей дорогих автомобилей, спешащих к горным трассам. И это неудивительно. Там располагался самый благоустроенный в Европе лыжный центр, куда стремились миллионеры со своими семьями на уик-энд. Три тысячи триста метров над уровнем моря манили адреналином любителей острых ощущений.

Я ехал неторопливо, вдыхая божественный экстракт альпийской флоры. Словно пули, пронеслись мимо крутые «мерсы», «ауди» и другие изыски современного автостроения.

Когда я подъехал к стоянке отеля, у ворот вырос темнокожий охранник в элегантной форме. Увидев гостевую карту, негр заулыбался и поспешно открыл ворота. Машины Эльзы нигде не было видно. И это меня обеспокоило.

Я прошел в бар. Симпатичная австриячка с белозубой улыбкой уверенно протянула меню на русском языке, как будто на моем лбу увидела печать с эмблемой «СССР». Я заказал кофе. Потягивая горячий напиток из хрупкой фарфоровой чашки, с удивлением размышлял о прозорливости барменши. Вот так, наблюдая за кем-то и думая, что тебя никто не знает, вдруг сталкиваешься с обычной австриячкой, которая безошибочно определяет твое происхождение. Конечно же, официанты и бармены — хорошие физиономисты. Но если натолкнешься еще на одного подобного знатока, то игра с итальянцем может оказаться последней в твоей жизни.

Мои мрачные размышления прервал итальянец. Он вошел в фойе и направился к рецепшену.

— Добрый вечер, герр Клайн! — лебезила администратор.
— У меня к вам просьба, — проговорил итальянец, — подыщите, пожалуйста, комнату для моего друга.

— Сию минуту, герр Клайн. — Блистая улыбкой, она протянула анкету. — Могу предложить комнату рядом с вашей. Номер двадцать два устроит?

— Вполне, — роняет итальянец.

Я вздрогнул — двадцать четвертый номер занимала Эльза.

В итальянце проскальзывало что-то колючее — то ли в крутом изломе бровей, то ли в удлинённом носе, вытянутом, словно птичий клюв, то ли в остром взгляде крупных черных глаз. От него несло холодком и силой, которая может смести все на своем пути.

Россиянин удобно расположился в кожаном кресле и неторопливо заполнял анкету. Невысокого роста, широкоплечий, с симпатичным лицом, на котором выделялся нос с чуть заметной горбинкой. В золоченой оправе очков он походил на профессора.

— Я покажу вам номер. — Администратор грациозно поднялась и подошла к гостям. — Прошу следовать за мной, герр Клайн.

Они направились к лестнице, ведущей в апартаменты.

Я с тревогой ожидал Эльзу, погружаясь в область самых смутных догадок. Непонятным образом наши комнаты располагались рядом. Знал ли об этом итальянец?.. И куда же пропала Эльза?! А если ее разоблачили и... Нет, я тут же отогнал крамольную мысль. С ней, конечно же, все в порядке.

— Простите, — как тень появилась барменша. — Вы что-то хотели?

— Спасибо, — рассеянно отозвался я.

Она, пожалуй, готова была сказать еще что-то, но тут появилась Эльза с разноцветными пакетами в руках. Увидев меня, бросила в кресло ношу, подбежала ко мне и обняла.

— Наконец-то ты приехал! — нарочито громко говорила она по-чешски, поглаживая мою руку. — Надолго?

Сценка встречи с любимым человеком получилась очень убедительной.

— На один день, дорогая, — подыгрывал я.

— Всего лишь на день? — капризно переспросила она. — Вот так всегда!

— Работа, дорогая, работа.

Так мы ворковали, поднимаясь в номер.

— Новости есть? — едва захлопнулась дверь, нетерпеливо спросил я.

— Никаких, — прошептала Эльза. — Я убедилась в том, что они едут в нужном направлении, завернула в маркет запастись едой. Ужин здесь стоит сумасшедшие деньги, и мы поедем в номере. А пока — прогуляемся и полюбуемся вечерними Альпами.

Она вскинула глаза на потолок и показала на ухо.

Я все понял, кивнул в ответ, а про себя подумал, что слишком увязли мы в детективной истории и придумываем опасности, которых, возможно, не существует.

— Да, дорогая, — весело проговорил я, — полюбуемся заходящим солнцем, и чудотворный воздух нам не помешает.

Мы вышли на улицу. Пики гор утопали в охре, а снежная грудь ледника будто обагрилась кровью.

— Они странным образом расположились рядом, — заговорила Эльза, как бы отвечая на собственные смутные вопросы. — Подобное соседство таит неудобства. Вольно или невольно мы привлекаем к себе внимание. На нас начинают смотреть недоверчиво, за нами устанавливают наблюдение, наводят справки...

— Не кажется ли тебе, — я попытался ее успокоить, — что надо меньше смотреть остросюжетные детективные фильмы. Итальянец, скорее всего, вообще не знает о нашем соседстве.

Она пропустила мое замечание мимо ушей и продолжила развивать свою мысль:

— Несмотря на эти неудобства, близкое соседство дает нам кое-какие преимущества. Например, имей я нужную аппаратуру, смогла бы запросто следить за происходящим в соседнем номере.

— Хранить такую аппаратуру в номере было бы непростительной глупостью, — возразил я. — Надо быть слишком большим оптимистом, чтобы полагать, что номер не будут посещать и тщательно осматривать в твоё отсутствие.

Как мне казалось, коллега упрямо стгущала краски, не обращая внимания на мои реплики. Ее будто кто-то зомбировал. Я спешно провожу военный совет сам с собой — занятие довольно обычное и весьма полезное для меня, хотя иной психиатр определенно усмотрел бы в этом симптом шизофрении.

Ясно, что наша авантюра имеет непредсказуемые последствия. Незнание о том, что представляют собой эти двое, усиливала тревогу. И ощущение беспокойства не покидало меня — беспокойства не за себя, а за нее.

В этот час августовских сумерек вокруг ни души. Темные нити подъемника расчерчивали багрово-графитовое небо. Я пытался найти окно нашего номера и вдруг замедлил шаг — на освещен-

ной лоджии увидел два знакомых силуэта. Мужчины сидели за столиком, и в их пальцах искрились рюмки.

— Вон они, пируют, — коснулся я плеча Эльзы.

— Есть возможность, — глаза ее блеснули, — послушать, о чем они говорят. Пошли.

Мягкий ковер заглушал наши шаги в коридоре, и Эльза бесшумно справилась с замком. К счастью, окно наше было приоткрыто.

— Если американцы и русские, — раздался голос торговца оружием, — договорились между собой, то где гарантия, что я получу товар?

— Я гарантирую, — сухо ответил россиянин. — Мои люди держат сделку на контроле.

— И где же вы перехватите груз?

— Он пойдет морем. Там и перехватим. Вы примете груз в стране, о которой я сообщу позже... Аванс перечислите на этот счет в коммерческом банке Лихтенштейна...

Я посмотрел на Эльзу. Дуги ее бровей приподнялись, а цвет глаз за стеклами очков поменялся с голубого на темно-синий. Пухленькие губы приоткрылись, а указательный палец застыл в воздухе.

В тишину на балконе вплелся легкий шелест бумаги. Затем послышались шаги и хлопок двери. Голоса исчезли, будто их вспугнуло наше присутствие.

Теперь и я насторожился.

— Тут пахнет грандиозной аферой, — склонившись к моему уху, прошептала Эльза. — Не случайно меня прислали сюда.

Я сглотнул ком в горле и в знак согласия махнул головой.

— Ох, умираю с голода! — выкрикнула Эльза. — Где наши пакеты!

Она стала раскладывать на низком столике еду, самую прозаичную и существенную для командировочных: колбасу, ветчину, сыр, нарезанный хлеб и фрукты.

Когда еды заметно поубавилось, я пытаюсь заговорить, но моя коллега прикладывает палец к губам.

— Топай первым в ванную комнату, — и, заметив мое недоумение, добавляет. — Дорогой, я устала и хочу нырнуть в твои объятия.

Кровать оказалась широкой, и мы провели ночь, абсолютно не мешая друг другу.

Я проснулся первым, вышел на балкон, любуясь фантастическими альпийскими пейзажами. Они завораживали. Закинув назад головы с полуметровыми рогами, по скользкому изгибу несло семейство горных баранов. На снежном фоне рыжим пятном маячила лиса.

— Готовься к завтраку, — услышал я голос Эльзы. — Клиентам отеля разрешено кормить своих гостей.

Нас ожидало несметное количество блюд. Постоялец с самым изысканным вкусом здесь находил любимую еду. А если нет — то его заказ быстро исполнялся.

После обильного завтрака мы поднялись в номер. Я вышел на балкон и увидел итальянца с партнером. Они стояли на склоне горы в эффектной лыжной форме и слушали наставление инструктора. Я подозвал Эльзу и, кивнув на соседей, предложил:

— Было бы логично покататься рядом с ними.

— Ты представляешь, в какую цену обойдется наш старт? Тут надо выходить в полном снаряжении, — пояснила она и склонилась над прејскурантом. — Прокат одной куртки — четыре тысячи шиллингов. Плюс жилетка, штаны, перчатки и лыжный комбинезон за десять тысяч! Лыжи, крепления — еще шесть тысяч. И страховка обойдется в ощутимую сумму. Сложи затраты и умножь на две персоны — получишь цифру, которая остудит твой слаломный порыв. Таковы цены на леднике Штубай.

— А я мечтал хоть один день прожить, как настоящий миллионер, — кисло улыбнулся я.

— У тебя все впереди. Мой кошелек на подобные эксперименты не тянет. — Она посмотрела на меня с легкой усмешкой и добавила: — Я спущусь к администратору и попытаюсь выудить фамилию россиянина.

Мне ничего не оставалось, как наблюдать со стороны за снежным пиршеством богатых мира сего. Итальянец выглядел слабым слаломистом. Каждое его движение подстраховывал инструктор. Гость обходился без помощника и довольно прилично управлял лыжами.

Эльза вернулась в мрачном настроении.

— Никаких справок не дают, — выдохнула она.

В середине дня соседи с вещами направились к машине. Для нас это стало полной неожиданностью, ибо номер россиянина, как я успел заметить, был оплачен за двое суток.

Мы мгновенно собрались и заторопились к паркингу.

— Я еду первой, — инструктировала по дороге Эльза, — ты следуешь за ними. Главное, сфотографировать этих типов.

— Как раз удобный кадр, — стараясь сохранить спокойствие, посоветовал я. — Они что-то обсуждают, разложив на капоте машины карту.

— Отлично, — выпалила Эльза и, выхватив аппарат, побежала к своей машине.

Далее все закрутилось по законам детективного жанра. Эльза выехала первой. Итальянец медленно направлялся к главной

трассе, а я следовал за ним на приличном расстоянии. Так проходила эта гонка по опасному серпантину: с одной стороны над трассой нависла скала, с другой — обрыв с глубоким ущельем. Особенно не нажимая на газ, я ехал по шоссе, поглядывая на размытый силуэт БМВ.

Минут через сорок неспешной езды, за поворотом, я различил что-то похожее на затор. Наверное, случилась авария. Машины искрились на солнце, а люди, снующие взад-вперед, смахивали на тараканов.

Я приблизился к колонне машин, притормозил, вышел из кабины и направился к месту катастрофы. И тут у меня екнуло сердце — впереди различил машину Эльзы. «Мерседес» — с обезображенным задом — стоял, уткнувшись в бордюр. До моего сознания доносились фразы очевидцев:

— «Бусик», обгоняя, хотел прижать «Мерседес» к бровке...

— Но водитель «Мерседеса», похоже, не принял правило игры...

— Вы правы — виноват «бусик». Вместо того чтобы посторониться, он с ходу врезался в «мерс»...

— Кто видел водителя «бусика»? — спрашивал полицейский.

— Видимо, скрылся, — предположила полная женщина в узкой юбке. И невозмутимо добавила: — А что ему остается делать?

— Так нахально протаранил! — возмущался панк лет семнадцати, поправляя прическу, напоминавшую хребет акулы.

— Уверяю, — чавкал губами старец, — на наших глазах случилось преднамеренное убийство. Да-да, господин полицейский. Запишите меня в свидетели...

Место происшествия огородили красно-белой лентой. Полицейские пытались направить поток скопивших машин в объезд. Трасса ожила.

Я побежал к машине «скорой помощи»... Санитары уносили кого-то на носилках. Я расталкивал людей, лишь бы успеть взглянуть на пострадавшего... В глазах потемнело, санитары стали меняться местами, машины и водители превратились в темно-красные круги — на носилках лежала Эльза с залитым кровью лицом.

— Куда вы ее везете? — успел выкрикнуть я.

— В Инсбрук, — донесся до моих ушей голос водителя.

«Скорая» сорвалась с места. Я поспешил к своей машине, чтобы следовать за ней, но не успел.

Все происходило, как во сне. Автомобильный поток рассасывался медленно. Отрешенно, вцепившись в руль, я автоматически включал коробку передач, тормозил, опять включал и

опять тормозил. Когда впереди мелькнул знакомый номер, я, словно проснулся, нажал на тормоз, схватил монтировку и дернулся к машине итальянца. В открытом боковом окне БМВ увидел, как оба мирно беседовали. Их лица были спокойными. Я замер, тряхнул головой, как бы отгоняя необдуманный порыв, и заковылял обратно к своей машине. В голове роились вопросы. Жива ли Эльза? Рассказать ли полиции о торговцах оружием — наверняка они устроили катастрофу? А если это роковой случай? Вдруг она сама виновата в происшедшем?..

Настойчивые гудки заставили меня машинально включить скорость. «Надо успокоиться и катить в Инсбрук, — решил я. — Там найду госпиталь, куда отвезли Эльзу, а уже потом что-то предприму».

Я мчался по извилистой трассе, а мысли то и дело устремлялись к девичьей фигуре, распостертой на носилках, с залитым кровью лицом.

Когда показалась окраина города, притормозил у первой телефонной кабинки и начал лихорадочно листать справочник. Набирал номера разных больниц и называл фамилию Эльзы.

— Да, — наконец услышал в ответ. — Госпожу Вольф недавно доставили к нам.

— Как она? — кричу я, тщательно подбирая немецкие слова. — Жива ли!?

— Минуточку... Я вас переключу..

«Минуточка» длилась очень долго, я уже начал сомневаться, стоит ли держать трубку. Наконец раздался голос дежурного отделения, где находилась коллега.

— Можете не волноваться, ее жизнь вне опасности.

— А нельзя ли более конкретно? — хриплю я в трубку.

— С ней все в порядке. Сотрясение мозга и пара царапин на голове. Помогли воздушная подушка и страховочный ремень. Нет повода для беспокойства.

— Могут ли ее навестить?

— Пока нет.

Сообщение дежурного врача — как бальзам на душу. Облегченно вздохнув и тронув машину, стараюсь внимательно следить за дорогой. В Инсбруке загнал автомобиль на стоянку и расспросил охранника, как попасть в городскую больницу. Оказывается, она недалеко от паркинга.

Мучительные вопросы неотвязно преследовали меня и по дороге в клинику. Может, те, кто держал ее под наблюдением, решили по собственному усмотрению убрать излишне любопытную незнакомку? И как только она попала им на глаза, они тотчас пошли на таран, что совсем нетрудно на оживлен-

ной трассе. Эта версия мне представлялась крайне неприятной и, к счастью, маловероятной. Во всяком случае, инцидент на шоссе не в ее пользу. Окажись там опытные люди, исполненные решимости убрать ее — Эльзы уже не было бы в живых. Несколько выстрелов или удар гаечным ключом по темени, и дело с концом.

Мизансцена происшедшего подсказывала иную ситуацию — обычную автокатастрофу по вине водителя. Разумеется, я не мог знать, что именно произошло, поэтому строил лишь догадки.

Меня, конечно же, к ней не пустили. Я обошел больничный двор, обнесенный железным забором. На улице пусто, и я, перемахнув через ограду, оказался в больничном парке с множеством скамеек. С видом посетителя вошел в коридор и стал изучать список. Нашел фамилию коллеги и направился в седьмую палату. К счастью, уже начались приемные часы. Так что я легко смешался с посетителями.

Эльза выглядела ужасно — бинты скрыли почти все лицо, улавливались только нос и глаза, подмигивающие мне.

— Как ты? — шепчу я.

— Пока жива, — ответила она.

— Тебе повезло.

— Я вообще везучая. Слегка болит голова, есть пара незначительных порезов... Ничего страшного. Как моя машина?

— Ремонту подлежит, — успокоил я.

— И то хорошо. Она застрахована.

— Тебя хотели убрать? — в лоб спрашиваю я.

— Не думаю, — шепчет она. — Если честно, то я сама виновата в аварии.

— Я был уверен, что это дело рук итальянца.

— Всякое может быть, — вздохнула Эльза

Появилась медсестра и строго попросила меня не тревожить пациента. Я извинился и покинул палату.

Факт и комментарий

Хеннинг Витте, известный шведский юрист. Мы встретились у здания Арбитражного суда при Стокгольмской торговой палате и зашли в небольшое уютное кафе. Здесь и состоялась наша беседа.

— Вам не кажется странным, что паром держался на поверхности всего лишь сорок минут? — задал я вопрос, вспомнив мою беседу с корабельным конструктором.

— Я долгое время исследовал этот момент и пришел к выводу, что заключение парламентской комиссии ошибочно. Визир тут

ни при чем. Если бы вода заполнила автомобильную палубу, то судно быстро бы перевернулось, но при этом еще долго оставалось на поверхности. Об этом твердят многие специалисты, с кем мне пришлось консультироваться. Например, вспоротый айсбергом «Титаник» продержался на плаву более трех часов, а не минут, как «Эстония».

— Вы представляете интересы родных и близких жертв катастрофы и опрашивали многих спасенных пассажиров?

— Я-то опрашивал, — усмехнулся он, — а члены комиссии никакого интереса к ним не проявили. Меня как юриста этот момент просто шокирует. Почему вроде бы компетентная комиссия проявила такое невнимание к заявлению пострадавших?! Почему свидетельские показания не приобщили к делу? И, наконец, почему премьер-министр Швеции на первой же пресс-конференции торопливо заявил, что паром утонул по техническим причинам. Создается впечатление, что он обязан был это сказать под чью-то диктовку..

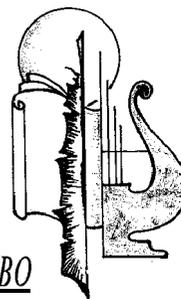
Продолжение следует

Владимир ЮДИН,
профессор Тверского университета

ПЕТР КРАСНОВ — ГЕНЕРАЛ И ПИСАТЕЛЬ

Современная эпоха принесла кардинальный пересмотр событий и личностей, оставивших значительный след в истории. Что знали мы, к примеру, о Петре Николаевиче Краснове (1869—1947) по советским источникам? Только одну сторону его деятельности — военно-политическую, причем, конечно же, изрядно измазанную дегтем, тенденциозно и грубо спрямленную. «Краснов П.Н., один из главных организаторов контрреволюции в Гражданскую войну. В октябре 1917 года вместе с А.Ф. Керенским возглавил антисоветский мятеж. В 1918 атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. В 1919 эмигрировал в Германию. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами. По приговору советского суда казнен» (Советский энциклопедический словарь. М., 1982, с. 653). Больше — ни строчки. В других словарях и справочниках — аналогичная картина.

Между тем судьба П.Н. Краснова в высшей степени трагична и олицетворяет судьбу русской военной интеллигенции в переломное революционное лихолетье. Это была личность, оставившая яркий след в истории и литературе: полководец и талантливый писатель, преисполненный чувством высокого патриотизма и неизбывной любви к России.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

П.Н. Краснов родился 10 (22) сентября 1869 года в Санкт-Петербурге. Его отец, казак станицы Каргиновской служил в Главном управлении казачьих войск, имел чин генерал-лейтенанта. И после окончания Александровского кадетского корпуса сын тоже навсегда связал свою жизнь с военной казачьей службой.

В двенадцатилетнем возрасте он начал писать рассказы, касающиеся в основном славных страниц русской истории. Публиковались они в журнале «Юность», который издавал в нескольких экземплярах сам же начинающий автор, выполняя при этом всю черновую работу — набор и печатание. С 1891 года очерки и рассказы П. Краснова постоянно публикуют «Русский инвалид», «Петербургский листок», «Биржевые ведомости», «Петербургская газета», «Отдых», «Нива», «Военный сборник»... Тема казачества стала доминирующей в творчестве молодого писателя. Она является центральной и в его первых книгах: «На озере» (1893 г.), «Донцы» (1896 г.), «Донские казаки полки сто лет назад» (1896 г.), «Ваграм» (1897 г.), «Атаманская памятка» (1898 г.), «Казаки в Абиссинии» (дневник, 1898 г.), «Суворов» (1900 г.), «Борьба с Китаем» (1901 г.), «По Азии: очерки Манчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии» (1903 г.), «Любовь абиссинки» (1903 г.).

В 1896 г. в свет выходят сразу три произведения П. Краснова: исторический роман «Атаман Платов», сборник рассказов «Донцы. Рассказы из казачьей жизни» и исторический очерк «Казаки в начале XIX века». Особенно впечатляют его занимательные и увлекательные «Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского. Книга для чтения в семье, школе и войсковых частях» (Спб., 1909 г.), «Донцы и Платов в 1812 году» (Спб., 1912 г.), «Российское победоносное воинство. Краткая история русского войска от времен богатырей до Полтавской победы. Для чтения в семье, школе и войсковых частях» (Спб., 1910 г.). Все эти произведения созданы наблюдательным высокопатриотичным автором, отличаются прекрасным языком, знанием и ярким художественным воссозданием жизни и быта казачества, утверждают верность присяге, честь и достоинство русского воинства.

Уже в ранних произведениях П. Краснова определилась его творческое кредо — офицер и литератор идут в них рука об руку, а также стилевая манера: неременная опора на действительные факты и документальные источники, исследовательский характер исторической прозы. У автора всегда с собой блокнот, в который он заносит свои наблюдения и размышления о войне и мире. Все чаще обращаясь к творчеству этого самобытного автора отечественная критика отмечает: «Главными

чертами писательского стиля П. Краснова следует считать прежде всего достоверность и объективность, отсутствие какой бы то ни было предвзятости. Эти качества прозы Краснова выгодно отличали его от множества поверхностных, прямолинейно-агитационных и назойливо пропагандистских вещей пролеткультовских авторов, выходявших в 20-е годы. Именно этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что его очерки Гражданской войны «На внутреннем фронте. Очерки боевых действий» выдержали впоследствии два советских издания — в 1926 и переиздание в 1928 году. Его мемуары о гражданской войне (Деникин—Краснов—Врангель. Мемуары. М.—Л., Госиздат, 1928. Они же: Гражданская война глазами белогвардейцев. Т.5. М.—Л., Госиздат, 1928) были также одним из немногих оппозиционных режиму произведений. Секрет здесь, пожалуй, один — Краснов всегда предельно точен, обстоятелен, достоверен и объективен, он всюду демонстрирует огромное знание военной жизни и поднимает большие пласты жизненного материала» (Очирова Т. Писатель и воин // Байкал. 1994. № 2. С. 26).

В годы Русско-японской войны за участие в боевых действиях П. Краснов был удостоен ордена Св. Анны 4-й степени и ордена Св. Владимира с мечами и бантом. В трудные для России времена Первой мировой войны он командует 10-м Донским казачьим полком. За храбрость и отличие в боях ему присваивается звание генерал-майора, он награждается Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени.

В лазарете, после тяжелого ранения, он приступает к написанию сборника новелл «Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии», ныне переведенного на семнадцать иностранных языков, потрясающего обнаженной правдой, неожиданным для военного человека лиризмом, тончайшим проникновением в мир человеческих страстей.

«Обход кончался, стемнело. Кто-то подошел ко мне попросить начальство разрешить спеть. «Хотим спеть Вам все, что чувствуем. Себя утешить и вас на прощанье»... Где-то задали тон — его передали по коридорам, палатам, лестницам... все замерло. И вдруг где-то далеко, пронизывая и побеждая собою все, один чистый голос канонарха зазвенел «С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтесь». И еле-еле слышно, все расширяясь, дивный хор запел «Яко с нами Бог». Из другой палаты прозвучал малиновый голос канонарха: «Услышите до последних земли». А хор, как евангельские крылья, все выше и выше поднимал эти слова Великого Повечерия... Спустилось на землю благословенное молчание, никто уже не мог говорить. Все безмолвно толпились у входа, как вдруг все это море людей упало на колени и запело: «Боже Царя храни». Рыдание перебивало

пение. В плену запрещено было петь гимн под страхом строгого наказания. Но эта любовь и верность смели все законы войны. Австрийское начальство сняло головной убор: вытянулись и стояли смиренно... Склонились невидимые знамена перед великим призванием России».

Небольшой отрывок из новеллы «Тихие подвижники» (из цикла «Венок на могилу неизвестного солдата») позволяет убедиться, что строки П. Краснова проникнуты необычайной любовью к русскому солдату, родной земле, решимостью бороться с ее врагами до победного конца. Патриотизм — вот движущая сила и отличительная черта его неповторимого творчества.

«Гимн и молитва были тем, что наиболее напоминало Родину, что связывало духовно этих несчастных, томящихся на чужбине людей со всем, что было бесконечно им дорого. Дороже жизни...

Вместо Российской империи — большевицкий застенок, с хамом, сумасшедшими и жидами у кормила в Святом Кремле. Там повсюду развеваются красное кровавое знамя. Поруганы семья и церковь. Самое слово — Россия — не существует, и все-таки «мы в изгнании суще» тоскуем по ней и жаждем вернуться...

Широкое чувство любви и уважения к России было общим для всей массы русских солдат-военнопленных, без различия национальностей. Россия была действительно, а не на словах, — великая, единая и неделимая. Вся масса русских солдат составляла единую Императорскую Русскую Армию.

Австро-Германское командование, озабоченное раздроблением России и порождением розни между народами, составляющими Русскую империю, тщательно выделяло в особые лагеря поляков, украинцев и мусульман.

Когда русская медсестра подъезжала к одному из таких лагерей, сопровождавший ее австрийский офицер спросил, говорит ли она по-польски?

— Я не знаю польских солдат. Я знаю только одну русскую армию, и в ней всякий солдат — русский солдат. Я буду здороваться по-русски.

Но вопрос этот смутил сестру. «Неужели, — думала она, — немцы успели так распропагандировать солдат, что они забыли Россию...»

...Улагеря, в строгом войсковом порядке, были выстроены солдаты. Они были чисто одеты. Все сохраняли свои полковые знамена, боевые кресты и медали... Дойдя до середины строя, сестра остановилась и сказала:

— Я очень рада навестить и низко кланяюсь вам, так много пострадавшим. Вся наша земля занята противником. Много горя выпало на долю ваших семей. Но Бог не без милости. Я верю, что скоро будет день и час, когда враг будет изгнан из родной вашей земли.

Сестра не успела договорить, как brave унтер-офицер громко крикнул:

— Государю Императору — ура!

По польскому лагерю загремело русское «ура» и сестра поняла, что опасения ее были неосновательны, что польских солдат не было, что перед нею были императорские русские солдаты...

Император Вильгельм собрал всех пленных-мусульман в отдельный мусульманский лагерь, и, заискивая перед ними, построил им прекрасную каменную мечеть.

Я не помню, кто именно был приглашен в этот лагерь, кому хотели продемонстрировать нелюбовь мусульман к русскому «игу» и их недовольство в германском плену. Но дело кончилось для германцев плачевно. По окончании осмотра образцово содержанного лагеря и мечети, на плацу было собрано несколько тысяч русских солдат-мусульман.

— А теперь вы споете нам свою молитву, — сказала осматривающее лицо.

Вышли вперед муллы, пошептались с солдатами. Встрепенулись солдатские массы, подравнялись и тысячеголосый хор, под немецким небом, у стен только что отстроенной мечети дружно грянул:

— «Боже, Царя храни...»

Показывавший лагерь в отчаянии замахал на них руками. Солдаты по-своему поняли его знак. Толпа опустилась на колени и трижды пропела русский гимн! Иной молитвы за Родину не было в сердцах этих чудных русских солдат...

...Звуки народного гимна нарастали и сливались с рыданиями все чаще прорывавшимися сквозь пение. Кончили и запели второй и третий раз запрещенный гимн.

Австрийский генерал, сопровождающий сестру, снял с головы высокую шапку и стоял навывтяжку. Его глаза были полны слез...»

Начиная с Первой мировой войны, включая войну Гражданскую и период эмиграции, атаман Краснов создает следующие романы и повести: «От Двуглавого Орла к красному знамени», «Амазонка пустыни», «За чертополохом», «Все проходит», «Опавшие листья», «Понять — простить», «Единая и неделимая», «Ларго», «Выпаши», «Подвиг», «Домой», «Белая свитка», «Царевна», «Екатерина Великая», «С нами Бог», «Цареубийцы», «Ненависть» и др. В рукописях остались его романы «Погибельный Кавказ», «В житейском море» (изданный после смерти), «Между жизнью и искусством».

В эмиграции все больше занимает П. Краснова отечественная история, в ней он видит истоки многих драм и трагедий, обрушившихся на родную землю. «Жизнь, полная приключе-

ний, — говорил он, — идет не только в таинственно-прекрасных пампасах и льяносах Америки, на страницах романов Майн Рида, Гюстава Эмара и Джеймса Фенимора Купера». Прошлое и настоящее писатель связывает в единую, нескончаемую нить времени. По отношению к истории Краснов был ретроспективным, как мы бы сказали, оптимистом. Он писал: «Глядя в прошлое, не могу не верить, что будущее России окажется прекрасным. Пройдут тяжелые годы лихолетья, как проходили и раньше, Россия воскреснет и станет еще краше, нежели была, потому что Русский народ полон героев». И далее: «Нам все тычут пьянством, развратом, грязью нашего народа, вбивают в голову, что мы никчемные люди, дикари, навоз для более культурных народов, выродки, которым одно осталось — умереть. За мной много лет жизни с этим народом, претворенным в солдаты, казака... Горжусь, что я русский».

«Все произведения Краснова поражают знанием казачьего быта, гармоничным сочетанием батальных сцен с философскими отступлениями, несущими в себе величие русского духа, его красоту и православность, — отмечает современный критик. — Автор сочувствует рядовому казаку и, рассказывая о его нелегком поприще, передает мужество и героизм, стремление казачьей души к самопожертвованию ради спасения родного Отечества» (Русанов А. О чем писал царский генерал? // Россия молодая. 1992. № 6. С.65). «К мужику в солдатской форме испытывал он особую симпатию», — отмечает другой критик (Новиков К. «Всяк кузнец...» // Лит. Россия. 1993. № 33. С.12).

Как у всей России, судьбоносный перелом в жизни П. Краснова наступил в октябре 1917 года. Трудно что-либо возразить критику К. Новикову: «Большевиком-ленинцем Петр Краснов не считал в обиходном смысле врагами. Не враги они были для него, но представители иррационального начала, бесы, нечисть — не иначе. Ни о каких сколько угодно малых, ограниченных, ничтожных поблажках или компромиссах с ними не могло быть и речи. С врагом еще можно найти компромисс, тогда как с ними — нет. Из такого рода умозаключений П.Н. Краснов создал и отобразил в своих последующих книгах целую мировоззренческую систему. Для него немаловажную роль сыграл факт нахождения среди советских руководителей того времени большого числа нерусских, в первую очередь лиц еврейской национальности. К евреям Краснов относился, признаемся, без особого пиетета — видя в них одно лишь деструктивное начало: многовековое противоборство христиан и иудеев рассматривал как перенесение на бытовой уровень фундаментального противостояния Божественного и сатанинского начал. Отсюда и его концептуальный тезис о «бесовском начале» новой власти, отсюда же — его борь-

ба с ней. Фактически, начиная с 1917 года, все усилия Краснова направлены на борьбу с большевизмом. Этим же задачам подчиняет он и свой литературный талант. Позднее он скажет: «Писал романы, испытывая жажду борьбы с советской властью».

Подлинной эпопеей революции и Гражданской войны в России критики называют роман П. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени» (Берлин, «Медный всадник», 1922: в 4-х кн.), выдержавший за рубежом несколько изданий. По свидетельству П.Б. Струве, книги П. Краснова — и в особенности роман-эпопея «От Двуглавого Орла к красному знамени» — был для эмигрантов главным источником чтения, их зачитывали буквально «до дыр». Наиболее значительный и грандиозный по замыслу (около 100 авторских листов, т.е. почти две с половиной тысячи страниц), этот роман писался 27 лет. Примечательно: не успело это произведение обрести право на прочтение в нашей стране и стряхнуть с себя пыль спецхрана, как А. Стреляный в «Литературной газете» (№ 32, 1990 г.) окрестил его трилогией, разоблачающей мировой масонский заговор... Впрочем, кого нынче удивишь галопированным навешиванием ярлыков?... Между тем блистательный успех этого романа превзошел все ожидания: он переведен уже на семнадцать иностранных языков и только у себя на Родине с превеликим трудом пробивает путь к читателю...

Эта эпопея воплотила в себе масштабные исторические и нравственно-психологические конфликты, огромное число действующих лиц — как реальных, так и вымышленных. Не случайно западные критики сопоставляют это произведение с «Тихим Доном» М. Шолохова, определяя его как взгляд на русскую революцию «с белой стороны». Следует иметь в виду, что роман «От Двуглавого Орла к красному знамени» — один из целой серии его произведений о Русской Смуте: «Единая — неделимая», «Понять — простить», «С нами Бог», «Выпаши», «Ненависть», «Долой!», «Подвиг», «Опавшие листья», «Ларго». В них по горячим следам событий, основанных на документальных свидетельствах, воскрешается жуткая правда гражданской братоубийственной междоусобицы, в которую вовлечены были народы разных наций, вероисповеданий, но принадлежащих к единому Отечеству — России, обманутые фальшивыми лозунгами интернационального «всемирного братства».

«От Двуглавого Орла к красному знамени» нередко сравнивают с «Войной и миром» Л. Толстого — прежде всего по удачному художественному исполнению батальных картин. Скромнее оценивает это произведение Г. Струве, у которого читаем: «Но все остальное в романе — и особенно психология лиц — было крайне слабо».

Думается, нет нужды спорить с Г. Струве: ставить рядом с толстовским шедевром роман П. Краснова, может быть, и не стоит, но от этого его художественное значение нисколько не меркнет. Больше того, роман «От Двуглавого Орла к красному знамени» оказал определенное воздействие на советскую прозу о революции и Гражданской войне. Не лишено, пожалуй, в этой связи замечание Т. Очировой: «Следует заметить, отношения Краснова-писателя с советской литературой не лишены парадоксальности. Не признавая Краснова как личность и как общественного деятеля, яростно обличая то историческое дело, которому служил генерал Краснов, советская литература тем не менее охотно брала на вооружение его сюжеты, образные приемы, а подчас даже названия. Так «Картина былого Тихого Дона», и «Степь» стали «Тихим Доном» и «Лазоревой степью» у Шолохова, «Восьмидесятый» — «Сорок первым» у Лавренева. Композиционное построение «Тихого Дона» — роман в 4-х книгах — также перекликается в сюжетно-композиционном отношении и характере распределения исторического материала с четырехчастным делением романа «От Двуглавого Орла к красному знамени».

Особенно удачно, психологически ярко и убедительно выписал П. Краснов в романе батальные картины, воссозданные, бесспорно, под влиянием Л. Толстого. Так, в одной из глав описана смелая атака кавалерии на батарею немцев (идет Первая мировая война). Тяжело ранен командир дивизиона полковник Саблин, убиты в этом бою его сын, офицеры, двадцать три солдата... Все произошло молниеносно, с ужасающей невероятностью, как в жутком сне. *«Когда адъютант составил подробное донесение и, поместив в нем фамилии всех убитых и раненых офицеров, дал подписать его князю Репнину, князь задумался и долго держал карандаш в руке, оглядывая поле, где ездили телеги и санитарные повозки и ходили пехотные санитары, собирая раненых.»*

— Блестящее дело! — тихо сказал он, наконец подписывая донесение. — Блестящее дело! Сколько цвета русской молодежи погибло! Пусть знает Россия, пусть знает весь мир, что наш народ един, что офицер наш умеет умирать вместе с солдатом, впереди солдата. Час суровой расплаты перед народом настал, и мы полным рублем платим за наше привилегированное положение, за наши богатства, за наши земли, за сытую веселую жизнь в мирное время. Пусть видит Государь и вся Россия, что отцы отдали своих сыновей на алтарь Отечества, и сами легли рядом с ними. Бедный Саблин! Знает ли он о том, как ужасно погиб и изуродован его сын, этот прекрасный мальчик?! Какой ужасный рок его преследует. Месяц тому назад потерять жену, при таких трагических обстоятельствах... Теперь сына... Может быть, лучше и самому умереть! Что у него осталось?»

— *Слава!* — гордо и торжественно произнес граф Валерский, и в тихом воздухе это слово прозвучало необычайно ярко».

Построенный на богатейшей документально-исторической фактуре, роман «От Двуглавого Орла к красному знамени» обладает признаками художественности высокой пробы. Его серьезная фактологическая оснащенность «работает» на раскрытие концепции произведения, отнюдь не «мешая» художественности, напротив, углубляя ее: документализм является важнейшим структурообразующим центром жанровых характеристик этого произведения. Сюжет романа обусловлен исторической судьбой России на переломе ее глобальных драматических испытаний — с одной стороны, и личной судьбой автора, органически причастной к общей участи русского народа, — с другой. В историческом романе хроникально-биографического типа, каким является «От Двуглавого Орла к красному знамени», художественная емкость документальности увеличивается за счет подчинения концептуальному замыслу: писатель расширяет функции документов путем свободно контаминированных исторических обстоятельств.

П. Краснов стремится к максимальной правдивости изображения жизни, но вместе с тем решительно избегает натуралистических подробностей и смакования ужасов. Трагические стороны бытия у него действительно ужасны (вспомним страшные пытки, которым подвергся в подвалах ЧК генерал Саблин), но ужасны не натуралистическим правдоподобием — их попросту нет в произведении, как нет и стремления автора «запугать» читателя: ужасно то, что в мрачных условиях революционной катастрофы человек распался как Человек — создание Божье на святой земле... Это действительно не может не ужасать.

Однако трагические картины в романе не подавляют своей безысходностью, напротив, вселяют оптимизм, веру в светлый час России. Не случайно торжественно-патетический пафос освещает сцену гибели героя: гордо, не склонив головы, идет на свою Голгофу бесстрашный генерал-патриот Саблин. Проявив необычайное мужество, негибаемую стойкость, он как христоролюбивый православный человек бесконечно далек от желания мстить своим мучителям, ибо хорошо понимает, как низко пали они в своем грехе. *«Саблин решил молчать, что бы ни случилось. Христа замучили и распяли, но вера Христа и его учение о любви живы уже двадцать веков. Офицерство русское хранило заветы рыцарства и сдерживало солдат от насилий и зверства. Оно идет на Голгофу и крестную казнь, но идея рыцарства от этого станет еще выше и сильнее. И я должен гордиться, что я не только генерал свиты Его Величества, не изменивший своему государю, что я не только Георгиевский кавалер, но что мне Господь даст счастье*

мученической смерти!» Саблин в эти дни испытывал то светлое чувство, какое испытывали первые христианские мученики. Душа его просветлела, тело с его чувствами ушло куда-то далеко, и весь он горел ожиданием чего-то радостного и великого, что соединит его с Христом...»

В чем заключается непреходящая историческая правда романа «От Двуглавого Орла к красному знамени»? Они оказались правы — герои белой России, сложившие головы на Перекопе, в донских и кубанских степях, в Крыму, на Дальнем Востоке, вынужденные навеки остаться изгоями, горевать и тосковать на чужбине по Родине, правы в главном: именно они пытались предупредить приход на землю измученной, истерзанной Родины нового рабства — ига большевизма. Единственное, чего бы не хотелось, — так это нового затмения сознания миллионов людей в угоду политикам-русоненавистникам: якобы сначала все белые были «плохими», а теперь таковыми станут все «красные». Пришла пора понять: по разные стороны революционных баррикад нещадно уничтожали друг друга наши с вами деды и прадеды — одни обманутые, другие побежденные этими обманутыми.

Автор задается вопросом: что двигало белым воинством — от рядового до генерала, когда они шли на смерть? Желание защитить свои богатства? Свое общественное положение? Наверное, и это тоже. Но что бы делал каждый из нас, когда грабят ваш дом, убивают ваших близких, растаптывают православную веру, патриотические идеалы, глумятся над святынями?..

В 1918 году, произнося речь на Кубанской краевой Раде, главнокомандующий Добровольческой армией генерал А.И. Деникин подчеркивал: «Добровольческая армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предвещает ни форм будущего правления, ни даже путей, коими русский народ объявит свою волю». Единственный путь, который был изначально противопоказан России, по логике генерала, — путь большевистских экспериментов по созданию из России плацдарма для мировой революции. Генерал Краснов, как и Деникин, был убежден в пагубности подобного кровавого экспериментаторства — и отдал все силы борьбе с большевизмом.

Что сказать о сотрудничестве П. Краснова с гитлеровцами и трагической гибели генерала? Это черная страница его скорбной биографии. Борясь в эмиграции за автономию Дона, Краснов совершает роковой шаг: наивно поверив, что фашисты отдадут ему «независимый», «освобожденный» от коммунистов Дон, он попытался взаимодействовать с ними, но жестоко просчитался. «Хоть с чертом, но против большевиков», — так сформулировал свою позицию генерал.

В 1945 году вместе с тысячами русских, от которых, под прикрытием Ялтинской декларации, пытались освободиться лицемерные и продажные западные демократии, генерал П.Н. Краснов был выдан англичанам и, которые таким же образом передали частям НКВД десятки тысяч казаков и 35-тысячный обоз «Казачий стан». В момент сдачи англичанам ему шел уже 77-й год, как пишет в книге «Жертвы Ялты» Н. Толстой-Милославский, опасности Советскому Союзу он уже не представлял и перед лицом мировой общественности лидерам победившего СССР достойнее было бы проявить гуманизм, помиловать и генерала и тысячи других несчастных соотечественников. Не следует забывать, что П.Н. Краснов в годы Великой Отечественной войны дал казацкому движению свое престижное имя, посещал немецкие лагеря для русских военнопленных, писал воззвания в русской эмигрантской прессе, т.е. вовсе не воевал с русским народом на фронтах, напротив, демонстрировал гуманность. К армии Доманова Краснов присоединился примерно за месяц до ее сдачи в плен советским войскам. Увы, старика-генерала не пощадили... Ясно, что он был приговорен к смерти на самом деле за непримиримую борьбу с троцкистско-чекистским режимом в годы Гражданской войны, за постоянное «фанатичное» разоблачение связей первого поколения большевистских хозяев России с сионо-масонским интернационалом. Не случайно А. Солженицын не без горькой иронии пишет в романе «Архипелаг ГУЛАГ», что среди выданных генералов большинство были эмигранты, союзники этих самых англичан по Первой мировой войне. В Гражданскую войну англичане не успели их отблагодарить, возвращали долг теперь... Так же обманно, пишет А. Солженицын, англичане передавали и рядовых — поездами...

17 января 1947 года П.Н. Краснов был повешен в Москве во дворе тюрьмы Лефортово. Шёпотом из уст в уста передавалась жуткая весть: генерал умер в страшных муках, подвешенным за ребра на крюке.

Яркая личность П.Н. Краснова ждет своего правдивого биографа, а его замечательное творчество — объективного анализа. Много в истории революции и Гражданской войны требует кардинального пересмотра, в частности, и пресловутые «три похода Антанты» — одна из многих идеологических фальшивок.

Наступила другая эпоха, с высоты которой можно и нужно оценить объективно нашу историю и ее вершителей. Сейчас не время сводить счеты с почившими и крикливо обвинять их в «неправильном политическом повелении», «предательстве» и прочих явных и надуманных грехах. Главное, чего бы не хоте-

лось, — так это нового затмения сознания миллионов людей в угоду идеологии русоненавистничества и всякой ксенофобии: якобы сначала все «белые» были «плохими», а теперь таковыми станут все «красные». Пришла пора понять (а п о н я т ь — значит по-христиански простить!): по разные стороны революционных баррикад нещадно уничтожали друг друга на радость общим врагам России наши с вами деды-прадеды — одни обманутые, другие побежденные этими обманутыми.

Хочу подчеркнуть не в оправдание преступного поступка атамана Краснова, а во имя объективного суда Истории над ним: уже опубликованы архивные материалы, свидетельствующие, что Краснов избегал прямого контакта с гитлеровцами в разработке стратегических операций на фронте, берег жизни своих казаков, чем вызывал резкое недовольство фашистской верхушки. Вермахт всерьез опасался направлять войска под командованием генерала Краснова на передовые боевые позиции Восточного фронта во избежание неожиданных последствий...

Казалось бы, громовая и кровавая война «красных» с «белыми» это уже давняя история, поучительная для потомков. И полемика в печати о Петре Краснове — всего лишь слабое, едва слышное эхо некогда былой идеологической бури в нашем обществе, изрядно уставшем от внутреннего политического противоборства. Недаром говорят: история — это опрокинутая в прошлое современность. Колокол Истории звонит и звонит, не уставая...

ДНЕВНИК РУССКОГО

1987

5 апреля

Мы шли с Леоновым вдоль витрины Дома книги. Остановились у портрета Шолохова.

— Какие у вас были отношения с Шолоховым? — спросил я Леонова.

— Никаких, — ответил Л.М. — Встретились как-то в 3-й больнице: «Здравствуй! Как живешь?» Поговорили в таком духе и расстались.

— Два самых крупных современных русских писателя, а отношения — «никакие», — сказал я. — И у Толстого так же было с Достоевским. Не могли встретиться...

— Толстой должен был первым шаг сделать навстречу, — как давно решенное, сказал Леонов. — Графу это было легче сделать.

— Пожалуй, — согласился я. — Мог бы, скажем, пригласить в Хамовники или отдохнуть в Ясную Поляну. Так и не встретились...

18 апреля

— Знаете, чем кончится гласность? — спросил я у Леонова и сам же ответил ему: — У Кремлевской стены мало останется захоронений.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2005 г.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

— Некоторых давно уже пора выкапывать, — сказал Леонов. Потом заговорили о современности.

— Горбачев много и долго выступает, — сказал Леонов. — У него очень мало остается времени, чтобы глубоко и всесторонне обдумывать главные проблемы, перспективы... Боюсь, что у китайцев получится лучше. Дэн Сяопин и его группа старейшин-советников, не тратя сил на повседневную суету, думаю, имеют значительно больше возможностей для того, чтобы обмозговать и завтрашний день — день грядущий.

— Ну, а что же тогда Горбачев не соберет российских мудрецов и не поговорит с ними по душам? — спросил я.

— А что, если эти мудрецы начнут говорить о том, что он намеренно обходит?

— Что именно?

— Без России ему никак не обойтись, — сказал Леонов. — Поэтому и внимание свое надо в эту сторону сосредоточивать.

Он не стал расшифровывать свою мысль. И так было все ясно. По телевидению говорили об А.В. Луначарском.

— Вы с Луначарским встречались? — спросил я Леонова.

— Встречался. Он меня пригласил однажды к себе в гости. Это было в 1925 году. Прихожу я к нему (он жил на улице Веснина), а меня встречает его жена Розенель в халатике. Парень я был ничего себе — молодой, стройный. Розенель без лишних слов проводит меня в свой будуар, а там мягкая мебель, пуфики разные. Она усадила меня, а сама ходит, то и дело шелковый халатик запахивает... Я сижу как на иголках. Еле дождался, когда Луначарский приехал. Он помог мне устроить отца на работу. Анатолий Васильевич человек был весьма образованный. Он мог начать свой доклад по-латыни, затем перейти на немецкий и английский, а закончить по-французски. Вместе с тем в своих приказах по Наркомпросу, один из которых я лично читал, Луначарский широко раскрывал двери для различных «новаторов», занимавшихся огульным охаиванием и подрывом основ русской национальной культуры. Вы случайно не знаете родословную Луначарского? — спросил Леонов.

Я рассказал, что согласно тем данным, с которыми познакомился в музее А.В. Луначарского в доме на ул. Веснина, мать Анатолия Васильевича — Ростовцева Александра Яковлевна, отец — Антонов Александр Иванович. В первом браке А.А. Ростовцева была за В. Луначарским. Когда она родила сына Анатолия, то развод ее не был оформлен, поэтому сына записали на фамилию Луначарского. Об этом есть свидетельство из метрической записи церкви, где крестили А.В. Луначарского.

— Крестили? — удивился Леонов. — А похож он был на еврея.

— В анкете, отвечая на вопрос о происхождении, Луначарский пишет: «Из дворян», но не указывает, что дворянство его не столбовое, то есть не наследственное, а личное (если оно еще было у родителей). Да и сама фамилия Луначарский придуманная, судя по всему — масонская, то есть человек под чарами луны. Так что, скорее, нарком был наследственным масоном, нежели дворянином. А вот что касается Розенель, то в музее не скрывают, что она еврейка... Луначарский удочерил ее дочь и дал ей свою фамилию и отчество. Сын Луначарского от первого брака с Малиновской Анной Александровной (дочь старого члена партии) погиб на фронте в 1943 году.

28 апреля

— Вы читали в «Известиях» о мальчике, который взглядом может воспламенить предмет? — спросил Л.М.

— Мне рассказывали...

— Ну, и как вы к этому относитесь?

— Думаю, что мы находимся на такой степени познания окружающего мира, с которой нам мало что видно. Тем более что на нас сугубые шоры.

— Мне рассказывали, как в одной семье — муж, жена, теща — холодильник ни с того ни с сего пустился в пляс. Теща в обнимку держит, а холодильник вырывается. Потом ковер соскочил с гвоздей и начал опускаться. Тогда теща догадалась и кричит ему: «Ну, хватит тебе баловать!» и перекрестила... Ковер упал.

— Я во все это верю, — сказал я.

— Это чистая мистика...

— Так вы верите или нет? — спросил я.

— Конечно, верю, — сказал Леонов. — Это дела дьявола. Об этом уже накопилось достаточно сведений, начиная от Сократа и кончая Пушкиным.

— В Лувре, — сказал я, — хранится так называемая Большая статуя беса из известняка, высотой один метр. Беса датируют 378—341 годами до н.э. По внешнему виду он похож на чертей-мучителей, которых рисуют в наших психиатрических лечебницах депрессированные «алкаши».

— У меня в санатории «Барвиха», — сказал Леонов, — была встреча с врачом-психиатром. Я его спросил: «Кого рисуют депрессированные негры на Юге Африки — чертей, пауков, крокодилов?» Но он не смог на это ответить. Должен сказать, — продолжал Леонов, — интеллектуальный уровень этого врача меня сильно удручил.

9 мая

Я спросил Л.М., собирается ли он опубликовать «Мироздание по Дымкову».

— Книга не готова, — сказал Леонов. — Я ее даже хотел сжечь. По этому поводу советовался с Вангой (болгарской прорицательницей). Она мне через людей ответила, что делать этого не надо.

— Упаси Бог! Ни в коем случае не надо!

— Надо или не надо, это еще вопрос.

— Уж не хотите ли вы сказать, что Гоголь правильно сделал, что сжег вторую часть «Мертвых душ»? — спросил я.

— Конечно, правильно! — ответил Леонов. — Жаль только, что кое-что осталось. Надо бы все сжечь. Достаточно того, что есть первая часть «Мертвых душ». Все, что осталось от второй части, не идет ни в какое сравнение с первой частью. С «Игроками», с «Ревизором» разве может сравниться вторая часть «Мертвых душ»? Ведь Гоголь был такой мастер!

Говорят, прежде чем сжечь рукопись, Гоголь разговаривал со своим духовником о. Матвеем. Потом его видели расprostертым на полу в притворе церкви Симеона Столпника, у которой мы с вами только что проходили. Можно себе представить, что было у Гоголя на душе...

Леонов говорил каким-то отрешенным голосом. При этом он смотрел не на меня, а куда-то в сторону, как бы вдаль. Можно себе представить, что творилось у самого Леонова на душе, — накрепко застопорившаяся последняя книга, смерть близких, разные предчувствия...

— Я знаю, что мне бы разрешили печатать «Мироздание» в том виде, как я написал, но я сам не хочу. За те годы, что я работал над романом и закончил его в первом варианте, прежде всего изменился я сам, и теперь эту книгу выпускать в прежнем виде я не могу.

Заговорили о творчестве наших современников.

— Без участия Церкви ничего у нас не получится. Меня удивляет, — сказал я, — что почти все наши писатели (вслед за Шолоховым) — «язычники». Пишут нередко очень даже талантливо, но без Бога. Они крепко стоят на родной земле, любят и знают ее, но...

— У них нет неба, — заключил Леонов.

Продолжение следует